

Отто Лацис

Выйти из квадрата

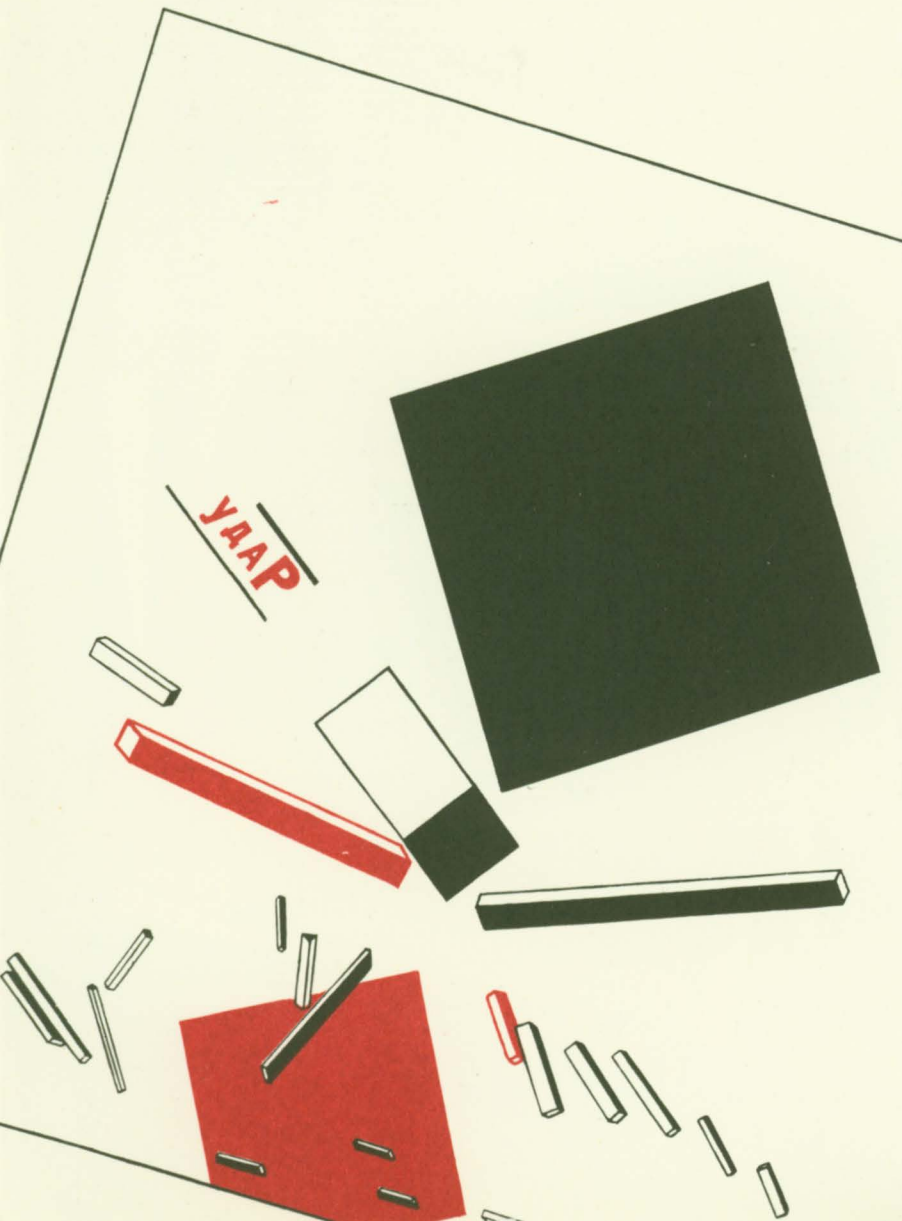

Отто Лацис

Выйти из квадрата

Политиздат

УДАР

Отто Лацис

Выйти
из
квадрата

Отто Лацис

ВЫЙТИ

ИЗ КВАДРАТА

Заметки экономиста

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 63.3(2)7

ЛЗ0

Лацис Отто Рудольфович

ЛЗ0 **Выйти из квадрата: Заметки экономиста.— М.:
Политиздат, 1989.— 416 с.
ISBN 5—250—00961—1**

В своей книге известный советский публицист и ученый размышляет об историческом пути, пройденном советской экономикой, закономерностях действия хозяйственного механизма, сложностях, встретившихся на пути его совершенствования.

Увлеченно, с жизненными зарисовками, обращаясь к историческому материалу, порой незаслуженно забытому, автор рассказывает о таких периодах и событиях в жизни нашей страны, как нэп, трудные военные годы, становление административной системы, оттепель 60-х годов с попыткой и неудачей экономической реформы. Его особое внимание приковано к перспективам и болевым точкам перестройки хозяйственного механизма, в отношении которой автор делится своими наблюдениями, высказывая при этом и спорные суждения.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся прошлым, настоящим и будущим нашей экономики, проблемами радикальной экономической реформы.

Л **0503020000—110**
079[02]—89 КБ—3—73—89

ББК 63.3(2)7 + 65.9(2)

На 2-й стр. обложки помещена композиция
по произведениям **Эля Лисицкого**

Заведующий редакцией **В. Т. Пискунов**
Редактор **И. В. Макшанцев**
Младший редактор **Н. Н. Барышникова**
Художник **А. М. Щедрин**
Художественный редактор **А. А. Пчелкин**
Технический редактор **Г. М. Новакова**

ИБ № 8015

Сдано в набор 09.12.88. Подписано в печать 03.03.89. А02921.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная рубленая».
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,47. Уч.-изд. л. 22,84.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 4334. Цена 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7,
с *ДБ 159, 64 см в 2*
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—00961—1

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

Вместо предисловия

В первой половине XX в. капитализм в Восточной Европе оказался неспособным к руководству обществом, еще не завершив выполнение своей исторической миссии. Он рухнул, не переварив до конца феодальную, а кое-где и патриархальную цивилизацию — материальную и духовную. Пришедший на смену общественный строй вынужден был включить в число первейших своих забот довершение работы, не выполненной капитализмом.

Передовые люди революционной России хорошо понимали это. О вероятности подобного пути революции, о его опасностях, о задачах революционной партии в подобных условиях предупреждали классики марксизма. Ф. Энгельс писал еще в 1853 г.: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы,— надо надеяться, только в физическом смысле,— наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу. В такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия и которая вгнута в передовую революцию вместе с такой передовой страной, как Франция,—

при первом же серьезном конфликте, как только будет угрожать действительная опасность, наступит черед для этой передовой партии действовать, а это было бы во всяком случае преждевременным. Однако все это не важно, и самое лучшее, что можно сделать,— это уже заранее подготовить в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет»¹.

Заметим, кстати, насколько позиция Энгельса 1853 г. выше позиции русских меньшевиков года 1917-го: даже перед лицом неизбежного (по представлениям XIX в.) поражения революционная партия не смеет уклоняться от исторической ответственности, от взятия власти. Однако Ленин, большевики смогли добиться большего. Поворот от «коммунистических опытов» и «скачков» времен «военного коммунизма» к новой экономической политике помог не только уберечься от того, чтобы «потерять головы». Был найден путь, который позволял передовой партии сочетать неизбежное выполнение общереволюционных, общедемократических задач с движением к собственным целям пролетариата, к социализму. Это был путь «смычки», союза рабочего класса с крестьянством. В. И. Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»². Социалистическая революция в России бралась сама выполнять часть той работы по развитию цивилизации, которую в западных странах выполнил капитализм. Речь шла при этом о развитии цивилизации и материальной, и духовной. Индустриализация и культурная революция стали главными звеньями этих общецивилизационных (т. е. не специфически социалистических) свершений революции в нашей стране. В многонациональном государстве к этому не могло не добавиться решение национального вопроса. А рядом со всем этим постоянно стояла еще одна насущнейшая забота: защита Отечества либо подготовка к обороне страны от возможного нападения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 490—491.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.

Социалистическая индустриализация, социалистическая культурная революция, социалистическое решение национального вопроса, говорим мы. И правильно говорим. Это справедливо не только потому, что в нашей стране, в отличие от Западной Европы, эту историческую работу выполнил не капитализм, а социализм. Это справедливо и потому, что под руководством рабочего класса эта работа выполнялась, естественно, не так, как под руководством буржуазии. Социализм делал эту работу по-своему, во многих отношениях делал ее лучше, а главное — должен был делать ее быстрее.

В историческом сознании нашего народа особенно глубоко отпечатались два события, в которых проявилось превосходство социализма в экономической области. Первое из них — это социалистическая индустриализация, и в особенности первая пятилетка. Тогда всю мировую экономику поразила великая депрессия, и только наша страна шла вперед. Тогда в Соединенных Штатах промышленная продукция сократилась вдвое, а у нас за четыре года увеличилась вдвое. Тогда во всем мире миллионы людей остались без работы, а у нас в 1931 г. был зарегистрирован последний безработный. Мы создали крупную промышленность своими силами, без ограбления колоний, без внешних займов или контрибуций.

Конечно, ускоренная индустриализация далась нашему народу нелегко. Всякий раз, когда говорят о каком-либо «экономическом чуде», следует помнить, что на самом деле чудес не бывает, в экономике особенно. При объективном анализе мы сегодня видим также, что в этом исторически новом деле было немало ошибок, а роль Сталина была не такой, как это изображалось. Сегодня советские историки и экономисты внимательно исследуют не только достижения тех лет, но и цену, которую пришлось за них заплатить. Мы видим, что не все жертвы, принесенные тогда, были неизбежны. Сам народ неоднозначно относился к жертвам, приносимым во имя индустриализации. Больше всего пугала людей угроза других жертв, которые пришлось бы принести, если бы мы плохо вооруженными встретили неизбежное в то время нападение враждебного нам капиталистического окружения, силы которого намного превосходили наши силы.

В то время у нас было достаточно оснований не до-

верить Западу. Слишком близка была интервенция, которой капиталистический мир ответил на одностороннюю ликвидацию русской армии в 1918 г. Слишком часто повторялись военные нападения на нас и в 20-х, и в 30-х годах.

Вторым наиболее впечатляющим «экономическим чудом» нашей 70-летней истории была работа советской экономики во время Великой Отечественной войны. В распоряжении Гитлера и его союзников была индустрия, которая превосходила нашу в два-три раза. К тому же в первые месяцы войны мы потеряли крупные промышленные районы, больше половины черной металлургии. Несмотря на это, уже на втором году войны мы смогли производить больше вооружений и лучшего качества, чем наши противники. Это было одним из главных условий нашей победы.

Возможности социалистического строя бесспорно проявились в этих достижениях. И люди все чаще забывали, что все их свершения — по сути дела только предварительная расчистка и подготовка территории, на которой социализм будет делать свою основную работу. Ведь главная цель нашего строя, которую провозгласили еще Маркс и Энгельс в своем «Манифесте», — это всестороннее развитие личности. И главная задача социалистической экономики — это создание материальных условий для всестороннего развития личности. Мы же несколько десятилетий только преодолевали препятствия, мешавшие заняться этим главным предназначением социализма. Целое поколение боролось и терпело лишения во имя будущих свершений. В этой борьбе был создан специфический экономический и политический механизм, сформировалось специфическое сознание, сложилась специфическая культура. Это, конечно, социалистический механизм, но — особого рода, для особых обстоятельств. Не наша вина, что советская история долгое время состояла из одних особых обстоятельств. И вот этот в сущности специфический вариант социализма, рожденный в чрезвычайных условиях, осложненный использованием противоречащих его природе методов, стал представляться всеобщим, пригодным и для нормальных условий.

Наконец пришло время и для нормального развития. В 50—60-х годах перед нами уже не оставалось задач, непосредственно унаследованных от капитали-

стического прошлого. Надо было браться за собственное дело социализма. И тут, когда наша экономика взялась уже не за «чужие», а за свои задачи, она стала все чаще буксовать. Мы не сразу поняли причины этого. Нам мешало продолжавшееся отвлечение сил на чуждую нам, навязанную нам задачу гонки вооружений. Пониманию новых требований мешало и то, что в это самое время пришлось сосредоточиться на оценке темных сторон наследия Сталина, да к тому же эта работа велась непоследовательно. Мешал и разрыв поколений, происшедший вследствие репрессий 1937 и 1948 гг. и вследствие потерь в войне. Была утрачена живая связь с традицией социально-экономической мысли 20-х годов, и мы не сразу смогли восстановить эту связь по литературе. Потребовалось довольно много времени, чтобы понять, что главные цели социализма не могут быть достигнуты с тем механизмом, который создавался для решения чрезвычайных задач.

Для продолжения главного дела Октябрьской революции нужна глубокая реформа. В то самое время, когда мы преодолели отсталость, победили напавших на нас врагов, обеспечили прочную оборону, первыми вышли в космос,— в это самое время требовалось критически подойти ко всему механизму, который обеспечил эти победы, и отказаться от него, поняв, что новых побед он уже не обеспечит. Психологически это очень трудно. Наверно, такой человек, как Ленин, смог бы объяснить народу необходимость таких усилий. Такой человек, как Брежнев,— не смог. Взяли верх консервативные силы. Они считали: раз основные цели до сих пор достигались — не надо ничего существенно менять. Еще на 20 лет были законсервированы прежние методы и прежние приоритеты, которые уже перестали действовать. В 70-х годах мы действовали в экономике по существу так же, как в 30-х. Мы увеличивали список отраслей, по выпуску продукции которых вышли на первое место в мире. И одновременно увеличивался список дефицитных видов продукции, которой нам не хватает. К началу 80-х годов этот экономический механизм и эта система плановых приоритетов окончательно перестали работать. Дальше по этой дороге нельзя было двигаться.

Сегодня, как известно, основные политические решения об экономической реформе приняты. Началось их выполнение, которое несомненно будет трудным

делом. На этом пути мы не сможем ограничиться текущими практическими делами. Надо заново разобраться, что такое социализм и каковы его реальные преимущества. Многие до сих пор считают, что главное отличие социализма от капитализма — это плановый характер нашей экономики. Правда, еще Энгельс и Ленин отмечали факты, которые противоречат такому взгляду. Но многие наши экономисты легко забывали такие неудобные высказывания. Еще охотнее забывали об этом многие западные авторы. Некоторые из них и сейчас отождествляют с социализмом любое государственное вмешательство в экономику.

Разумеется, наше хозяйство плановое. Разумеется, это наше потенциальное преимущество, хотя мы еще плохо его используем. Но плановость — не главное свойство социалистической экономики. Главное преимущество социализма заключается в том, что он создает для всех возможность работать на себя. Ясно, что на себя человек работает лучше, чем на эксплуататора. Этот принцип, простой в абстрактной форме, довольно сложен в практической реализации. Мы стремимся к тому, чтобы каждый рабочий и служащий ощутил себя хозяином предприятия, где он работает. Чтобы почувствовал это не на словах, а на деле. Экономический механизм для этого разработан. Создается правовой механизм, включающий самоуправление трудовых коллективов, выборность руководства предприятий, которая все чаще практикуется. Но создание обстановки работы на себя — это также крупная социальная задача. Для ее выполнения нужен и политический механизм. Он может быть только демократическим. Поэтому в нашей перестройке мы ставим рядом два понятия: экономическая реформа и демократизация. Изменения, которые должны произойти сейчас в развитии социалистического производства, с некоторых точек зрения являются самыми крупными за все время после Ленина.

Добавим: предстоящие изменения — не только самые крупные, но и самые сложные, самые трудные со времен 20-х годов. Главная трудность лежит не в материальной сфере, хотя и ей многого недостает. Главная трудность — в сфере сознания. Новая обстановка, открыв простор для самых разнообразных суждений, позволив обнародовать любые диагнозы наших болезней и любые рецепты лечения, помогла оценить весь

масштаб смятения, путаницы в умах, порожденных былой эпохой безгласности.

Систематически подменяется самая суть стоящей перед обществом задачи экономической перестройки. Ведь главный порок старого механизма — в отключении или превратном использовании того, что XXVII съезд назвал человеческим фактором: инициативы и воли каждого труженика. Старая система оставляет трудовым коллективам роль исполнителей, присваивая право решения лишь вышестоящей инстанции. Тем самым отключается и главное преимущество социализма, подчеркнутое Лениным: эффект работы на себя, позволяющий человеку труда «проявить себя... почувствовать себя человеком». Соответственно центральная задача реформы — вновь правильно включить этот главный двигатель социалистического производства. Если планирование по принципу разверстки заданий «сверху» побуждает предприятия скрывать резервы, то главной силой планирования надо сделать сам трудовой коллектив — на основе заказов потребителей.

Вместо этого не раз предлагался иной диагноз, а значит, и иное лечение: бюрократическое вместо демократического. Объявлялось, что главная беда планирования — не в опоре его на бюрократический контроль за трудовыми коллективами, а в несовершенстве инструментов этого бюрократического контроля. Предлагалось не отказаться от разверсточного планирования, а лишь вести его в «более точных» показателях. Изобретательность в придумывании эрзац-показателей не знала предела. Взамен валовой продукции предлагали товарную, реализованную, чистую, нормативную стоимость обработки и многое другое. Поначалу критика показателей была даже полезна, потому что стимулировала критический анализ всего хозяйственного механизма. После первых широких экспериментов начала 60-х годов, доказавших бесплодность этого пути, упор на смену показателей стал вызывать все более серьезные возражения. И уже в решениях 1965 г., хотя валовую продукцию заменили реализованной, не в этом видели суть перемен. Позднее изобретение новых показателей (один из них именовался «человеко-фондо-продукция») все чаще вызывало просто смех. Но когда уже в нынешние времена, после XXVII съезда, принявшего курс на изменение самих отношений по поводу планирования,

в печати появилось детальное обоснование очередного новоизобретенного показателя — КЭР (коэффициент эффективности работы), захотелось уже не смеяться, а плакать.

Ну, есть недостатки в плановых показателях и надо их устранять. Но до какой же степени мы сами себе заморочили голову, если по сей день многие способны в этом видеть главную проблему, а совершенствование показателей связывать с основными задачами экономического стимулирования! Это падение уровня экономического мышления — прямое и неизбежное следствие многолетней практики умалчивания подлинных проблем и подлинного состояния народного хозяйства, ухода от подлинно научной дискуссии. Чем заплатили мы за это в истекшее двадцатилетие? И что грозило бы нам в будущем, если бы апрель 1985-го не положил конец страусиной политике? Попробуем рассмотреть это на нескольких примерах.

Предреформенная, седьмая пятилетка (1961—1965 гг.) дала среднегодовой прирост национального дохода, использованного на потребление и накопление, 5,7%. По тем временам это было мало — меньше, чем в предшествующий период, и меньше, чем позволяли еще имевшиеся тогда экстенсивные источники роста: свободные трудовые и легкодоступные природные ресурсы. Эти темпы были недостаточны и для выполнения основных социально-экономических задач. Недовольство результатами развития подтолкнуло решения о реформе, первые шаги которой дали ускорение в восьмой пятилетке: 7,2% прироста в среднем за год. Затем реформа не продолжалась, а свертывалась, и экономические итоги похожи на ступеньки вниз: девятая пятилетка — 5,1%, десятая — 3,8, одиннадцатая — 3,1% среднегодового прироста. С учетом роста численности населения 3,1% общего прироста означали всего 2,2 в расчете на душу населения. А с учетом роста затрат на добычу сырья и на природоохранные мероприятия и опережающего роста запасов такой темп давал лишь немногим более 1% годового прироста фонда потребления в расчете на душу. Тут уже при всяком конъюнктурном колебании — засуха, мороз, падение экспортных цен — недалеко и до нулевой отметки. Так, в 1982 г. прирост реальных доходов на душу населения упал до неощутимой величины — 0,1%.

Таковы официальные данные, которых наша статистика не скрывала, но и не афишировала, а массовая пропаганда избегала. Специалист или просто дотошный читатель мог извлечь перечисленные цифры из статистических справочников, а в сборнике «Народное хозяйство СССР в 1985 г.» они впервые сведены в одну наглядную таблицу. Но эти сведения далеко не полностью раскрывают положение, которое начало открываться нам в последнее время.

Прежде всего, анализ показывает, что три последних пятилетки — с девятой по одиннадцатую — были периодом перехода от условий, когда экстенсивные источники роста имелись в изобилии, к условиям, когда их почти совсем не стало. В одиннадцатой пятилетке мы, можно сказать, подбирали остатки этих экстенсивных ресурсов, а в двенадцатой уже и тех не стало — и впредь не будет. Так что если бы не изменилась эффективность использования всех ресурсов роста (а для этого надо менять плановую стратегию роста и хозяйственный механизм), то в двенадцатой пятилетке даже 3% среднегодового прироста не вышло бы, а получилось бы, по расчетам, не более 2, значит, на душу населения — примерно 1%, рост фонда потребления в расчете на душу прекратился бы.

Так было бы по методике счета, применяемой Госкомстатом СССР. Многие экономисты оспаривают ее надежность. Так, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, член-корреспондент АН СССР А. Гранберг на основании своих расчетов выводит для одиннадцатой пятилетки среднегодовой прирост национального дохода не 3,1%, а менее 2, значит, на душу населения — около 1. Соответственно экстраполяция этих темпов на условия двенадцатой пятилетки без изменения эффективности дала бы уже нулевой «рост» общественного производства с возможной отрицательной величиной в потреблении. Экономисты С. Ханин и В. Селюнин в «Лукавой цифре» («Новый мир», 1987, № 2) привели расчеты, еще более отклоняющиеся от данных Госкомстата.

Но и это не все. Один показатель, даже такой обобщающий, как национальный доход, не в силах отразить всю картину экономического роста, подобно тому как температура тела далеко не все говорит нам о нашем здоровье. Важно учесть еще так называемые

мое качество роста. В 70 — начале 80-х годов даже имевшиеся невысокие темпы сохранялись только ценой диспропорций.

Так, при отсталой структуре капитального строительства на его продолжение не хватало средств — «экономили» на капитальном ремонте, на природоохранных мероприятиях. Сегодня эта политика мстит нам участвовавшим авариями и неслыханными ранее фактами ликвидации и дорогостоящего перепрофилирования целых производств — на Байкале, на Ладозе, в Щекино и других местах. «Экономили» в прошлые пятилетки, брали займы у будущего — и вот оно пришло, мы платим за былой самообман сегодня и будем платить завтра.

«Экономили» на инфраструктуре — прежде всего на железных дорогах и на энергетике. При хорошем запасе прочности народного хозяйства из этого «источника» можно черпать не один год и не одну пятилетку. Но зато, подорвав надежность транспорта и энергоснабжения до предела, до повседневных сбоев, исправлять потом надо тоже не одну пятилетку — и теперь это предстоит нам.

Рост производства, планируемый и оплачиваемый помимо воли потребителя, включает выпуск массы фиктивных благ — фиктивных несмотря на то, что их можно потрогать руками, они сделаны из железа и порой вполне добротны. Так, при переходе на полный хозрасчет (точнее было бы пока говорить — «на более полный») колхозы и совхозы в иных местах сразу на треть уменьшили заказы на сельскохозяйственную технику: за даровые деньги брали, сколько дают, за свои — отказываются. Бригады и звенья, перешедшие на оплату по конечному результату вместо промежуточных показателей, отказываются от «Кировцев» и обходятся гусеничными тракторами: тяжеленные трехсотсильные богатыри, уплотняя почву, уменьшают урожай.

Неслыханный прежде факт превращения дефицита в излишки заставил на многое взглянуть иными глазами. Годы и десятилетия мы с гордостью разглядывали в статистических справочниках таблицу под названием: «Место, занимаемое промышленностью СССР в мире и в Европе по объему производства». Перечень видов продукции, по которым мы вышли на первое место, все увеличивался. Давно уже с привычным

удовлетворением находим мы в этой таблице строчку: «тракторы (по суммарной мощности двигателей)». Что же, этот факт говорит о немалых возможностях нашей промышленности. Чего захотим сделать больше всех, то и сделаем. Можем. А нужно ли? Трактор — не конечная продукция, им сыт не будешь. Трактор — чтобы был хлеб. И если бы мы сумели сделать больше хлеба с меньшими затратами на технику — это было бы только к лучшему. Но больше хлеба пока не получается.

Между тем оздоровляющая реформа сделала только самые первые шажки. Когда настоящий полный хозрасчет станет повсеместным, когда, кроме того, будет сломлена монополия поставщика и потребитель сможет выбирать товар, ненужным окажется и многое другое. Никто не возьмет за свои деньги неэффективные роботы, производимые часто лишь в угоду моде — иное такое «чудо техники» дает рубль отдачи на тысячу рублей затрат. Ненужной станет и масса 5—6-тонных грузовиков, используемых подчас для перевозки 2—3 ц груза, а то и одного пассажира. Вместо них потребуются почти не производимые ныне дешевые машины на 0,5—1 т груза. Когда станет реальностью оптовая торговля, сократятся чрезмерные материальные запасы (по некоторым расчетам, излишки доходят до 170 млрд руб.).

Иначе говоря, при низком качестве роста национальный доход, по какой бы методике его ни исчисляли, включает и массу ненужных ценностей, не дающих реального эффекта ни в производстве, ни в потреблении. В подлинно экономическом смысле это фиктивные ценности, и если они притом вполне реальны как предметы материального мира, если они действительно произведены — это в данном случае только ухудшает дело. Они увеличивают лишь затраты, а не результаты, увеличивают расход, а не приход.

Но на их производство затрачен труд, и он оплачен как положено. Люди получили деньги, которые не имеют обеспечения в реальном эффекте, в товарах. Рост массы денег, не обеспеченных товарами, именуется инфляцией. Если цены держатся, как им вообще-то положено, на уровне равновесия спроса и предложения, то инфляция неизбежно влечет за собой рост цен. Правда, в нашей стране с середины 60-х годов произошел фактический отказ от попыток поддержи-

вать такое равновесие. Масса излишних денег нарастала, но цены на основные товары в государственной торговле не менялись, вследствие чего эти товары исчезали с прилавков. Это означало, что не только вещи, но и экономические категории утратили свою подлинность. Не только, скажем, сосиски перестали быть продуктом из мяса в натуральной оболочке. Не только гостиница перестала быть домом, где любой желающий может свободно получить кров. Но и рубль перестал быть удостоверением на право приобретения любого товара. И государственная цена товара перестала обозначать сумму, за которую его на самом деле можно по желанию приобрести. Нынешние цены — это не цены равновесия, при нынешних ценах и товарной массе наполнение рынка исключено. Статистика может, конечно, учитывать в индексах государственную цену второго пояса на сливочное масло высшего сорта в размере 3 руб. 60 коп. за килограмм, но потребитель знает, что по такой цене его купишь разве что в Москве, а, скажем, в Новосибирске масло общедоступно лишь в магазинах коопторга — по 9 руб.

Инфляция без видимого роста цен — это подавленная инфляция, но она не менее реальна, чем проявляющаяся открыто, да еще, пожалуй, и более вредна. И за ней также стоят фиктивные успехи прошлых лет (в данном случае «успехи» уже не в росте производства, а в повышении благосостояния), за которые придется платить вполне реальную цену в близком будущем. Если неравновесие вызвано выплатой не покрытой товарами зарплаты, то для восстановления равновесия потребуется обратное весьма нелегкое действие: поставка на рынок товаров, не оплаченных либо весьма скупо оплаченных фондом зарплаты. Как это сделать, не очень ясно (хотя в принципе возможно), но терпеть неравновесие становится невозможно.

Десятилетиями росли и суммы, получаемые от продажи водки, увеличивался сиюминутный выигрыш бюджета и долговременный более значительный проигрыш экономики, физического и морального здоровья общества. Многие годы нужны, чтобы раскрутить эту спираль обратно: изымать из бюджета легкие, но ядовитые доходы от водки, заменять их трудными, но здоровыми доходами от полезных товаров.

Нараставшая инфляция вынуждала к администра-

тивному ограничению роста зарплаты. Но рост зарплаты рабочих ограничить трудно — легче получалось с зарплатой научных, инженерно-технических работников и служащих. И здесь можно было экономить годы и десятилетия, не встречая немедленных препятствий: массовые представления о престиже того или иного вида труда инерционны, они меняются лишь годы спустя после того, как сделается очевидным и повсеместным изменение оценки этого труда самим государством. В 1940 г. средняя зарплата работников в сфере здравоохранения, физкультуры и социального обеспечения (такую странноватую группировку дает справочник) составляла почти четыре пятых зарплаты промышленного рабочего, в 1960-м — две трети, в 1985-м — меньше двух третей. Средняя зарплата работников народного образования в 1940 г. превосходила зарплату рабочего, в 1960-м составляла четыре пятых от нее, в 1985-м — немного более двух третей. В сфере науки и научного обслуживания средняя оплата в 1940 г. была в полтора раза выше зарплаты промышленного рабочего, в 1960-м — лишь на четверть выше, в 1985-м — уже ниже. Зарплата инженерно-технического работника в промышленности в 1940 г. была вдвое выше зарплаты рабочего, а в строительстве — в два с половиной раза выше. В 1960 г. зарплата ИТР была лишь в полтора раза выше, чем у рабочего. В 1985-м в строительстве зарплата ИТР была ниже, чем у рабочих, а в промышленности — выше всего на одну десятую. Зарплата работника искусства в 1985 г. составила две трети зарплаты рабочего, а у работника культуры — немногим более половины. Заметим, что все эти годы условия труда рабочих в целом улучшались.

Результаты известны: сначала упал престиж профессии учителя, потом врача, потом — инженера и научного работника. Упал вообще престиж высшего образования, сократились или исчезли конкурсы абитуриентов, снизился уровень подготовки поступающих в вузы, затем снизилось и качество выпускаемых кадров — теперь уже стало очевидным негативное влияние происшедшего и на материальное, и на духовное производство. «Сэкономив» на умственном труде, мы больше проиграли на физическом: замедлен технический прогресс, не сокращается численность рабочих, их не хватает, а помочь тут могут только инженер

и ученый. Очевидная несправедливость сложившихся соотношений оплаты (игнорирующая уровень квалификации и пятнадцатилетний труд ученья) облегчила многим «берущим» и «дающим» моральное оправдание компенсации в виде поборов, что надолго отравило моральную атмосферу общества. После 1984 г. принимаются меры: повышена зарплата учителям и медицинским работникам, изменения в системе оплаты труда ИТР и научных работников позволяют лучше оплачивать их труд, хотя до восстановления прежних соотношений оплаты еще далеко. Отношение специалистов к труду улучшается, но уровень квалификации не меняется немедленно с повышением оплаты. Предстоит пройти в обратном направлении весь путь изменения стереотипа общественного сознания: повысить роль специалистов и оценку интеллектуального труда государством (что еще потребует времени), поднять общественный престиж высшего образования, пропустить через школы и вузы поколение с возобновленной тягой к знаниям. Десятилетиями скользили вниз — десятилетиями будем карабкаться обратно. Насколько трудно менять инерцию стереотипа, видно хотя бы из того, что школьная реформа в принятом первоначально варианте пыталась навязать школе противоестественную для нее и вредную для общества роль: повышать «престиж» отказа от высшего образования.

Логичен вопрос: а стоит ли овчинка выделки? Может быть, проживем без перестройки и ускорения, двигаясь потихоньку? Нет, не проживем, поскольку без перестройки медленный рост превратился бы в абсолютный спад. Или — плохо проживем, если как-нибудь удержим прежние темпы. Вот один только расчет для примера. В среднем на одного жителя у нас приходится около 15 м² общей площади жилищ. И без статистиков видно, что мало: далеко не у всех семей есть отдельные квартиры, далеко не всех имеющиеся квартиры устраивают. В ГДР, скажем, среднедушевая обеспеченность на 11 квадратных метров больше, чем у нас. Чего потребует от нас преодоление такого разрыва? В одиннадцатой пятилетке для увеличения обеспеченности на 1 м² в расчете на жителя нам потребовалось четыре года, в течение которых затраты на жилищное строительство составили почти 100 млрд руб. Значит, для повышения обеспеченности на 11 м²

при таких темпах и ценах нужны 44 года и более 1 трлн руб. Хотите быстрее? Ну, скажем, не 44 года, а 22? В конце концов, ведь это скромное желание, за 22 года сегодняшние новорожденные своих детей заведут. Но в этом случае — чтобы вдвое быстрее строить — надо и вкладывать не 25 млрд в год, а вдвое больше. 25 млрд руб. в год сверх нынешнего не худо бы иметь только на жилье — а нам нужно еще и на новые школы и больницы, детские сады и кинотеатры, библиотеки и музеи, на повышение зарплаты и пенсий, на охрану природы и лучшее наполнение рынка товарами. А тот темп, который мы имели, по данным официальной статистики, в прошлой пятилетке (3,1% прироста в год) увеличивал ресурсы в руках государства на нужды народного благосостояния, по некоторым расчетам, всего на 7 млрд руб. в год. Это на все потребительские нужды. А если бы темпы упали с 3% до 2, то прирост фонда потребления в расчете на душу стал бы нулевым.

Ясно, что мириться с этим мы не можем — даже исходя лишь из нужд потребления, а они не единственные. Не можем мириться, если не хотим утратить завоевания прошлых поколений и оставить будущим третьеразрядную державу. Не можем мириться, если хотим сберечь авторитет и притягательную силу социалистического строя. Возможен ли более высокий темп роста — не промежуточных объемных показателей, а реальных благ, от которых зависит подлинное благосостояние народа? Материальные и интеллектуальные ресурсы страны для этого вполне достаточны, если их эффективно использовать. Но эффективное использование при старом хозяйственном механизме исключено — оно возможно только в системе полного и подлинного хозрасчета.

Вот почему нам так необходимо понять, принять, построить новую хозяйственную систему. А построить ее нелегко, понять умом и принять сердцем — еще труднее. Для этого нужно всем учиться, освоить весь опыт прошлого, все факты современного положения, все богатства марксистско-ленинской экономической теории. Вот почему так нужна нам атмосфера гласности, правдивой критики, открытой дискуссии. Конечно, сорвать повязку, закрывающую глаза, — еще не значит пойти вперед. Но с завязанными глазами с места не двинешься.

Многочисленные письма читателей, их вопросы и предложения часто напоминают мне один старый тест, используемый психологами. Четыре точки, четыре угла квадрата, предлагается соединить тремя прямыми, да так, чтобы карандаш вернулся в ту точку, из которой вышел. При стандартном подходе задача кажется невыполнимой. Полосуешь проклятый квадрат во всех направлениях, а прямые не сходятся. Решение задачи возможно лишь при одном условии: если выйти из квадрата, продлить прямые. Такая догадка — признак творческого мышления.

Сейчас мы вырываемся из квадрата упрощенных представлений о социалистической экономике, культивировавшихся 20, а то и 40, и 60 лет. Сложность задачи в том, что речь идет о представлениях не абсолютно ложных, а именно упрощенных, односторонних. Поэтому многие из привычных прежде представлений надо не механически отбрасывать, а уточнять, углублять.

Иные идеи, неприменимые сегодня, были вполне верными раньше, в других, переходящих условиях. В таких случаях многие люди говорят: ведь вот получалось же раньше очень хорошо, надо было только не отходить от тех методов, давайте сейчас вернемся к ним — и все будет в порядке. Обычно так судят о методах, применявшихся в 30—40-х годах, и соответственно все беды последующего времени относят на счет предпринимавшихся попыток реформ. Другие, напротив, убеждены, что беда была не в реформах, а в их половинчатости, незавершенности. Этот спор, такой важный для нашего будущего, невозможно разрешить, не разобравшись в нашем прошлом. Вот почему история советской экономики стала предметом небывалого общественного интереса. Вот почему так обострилось стремление, сняв наслоения разнообразных мифов, раскрыть реальные факты ушедших дней.

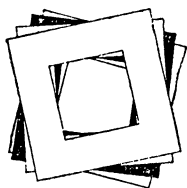
Попытки анализа подлинных фактов, без прикрас, вызвали немало упреков в односторонности: дескать, под флагом стирания «белых пятен» истории малюют одной черной краской. Это правда, получилось именно так. Только следует уточнить, что виноваты в этом не те, кто сейчас рассказывает умолчанное, а те, кто в прошлом добивался умолчаний. Спрямяя петлистые тропы истории, выпячивали победы, а на неудачи на-

брасывали покров «белых пятен». Вероятно, не следует требовать всестороннего исторического анализа от каждой газетной или журнальной статьи. Темой статьи может быть и отдельный эпизод, в таком случае автора не стоит упрекать за умолчание о другом, может быть, более радостном эпизоде. Иное дело — попытка оценить весь исторический путь советской экономики. В этом случае автор просто обязан показать и успехи, и неудачи.

Начнем с самого поразительного успеха советской промышленности. Попробуем посмотреть, как он был достигнут и нельзя ли нам сегодня действовать так же.

1.

Поклонимся И поучимся

«В результате военных потерь, а также эвакуации сотен предприятий валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 года уменьшилась в 2,1 раза... Выпуск проката черных металлов... в декабре 1941 года уменьшился против июня 1941 года в 3,1 раза; производство проката цветных металлов... сократилось в 430 раз; производство шарикоподшипников... сократилось в 21 раз».

Это из книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», изданной в 1947 г. Ее написал Н. А. Вознесенский, возглавлявший во время войны Госплан СССР. Попробуем нагляднее представить значение хотя бы одной из приведенных цифр — о выпуске черных металлов. В последнем предвоенном году советская металлургия дала 18,3 млн т стали — к концу 1941 г. от ее мощности осталась треть. Германия, а также оккупированные и союзные ей страны производили перед войной 42 млн т.

На что можно было надеяться? На экономическую помощь других противостоящих фашизму стран? Она была, и советские люди помнят об этом. Но она пришла не раньше, чем наша армия и наша промышленность доказали, что могут устоять и сами. В середине августа 1941 г. на встрече президента США с премьер-министром Великобритании обсуждался вопрос о

ленд-лизе. Сын президента, Э. Рузвельт, позднее вспоминал: «В то время... продукция американской военной промышленности представляла еще ничтожную величину. Англичане боялись, как бы на их долю не досталась всего лишь половина этой ничтожной величины». 28 сентября 1941 г. англо-американская миссия прибыла в Москву для участия в экономической конференции. Находившийся тогда в Москве корреспондент Би-би-си и «Санди таймс» А. Верт пишет: «Что бы ни сулила экономическая конференция в будущем, битву под Москвой Советский Союз должен был выиграть один...»

Битву под Москвой Советский Союз выиграл. Но война продолжалась на нашей территории. Урон потерпела армия Германии, но еще не ее промышленность. Производство танков в Германии в 1942 г. почти удвоилось против 1941-го. Однако уже в августе 1942-го немецкая разведка донесла, что СССР производит тысячу танков в месяц. Гитлер счел донесение неправдоподобным. Оно означало, что советская танковая промышленность почти в 1,5 раза превзошла германскую. Признав это, следовало бы признать еще до сталинградского разгрома, что войну фашистской Германии не выиграть. Сейчас мы знаем, что немецкая разведка ошибалась: советская промышленность выпускала в 1942 г. около 2 тысяч танков в месяц.

Еще из книги Н. А. Вознесенского: «...выпуск военной продукции в марте 1942 года только в восточных районах страны достиг уровня производства, который имел место в начале Отечественной войны на всей территории СССР».

Советский солдат превзошел гитлеровского солдата — без этого не могло быть Победы. Советский военачальник превзошел германского — и без этого не пришла бы Победа. Необходимо добавить: победил и советский рабочий. Каким же образом невозможное стало возможным?

26 июня 1941 г. вышел указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Отпуска отменялись. Вводились обязательные сверхурочные: рабочий день для взрослых — 11 часов при шестидневной рабочей неделе. А рабочие уходили на фронт. Кто же становился к станкам? Н. А. Вознесенский сообщает: удельный вес женщин среди рабочих и служащих увеличился с 38% в 1940 г. до 53 — в

1942-м, доля рабочих и служащих до 18 и старше 50 лет — с 15 до 27%. Вот кто становился к станкам: женщины, подростки, старики.

А в Германии с началом войны занятость женщин сократилась на 500 тысяч. На германских заводах и стройках работали миллионы рабов с завоеванных территорий. «Раса господ» спешила насладиться господством.

Но чей молот крепче ковал победу?

Из книги Н. А. Вознесенского:

«В промышленности производительность труда выросла в 1942 году на 19% и в 1943 году дополнительно на 7% по отношению к предыдущему году. Наиболее быстро развилась производительность труда в машиностроении и военной промышленности. В этих отраслях промышленности производительность труда в 1942 году выросла на 31% и в 1943 году дополнительно на 11% по отношению к уровню производительности труда предыдущего года».

В 70 — начале 80-х годов обычный темп прироста производительности труда не превышал у нас 3% в год. А тогда доходило до 31%. Это в 1942-м, когда у станков стояли неопытные, слабые, голодные, когда среди уральских снегов под открытым небом давали продукцию на станках, спешно сорванных с фундаментов перед приходом врага и переброшенных через полстраны.

Как же получалось это?

Известный организатор промышленности Г. А. Кулагин во время блокады Ленинграда был главным механиком Металлического завода. По должности он отвечал прежде всего за работу заводской электростанции. Городские электростанции стояли. В первую, самую голодную и холодную зиму блокады жизнь завода зависела от единственного котла. Однажды ночью катастрофически упало давление. Кулагин бросился в котельную. «На скамье у стены против котла сидят, бессильно свесив руки, три кочегара. Они освещены слабым отблеском из открытого поддувала, и глаза у всех как стеклянные.

Я с ходу набрасываюсь на них:

— Почему не работаете? Почему упустили воду?

— Не можем. Сил совсем нет».

Никак нельзя дать электростанции остановиться: один из цехов в ночную смену должен подготовить к

отправке на фронт два танка. Главный механик со старшим мастером сами взялись шуровать в котле — получалось плохо: тоже ослабели от голода. Тогда поднялись кочегары, принялись шуровать. Опасность миновала, завод получил ток. А через несколько минут умер кочегар Минаков. Это он сказал, что нет сил, а потом все же взялся за лопату. И работал до последней минуты жизни.

Из воспоминаний знаменитого стахановца токаря Ивана Гудова:

«Фашистские самолеты кружили близ авиационного завода. Работу в цехе пришлось прекратить. Одна работница сверлила срочные детали, она стояла на последней операции и попросила разрешения остаться у станка. В эту ночь она сделала 400 процентов вместо обычных 150».

Из заводской многотиражки Ленинградского Металлического завода от июля 1942-го:

«Отлично работает молотобоец Татьяна Яковлева, которая пришла на завод в прошлом году, когда ей уже стукнуло пятьдесят лет».

Надо ли продолжать? Ведь если описать все, это займет столько томов, сколько не вместить всем библиотекам мира. «В тылу — как на фронте» — так тогда говорили. Стимул был очевиден: нам нужна одна Победа — одна на всех. Неожиданно проницательную оценку советского рабочего дал гитлеровский генерал фон Виттерсгейм. Танковый корпус, которым он командовал, принес немцам крупный успех в начальной стадии Сталинградской битвы: прорвав наш фронт, он прошел по степи 60 км и оказался у самого города. Перед ним был северный район, промышленное сердце Сталинграда — крупнейшие заводы. Перед ним не было в тот час советских воинских частей. Но пройти танковый корпус не смог. Его встретили огнем 60 танков, 40 орудий, пехотные батальоны. Это вышли из цехов рабочие. Вышли на танках, которые делал в войну Тракторный. Вот что записал в дневнике полковник Адам, адъютант Паулюса, командовавшего 6-й армией гитлеровцев, которую ждала гибель в Сталинграде:

«Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира 14-го танкового корпуса... Население взялось за оружие. На поле боя лежат убитые рабочие в

своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели. Генерал фон Виттерсгейм предложил командующему 6-й армией отойти от Волги. Он не верил, что удастся взять этот гигантский город. Паулюс отверг его предложение».

Люди жизни не жалели — не то что пота. Война есть война. Екатерина Барышникова, работница Первого ГПЗ, вспоминала потом те годы:

— Выйдешь на улицу после смены — голова кругом идет, хватаешься за что-нибудь, чтобы не упасть.

Барышникова, инициатор движения «фронтовых бригад», впоследствии лауреат Государственной премии, добивалась выполнения нескольких норм в смену прежде всего умом, новаторской организацией труда. Но, кроме того, и крайним напряжением физических сил. После войны она провела в больнице два года, вышла оттуда инвалидом — в неполных тридцать лет. Лишь через семь лет после войны вернулась на завод, и то не к станку.

Низкий поклон кузнецам Победы! Вечна память об их подвиге. Но неприменимость их опыта в наши дни кажется очевидной. На пределе сил можно работать ради спасения Отечества. Может быть, ради того, чтобы накормить голодных, обуть босых, дать кров бездомным. Но в мирное время, в стране, где нет голодных и бездомных, где целью производства провозглашен дальнейший рост благосостояния?

На первый взгляд, ответ кажется ясным. Но только на первый. Нет, я не об одиннадцатичасовом рабочем дне и не о той личной интенсивности труда, когда падают у станка. Это, без сомнения, сейчас не требуется. Но ведь не сводится только к этому опыт тружеников войны.

В первую военную зиму с эшелонам московского завода шлифовальных станков прибыл в Челябинск на знаменитый в те годы Танкоград токарь Павел Быков. Его поставили к станку. Не за станок, а к станку. Два дня он стоял за спиной токаря, точившего барабаны — важную деталь танка. Стоял и смотрел. Быков тогда еще не был лауреатом Государственной премии, его еще не величали основателем советской школы скоростного резания металла. Но уже был

известен как очень хороший токарь. Выпускник курсов ЦИТ, работавший на заводе под началом блестящего инженера Цезаря Куникова, стахановец, Быков по приказу наркома был награжден именными часами за то, что достиг скорости резания металла 150 м в минуту вместо обычных 30—40. Потом, еще до войны, он поднял скорость до 250 м — говорили, что за границей таких скоростей нет. После двух дней наблюдения за работой челябинского токаря Быков еще сутки занимался расчетами, а потом встал за станок и в ночную смену выточил одиннадцать барабанов вместо двух по норме. Он не зря перед тем две смены смотрел, а потом сутки считал. Пять с половиной норм не выполнить простым напряжением физических сил. Павел Быков был рабочим, который мог сам разработать технологию.

Таким был и фрезеровщик Дмитрий Босый. Эвакуированный из Ленинграда, он в первую военную зиму оказался в Нижнем Тагиле, на Уралвагонзаводе, выпускавшем тогда танки. Босый работал за станком и думал. Придумал: приспособление для зажима деталей можно изменить — чтобы зажимать три детали сразу. И фрезеровать не одной фрезой, а тремя сразу. Еще одно приспособление — и теперь можно работать одновременно на двух станках. А еще можно увеличить скорость резания. И вот Дмитрий Босый выполняет за смену почти 15 норм. До того было движение «двухсотников» (200% нормы), «трехсотников», «пятисотников». Теперь появились «тысячники». Скоро их было в Тагиле больше ста. А Босый однажды выполнил 62 нормы в смену. И за год обучил 16 молодых рабочих.

Таких рабочих, как Быков и Босый, поначалу формировало движение НОТ. Оно прививало передовые приемы труда, прежде всего американские, тейлоровские по своему происхождению. Потом их готовили курсы ЦИТ — Центрального института труда, который возглавлял Алексей Капитонович Гастев, революционер, поэт, инженер. Но, кроме того, было за их спиной то, чего никакой тейлоризм не предусматривал и не мог предусмотреть. То, что при наемном труде невозможно: стахановское движение. Думающий рабочий. Думающий о том, как лучше организовать свой труд, как лучше использовать технику, как увеличить свою нагрузку и превысить норму. Стахановское движение,

вспыхнувшее за шесть лет до войны, успело сформировать целое поколение рабочих нового типа. Конечно, среди них рабочих такого уровня, как Быков, Босый, Барышникова, было немного. Но все же достаточно, чтобы обучить массу пришедших на заводы новичков, заставить их поверить в реальность новых норм и повести за собой.

Очерк о Босом написала Мариэтта Шагинян. Очень хорошо, ярко написала. Ей особенно понравились созданные им приспособления: «Дмитрий Филиппович открыл новую технологию». Среди читателей был человек, который восхищался Босым, но все же расстроился: выходит, хромает еще организация, если использование несложного приспособления расценивается как открытие. Этим читателем был московский рабочий Иван Гудов.

Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, Иван Иванович Гудов был одним из самых первых и самых знаменитых стахановцев. Война застала его в Промакадемии. Он стал добиваться отправки на фронт, а пока суд да дело, решил вернуться на родной станкозавод имени Серго Орджоникидзе, к своему станку. Однако пришлось сесть за письменный стол: секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков поручил ему срочно написать брошюру для рабочих об использовании передовой технологии и скоростных методов при выполнении военных заказов. Брошюра была написана за неделю, издана «молнией». В ней, между прочим, говорилось: «Новая техника вовсе не означает новые станки, новое оборудование. Понятие «новая техника» шире — это прежде всего новая, более совершенная, более производительная и более простая технология».

Гудов пошел по московским заводам, благо для депутата двери открыты, вместе с заводскими стахановцами, мастерами, технологами разрабатывал технологию скоростного фрезерования. Передавал опыт: вот как делают это на другом заводе.

До войны заводы ссылались на нехватку мощностей, требовали капиталовложений — новых цехов, нового оборудования. Вдруг оказалось, что проектные мощности можно намного перекрыть и без капиталовложений. Модернизация станков, использование приспособлений, шаблонов повышали производительность оборудования, позволяли рабочим меньшей квалифи-

кации справляться с операциями, которые считались сложными.

Осенью Гудов был направлен в Горький, стал работать на автозаводе. Когда он первый раз предложил там модернизировать станки, на него посмотрели, как на упавшего с луны: до того ли? Но скоро стало ясно, что иначе не добиться скачка производительности. Обком и горком партии не только поддержали Гудова, но стали готовить конференцию по модернизации станков. Она состоялась в апреле 1942 г. Участвовали генеральный конструктор орудий В. Г. Грабин, главный инженер института, создавшего «катюшу», авиаконструктор С. А. Лавочкин, директор заводов, секретари обкома партии.

Горький подвергался жестоким бомбардировкам. Ленинград был в блокаде. Враг оставался вблизи Москвы и готовился к прыжку на юге. А тут собрали конференцию. Нужна ли она была? Очень. Ведь хотели, чтобы об улучшении своего станка, приспособлений, инструмента думал каждый рабочий.

Возможен вопрос: а зачем думать об этом рабочему? Есть же технологи, конструкторы. Верно. Да не о том речь, чтобы инженеры не думали. Речь о том, чтобы рабочие думали тоже. Инженер знает много такого, чего рабочий не знает. Но и рабочий знает то, чего не знает инженер: он непосредственно включен в технологический процесс, у него своя наблюдательная позиция, свое понимание.

И другой вопрос возможен, его даже задавали Гудову тогда, в начале войны: зачем модернизировать станки на каждом заводе? Пусть станкостроительная промышленность, специально для того существующая, создаст новый станок, и он будет лучше модернизированного. Тоже верно. Но, во-первых, новый станок дороже. Во-вторых, с его появлением старый станок никуда не денется — весь парк не заменить и за десятилетие, тем временем и новый станок устареет. Модернизация позволяет все станки всегда делать новыми, а главное — приспособлять их к меняющимся нуждам производства. Гудов писал: «В предвоенные годы на некоторых предприятиях сложились издивенческие настроения, дай то, дай это, и мало кто считал, насколько эффективно будет использовано оборудование. На каждую незначительную операцию подавай специальный станок». А на конференции

1942-го в Горьком рассказывали, что на токарном станке можно не только точить, но и фрезеровать, шлифовать, протягивать. Сверлильный можно приспособить для хонингования, фрезерный — для расточки и торцовки.

Нельзя не увидеть в этом опыте общее с главной заботой современной промышленности: заботой об интенсификации.

Итак, существуют возможности рабочего, о которых знает только он сам, — их не учесть в справочнике нормировщика. А каковы резервы инженера?

Один из вопросов, о которых говорим сейчас больше всего, — темпы освоения новой технологии, новой техники. Сколько времени нужно, чтобы освоить массовое производство новой машиностроительной продукции? Любой производственник ответит: на новую модель простенького изделия на действующем предприятии нужны месяцы; на новую модель крупной машины — автомобиль, комбайн — годы; при освоении принципиально нового вида продукции, меняющего профиль предприятия, а тем более при постройке нового завода меньше, чем пятилетней, не обойтись.

Это когда все идет нормально. Серийный выпуск комбайна «Дон» налаживался через три года после окончания разработки модели — так это один из самых благополучных современных примеров: помогали «Ростсельмашу» и подталкивали его со всех сторон. Есть примеры неблагоприятные — там счет идет на десятилетия.

Так бывает сейчас, в мирных условиях, при материальной и кадровой обеспеченности страны. А тогда?

В дни сорокалетия Победы рассказывал мне о начале войны директор заводского музея ЗИЛа лауреат Государственной премии СССР Петр Алексеевич Цветков, который в 1941 г. был на автозаводе начальником технологического бюро:

— Седьмого ноября на завод приехал секретарь ЦК и МК ВКП(б) Александр Сергеевич Щербаков. Собственно, завода не было — были помещения цехов. Большую часть оборудования и людей в октябре эвакуировали на восток. Увезли все, что могли снять, даже кабель из земли вырыли. Щербаков сказал: нужны автоматы. Через две недели начали штучный выпуск, в декабре стали организовывать поток, с января пошел конвейер.

Стрелковое оружие на автозаводе — за две недели. Еще автозавод делал снаряды для «катюш», снаряды для зениток, минометы, мины, авиационные боеприпасы, окопные печки. А с июня 1942-го, кроме того, возобновил выпуск автомобилей. При этом не сокращалось — расширялось производство машин на новых автозаводах, созданных в Ульяновске и Миассе на базе эвакуированной части Московского автозавода.

Рассказывает Исаак Моисеевич Зальцман, в годы войны — директор Кировского завода в Ленинграде, затем — челябинского Танкограда, в 1942—1943 гг. — нарком танковой промышленности:

— До войны производство тяжелых танков на Кировском заводе было штучным. За три недели с начала войны коллектив сделал его серийным, хотя в те дни уже началась эвакуация людей и оборудования на восток. А полковых пушек стали делать столько, что часть потом вывозили из блокированного города по Дороге жизни. С октября по декабрь основная часть оборудования и коллектива перебиралась в Челябинск. Туда же двигались Харьковский дизельный, московские «Красный пролетарий» и завод шлифовальных станков, часть СТЗ. С 6 октября все это вместе с ЧТЗ именовалось Челябинский Кировский завод, по газетам военных лет он был известен как Танкоград. К концу октября производство тяжелого танка КВ стало серийным, в начале 1942-го — массовым. В дополнение к КВ позднее за 33 дня организовали серийное производство Т-34, потом за 51 день — еще и танков ИС. В августе 1942-го немцы испытали под Ленинградом первые шесть «тигров», которые должны были, по их расчетам, дать им качественный перевес над нашими танками. Один был захвачен целым, передан нашим конструкторам для изучения. В октябре того же года был готов их ответ — началась организация массового производства самоходки с пушкой 152 мм. Наши солдаты прозвали потом САУ-152 «зверобоями» — их снаряд, бывало, срывал с «тигра» башню.

Из воспоминаний авиаконструктора А. С. Яковлева: «...В сентябре 1941 года на строительную площадку из Москвы начали прибывать эшелоны с эвакуированными. Станки устанавливались и запускались в цехах, не имевших крыш. Началась сборка самолетов из узлов, привезенных со старых мест. К концу декабря

здесь было выпущено три первых штурмовика «Ил-2»».

Эвакуированный из Москвы в Сибирь завод, производивший истребители «Як», через три недели после прибытия на новое место начал регулярно выпускать самолеты, через три месяца превзошел московский объем выпуска, через одиннадцать месяцев делал самолетов в семь с половиной раз больше, чем до эвакуации.

Почему же сейчас так не получается? Оскудела талантами земля наша? Ничуть. Ни рабочие, ни инженеры нынешние по мастерству не уступят тогдашним, скорее даже — превзойдут, потому что знаний за 40 лет прибавилось. Нынешний саратовский токарь Борис Батраханов, например, не уступит Дмитрию Босому. Сделать на самых «невыгодных» деталях пять, а то и десять норм он может, не особенно утомляясь. Между прочим, сам Батраханов считает, что творческими способностями, позволяющими создавать приспособления и таким образом перевыполнять нормы, обладает в той или иной степени каждый третий рабочий. Что ж, очень может быть — вспомним, сколько последователей было у Босого.

У Босого... Не у Батраханова. Александр Никитин в «Литературной газете» подробно описал, как и почему «царь-токарь» Батраханов оказался неудобен на родном заводе всем — от соседей-станочников до директора. Успокоились только тогда, когда Батраханова убрали от станка, сделали токарем-инструктором на окладе, чтобы не смущал ни рабочих, ни руководство «чрезмерными» заработками. За пятерых работая, он за троих зарабатывал. Как он работал — не каждый мог разобратся, а высокий заработок был у всех на виду, у многих вызывал подозрения, а для директора просто создавал проблемы. С переходом на оклад Батраханов сильно потерял в заработке, однако доволен: наконец избавился от косых взглядов и неприятных разговоров. Но ведь тысячи таких, как он, по-прежнему «неудобны» и не могут работать в полную силу. Кстати, когда знаменитый Сериков начинал бригадный подряд в промышленном строительстве, «неудобной» стала вся его бригада. Удобными были только середняки.

У инженеров, у конструкторов примерно то же самое. Во время войны за недели осваивали танк, самолет, «катюшу». А сейчас никак не запустят в серий-

ное производство, например, автомат для глубокого бурения на нефть и газ, крайне необходимый промышленности. Более двадцати лет назад он изобретен, признан нашим Комитетом по делам изобретений и открытий, запатентован за рубежом. Счастливее многих других несостоявшихся новинок: изготовлен «Уралмашем» опытный образец, успешно испытан. Но тому уже более десяти лет. Начало его серийного выпуска было предписано еще документами XXV съезда партии на десятую пятилетку. Но и в двенадцатой дело не сдвинулось, и неизвестно когда сдвинется.

Ограничусь одним этим случаем, чтобы не сорвалась лавина: тысячи изобретателей могут рассказать тысячи печальных историй. Как о новаторе-рабочем, так и о новаторе-инженере: высоко ценимые, нужные, желанные всем нам, нашему обществу в целом, они не нужны, неудобны тем руководителям, тем предприятиям и учреждениям, от которых непосредственно зависит практическое приложение их выдающихся способностей.

Буровой автомат, например, нужен нашей промышленности сегодня не меньше, чем новое оружие фронту во время войны. Главная энергетическая кладовая страны — Западная Сибирь, освоенная небывалыми темпами благодаря трудовому героизму нефтяников, так же необычайно быстро подошла к пределу мощности самых крупных месторождений. Дальше — нефть небольших месторождений, нефть глубоких пластов. Это — основное богатство региона. Но для того чтобы брать ее, нужна особая техника. Еще в конце 70-х годов газеты писали, что объемы бурения придется удваивать каждую пятилетку. Называли и более внушительную цифру роста затрат: добавлять по 30% проходки в год. Следовало бы сразу сказать: это при существующей технике невозможно — не может громадная отрасль требовать ежегодно такого прироста капиталовложений, какого вся промышленность не получает и за пятилетку.

Буровой автомат обещает возможность спасительную: вдвое меньше людей, вдвое меньше станков по сравнению с ныне применяемым оборудованием. Но Миннефтепром и Мингазпром, видимо, больше думали о другом: техническая революция в отрасли — огромный труд, забота на много лет. Проще требовать у государства все новые миллиарды рублей. Уже ле-

тают к сибирским буровым вахтовые бригады не за десятки, а за тысячи километров — из Поволжья, с Украины. И пришло неизбежное: отрасль, справлявшаяся с планами даже во время войны, едва ли не впервые в своей истории перестала выполнять план. Теперь надо наверстывать упущенное.

Нет, я не ставлю себе задачу пристыдить предполагаемых рутинеров примерами из нашего героического прошлого. Злостные нахлебники или бюрократы стыдиться не способны, не для них пишу. А честные люди — их большинство — имеют веские причины работать так, как работают. Наша задача — понять столкновение интересов, связь экономических, социальных явлений. Что, как, почему — выяснить, а не осудить. Главное — почему. И можно ли работать сейчас не хуже, чем тогда. И как этого добиться.

С большими опасениями ставлю я вопрос об опыте военной экономики в один ряд с размышлениями об экономике сегодняшней. Потому что не раз встречал людей, у которых готов «простой» рецепт: скоординировать построже, призвать погромче — и все будет в порядке. Нет, не будет. И во время войны это не так «просто» делалось, а сейчас тем более надо иначе. Однако изучать опыт тех лет нужно. Не просто с благодарностью помнить, не просто памяти героев поклониться — изучить. Но не для копирования. Для чего же?

Прежде всего — чтобы знать, какие результаты вообще возможны, достижимы, и притом при самых ограниченных ресурсах. Это ведь и есть интенсификация — когда с малыми ресурсами получают значительные результаты.

Кроме того, опыт военных лет помогает понять некоторые общие закономерности индустриального производства. Важнейшая истина, мне кажется, заключается в том, что современное индустриальное производство, вопреки кажущейся очевидности, не жестко по своей организации и структуре. Мы забываем об этом, порой даже не хотим этому верить. Строга умная технология, неумолимы стройные планы, включающие в единый ритм миллионы людей, наперед известны паспортные данные машин, загодя расписаны снабженческие заявки — что может здесь изменить песчинка-человек? Кажется, для успеха дела только и требуется все до мелочей заранее преду-

смотреть, точно указать в планах действия каждого, а потом постороже проследить за исполнением.

Отчасти так оно и есть. Отчасти даже полезно так думать — иначе не будет порядка. Исполнительность, бесспорно, нужна. Но военная экономика вдруг поражает открытием: как много инициативы и самостоятельности требовала тогда исполнительность! Просто выполнить команду «сверху» — значило ничего не выполнить.

П. А. Цветков на мой вопрос: «Как можно было за две недели поставить на автозаводе совершенно новое производство автоматов?» — сначала ответил:

— Работали по 12—14 часов в сутки.

И. М. Зальцман:

— Не жалели себя.

Из воспоминаний А. С. Яковлева:

— Это был подвиг.

Бесспорно. Но чего-то мне не хватает в ответах. Ведь в десятки раз ускоряли работу. За считанные дни добивались того, на что прежде уходили годы. Как? Наконец П. А. Цветков произносит:

— Все делали параллельно: конструкцию, технологию, оснастку.

Это уже понятнее.

И. М. Зальцман:

— Было не только крайнее напряжение физических сил — было творчество, умение решать самостоятельно и брать на себя ответственность, была смелость мысли, был маневр. Была особая система организации инженерного труда, в которой можно выделить ряд устоявшихся принципов.

Главный конструктор Танкограда Ж. Я. Котин внедрял скоростные методы проектирования. Конструктор намечает узел — рядом технологи, инструментальщик. Они работают не последовательно, а параллельно, точнее — все вместе. После окончания работы конструктора практически закончена и подготовка производства.

Когда была предложена идея новейшего танка ИС-3, директор Танкограда дал конструкторам месяц на выполнение рабочих чертежей, а опытному производству — тот же месяц на изготовление опытного образца. Чертежи передавали частями, по мере готовности. Конечно, были переделки в металле, но выигрыш времени окупал все.

Из воспоминаний Г. А. Кулагина: «На Металлическом заводе (мирная специальность — турбины электростанций) в августе сорок первого за две недели построили бронепоезд. Заводская газета писала: «В мирное время... завод вел бы специальные переговоры со многими организациями. Потом засели бы за работу конструкторы: общий вид... детальный проект... рабочие чертежи, нормали, заказ материалов и т. д. и т. п.» Теперь, поручая эту работу, главный инженер завода А. И. Захарьин на вопрос подчиненных о техзадании и чертежах ответил:

— Ничего нет и не будет. Никаких не нужно чертежей и согласований. Все «по месту». Если пустить по правилам — ничего не выйдет. Сами все решайте...»

«Сами все решайте», — запомним эти слова. В них заключено то, что отличает инженера по существу от инженера лишь по должности и диплому. Настоящий инженер — тот, кто сам разрабатывает и принимает инженерные решения.

— На танковых заводах выше всего ценили конструктора, его поднимали, поощряли, — вспоминает И. М. Зальцман. — Если же взять цехового инженера, то его главная обязанность — все равно инженерная: организация рабочего места рабочих. Инженеров Танкограда не отвлекали от их прямого дела. Речь не только об отвлечении на физический труд по разным производственно-хозяйственным надобностям. Бывает, инженер исправно исполняет должностные обязанности, да сами обязанности эти на поверку — не инженерные. Превращают порой инженеров в толкачей по внутризаводскому снабжению, переписчиков и переносчиков бумаг, передатчиков чужих распоряжений, контролеров за исполнением чужих чертежей. Этого мы не допускали.

На всех крупных заводах военного времени господствовал принцип: производство должно быть как можно более массовым, в идеале — конвейерным. В 1942 г. на производстве танков в Нижнем Тагиле появились 11 поточных линий — такого не имели ни Германия, ни США. Эвакуированный в Тагил из Киева институт Е. О. Патона создал автоматическую сварку танковой брони под флюсом, удесятирив производительность по сравнению с ручной сваркой, — такого тоже не было в мире. Уральские металлурги научились прокатывать броню на обычном блюминге, а бро-

невую сталь варить в обычном большом мартене вместо дуплекс-процесса на двух малых печах — такого тоже в мире не знали.

По утвержденным правилам ничего этого не получилось бы. И не только по известным правилам технологии, но, например, и по строгим правилам снабжения ничего не вышло бы. Правила-то оставались — снабжения не было. Война обрубил налаженные связи. Теперь недостаточно было одной дисциплины — требовалась инициатива. Патоновская сварка брони под флюсом сразу оказалась под угрозой: не было флюса (производивший его завод захватил враг). Патон говорил:

— Урал богат. Искать и искать!

Нашли буквально под ногами бросовый материал: доменный шлак. Надо было очень хотеть найти: давно знали, что шлак не годится, оказалось, шлак старого Ашинского завода, работавшего на древесном угле, — годится.

Завод, производивший истребители «Як», лишился поставщиков материалов. В эвакуации родилась модель «Як-9» — не только лучше прежней, но и изготавливаемая из местных, сибирских материалов. В округе выросли малые предприятия авиаприборов, аппаратуры.

Стахановец-металлист Иван Гудов в годы войны был одно время на ответственной должности в станкостроительном главке. К нему часто обращался директор автозавода И. А. Лихачев: заводу, отославшему все лучшее на восток, нужно было оборудование, не предусмотренное планом. Директор предлагал взаимопомощь: оборудование в обмен на сверхплановые грузовики.

— А как же государственное фондирование? — спросил Гудов.

— Вот увидишь, придет такое время, когда забудем вообще о фондах. Потребитель будет иметь дело с изготовителем.

Реальное производство не жестко. И хороший план тоже не должен быть жестким. Он должен быть строгим, директивным, должен быть законом — все верно. Но не должен быть жестким. Там, где в производственной жизни возможны варианты, там и план должен оставлять простор для вариантов. План должен предписывать общественно важную цель, а не спосо-

бы движения к ней. Просто потому, что планирующий центр не может знать самые лучшие способы — они видней на месте.

Что мог сделать руководитель высокого уровня тогда, в первую военную зиму, когда в Танкограде не хватало барабанов для танков? Зная объем потребности в деталях, с одной стороны, зная паспортную производительность станков и нормы выработки станочников — с другой, он мог только предложить добавить на эту операцию станков и станочников. А если их на заводе нет — пусть Танкоград подождет, пока закажут и изготовят станки, пока обучат станочников. В современных условиях многие директора так и отписали бы в министерство и в Госплан. А до того попросили бы скорректировать задание. И только токарь Павел Быков знал то, что не могли знать ни директор Танкограда, ни Госплан: знал, как обточить за смену одиннадцать барабанов вместо двух. Значит, хороший план должен оставить заводу — от токаря до директора — возможность проявить свои знания в дополнение к знаниям Госплана. И не только возможность, конечно, — еще требуется желание.

Тем более не мог знать никакой плановый орган, что в голове инженера Балжи родилась конструкция новейшего танка. А если бы и узнал — не позволил бы ломать налаженное производство: шел уже 1944 год, и не было никакой уверенности, что новая машина успеет появиться на фронте до конца войны. Нужно было, чтобы Зальцман, директор завода, сам, по своей воле сделал то, к чему никакой приказ не мог бы его принудить. Он решил за месяц изготовить опытный образец, чтобы показать его армейскому командованию. И танк ИС-3 успел к штурму Берлина.

Опыт военной экономики не даст ответ на вопрос: как в современных условиях сделать новую машину за недели и месяцы, а не за годы и десятилетия. Но он убеждает, что это возможно. Технически возможно. А это уже немало. Опыт войны показывает также огромную силу инициативы, в том числе каждого рабочего, инженера, а тем более — целого предприятия. Наконец, опыт военной экономики предупреждает против чрезмерного централизма управления, доказывает необходимость передавать многие решения на усмотрение предприятий.

Кому-то такое утверждение может показаться странным. Директор одного из крупнейших заводов военных лет, прославившийся тогда удивительными успехами в организации производства, рассказал, что его по сей день, бывает, спрашивают, правда ли, что он руководил заводом, размахивая пистолетом. В этом анекдоте отразилась распространенная версия: система управления военной экономикой — это-де система исключительно командная, не содержащая иных ценностей, кроме умения определять и безоговорочно выполнять волевые задания — выполнять «любой ценой». Крайний централизм планирования, директора заводов в генеральских погонах, мобилизованные рабочие — к этому сводится хозяйственный механизм войны в подобных представлениях.

Было, конечно, было, не могло не быть в те решающие дни: безоговорочный централизм планирования, директора-генералы, суровые законы о труде. Но если бы только это и было — как бы пришла к нам Победа?

Однако оставим предположения, обратимся к фактам.

1 июля 1941 г., на десятый день войны, вышло постановление правительства «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». Часть прав, прежде принадлежавших правительству, теперь передавалась на ступень ниже. На практике такой шаг не ослаблял, а укреплял проведение единой государственной воли, но в примитивные представления о централизме он, конечно, не укладывается. В том же месяце это постановление было распространено на народных комиссаров РСФСР и УССР. Фактически оно использовалось для расширения прав не только наркомов, но и руководителей крупнейших предприятий: их назначали заместителями наркомов по должности. Права заместителей наркомов получили известный авиаконструктор А. С. Яковлев, директор Кировского завода И. М. Зальцман, главный конструктор того же завода, знаменитый конструктор танков Ж. Я. Котин и др.

То же постановление позволяло наркомам предоставлять значительные права предприятиям в сфере, где централизм был наибольшим, — в распоряжении материальными ресурсами: «Разрешать директорам предприятий и начальникам строек для выполнения

производственных планов и заказов по договорам выдавать из своих ресурсов другим предприятиям необходимые материалы». Централизм предполагал инициативу. Война выжигала бюрократизм, учила самостоятельно принимать решения и брать на себя ответственность.

И. М. Зальцман рассказывает:

— В 1941-м на Урале мне дано было право останавливать любой эшелон с эвакуированных предприятий и брать все, что нужно для Танкограда,— оборудование, материалы, людей, и только потом докладывать Политбюро.

Потом докладывать. Сначала решать и поступать на свой страх и риск. Директора крупных заводов не зря становились генералами—их маневры значили для успеха войны не меньше, чем маневры войсковых соединений.

В октябре 1941-го — самом, может быть, страшном месяце войны, когда неясна была судьба Москвы,— Ставка попросила Зальцмана срочно направить в столицу из Челябинска все танки, какие есть. Руководители завода только что прилетели из Ленинграда, производство в Челябинске только налаживалось, снабжение — тоже. Несколько десятков танков собрали из привезенного с собой задела, но не было для них стартеров. В наши дни — «железное» основание просить отсрочки, ждать, пока пришлют недостающий узел. А что еще, в самом деле, можно придумать? Танкоград отправил танки без стартеров. С эшелонам поехали заводские слесари. Из Москвы навстречу шли стартеры. Около Куйбышева эшелоны встретились, стартеры были взяты в челябинский эшелон и на ходу установлены. Танки пошли в бой прямо с платформ.

Еще и еще раз: кланяюсь низко героям, но напоминаю об их свершениях не для того, чтобы возбудить ностальгию по тем временам. Это не помогло бы нам сегодня — только помешало. Ведь и в 1941-м не копировали опыт 1919-го, хотя основания как будто были: тогда война и теперь война. Победный опыт войны гражданской был еще близок и памятен многим — и все же не копировали, потому что понимали: нельзя копировать старое в новых условиях.

Для решения хозяйственных задач, которые поставила гражданская война, был найден ключ: «военный коммунизм». Он означал продрозверстку для крестьян-

ян-единоличников, составляющих четыре пятых всего населения. Он означал принудительную трудовую повинность для буржуазии. Он означал систему «главкизма» в промышленности, т. е. полную ликвидацию стоимостных отношений, производство и снабжение по нарядам главков, крайний административный централизм. И этот ключ оказался верным, коль скоро он дал решение поставленной задачи: обеспечил победу в войне. Но верным лишь для России, разоренной первой мировой войной, не начинавшей социалистические преобразования в деревне и едва приступившей к ним в городе, не знавшей планового хозяйства, не накопившей вообще никакого опыта социалистического хозяйствования. Созидательной силой «военный коммунизм» не обладал — это стало ясно, как только закончилась гражданская война. Для войны, в которой сибирские крестьяне могли поднять на вилы армию Колчака, он годился. Для новой, социалистической промышленности, призванной обеспечить «войну моторов», требовалось иное.

Но ведь и возможности в 1941-м были не те, что в 1919-м. И не только материальные, созданные индустриализацией. Был теперь и совсем иной опыт хозяйствования. В 1918 г. Ленин указал пример «планомерной организации»: Германия. В 1941-м у нас был опыт планового развития, какого не знала ни одна другая страна в мире.

Через неделю после начала войны правительство приняло «мобилизационный народнохозяйственный план» на третий квартал 1941 г. В августе был принят военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941-го и на 1942 г. Именно по этому плану за три месяца 1941 г. переместились на сотни и тысячи километров на восток более 1360 крупных предприятий — переместились и тут же начали давать продукцию.

История не знала подобного переселения заводов. Ехали на восток рабочие и специалисты с семьями, ехали станки, ехал задел деталей, которые на новом месте сразу поступали на сборку. Пылили по дорогам громадные гурты скота. А 12 тыс. работников Кировского завода были переброшены из Ленинграда на Урал самолетами.

Соревнование социалистической хозяйственной системы с экономической машиной агрессора началось не 22 июня 1941 г. Оно началось сразу после оконча-

ния гражданской войны, с поворотом к мирному строительству. Новый, военный народнохозяйственный план можно было ввести за несколько дней потому, что перед тем двадцать лет учились тому, чего прежде не знал никто: социалистическому планированию.

Был план ГОЭЛРО, открывший будущее перед разоренной страной. Была ленинская новая экономическая политика, породившая неведомое прежде слово «хозрасчет», научившая сочетать хозрасчет с планом, создавшая экономические методы централизованного управления. Был первый в мировой истории межотраслевой баланс народного хозяйства, разработанный ЦСУ СССР в 1925 г. и во многом предвосхитивший анализ затрат и выпуска продукции, сделанный позднее Василием Леонтьевым в США. Были годы научной и практической работы, завершившейся составлением первого в истории пятилетнего народнохозяйственного плана. Принципы подхода к пятилетнему планированию были изложены в 1927 г. в директивах XV съезда партии. Были насмешки всего буржуазного мира над фантазиями большевиков, а затем охвативший его великий кризис, когда вперед шла экономика только одной страны в мире — нашей. Это было не только победой практики социалистического хозяйствования, но и достижением советской экономической науки. В 60-е годы, когда методы оптимального планирования получили всемирное признание, лауреат Ленинской премии профессор В. В. Новожилов напомнил, что директивы XV съезда партии содержали не только постановку задач на оптимум, но и указание направлений их решения. А в 1965 г. в Париже вышла книга французского ученого Коллета, который показал, что идеи, выдвинутые советскими экономистами в связи с первыми пятилетками, на 20—30 лет опередили аналогичные работы западных авторов. Наконец, в 1939 г. Леонид Витальевич Канторович, позднее лауреат Ленинской и Нобелевской премий, решая свою задачу для фанерного треста, создал линейное программирование — на восемь лет раньше, чем дошли до него американцы.

В военно-хозяйственном плане обозначались задания по производству танков и пулеметов, самолетов и пушек, боеприпасов и порохов. Он устанавливал задания по вводу котлов и турбин, доменных и мартеновских печей, шахт и коксовых батарей. Все было в

нем расписано, как положено в таком плане: что, где, когда. Но в нем было и другое — главное для социалистического планирования: он определял не только выпуск той или иной продукции — он определял пропорции воспроизводства в масштабах страны. Пропорции военного времени.

Установление этих пропорций не было простым волевым актом. Осмысливая уроки планирования военной экономики, Н. А. Вознесенский писал о том, что вызвало бы протест у многих хозяйственников 1918 г. и что служило основой планового управления в 1941—1945 гг.: существуют экономические законы производства и распределения, «с которыми должно считаться социалистическое планирование как в период мирной экономики, так и в период военной экономики». И продолжал: «Наиболее элементарным законом издержек производства и распределения продуктов является преобразованный в советской экономике закон стоимости. В социалистической экономике закон стоимости означает необходимость вести денежный, а не только натуральный учет и планирование издержек производства, т. е. затрат общественного труда на производство общественной продукции». И еще: «Государственный план в советской экономике использует закон стоимости для осуществления необходимых пропорций в производстве и распределении общественного труда и продукта...»

Конечно, во времена Н. Вознесенского понимание действия закона стоимости при социализме было менее полным, чем сегодня. Однако можно ли оценивать сейчас тогдашнее понимание только по научным трудам 40-х годов? Вернее будет оценить его по некоторым практическим результатам хозяйствования в годы войны.

Известно, что в 1915 и 1916 гг. расходы государственного бюджета царской России покрывались доходами лишь на одну четверть, на 1917-й вообще не удалось утвердить бюджет, дефицит превысил 80%. Добавим, что сейчас, в мирное время, для правительства богатейшей страны капиталистического мира, США, дефицит бюджета и государственный долг — самая трудная экономическая проблема, оттеснившая даже инфляцию и безработицу. В СССР в 1942 г. дефицит госбюджета составил менее 10%, в 1943-м — менее 4%, в 1944-м дефицита уже не было. В резуль-

тате эмиссии, необходимой для покрытия дефицита и финансирования военных расходов, количество бумажных денег в обращении за три года первой мировой войны возросло в России в 14 раз, за три года Отечественной войны — лишь в 2,4 раза. При завершении денежной реформы в 1924 г. 1 новый руб. приравняли к 5 млн старых, при реформе 1947 г. — 1 новый руб. — к 10 руб. старым.

Свидетельствует А. Г. Зверев, в годы войны — народный комиссар финансов СССР. 70% государственных доходов за те годы дало социалистическое хозяйство. Примерно половину остальных 30% дали налоговые поступления от населения, половину — добровольные взносы: государственные займы и взносы трудящихся в Фонд обороны.

В социалистической стране никто не извлекает из военного производства прибыли для себя лично. Нелыханное дело: во время Отечественной войны советская промышленность систематически снижала цены на поставляемое армии оружие — это послужило важнейшим источником ликвидации бюджетного дефицита. Шла напряженная борьба не только за время, но и за снижение себестоимости продукции. Так в повседневной хозяйственной жизни проявлялась фундаментальная истина: советский государственный план — в отличие от государственного воздействия на экономику в капиталистических странах — опирался на общественную собственность и выражал коренные интересы самих трудящихся.

Однако сами эти интересы во время войны (как и в 30-е годы, когда шла подготовка к обороне от неминуемого нападения) были специфическими. Их можно было свести к одному лозунгу: «Все для фронта». Централизованное планирование в рамках директивно-распределительной системы как нельзя лучше служило этой задаче. Оно позволяло направить все ресурсы на главные цели, от достижения которых зависело — жить или не жить стране.

Задержимся на этих словах: «направить на главные цели». Куда направить — это ясно. А откуда? От каких задач оторвать, признав их не главными? Да от всех, без каких можно воевать. Если иного выхода нет — то даже от пропитания тех, кто не воюет и не производит оружие и все прочее, необходимое фронту. Так и было — мы знаем, с голоду умирали не

только в блокадном Ленинграде. Подобная хозяйственная система неизбежно должна была подкрепляться мерами принуждения. Законы о труде стали весьма суровыми еще до войны, а с ее началом — тем более. Было и материальное стимулирование, и весьма действенное, — не только в виде зарплаты и премии, но и посредством различий в карточках и талонах на приобретение вещей. Материальное стимулирование не исключало того, что принуждение было неотъемлемой частью военной экономики. Но не принуждение было ее социальной опорой. Народ принимал такой порядок, сознавал его неизбежность в условиях войны и одобрял — вот что было главным. Как было написано годы спустя: «Нам нужна одна победа, одна на всех — мы за ценой не постоим».

Каков же вывод из этого рассказа о славном опыте военной экономики? Прежде всего он подтверждает, что в принципе можно работать гораздо лучше, чем мы работаем сейчас, можно значительно быстрее решать задачи технического прогресса, обновления структуры производства — те самые, которые составляют камень преткновения сегодня. Опыт войны подтверждает затем, что такого ускорения нельзя добиться лишь по приказу «сверху». Даже в жестких военных условиях для этого требовалась также инициатива «снизу», требовалось творчество, а не слепое исполнительство. Наконец, опыт войны показывает, что для всего этого требуется специфическая система стимулов, невозпроизводимая в обычных мирных условиях. Можно сказать так: для того, чтобы работать с такой же эффективностью, как это удавалось во время войны, нужно работать иначе, чем тогда. Если работать буквально так же — ничего хорошего не получится.

Сейчас порой появляются попытки мифологизировать военную экономику. Патриотизм, сознательность народа, его энтузиазм пытаются представить непосредственными двигателями производственного процесса. Бывало, конечно, и так. Но повседневный тяжелый труд, вовлекающий не только лучших людей, а всех, и вовлекающий не на часы и дни, а на годы, — он непосредственно лишь на сознательности держаться не мог. Сознательность, определявшая поддержку народом политики партии, для повседневных трудовых усилий должна была опосредствоваться определенной

хозяйственной системой, получившей позднее наименование директивно-распределительной, а проще — административной. И успешное применение этой системы в отчаянно трудные годы нередко порождает предложения пустить в ход старые приемы и для решения современных задач, которые кажутся авторам этих предложений более простыми, чем задачи экономики в годы войны.

Подобные призывы находят отклик еще и потому, что созданная под руководством Сталина в 30-х годах система управления экономикой действовала и после войны, в конце 40 — начале 50-х годов, и в памяти многих запечатлелась как время хозяйственных успехов и даже благосостояния. Тому есть свои причины.

Два ярких факта остались в памяти тех, кто помнит это время: отмена карточек в 1947 г. и затем в течение нескольких лет ежегодные сообщения о снижении цен. То и другое было на самом деле. Но было не только это. Средний уровень розничных цен после денежной реформы и отмены карточек в 1947 г. был втрое выше, чем в 1940-м, тогда как средняя денежная заработная плата рабочих и служащих в 1950-м превосходила довоенную менее чем вдвое. Снижения цен в 1948—1954 гг. понизили общий уровень цен в 2,2 раза и, таким образом, не возвратили их к уровню 1940 г.

В свою очередь, в 1940 г. индекс розничных цен превосходил уровень 1928-го в 6,4 раза. Точно в такой же степени возросла за эти годы и денежная зарплата, так что ее покупательная способность за 12 довоенных лет не увеличилась. Снижение цен в 1948—1954 гг. сопровождалось изъятием у населения значительных сумм в виде государственных займов и ограничением роста зарплаты. Если учесть, что среднемесячная зарплата в 1950 г. составляла 64 руб., то нетрудно понять, почему в то время не были дефицитными икра и крабы, но не хватало сахара и хлеба. Добавим, что колхозники, составлявшие в ту пору наиболее многочисленную группу трудящихся, в большинстве своем мало что получали на трудодень да еще платили денежный налог за приусадебное хозяйство, которое поневоле служило основным источником пропитания. При этом они не имели паспортов и не могли по своему желанию покинуть деревню.

Наконец, следует помнить и о том, что заметное

расширение жилищного строительства началось лишь после 1957 г. В 1950 г. средняя обеспеченность городского населения жильем составляла 7,4 м² общей площади в расчете на одного жителя (с учетом и домов в личной собственности, составлявших треть городского жилищного фонда). Соответствующая цифра за 1940 г. — 6,7, за 1913-й — 6,3 м² (в 1986-м — 14,3).

Фактически с окончанием войны в трудовых отношениях, методах материального стимулирования и системе распределения не произошло существенных изменений, за исключением отмены карточек. И совсем ничего не изменилось в хозяйственном механизме, в системе планирования и управления производством. Между тем основные цели общественного производства изменились коренным образом. Вместо целей избирательных (оружие и снаряжение для фронта) на первый план вышли цели всеобщие (повышение благосостояния трудящихся). В конце 40-х годов даже в Москве за швейными машинами и телевизорами выстраивались очереди не меньше, чем в годы войны — за хлебом.

Одно это изменение количества жизненно важных целей уже в корне меняло задачу плановых органов. Почти не стало второстепенных потребностей, которыми можно было пожертвовать во имя главных. Но задачи планирования изменились не только количественно — они преобразились качественно. При составлении и оценке выполнения плана производства танков или самолетов планирующий центр выступает как естественный и единственно возможный выразитель общественных потребностей. Иное дело — планирование ширпотреба. Сколько нужно брюк узких или широких, сколько шевитовых или джинсовых, сколько синих, серых или еще каких-нибудь — это знают только покупатели, да и то лишь в момент покупки, а не во время составления плана — даже годового, не говоря уж о пятилетнем. Конечно, методы предвидения спроса существуют и в этой сфере, но во всяком случае планирование должно стать более подвижным и менее централизованным. Между тем и в 40-х, и в 50-х годах сохранялась уверенность, что только сложившаяся система планирования наилучшим образом выражает общественные интересы. Нарастало несоответствие, которое не могло не сказаться на развитии общественного производства.

Существует представление (оно высказывалось и в печати), будто первый спад темпов роста промышленного производства произошел после ликвидации в 1957 г. отраслевых министерств и создания совнархозов. Факты не подтверждают этого. За все послевоенное время резкое снижение темпов случилось лишь однажды, в 1951 и 1952 гг., что вполне удовлетворительно объясняется завершением периода послевоенного восстановления. В 1947—1950 гг. ежегодные приросты промышленной продукции составляли 20—26%, в 1952-м этот показатель упал до 12, после чего до 1962 г. включительно колебался на уровне 10—12%. Совнархозы не изменили долговременную тенденцию постепенного замедления роста промышленности.

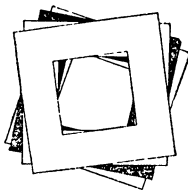
Причины трудностей и выход из них надо было искать не в системе административных органов, а глубже — в самих экономических отношениях. Мысль эта распространялась все шире с начала 60-х годов, когда развернулась памятная многим экономическая дискуссия. Для большинства пишущих об экономике это было время своеобразного ликбеза — первых шагов от полной безграмотности к начаткам грамоты.

Как-то, уже после начала экономической реформы, определенной решениями 1965 г., я поднял свои блокноты конца 50 — начала 60-х годов, посвященные одной теме — экономике строительства, и по ним попытался проследить собственный путь обучения. Так родился очерк, напечатанный в 1967 г. в «Новом мире». Его текст, составивший — с минимальными исправлениями — следующую главу, показывает, насколько продвинулось тогда экономическое мышление по сравнению с 50-ми, а тем более — с 30—40-ми годами. За этим движением экономической мысли стояло движение реальных проблем, возросших настолько, что уходить от реформы было уже невозможно.

Я считаю нужным включить в книгу для современного читателя старый очерк из журнала Твардовского отнюдь не ради сентиментальных воспоминаний о неудавшейся борьбе за ту реформу. Несмотря на поражение, борьба эта была не совсем бесполезной. Она помогла изжить многие предрассудки сталинского времени, дала опыт, который позднее постарались предать забвению идеологи застойного периода. Этот опыт нужно вспомнить сегодня, чтобы не повторить ошибок, не дать остановить реформу наших дней.

2.

Нет ИСКЛЮЧЕНИЯ без правила

На Сахалине мало осталось шахт, в которые я не залезал,— когда-то это было предметом моей тайной гордости. Я помнил, где какие пласты, и знал, как выполняет план любой из угольных трестов. Привозил из командировок на шахты хвалебные очерки и ругательные фельетоны. Но однажды в городе Шахтерске я побывал в шахте, которая оставила лишь чувство горестного недоумения.

Исправно гудели могучие вентиляторы, нагнетая свежий воздух, насосы откачивали воду, ярко горел свет в протянувшихся на километры штреках. Все было, как на других подобных предприятиях, кроме одного: она не давала угля.

Это была строящаяся шахта. Однако я не увидел живого движения стройки: в тот день никакие работы там не велись. Она строилась уже десять лет. В некоторых штреках деревянная крепь успела обветшать, кровля рухнула, и они были пройдены второй раз. Мне сообщили, что от одного лишь растягивания сроков строительство обошлось уже вдвое дороже, чем полагалось по смете: ведь затраты на содержание

построенной части были не меньше, чем на нормальном, действующем предприятии, но они ничем не окупались.

Помнится, тогда я ничего не смог написать. Но и забыть виденное тоже не мог. Много всяких долгострогов встречал я до и после этого случая, все они вызвали грустные или сердитые размышления, но почему-то именно этот особо врезался в память, словно чья-то мрачная и бессмысленная шутка. Может быть, все дело в том, что разорительность недостроенного наземного предприятия не столь наглядна. Там неживые корпуса стоят тихие, как кладбище, неслышно течет время, неслышно набегают зарплата дирекции строящегося завода и охраняющим его сторожам. Шахта так не может. Действующая или строящаяся — она дышит всеми своими пройденными выработками, и оттого особенно поражает этот фантом: живет и не живет.

Однако на самом деле любой недостроенный завод ничем не лучше той шахты. Это ведь разве только при Иване Калите считалось: лежат деньги, — значит, целы, слава богу. Давно уже известно другое: лежат, — значит, пропадают. Деньги должны двигаться, оборачиваться, ибо только в движении рубль обрастает новыми копейками. Сегодня в нашей стране в самые разнообразные строящиеся объекты, начатые и неоконченные, вложено около 30 млрд руб. Считается, что в среднем современное предприятие должно окупаться лет за семь — примерно по 15% стоимости в год. Следовательно, продержат 30 млрд замороженными лишний год — значит потерять безвозвратно 4,5 млрд. (Эти заметки были опубликованы в журнале в 1967 г. Цифровые данные с тех пор изменились. Например, в 1986 г. стоимость незавершенного строительства достигла 139 млрд руб.)

Расчеты эти весьма приблизительны, они лишь должны дать представление о масштабах проблемы. А проблема заключается в том, что наши стройки, за редкими исключениями, затягиваются сверх нормативного (т. е. вполне достижимого при современной технике) срока. Причем часто затягиваются не на один год. Например, Западносибирский металлургический завод дал первый металл после восьми лет строительства, а до полного цикла ему и после того оставалось далеко. В том же городе тридцатью годами

раньше подняли Кузнецкий комбинат за три — четыре года.

В Ростовской области несколько шахт вместо трех-четырёх лет строили по восемь — двенадцать лет. В Кузбассе по восемь — десять лет строили цементные заводы.

Нарушение сроков строительства стало привычным, строители чаще превышают их, чем соблюдают. Потери от этого не ограничиваются исключением из оборота десятков миллиардов рублей. На строящемся заводе есть своя дирекция и обслуживающий персонал — меньше, чем на действующем, но есть. Строящийся, как и действующий, надо охранять, освещать, поддерживать в порядке, а если дело затягивается — ремонтировать.

Завод не вступает вовремя в строй — потребители не получают его продукцию, на которую рассчитывали.

В Омске близ нефтеперерабатывающего завода я видел гигантский факел: сжигали газ — отход переработки нефти. Собственно, не отход, а один из продуктов. Для использования этого газа рядом построили громадный завод синтетического каучука, но строители нефтезавода отстали с пуском установок очистки газа. Поэтому неочищенный газ сжигали, а очищенный возили в Омск цистернами из европейской части страны. Омский завод синтетического каучука только на транспортных расходах терял 6 млн руб. в год. Пожалуй, не меньше терял и Омский нефтеперерабатывающий оттого, что сжигал свой газ, а не продавал соседу. Но ни тот, ни другой ничего не могли поделать со строителями.

В общем, все это давно известно. Давно уже строительство объявлено «вопросом вопросов». Давно ясно, что не сможет нормально действовать наша экономика, если не будет порядка в строительстве.

В пору хозяйственной реформы мы на многое стали смотреть новыми глазами. Когда дискуссии сменились делом, освобождение от многих заблуждений пошло чрезвычайно быстро. Прежде самыми распространенными объяснениями всех бед были примерно такие: «организованности не хватает», «Госплан путает», «в снабжении нет порядка». И вся мораль была: «усилить», «улучшить», «наладить». Помню то время, когда я ехал с первым своим газетным заданием на

стройку, вооружившись самой ходовой концепцией: во всем виноваты бюрократы-начальники. Следуя этой теории, я пошел прямо к рабочим:

— Ну как дела, ребята?

— Да вот сидим.

И они еще более укрепили мои тогдашние воззрения, заявив:

— Прорабу что — он на окладе. Нам получать нечего будет, а ему хоть бы что.

Когда потом прораб объяснял, что не подвезли кирпич, а кран сломался, я уже твердо знал, что этот чиновник просто ссылается на объективные причины (в то время эта формула была ругательной, с ярко выраженным разоблачительным оттенком).

Позже я узнал, что прораб, который «на окладе», зарабатывает меньше, чем квалифицированный рабочий. Да и весь его облик как-то не вязался с моим представлением о бюрократе. К тому же я скоро убедился, что прораб, в общем-то, не виноват.

Я стал искать бюрократа выше. Потом, много позже, я сам удивлялся силе этого стремления непременно найти противника, который лично творит все несуразности по своей злодейской воле. Помнится, на экзаменах по диамату все мы были убежденными материалистами. А в жизни упорно не желали видеть явление, всеми силами старались свести его к случаю, к массе отдельных случаев, в каждом из которых виновата личность. Найти ее, устранить — и будет порядок. Видимо, в основе здесь защитная реакция. Осознать новое явление — значит обречь себя на его изучение (не всегда легкое), но отказ от любимых предрассудков (не всегда безболезненный), на поиски новых решений (не всегда простых).

В общем, я быстро нашел нового бюрократа, действия которого объясняли все зло. И как было не найти, если о нем знал любой прохожий? За неделю до Нового года улицы Южно-Сахалинска покрылись кострами, вокруг которых застучали отбойные молотки, вгрызаясь в мерзлую землю. Народ возмущался: неужели осенью не знали, что понадобятся эти траншеи? Дальше — больше. Оказалось, что траншеи во все никому не были нужны. После Нового года их забросили, никаких труб в них не укладывали, а весной они заплыли глиной. Все это было сделано по указанию управляющего стройтрестом. Отвертеться он не мог.

Он и не стал отпираться. Да, велел копать траншеи зимой. Да, знал, что они понадобятся не скоро. А что бы вы делали на его месте? С самого января он просил увеличить план тресту, но ему отказали: денег нет. Годовые ассигнования трест освоил за девять месяцев. Дальше работа идет из милости: кто что наскребет. А в конце года в Москве обнаружили, что где-то на другом краю страны кто-то не выполняет план. Теперь с той организации деньги снимают и раздают тем, кто просил прибавки. И вот в конце декабря трест получает дополнительные деньги, которые были так нужны полгода назад. Что теперь с ними делать? За оставшиеся дни ни материалы добыть, ни новые объекты построить нельзя. Вот поэтому строительному тресту и остается одно — рыть траншеи: для этого никаких материалов не надо, а в план работа будет записана.

Я еще спросил наивно: разве нельзя было отказаться от тех денег? Конечно, можно было. Но ведь на будущий год опять мало дают, трест опять просит прибавки. Кто же ему даст, если он в этом году откажется? Ведь планируют по достигнутому. Из Госплана не видно, как оно достигнуто, это достигнутое. Тут деньги буквально зарыты в землю, а в отчетах — «освоены». Значит, могут осваивать, надо им дать еще.

Так мой идеальный бюрократ переселился еще выше — в совнархоз и Госплан. В Кемеровском совнархозе в 1961 г. я было почти совсем настиг его. Строительство в Кузбассе в ту пору шло из рук вон плохо. Взять ли кемеровский «Капролактан» или Беловскую ГРЭС, Топкинский цементный или сам Запсиб — негде было глазу отдохнуть. На Запсибе подсчитали: в первый год его строительства было выполнено работ в 4 раза меньше, чем в первый же год Кузнецкстроя, начавшегося в 1928 г. За свой второй год Кузнецкстрой создал в полтора раза больше, чем тридцать лет спустя создали строители Запсиба, за третий — в три с лишним, за четвертый — в два с лишним раза больше. Кузнецк поднимали на пустом месте голыми руками крестьяне в лаптях. В руках у строителей Запсиба были лучшая техника и сборный железобетон, рядом — могучий промышленный город Новокузнецк, позади — шесть пятилеток. Обидное получалось сравнение.

Где ни спросишь в Кузбассе, почему плохо строят, отвечали одно: материалов не хватает, база слаба. А между тем база была гораздо больше, чем требовалось, но использовали ее очень плохо. Заводы железобетонных изделий, деревообделочные, бетонные и пр. были розданы строительным трестам по одному, по два, и каждый такой хозяин делал со своим заводом что хотел, не заботясь о других. У одного на стройке простой оттого, что нет бетона, а у другого рядом бетонный завод недогружен — и не подумает помочь. На заводах железобетонных изделий — никакой специализации, каждый делает сотни разновидностей блоков — ведь один завод должен покрыть все потребности своего треста. Рядом «чужой» завод делает то же самое, но перераспределить номенклатуру, на каждом делать один-два вида блоков в массовом масштабе — об этом и думать было нечего. Для этого надо было отнять заводы у трестов, собрать их в одну организацию. Но совнархоз не шел на это.

В то время в областной газете «Кузбасс» работал корреспондентом мой друг Саня Никитин. Нелепость того, что происходило в строительстве, зрелище строек, дрящущихся десятилетиями, — все это возмущало его донельзя, и он повел священную войну за объединение заводов стройматериалов в одних руках, за нормальное развитие этой отрасли. Несколько лет он буквально жил этой идеей. Его одержимость подтверждается блестящими статьями в «Кузбассе».

Возражать ему было невозможно — из совнархоза приходили ответы, авторы которых соглашались с ним. Но ничего не менялось. После своей поездки в Кузбасс я написал в одной из центральных газет то же самое — с тем же результатом.

Гораздо позже Никитин ознаменовал свое освобождение от предрассудка большой статьей в «Известиях» под красноречивым заголовком «Злые шутки дяди Миллиона». А в ту пору мы оба разделяли убеждение, что главное в экономике — «единый хозяин», т. е. единый администратор, нажимающий все кнопки из одного центра. Мы знали мощь газетного слова и с его помощью вели атаку против самой экономической необходимости — этого мы не сознавали, иначе поняли бы, что атака безнадежна.

Да, каждой низовой строительной организации был совершенно необходим свой завод, и бюрократы не

были повинны в этом антигосударственном стремлении. Ведь хозрасчет был разрушен, материальная ответственность поставщика перед потребителем сведена к нулю. Поэтому вполне естественно стремление строителей иметь поставщиков у себя под рукой. Естественно и непреодолимо. А мы-то чуть было не пришли к грустному выводу, что непреодолима стена бюрократизма. Во всяком случае, я продолжал искать повинного во всем бюрократе.

Гипотеза о бюрократе в Госплане настигла меня на Севере, в Архангельской области. Там были в разгаре две крупные стройки: Котласский целлюлозно-бумажный комбинат и реконструкция Архангельского комбината. Обе стройки были в тот год пусковые, и обе испытывали огромные трудности. Новые мощности Архангельского комбината никак нельзя было пустить в срок. Бумажную фабрику, правда, построили, но не построили новую ТЭЦ, а без нее работать невозможно. Выяснилось, что капиталовложения для одного предприятия проходят по разным отраслевым отделам Госплана РСФСР: бумага и целлюлоза отдельно, энергетика отдельно, стройматериалы отдельно и т. д. Сговориться между собой им не удалось: на бумагу денег выделили достаточно, а на ТЭЦ мало. А перебросить ассигнования из одной отрасли в другую — ни-ни, это никому не позволено. Пуск новых мощностей был задержан на три года сверх срока. Каждый год реконструированный комбинат должен был давать 20 млн руб. прибыли. На эти деньги можно было финансировать еще одну такую стройку.

Так я и записал: в Госплане, мол, чиновники не могут между собой договориться, а кроме того, не желают перестраиваться в духе прогрессивной совхозовской системы, держатся за старые ведомственные привычки.

Ничуть не лучше шли дела и в Коряжме, хотя эта стройка — котласский комбинат — была умно задумана и умные люди руководили ею. Это был редкий образец правильной организации дела. Мы ведь уже привыкли к тому, что стройка начинается с палаток, с бездорожья, с тяжелого ручного труда. Все это — чуть ли не обязательные принадлежности тех мест, где, как принято думать, обитают романтика и трудовой героизм. Считается, что при асфальтовых улицах и центральном отоплении героизма быть не может. Затяж-

ные палаточные старты крупных строек наносят неисчислимый ущерб — экономический, политический и моральный. Разочаровываются и уезжают молодые романтики — они же и «рабсила», которая стоит немалых денег. Город строится дважды: сначала временный, потом постоянный — и неизвестно еще, какой обходится дорожке. Не подготовленное заранее, растягивается и дорожает строительство.

Но в Коряжме я ничего такого не увидел. Комбинат еще не был достроен, а город стоял — с иголки. Многоэтажные дома со всеми удобствами, школы и детские сады, парк, вечерний институт, кино и клубы. Деревья между домами строители поберегли, еще и новые посадили к старым. В общем, люди с самого начала жили культурно. Но и эта стройка, справедливо считавшаяся на фоне других образцовой, была таким же экономическим поражением, как многие другие. Ведь и она вместо нормативных пяти лет тянулась восемь лет только до пуска первой очереди, а пуск готовился в великом штурме.

Отнести все это на счет руководителей стройки никак нельзя было. И опять кругом выходил виноват он — бюрократ в Госплане. Всяких фактов, свидетельствовавших о его безобразиях, было сколько угодно.

И вот тут, при полной ясности очередной гипотезы, все запутал Евгений Юльевич Шварц, заместитель директора комбината по строительству. За свою жизнь он перебивал в строительных организациях на всех должностях, был и прорабом, и начальником стройуправления, а теперь приобрел новый опыт в роли представителя заказчика. Когда деловой наш разговор закончился и мы толковали о том о сем перед тем как расстаться, Шварц между прочим сообщил, что недавно защитил дипломную работу в Московском инженерно-экономическом институте имени Орджоникидзе, где учился заочно. Темой работы были показатели объема строительных работ. Автор критиковал действующий показатель и предлагал свой. И вышло, по Шварцу, что все те нелепости в строительном деле, в которых я винил отдельных бюрократов, были совершенно необходимы всем строителям, без них просто нельзя было обойтись.

То было самое начало золотой поры разоблачения «вала». Со всем усердием новообращенных обрушивались на показатель валовой продукции писатели

и конструкторы, академики и студенты, журналисты и пенсионеры. Кто-то в пылу обличительной деятельности заявил даже, что этот показатель плох потому, что заимствован у капиталистов, хотя как раз в капиталистических странах им и не пользовались ни в государственной статистике, ни тем более в учетной работе отдельных фирм. Несовершенством показателей — «вала» и других — стали объяснять почти все затруднения в экономике. Это был громадный шаг вперед: корень зла стали видеть не в личностях, а в методах хозяйствования. Это было время, когда экономическая дискуссия вышла на всенародную арену, на страницы массовых газет и журналов. Дошло и до строительства. Шварц в своей дипломной работе один из первых разоблачил — вполне убедительно — строительный «вал».

Шварц взял реально существующее стройуправление № 3 треста Котласбумстрой. Взял объекты, которые оно действительно строило. Он отвлекся от текущих трудностей и ошибок в работе треста и управления (не хватает материалов для нужного объекта, нет крана и т. д.). Он сам составил идеальный календарный план работ по всем объектам и определил расчетную выработку на человека на каждый месяц по каждому объекту. В результате оказалось, что на отделке одного из цехов выработка на человека при 100%-ном выполнении норм составит 4,8 руб. в день, а на устройстве сборных железобетонных перекрытий того же цеха — 91 руб. Короче, есть работы выгодные и невыгодные. По подсчетам Шварца вышло, что при идеальном выполнении идеального календарного плана на реальном объекте каждый рабочий при 100%-ном выполнении норм с января по июнь даст своему управлению 32—37 руб. выработки в день, а с июля по декабрь — 12—13 руб. А планы на все месяцы примерно равны, и если план не выполнить — зарплаты не будет.

Все это каждому прорабу известно. Поэтому ни один прораб ни о каких идеальных планах не думает. Распределяя работу на месяц, он заботится прежде всего не о правильной организации труда и не о скорейшем завершении стройки, а о соблюдении равновесия между выгодными и невыгодными работами. Пусть невыгодный объект трижды необходим предприятию в этом месяце — прораб не возьмется за него, пока не сможет компенсировать потери другим, вы-

годным объектом. И не надо обвинять его в антигосударственных действиях: ведь он старается ради выполнения плана, а это и есть его первая государственная обязанность.

Шварц сделал и другой подсчет. В августе один из участков — реальный участок Волкова — в числе прочих работ на объекте вел отделку и настилал полы. На устройстве полов рабочих было столько, сколько планировалось, и все выполнили нормы на 100%. Но случилось так, что на отделку потребовалось поставить рабочих на 20% больше, чем планировалось, да к тому же они благодаря своей высокой квалификации выполнили нормы на 130%. Итог? По участку в целом производительность труда на 2% ниже плановой, фонда зарплаты не хватило. Не увлекайтесь невыгодными работами!

Что должен делать начальник участка Волков в следующем месяце? Он теперь научен. Штукатуров перебрасывает на устройство полов. Работая не по своей специальности, они выполняют нормы всего на 95%. Технология нарушена, организация труда нелепая, нормы не выполняются. Что же с планом? А план перевыполнен, средняя производительность труда — 105%, участку полагается повышенный фонд зарплаты. Кому нужен такой план?

А ведь неприятности от провалов не ограничиваются потерей прорабской премии — это бы еще куда ни шло. Хуже другое: нет плана — банк задерживает зарплату рабочим. Надо писать объяснения в трест, а тресту — в главк, чтобы возместили перерасход. Разрешение придет, в конце концов, и не в том беда, что придет оно вместе с выговором. Главное — переписка отнимет недели. Тресту все можно объяснить, а что объяснит прораб сотням своих рабочих, которые честно трудились, а зарплаты не получают? Прочитает лекцию об особенностях показателя объема строительно-монтажных работ?

Нетрудно заметить, что выгодны в основном как раз начальные работы, а невыгодны завершающие. Вот почему строители так любят выстраивать каменные коробки и не любят доделывать их. 7 млн человек в стране — именно те, кто строит, — кровно заинтересованы в распылении средств. На крупной стройке бывает: строители прямо-таки вымогают у заказчика согласие заложить какой-нибудь новый объект, прежде чем

закончат начатый, действительно необходимый. Не раз доходило до крайности: строителей призывали в наступающем году ничего или почти ничего не начинать — только завершать начатое. Из этого ничего не получалось — и не могло получиться. Нельзя же с помощью призывов заставить всех строителей сразу на год отказать от зарплаты. Как-то по-другому надо было добиваться перемен на стройках.

А как?

Поначалу за ответом на этот вопрос ходили недалеко: если показатели плохи — придумаем другие, получше. Период бурного поиска новых показателей пережили и промышленность, и строительство. Я сам успел ввязаться в спор, защищая один из показателей, который и по сей день считаю более точным измерителем объема строительной продукции, чем другие. Но на роль показателей вообще — любых — смотрю уже иначе. Радикального решения проблемы не давал ни один из них. Эксперименты с показателями подтверждали: путь неверен, решение должно быть иным. Завершалась последняя волна наивной критики. Все больше становилось людей, которые понимали: нужно не улучшать способы административной регламентации работы предприятий, а освободиться от этой регламентации вообще. Невозможно было с помощью «правильных» показателей решить неправильно поставленную задачу.

Помнится, в самом начале дискуссии чуть ли не в каждой второй статье присутствовало рассуждение о том, что в недавние годы были в экономике сплошной волюнтаризм и администрирование, а вот сейчас кругом господствуют экономический анализ, расчет, научный подход. Получалось, что до середины 50-х годов — на протяжении четырех десятилетий Советской власти — была как бы некая пустота, а подлинная экономическая мысль только-только родилась из этой пустоты.

Позже, когда миновал период наивного подхода к решению сегодняшних проблем, глубже стали понимать и прошлое. За последние годы не случайно все больше выходит научных работ, посвященных истории экономической мысли 20-х и 30-х годов. И особенно внимательно исследуются две стадии нашей экономической политики: переход к нэпу в начале 20-х годов и отношение к хозрасчету в пору первой пятилетки.

Появляются новые оценки. Часто они бывают весьма спорными — но могут ли обойтись бесспорными истинами подлинно научные поиски? Несомненным представляется одно: нынешняя экономическая реформа по глубине поворота, по масштабам перемен может быть поставлена в один ряд с теми двумя. Одно это уже предопределяет живейший интерес к тем дням. Нет, не было пустоты, не было скачка из ничего.

В конечном счете ведь мы и сейчас в любом конкретном экономическом споре решаем все тот же коренной вопрос, поставленный на практике еще в 1917 г.: каким должен быть переход от капитализма к коммунизму? Был путь «левых», свято веривших в силу команды, администрирования или, как со злой иронией писал Ленин, «коммунистического веления». Они хотели — и считали возможным — «ввести» коммунизм немедленно. Ленин не зря сразу взял их «левизну» в кавычки: это был губительный для революции путь. Ленин предлагал другое: учесть громадную трудность строительства самого нового общества в одной из самых отсталых стран с преобладанием крестьянской массы, встать на путь медленного, но прочного изживания мелкособственнической психологии с помощью всем понятной хозяйственной политики.

Всем известен, в зубах навяз один из любимых тезисов западной пропаганды в связи с нашей экономической реформой: поворот к использованию прибыли в качестве одного из экономических стимулов означает, дескать, что социалистическая система провалилась и Советский Союз эволюционирует к капитализму. Разъяснений в связи с этим — в чем подлинная разница между социализмом и капитализмом — было в нашей печати предостаточно.

Бывает, что и у нас где-нибудь раздается недоуменный вопрос: прибыль? А как же моральные стимулы? Самостоятельность предприятий? А как же государственное планирование? Чем же будет наша экономика отличаться от капиталистической?

По этому поводу Ильич говорил «левым коммунистам»: «Коммунистами достойны называться лишь те, кто понимает, что создать или ввести социализм, не учась у организаторов треста, нельзя»¹.

Велика власть слов. Мы отлично знаем научные,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 311.

подлинные признаки социалистической формации: общественная собственность на средства производства, распределение по труду, планомерное поддержание пропорциональности общественного производства в интересах всего общества и всестороннего развития личности. Не годами — десятилетиями откладывались в сознании простейшие, усеченные формулы, в которых слова становились синонимами: планирование = социализму; прибыль = капитализму. И почти не осталось людей, которые помнят, что государственное планирование экономической жизни в широких масштабах применялось еще до рождения первой социалистической страны: в Германии в годы первой мировой войны. Именно о Германии писал Ленин в той же брошюре «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»: «Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского, тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т. е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм»¹.

Вот как! Образец «планомерной организации» — капиталистическая страна. А в других работах — неоднократно разъяснение того, что прибыль и коммерческие отношения могут служить социализму. Иначе говоря, и планирование, и прибыль, и другие атрибуты разных экономических систем сами по себе беспартийны — все дело в том, кому и чему они служат. Все это лишь средства, готовые служить кому угодно — только умей пользоваться.

Эти истины убедительно доказаны еще при Ленине опытом новой экономической политики, сменившей двухлетнюю вынужденную политику «военного коммунизма». Сейчас наши экономисты освобождаются от поверхностного взгляда на нэп только как на отступление, как на большую неприятность. Ведь нэп имел две стороны, и опять лучше Ленина не объяснить: «В частности, теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат госу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 300.

дарственному регулированию, а, с другой стороны, государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет...»¹

Очень знаменательно вот это «с другой стороны». Другая-то сторона и была главной, если учесть, что 80% крупной промышленности находилось уже в руках рабочего государства. Допущение частников — это от бедности, это осталось только историей. А вот Лениным заложенные хозрасчетные отношения между социалистическими предприятиями — это и сейчас ценно, как лучший учебник.

В ходе нэпа социалистическая промышленность и торговля победили экономически — это была самая прочная победа.

И вот после всего этого, после убедительных подтверждений правильности избранного пути, многое стало меняться. С переходом к первой пятилетке начались ограничения товарно-денежных отношений. До того плановые органы искали способы подчинить плановому воздействию оборот, осуществлявшийся на базе требований рынка. Теперь же усилилось прямое административное воздействие, далеко не всегда считающееся с требованиями рынка. Сам облик рынка менялся, наиболее стихийная его сторона — сельская — быстро социализировалась.

Широко известно, для чего все это делалось. Обстановка требовала ускоренной индустриализации — и партия приняла такое решение: развивать тяжелую промышленность даже в ущерб другим отраслям, за счет потребления. Народ шел на это с энтузиазмом, как на «все для фронта»: люди видели, что эта мера — временная и необходимая. Но ломка нормальных пропорций, резкое изменение всей структуры народного хозяйства сопровождалась ограничением экономических, хозрасчетных отношений, усилением прямого административного распределения всех основных ресурсов.

Сейчас мы многое в нашем прошлом заново проверяем придирчивым взглядом. Не обойдена и эпоха индустриализации. Например, С. Первушин в своей статье в сборнике «Производство, накопление, потребление» напоминает, что попытка в середине первой пятилетки «на ходу» пересмотреть первоначально при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 342.

нятый план, резко повысив задания на второй и третий годы, не дала ожидаемого результата. Более того, попытка скачка привела к тому, что в 1933 г. (он стал первым годом второй пятилетки) темпы резко упали. Что было, то было. Можно лишь добавить, что это был первый пятилетний народнохозяйственный план в мировой истории, у тех, кто его составлял и выполнял, не было ровным счетом никакого предшествующего исторического опыта, на который можно было бы опереться. И даже такие ошибки не остановили ускоренный рост тяжелой промышленности. Индустриализация громадной отсталой страны, совершенная на основе самопожертвования революционного народа в течение двух пятилеток,— это исторический факт.

Но человек, собравшийся в далекий путь, не может долго бежать: надо переходить на шаг. Даже форсаж двигателя не может быть долгим: механизм ломается. Если уж искать задним числом упущенные возможности восстановления нормальных хозрасчетных отношений в промышленности, то не в начале индустриализации, а в конце второй пятилетки. Именно тогда имело смысл вернуться от исключительных экономических отношений к нормальным.

И впрямь: во второй пятилетке ненамного, а в третьей весьма заметно снизились темпы роста промышленности. Наиболее дальновидные стали задумываться над необходимыми изменениями методов хозяйствования. Почти забытый, но любопытнейший факт: в середине 30-х годов по распоряжению Серго Орджоникидзе на Макеевском заводе был проведен экономический эксперимент в области материального стимулирования, удивительно похожий на то, что мы делаем сейчас. Один из участников этого опыта, В. О. Чернявский, в наши дни рассказал о нем в своей книге «Эффективность экономических решений». Макеевка стала Меккой металлургов, ее опыт широко распространился в этой отрасли. Во всей стране, казалось, начался экономический ренессанс.

Тридцать шестой год! Как вовремя и как не ко времени было это предпринято. Скоро не стало Серго. Возврата к экономической норме не последовало. Почему? Не потому ли, что кому-то понравилось управлять нажатием кнопки — так просто и здорово. Все участники макеевского эксперимента были арестованы по ложному обвинению. А с 22 июня 1941 года адми-

нистративные методы управления хозяйством опять стали неизбежными, единственно возможными — на четыре года войны, а затем и на всю пятилетку восстановления, проходившую в условиях навязанной нам гонки вооружений.

В 1953-м закончилась война в Корее, грозившая в любой момент перерасти в мировую. К тому времени была ликвидирована атомная монополия США, из-за которой, как мы узнали позже, у американских политиков руки чесались показать мощь большой бомбы в той же Корее. Закончилось и послевоенное восстановление. То время можно считать своего рода рубежом, после которого основания для сохранения чрезвычайных мер административного централизма становились все более расплывчатыми.

Пятьдесят третий год. Считая с 1914-го — почти 40 лет, в течение которых целые поколения рождались и умирали в атмосфере почти непрерывного жестокого давления извне, когда само существование Отечества было под угрозой. Из этих четырех десятилетий одно полностью отняли большие войны: две мировых и гражданская, сопровождавшаяся интервенцией 14 держав. Было еще несколько «малых» войн. Еще десять лет заняло послевоенное восстановление (1921—1925 и 1946—1950 гг.). Еще пять лет — непосредственная подготовка к обороне страны, начиная с 1936-го, когда фашизм обрушился на Испанию, а затем покатился по Европе, чтобы наконец кинуться и через нашу границу. Итак, из четырех десятилетий лишь полтора было относительно мирных, когда военные столкновения если и случались, то лишь «малые», а большая война с окружавшими со всех сторон силами капитала если и осознавалась в принципе как неизбежная, то не стояла непосредственно у порога. Почти все эти относительно спокойные годы заняла форсированная индустриализация, подхлестываемая все тем же предвидением неизбежной в будущем войны.

За эти 40 лет привычка к исключению в экономике — не правилу — накрепко засела в умах. Ситуация чрезвычайная стала восприниматься как нормальная, потому что иной почти не видели. Но как раз в моменты относительного благополучия, в моменты более благоприятных объективных условий ровный ход экономики нарушался. Исчезали чрезвычайные усло-

вия — отпадали и чрезвычайные задачи, а с ними становились ненужными чрезвычайные методы. Те методы обеспечивали выполнение — любой ценой! — узкого круга задач, как правило в области тяжелой промышленности, а все прочее отбрасывалось как мешающее главному. Но в мирной жизни главным становилось все, за детские коляски начинали спрашивать так же требовательно, как за доменные печи. Можно попытаться привычным ударным порядком вывести страну на первое место в мире по детским коляскам, но тут же всплывает проблема ниток — и чтобы непременно всех номеров и разных цветов. Позарез нужны узкие брюки, но едва лишь с ними разделались — подавай расклешенные. Насколько лет шла напряженная борьба за туфли и сапоги на платформе — газеты выстреливали гневными статьями, Госплан принимал постановления, институты разрабатывали материал и технологию, строились специальные цехи. Справились как раз к тому времени, когда покупателям потребовались сапожки на шпильках. Оглушающий спрос на юбки «макси» обрушился одновременно с продолжающимся спросом на «мини», откуда-то выплыли еще «миди», и уже сам господь бог не растолковал бы, какое же теперь принимать постановление Госплану. Становилось очевидно: появился класс экономических задач, которые в принципе не поддаются решению посредством постановлений единого планового центра.

Превращение экономических задач из чрезвычайных в нормальные лишало чрезвычайные методы и социальной опоры. Лозунг «Время — вперед!» увлекал кого угодно, когда строили первую домну Магнитки. Все знали: во всем мире подобные печи есть только в Америке, да и те погашены по причине кризиса — а мы их теперь перегоним! Даешь 900 замесов в смену, чтобы догнать и перегнать! Даешь не спать ночами, чтобы крепить оборонную мощь! Но чтобы наполнить рынок юбками «макси»? Не вдохновляет. О нет, мир не лишился вдохновляющих целей. В жизни, как и прежде, есть место подвигу. Но сегодня это какое-то иное место, не то же самое, что вчера. Хозяйственные задачи — по крайней мере их большая часть — стали будничными. И перестали поддаваться решению прежними методами.

Уже к середине 50-х годов неблагополучие в эко-

номике для всех стало явным. В общем, ведь верно ощутили в 1957 г.: нужна демократизация системы управления хозяйством. Но как поверхностно это было понято, как повернуто в старое русло! Пересадили администраторов на другие места, предприятиями стали командовать не из Москвы, а из областных центров — но командовать по-старому. Ничего не изменилось в самом главном — в экономических интересах и хозяйственных правах предприятий, в отношениях между ними. Но теперь уже вовсю шла экономическая дискуссия. В 1965 г. было принято решение о коренном изменении экономических отношений в сельском хозяйстве, затем началась экономическая реформа в промышленности. А на другой день после Пленума ЦК КПСС, принявшего решение об этой реформе, первого октября 1965 г., начался крупный эксперимент в строительстве. Он охватил двадцать семь предприятий и организаций в Москве.

В этом эксперименте испытывались уже не те или иные показатели, как бывало прежде. Не способы улучшить регламентацию работы предприятий — нет, искали пути освобождения от этой регламентации. Вспомним: тремя годами раньше инженер Е. Шварц из Коряжмы предлагал в своей дипломной работе новый показатель объема строительных работ, который не мешал бы правильно планировать фонд зарплаты. А участникам нового эксперимента вообще не стали планировать сверху ни объем работ, ни фонд зарплаты. Из 30 прежних показателей плана, вязавших строителей по рукам и ногам, здесь оставили два: прибыль и отчисления в государственный бюджет. Место административного контроля занял контроль экономический. «Единым хозяином» (помните начало?) стал материальный стимул. И сразу стало очевидно, что этот метод гарантирует соблюдение интересов общества намного надежнее и действеннее.

Вот, например, домостроительный комбинат № 1 — самый большой из коллективов, принявших участие в эксперименте. Раньше на его заводах железобетонных изделий был вечный перерасход материалов, особенно цемента. Как ни ругали за это работников заводов — ничего не изменялось. Все привыкли считать нормы расхода невыполнимыми. При новой системе никто за перерасход не ругал — просто из-за него

уменьшалась прибыль. Прибыль же стала не формальным показателем, а источником премий для всех. На заводах сразу же ввели чувствительную премию за экономию материалов — и через месяц перерасходов не стало.

А на Хорошевском заводе того же комбината стали сберегать и такие материалы, на которые никаких норм не было: никто за них раньше не спрашивал. Там оставалось много тарных досок. Раньше их просто жгли. Теперь тару частью стали восстанавливать, частью — перерабатывать на рейки. Нашли рядом покупателя этих реек — и каждый месяц стали получать сотни рублей дополнительной прибыли.

Все это простые вещи, можно было до них додуматься и раньше, но нельзя было осуществить. Чтобы сберечь материалы, рабочий должен затратить дополнительный труд. За труд надо платить. А платить премии за экономию материалов разрешалось только из фонда зарплаты — если там будет экономия. А там экономии никогда не бывает: мы помним, что все беды с незавершенным производством происходят как раз из-за погони за фондом зарплаты. Теперь же этот фонд коллективам — участникам эксперимента перестали планировать вовсе. При его расходовании вступил в действие один закон: экономическая целесообразность.

Инициатива тех, кто трудится, — это та лампа Аладдина, с которой в эпоху реформы решается любая из прежде неразрешимых хозяйственных проблем, если только инициатива развязывается всерьез, а не для виду. Взять хотя бы проблему сроков и «незавершенки» — ту наиболее тяжкую проблему, с которой начался наш рассказ. Она еще не решена, правда, в масштабах страны, потому что в этих масштабах еще не было реформы в строительстве. Но, скажем, в домостроительном комбинате № 1 такой проблемы нет, как нет и работ выгодных или невыгодных. От рабочих бригад план требует одного: быстрее, с наименьшими затратами и при высоком качестве сдать дом. От этого зависит благополучие бригады, монтажного управления, комбината — интерес у них единый. И многоэтажный дом строят и полностью отделяют за полтора-два месяца. Это не рекорд, а норма. А ведь и техника, и материалы, и детали — все здесь обычное. Необычен материальный интерес: платят не

за безличные «объемы» — платят за готовую продукцию, за дом, сданный в эксплуатацию. Так платит монтажное управление рабочим, так платит заказчик монтажному управлению.

Правда, в промышленном строительстве применить такой метод сложнее, ибо там длиннее цикл сооружения объекта. Но и там это вполне возможно и нужно. Просто нельзя без этого. Проблема решится, когда строить быстро всерьез захотят миллионы строителей. Ведь именно такой процесс происходит и в промышленности, где реформа уже началась, где для включившихся в нее предприятий основным показателем объема стала реализованная, т. е. купленная, продукция. Куда девались излишние запасы незавершенной или даже готовой, но не проданной продукции — те самые запасы, с которыми годами ничего не могли поделать, несмотря на драконовские санкции банка! Теперь это все словно бы само исчезает.

Мне виделась хозрасчетная государственная строительная фирма, которая наделена своими оборотными средствами и дорожит ими, как своими, и заботится, чтобы они быстро оборачивались. Эта фирма берет подряд: в такой-то срок и за такую-то сумму построить для заказчика цех, завод или другой объект. Если строит быстрее и дешевле, чем предусмотрено нормами, — экономия либо существенная часть экономии остается в ее руках. Строит дольше и дороже — расплачивается из своей прибыли, уменьшает свои поощрительные фонды. Не так, как сейчас: дешевле сделаешь — все отберут в бюджет, дороже — возместят из государственного бюджета. Что-то не припоминаю случая, чтобы сделали дешевле...

А уж какой тогда будет контроль за проектировщиками — теми самыми проектировщиками, на которых сейчас валят — и не без причин — чуть не всю вину за просчеты в строительстве. Ведь правилом стало: любая крупная промышленная стройка обходится дороже, чем предполагалось по проекту. Даже средняя норма просчета определилась: примерно 30%. Треть! По стране — миллиарды и миллиарды. Здесь повинна система премирования, поощряющая за удешевление на бумаге. Но еще более существенная и более общая причина — безответственность проектной организации. Ее не заставят платить за просчет в смете, как и за другие ошибки. Не разорит-

ся и заказчик, если он примет недоброкачественный проект: он строит не на свои деньги — на госбюджетные. Ничего худого не будет и со строителями, которые возьмутся по такому проекту строить. А теперь представьте себе по-настоящему хозрасчетную проектную организацию, которая продает свою продукцию — проект — по-настоящему хозрасчетному промышленному предприятию, намеренному строить не за счет бюджетных ассигнований, а за счет своей прибыли или за счет возвратного кредита. При сделке присутствует подрядчик: по-настоящему хозрасчетная строительная фирма, которая получит деньги точным счетом — прибавки ждуть не от кого. Тут не административный контроль «сверху» и не бесстрастная экспертиза — тут коллективы, кровно заинтересованные. Ни халтура, ни обман тут не пройдут.

Это, конечно, очень общая и очень неполная схема отношений. И, вероятно, не сразу, а по частям будут пускаться в ход элементы экономического контроля за деятельностью строительных организаций: платность производственных фондов, финансирование за счет кредитов и прибыли, аккордные подряды с расчетами за готовую продукцию, прибыль как стимул к расширению производства, ускорению строительства и повышению качества и т. п. И в эксперименте на московских стройках, конечно, не было возможности — да и не ставилась такая задача — решить сразу все проблемы. Но решено многое. Во всяком случае, этот эксперимент продвинулся по ряду направлений дальше той системы, которая была принята для промышленных предприятий, начавших работать по-новому. Но что особенно важно для начального периода реформы — эксперимент показал силу хозрасчета, показал плодотворность основной идеи: заменять мелочный административный контроль экономическим давлением и на этой основе предоставлять коллективам предприятий, строительным организациям большую самостоятельность.

Механизм самостоятельности работает безотказно. Это особенно наглядно проявилось при решении одного из самых острых вопросов: о планировании фонда зарплаты. Когда этот фонд перестали ограничивать «сверху», у строительных организаций появилась теоретическая возможность увеличить его. Однако произошло обратное. Расход зарплаты на каждый дом

стал снижаться. Заметно возросла производительность труда. Рабочие сами стали просить повысить им нормы выработки. Инженеры предложили расширить их обязанности с тем, чтобы сократить линейный персонал.

Опять-таки люди и раньше знали, что могут полнее использовать свое рабочее время, повысить выработку даже при имеющейся технике — за счет лучшей организации труда, уменьшения «перекуров», ликвидации простой безалаберности. Но они знали, что в условиях жесткого ограничения фонда зарплаты сдельщина давно стала формальной и фактически заработки не повысятся сверх определенной средней величины, как бы ни шла работа. Будут «резать» наряды, повышать нормы, но заработать больше не дадут. Перспектива за более напряженный труд получать ту же зарплату никого не увлекала. Так и шло: низкая производительность — низкие заработки. Нужна была смелость, чтобы разорвать этот круг. А когда его разорвали, результаты сказались немедленно. В первые же месяцы в коллективах — участниках опыта производительность труда возросла в среднем на 11%, зарплата — на 8%.

Н. Фомичев, представитель института НИИМосстрой, наблюдавший за ходом эксперимента, так говорил при подведении первых итогов:

— Мы думали, что все участники эксперимента бросятся и нахватают себе фонд зарплаты побольше. Но, оказывается, есть экономические закономерности, которые ни один руководитель не может игнорировать. При новой системе самому коллективу невыгоден перерасход зарплаты.

Опыт убедил всех: давление экономической необходимости сильнее административного контроля.

Чрезвычайно поучительной была для меня беседа с Владимиром Николаевичем Галицким, директором домостроительного комбината № 1 — крупнейшего из предприятий, участвовавших в эксперименте. Во время этой беседы я вспомнил своего друга Саню Никитина, его героическую и безуспешную борьбу за единую строительную базу в Кузбассе, о которой шла речь в начале этого очерка. Галицкий объяснял мне структуру комбината: четыре монтажных управления, которые собирают дома из готовых деталей, четыре завода, которые поставляют этим управлениям все же-

лезобетонные детали, и управление комплектации. Я сразу спросил:

— А деревообрабатывающий завод? А автобаза?

— Нет их у нас. И не хотим иметь.

— Почему?

Галицкий объяснил. Оказывается, при имевшемся объеме строительства понадобился бы всего один деревообрабатывающий завод. И на этом единственном заводе пришлось бы производить все многочисленные виды изделий, без какой-либо специализации, без массового потока. Другое дело сборный железобетон: объем его потребления таков, что четыре завода загружены полностью при хорошей специализации, каждый из них выпускает всего один-два вида плит.

Экономическое давление в ходе эксперимента получилось неполное, одностороннее: от домостроительного комбината новые условия уже потребовали расчетливости, экономного ведения дела, а вот комбинат сам на своих поставщиков, в эксперименте не участвующих, еще не смог воздействовать рублем. И, несмотря на это, уже не захотел брать их под свой административный контроль. Даже неполный хозрасчет уже заставляет в большей степени исходить из государственных, а не из ведомственных интересов.

Хозяйственная жизнь многообразна и часто сама вдруг преподносит где-нибудь в виде готового опыта те самые решения, которые долго искали,— надо только уметь разглядеть искомое в том, что родилось само. Зародыш такого решения, очень нужного всем, мне хочется видеть в опыте домостроительного комбината № 1, хотя данный эксперимент и не ставил того вопроса, на который здесь найден частичный ответ. В составе этого комбината, кроме четырех заводов и четырех монтажных управлений, есть еще организация особого рода— управление комплектации. Для восьми самостоятельных предприятий и строительных организаций комбината— это коллективный снабженец, сбытовик, комплектовщик и диспетчер. На заводах и в монтажных управлениях нет снабженцев и сбытовиков, а на строительных площадках не бывает складов— даже временных. У производителей здесь одна забота— производство. Как это естественно и как необычно! Может ли мечтать строитель в любом другом месте не думать о снабжении? Да заботы о нем съедают больше половины времени у любого

прораба, мастера. Но только не здесь. По графику — точно в назначенный час — приезжают панелевозы с деталями дома. С такой же точностью к началу отделки прибывают контейнеры с отделочными материалами, а к началу монтажа электрооборудования — контейнеры с электроарматурой, проводами и т. п. И не рулоны обоев или линолеума, не мотки проволоки — все заранее раскроено, склеено, подготовлено к установке на место. Все это работа управления комплектации.

Это управление — не административный орган, а предприятие, как любой из заводов комбината. И не только потому, что оно имеет свое производство: цех, где кроят, клеят, комплектуют материалы. Самое интересное заключается в том, что и чисто управленческие операции здесь производятся, как любое изделие на любом заводе, и продаются за плату заводам и монтажным управлениям. Продаются, как любая продукция, имеющая вещественную форму, со штрафами за брак и поощрением за высокое качество. Договоры с автокомбинатом, увязка работы заводов, монтажных бригад и транспорта, вся сложнейшая организация выполнения графиков, от планирования до диспетчеризации, снабжение заводов материалами — все это выполняет управление комплектации, и за все это ему платят заводы и монтажные управления, как платят любые покупатели любому поставщику обычной продукции. Им выгодно платить: их поставщик — специализированный завод по производству управленческих услуг. Он продает их дешево и с гарантией качества, а если промахнулся — есть с кого взыскать. Производи такие «услуги» вышестоящий начальник в виде обычной команды — с него много не взыщешь. А тут — равноправное предприятие.

Мы много пишем последнее время о прямых связях в народном хозяйстве, считая их последним словом администраторского прогресса. И многие понимают это так: прямые, — значит, без посредников, без дополнительных инстанций. А поняв так, начинают сомневаться и колебаться, ибо, по зрелом размышлении, видят, что без многих инстанций и посредников обойтись никак нельзя. Взять хотя бы сбыт продукции. Хорошо, если речь идет об изделии, которое производится на небольшом числе заводов,

и круг потребителей тоже ограничен. Тогда возможны прямые связи в самом буквальном понимании этих слов. Ну а если — как чаще бывает — поставщиков десятки, потребителей — тысячи и возможных вариантов связей — миллионы? Что же, каждому заводу содержать свой главснабсбыт? Нелепо. И совершенно естественно им объединиться и коллективно содержать для себя один сбытовой орган и через него устанавливать связь с рынком. Это вовсе не противоречит идее прямых связей. Только не надо понимать их примитивно, не надо сводить все к отсутствию посредников. Это вопрос второстепенный, а главная цель заключается в том, чтобы все партнеры в этой цепочке, включая посредника, несли полную материальную ответственность за свои действия. В этом суть.

Было время, когда предприятия многих отраслей содержали таких посредников — они назывались синдикатами. Синдикат изучал состояние рынка, заключал договоры, искал новых потребителей — он специализировался на сбыте, мог делать эту работу хорошо, мог быть заводам полезен и получал плату за услуги. Но если работал плохо — платы не получал, и завод всегда имел право сбыть свою продукцию и помимо синдиката. Синдикаты были под контролем заводов, а не наоборот.

Итак, платные управленческие услуги на основе взаимной выгоды, а не административной подчиненности. Этот принцип обеспечивает высокую ответственность и в итоге — высокое качество управления. Кроме того, создается такая атмосфера, в которой бюрократу плохо, в которой бюрократизм чахнет.

Управленческие услуги на хозрасчете. Новая хозяйственная реформа берет и это из арсенала социалистической экономики 20-х годов. За последние два-три года в Москве, Ленинграде, Новосибирске и других городах появились хозрасчетные фирмы, которые торгуют услугами в области организации управления производством с помощью вычислительной техники. В ряде отраслей родились хозрасчетные фирмы научной организации труда. Есть в одном министерстве первый хозрасчетный главк. Хозрасчет все больше проникает в область услуг отраслям при создании новой техники, новых образцов продукции. Но нет еще настоящего, неформального хозрасчета в самой важной и обширной области экономических отношений —

в области хозяйственных связей или, проще говоря, снабжения и сбыта. И вот ростки такого хозрасчета, первый ограниченный, но ценный опыт можно увидеть в работе управления комплектации домостроительного комбината № 1. И этим особенно ценен московский эксперимент — помимо успеха новой системы планирования и материального стимулирования в самом строительном производстве.

Не все в этом эксперименте блестяще удалось, не все уже решено — надо еще продолжать поиски. Но есть главный результат: еще раз подтверждена верность того общего направления, в котором двинулась наша экономика после мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК партии. Еще раз — как и экспериментами в промышленности, на транспорте — подтверждена великая сила раскованной инициативы людей, которым предоставлено не по бюрократической указке, а самим по-хозяйски решать, как лучше работать. Еще раз подтверждено, что не существует противоречия между планом и инициативой, что развитие инициативы означает не отрицание планирования, а лишь новые формы его, более соответствующие современной обстановке.

Конечно, экономическая реформа делает только первые шаги, путь ее сложен и долог. Есть много чисто практических вопросов, которые еще ждут ответа. Но едва ли не самая трудная проблема реформы — это проблема человеческих отношений, проблема понимания, что ли. Уж очень крут поворот к новому от того, с чем сжились десятилетиями. Не каждому — будь то прораб или министр — легко дается новый стиль, когда надо обо всем думать самому и подчиненных приучать к тому же. Не все хотят привыкать к такому стилю, а иные не хотят, потому что не могут. В открытую атаку против решений партийного пленума никто не ходит, но бывает, что — сознательно или по причине старого склада мыслей — выполняют эти решения формально, стараясь ничего не менять в самом существе.

В слова, обозначающие новые методы, нередко вливают старое содержание. Например, хозрасчет, суть которого в полной материальной ответственности предприятия за свою деятельность, рассматривают лишь как метод учета. В таком-то виде он и существовал все эти тридцать с лишним лет, когда не было

хозрасчета настоящего, в ленинском понимании. Недаром же на сентябрьском Пленуме говорилось: хозрасчет был формальным. И план еще часто рассматривается как цель, а не средство. И признание стимулирующей роли прибыли кое-кому еще мыслится лишь как уступка, а не принцип экономической политики.

Время от времени встречаешься с сожалениями: уходят, мол, героические времена бессребреников, приходит царство сухой расчетливости, когда человеком движет одна лишь погоня за рублем. И здесь во весь рост встает проблема правильного сочетания моральных и материальных стимулов. Ведь прибыль или зарплата — мощные средства воспитания. И никто не станет отрицать, что оплата труда — весьма существенный фактор бытия, того самого бытия, которое, как известно марксистам, определяет сознание. Когда человек старается работать лучше, а в ответ ему снижают расценки, снижают плату за труд — это воспитание, даже если человек бессребреник. Пусть он не жаден — просто он заключает, что труд его не нужен, и перестает стараться. Разве мало мы видели таких фактов? А вот на Краснопресненском заводе железобетонных изделий, что входит в московский домостроительный комбинат № 1, после начала эксперимента показали иной образец воспитания. Первые деньги из сверхплановой прибыли директор завода лично вручал рабочим на торжественном митинге. Это был праздник. Все видели, как ценится успешный труд всего коллектива и каждого человека в отдельности. Хорошее воспитание, социалистическое! И нет никакой нужды вести какую-то особую воспитательную работу вопреки материальным стимулам, преодолевая их воздействие на сознание людей. Не нужно это и, к счастью, безнадежно. Лучше позаботиться о правильном направлении материальных стимулов, чтобы они вели человека туда же, куда и самые высокие моральные побуждения. Хозяйственная реформа указывает именно такой курс. Остается двигаться этим курсом, не останавливаясь и не сбиваясь.

* * *

Этим заканчивался очерк в давней журнальной публикации. Он познакомил меня с Твардовским. Мимолетно сказанные тогда слова Александра Трифоновича по-особому окрашивают восприятие описанных про-

блем — о тех словах хочется рассказать. Твардовский позвонил мне незадолго до выхода номера «Нового мира» с этим очерком, коротко сказал, что очерк понравился. Однако, перечитав его сейчас, спустя годы, я вижу ясно: написано далеко не так хорошо, чтобы Александра Трифоновича привлекла художественная форма. Как написано — это он не мог высоко оценить. Остается — что написано. Тут я по-новому осмыслил слова, услышанные от него вскоре после того телефонного разговора.

До того я с Твардовским никогда не встречался, знаком лично не был. А тут через несколько дней, зайдя в редакцию за авторским экземпляром журнала, столкнулся с главным редактором «Нового мира» прямо на лестнице. Рядом оказался кто-то из знавших меня сотрудников, меня представили: вот тот автор, с которым вы на днях говорили по телефону. Сказал Твардовский всего одну фразу, которую я поначалу не понял:

— Смотрите, какой молодой, я представлял вас постарше.

Я, конечно, из другого поколения, намного моложе Твардовского, но он не был стар, а я не был разитель-но молод. В «Новом мире» было немало сотрудников примерно моего возраста. Почему же он именно мою молодость отметил?

Только потом до меня дошло: я показался ему не вообще молод, а молод для написанного очерка. Ну да, он же упомянул в телефонном разговоре, что его особенно заинтересовало извлечение из истории об опыте синдикатов 20-х годов. Не зная, как я писал очерк, совсем не зная меня, он зато прекрасно представлял громадную разницу в жизненном опыте поколений — своего и моего. Речь была даже не о том, что я не мог лично видеть описанные мной объединения 20-х годов (достаточно было взгляда, чтобы убедиться, что я родился после того, как они сошли со сцены). Речь была о том, что и литературой-то о них как следует заняться едва ли я мог додуматься сам. поколению, вступившему в трудовую жизнь в 50-е годы, неоткуда было услышать о самом существовании синдикатов, вообще о том, что социалистическое хозяйство когда-то было иным.

Твардовский совершенно точно ощутил, как было дело: сам я невесть когда докопался бы до этого ма-

териала. Тут было схождение, был счастливый случай, была нечаянная стыковка исторической памяти. Эта память явилась мне в обличье Моисея Ефимовича Кобрин, учившего уму-разуму многих из тех, кто писал об экономике в годы экономической дискуссии начала 60-х. Удивительно богата была его жизнь. В 1920 г. он служил в штабе тыла Западного фронта, встречал командующего фронтом Тухачевского. Был после гражданской войны заместителем председателя Смоленского совнархоза — в годы, когда систему совнархозов возглавлял Ф. Э. Дзержинский. Еще при жизни Феликса Эдмундовича был взят в центральный аппарат ВСНХ и начинал там работу под началом В. Н. Манцева — одного из ближайших соратников Дзержинского по руководству промышленностью. В годы первой и второй пятилеток Кобрин был заместителем председателя Главметалла и не раз выполнял личные поручения наркома Серго Орджоникидзе. Он прошел школу, помогавшую с легкостью разбираться в проблемах, ставивших в тупик нас, молодых. Я знал его только пенсионером, персональным пенсионером. Но не могу забыть, как однажды приехал в Вильнюс в составе бригады «Экономической газеты» проводить очередной наш «Деловой клуб» — и первый вопрос принимавших нас хозяев был: а Кобрин с вами приехал? Перед вильнюсцами была группа штатных сотрудников газеты во главе с заведующим отделом, но их интересовал отсутствующий — нештатный корреспондент.

Читателям не было дела до наших должностей — они судили по статьям в газете. Статьи Кобрин были самые интересные. Между прочим, именно он первым в нашей печати высказал идею об установлении прямых связей между предприятиями-поставщиками и потребителями. За прошедшие с тех пор двадцать с лишним лет идея стала общепризнанной, тысячи раз повторена, частично вошла в практику, предложена уже и для международного сотрудничества в рамках СЭВ. И мало кто помнит теперь, что в начале всего была статья Кобрин в «Экономической газете» — там эта идея была сформулирована в самом заголовке: «О заказах, отказах и прямых связях».

В 1967 г. в «Коммунисте» появилась наша с Кобриним совместная статья о проблемах экономической реформы. В ней упоминалась и тема, которой Кобрин

надоумил меня заняться плотнее: синдикаты. А Кобрин умер незадолго до того, как вышел номер «Коммуниста» с той статьей. Но история продолжала являться передо мной в облике живых людей. Некоторое время спустя я написал о синдикатах подробнее, когда взялся за изучение их истории по документам. И в ответ на новую публикацию получил письмо от В. Я. Канторовича. Старый писатель сообщал мне то, что я, к стыду своему, не узнал раньше, хотя это имело прямое отношение к моей теме. Дело в том, что Владимир Яковлевич Канторович не сразу стал писателем. Сначала он был экономистом, и довольно известным. В 1928 г. вышла его книга «Советские синдикаты» с предисловием Станислава Густавовича Струмилина.

Тут же я выписал эту книгу в Ленинке, прочитал ее и поразился, насколько современны воззрения, выраженные в ней. Канторович в 20-х годах высказывал те мысли об объединениях, до которых в горячих спорах дорабатывались экономисты 60-х.

Все сильнее притягивала история первых шагов социалистической экономики — шагов, сделанных при Ленине и сразу после Ленина, когда промышленностью страны руководили Дзержинский, за ним Куйбышев, потом — Орджоникидзе. В поисках документов я добрался до «Торгово-промышленной газеты» — органа ВСНХ 20-х годов. И на первой же раскрытой странице бросилась в глаза подпись под статьей: «инженер В. Канторович». В начале 20-х годов эта подпись в газете Дзержинского встречалась очень часто. Потом на страницах газеты закипела полемика по вопросам борьбы за режим экономии. В отчетах о заседаниях руководящих органов промышленности все чаще появлялось имя того, кому Дзержинский доверил заниматься основными экономическими вопросами, — заместителя председателя ВСНХ В. Н. Манцева. А затем среди имен его сотрудников, выступавших вместе с ним, встретилось: «М. Кобрин». К тому времени, когда я добрался до этих материалов, уже не стало и Канторовича. Но история вернула мне тех, кто учил меня заниматься историей.

Однако все это произошло позже, в середине 70-х, когда неуспех реформы 60-х годов стал уже вполне очевиден, и ясно стало, что для новой попытки потребуются и более глубокие научные поиски, и более основательное изучение прошлого опыта. А в 60-х я еще

верил в возможность успеха, о чем говорит и приподнятый, местами почти восторженный тон старого очерка.

Но время шло, и появлялось все больше признаков торможения реформы. Казалось, возведение ее здания остановилось на первом этаже и дальше не двигалось. Газеты, начиная с «Правды» и «Известий», все чаще заявляли, что реформу сдерживает тот самый орган, который создан для ее проведения: Межведомственная комиссия при Госплане СССР. Говорилось об этом и в упомянутой нашей с Кобриным статье в «Коммунисте»: мы доказывали, что выпущенная комиссией методика (имевшая силу обязательной для предприятий инструкции) противоречит решениям Пленума ЦК КПСС о реформе. Невыполнение, может быть, даже сознательный саботаж решения высшего органа — тяжелое, редкое в нашей партии обвинение, к тому же прозвучавшее не раз. В данном случае оно имело еще более редкий результат: никакого результата. Казалось, те, кто принял решение о реформе, утратили всякий интерес к ней.

А может быть, это вовсе не казалось? Продолжение реформы сулило немало хлопот, которые могли показаться не такими уж необходимыми: ведь уже в самом начале ее были получены неплохие результаты. Происходившее три пятилетки снижение темпов роста общественного производства в середине 60-х годов было приостановлено, темпы несколько поднялись — можно было удовлетвориться этим. Правда, серьезные экономисты доказывали, что успех непрочен, реформа еще не успела копнуть глубоко. Но в разговорах «для узкого круга» — среди хозяйственных руководителей высшего уровня укрепилась успокоительная версия, которую мне не раз приходилось слышать от тех, кто в нее поверил. Согласно этой версии, дело было вовсе не в реформе и вообще всякие реформы — от лукавого. Главным достижением они считали то, что одновременно с решением о реформе Пленум ЦК постановил ликвидировать совнархозы и восстановить министерства. Выходило, что министерства-то и навели порядок, дальше все пойдет как по маслу — нечего и голову ломать.

Я был среди тех, кто не сомневался в обратном: без продолжения реформы толку не будет, а министерства, напротив, больше мешают предприятиям,

чем помогают. Сейчас-то об этом спорить не приходится, достаточно заглянуть в статистические справочники, чтобы увидеть плоды «министерского» правления после остановки реформы. Но тогда не было этого аргумента, который получен безмерно дорогой ценой — ценой двух десятилетий застоя. В поисках аргументов я отправился на предприятие, выбрав одно из тех, которые начинали реформу самыми первыми и успели исчерпать ее поверхностный эффект. Это был Московский завод тепловой автоматики (МЗТА).

Здесь, как и всюду, первой ощутила действие новых экономических рычагов коммерческая служба. Здесь постарались освободиться от запасов готовой продукции на складах, упорядочили ее отгрузку и оформление платежных документов, уменьшили запасы материалов и деталей, продали часть ненужного оборудования. Именно поэтому в первые месяцы рост реализации превысил рост производства, а прибыль увеличивалась еще быстрее.

Экономисты считали, что это поверхностный эффект. «Поверхностный» — сказано не в осуждение. Неподвижные запасы ценностей всех видов в целом по стране уже тогда были велики, и неподвижность эта съедала немалую часть возможной прибыли. Ускорить их оборот — важнейшая задача, и хорошо, что реформа решала ее. Поверхностность же вот в чем. Во-первых, этот резерв можно использовать только раз: сегодня продажа запасов увеличила реализацию, а завтра этих запасов уже нет. Во-вторых, ускорение оборота почти ничего не меняло в самом производстве. В первые месяцы можно было этим обойтись, а что дальше?

МЗТА работал по-новому более двух лет. Рост основных экономических показателей был быстрым и надежным. В 1966 г. объем производства увеличился на 14% при некотором сокращении численности работающих, в 1967 г. — почти на 20% при неизменной численности. Прибыль возросла в первом году реформы на 29%, а во втором — на 30.

Как это достигнуто? Мне показывали: вот здесь трубка была стальная — заменили пластмассовой. Негде было взять такие трубки — поехали во Владимир на химический завод, рассказали о нужде. Там заинтересовались: можем делать, но нет станка. Тогда сами сделали этот станок и отдали владимирцам. Так со-

вершилось еще одно «оргтехмероприятие», нашлась еще одна прибавка к прибыли. За год переработка пластмасс на МЗТА утроилась. Никакие приказы, никакие лекции о пользе химии не дали бы этого эффекта, рожденного сознанием прямой выгоды — выгоды для коллектива, целиком совпадающей с интересами государства. Технический прогресс стал кровным делом каждого.

Со временем все более четко стало проявляться и другое полезное действие реформы: заинтересованность предприятия в расширении производства. Завод сам стал искать новых потребителей и новые виды продукции. Ах, как редко бывало это до реформы! Мы знали другое: как трудно «забить» в план предприятия новое изделие, какой железной стеной порой вставали на пути новой техники те, кто должен ее выпускать.

Ныне устремления на МЗТА стали прямо противоположными: во все концы летели гонцы в поисках рынков сбыта. Поначалу завод обеспечивал приборами только электроэнергетику. Это создало ему трудности в сбыте. Ведь котлы на электростанциях сейчас строят большие, значит, количество их невелико и приборов нужно не очень много. Хороший технический и экономический кругозор — вот что помогло работникам завода найти выход.

Оказалось, что выпускавшийся ранее для электростанций регулятор температуры ЭРСС можно использовать и в молочной, и в стекольной промышленности, электронный бесконтактный регулятор — в металлургии, а вновь созданный высокоточный регулятор температуры — в электротехнической. Расширились не только возможности сбыта приборов, но и возможности создания новых приборов и систем на базе имеющихся. В проектных институтах Госстроя еще только задумались, как быть с тысячами микрокотлов в коммунальных котельных — тысячи людей следят за их температурным режимом, — когда пришли конструкторы МЗТА и предложили систему автоматизации.

Завод хорошо поработал эти два года, развернулся в новых условиях без прежней оглядки. Коллектив почувствовал себя настоящим хозяином. И, как хороший хозяин, увидел то, на что раньше, может быть, и не обратил бы внимания. Увидел, что в будущем не все пойдет гладко. Резервы, известные и прежде, но подбиравшиеся не спеша, теперь быстро пошли в дело.

На первый год необходимую экономию за счет улучшения техники набрали без труда, на второй — лишь чуть труднее. Но вот начался третий год — и дело шло уже со скрипом. Что же, выходит, тупик? Нет. Просто реформа не дает один раз что-то придумать и успокоиться. Она заставляет искать новые пути постоянно. Другие предприятия могут и не почувствовать этого еще несколько лет, пока не подберут резервы, лежащие на поверхности. Но пионерам реформы пришлось уже задумываться, как быть дальше.

Можно было покупать более сложную технику, например станки с программным управлением вместо обычных. Но один такой станок обеспечит суточную потребность завода за несколько часов, а потом будет стоять. Для закупки такого оборудования должны объединяться несколько заводов. И не только для этого. Едва ли выгодно держать на МЗТА в небольших размерах почти все мыслимые виды производства: металлообработка и точное литье, гальваника и обработка пластмасс. Межзаводская специализация дала бы тут больше, чем любая рационализация внутри завода.

Впрочем, не только технический прогресс ставил проблемы, выходящие за пределы предприятия. МЗТА делал новейшие современные приборы, а метод продажи их — средневековый: россыпью. Здесь можно было купить в отдельности любой прибор для автоматизации управления котлом, но нельзя сказать так: у меня такой-то котел, продайте комплект приборов для него. Завод отвечал: мы не знаем, какие приборы в него входят, дайте проект автоматизации. А потребителю негде взять проект. Если он покупает один котел, смешно ради этого создавать проектное бюро. МЗТА автоматизировал тысячи тепловых установок — и тоже не имел проектного бюро. Это уже не смешно. Столь же странным было отсутствие шеф-монтажной группы: многие приборы сложны, потребители не могут их сами наладить.

Поставщик тепловой автоматики должен проектировать, комплектовать, поставлять в комплекте и вести шеф-монтаж целых систем, а не только продавать отдельные приборы. Но тогда необходимо соединение усилий нескольких предприятий, ибо МЗТА ни одну сложную систему приборов не изготавливал от начала до конца сам.

Помехи внешние, которые завод сам устранить не может, были не только в сбыте. В новых условиях у предприятия вроде нет причин избегать новых изделий. Но одна причина для осторожности все же осталась. Это — трудности снабжения. Освоить продукцию — значит найти поставщиков новых материалов и комплектующих изделий. А где их взять? Пионеры реформы шли к потребителю сами с предложением своего товара. Но многие поставщики МЗТА жили по старинке. Из-за этого было нелегко даже старое изделие удержать в программе, не то что новое освоить.

При мне принесли на завод письмо от одного из поставщиков. Маленький листок, пять строк текста: в связи с прекращением выпуска конденсатора такого-то будете со второго квартала получать другой. Казалось бы, что за беда: другой тоже годится. Но вот что это означало для МЗТА: 1) другой конденсатор на рубль дороже — за год это потерянные десятки тысяч рублей, 2) другой конденсатор иначе крепится. Надо срочно оторвать от дела несколько конструкторов, чтобы внести изменения в прибор, 3) по той же причине будет лихорадить конвейер и заменится часть оснастки, 4) с годами накапливается множество исполнений прибора, которые не улучшают его свойств, но усложняют поставку запасных частей.

И добро бы это вызывалось соображениями технического прогресса, улучшало свойства прибора. Нет — так, ни за что ни про что наносился удар по производству. По идее, за это должны отвечать снабженческо-сбытовые главки Госснаба. Но практически они даже если и числятся хозрасчетными, то лишь формально, ибо никакой материальной ответственности не несут.

Где-то в Союзглавэлектро сидел инженер, который фиксировал, сколько нужно приборов, производимых на МЗТА. В другой комнате того же главка другой инженер должен был согласовать с этим количество реле для приборов. Согласовал? Нет. Реле по фондам на 1968 г. никак не хватало — хоть останавливай завод. Кто-нибудь решал этот вопрос? Никто. Кто-нибудь отвечал? Никто.

На 1967 г. МЗТА просил 14 тыс. контакторов определенного типа. Снабженческо-сбытовой главк выделил 7 тыс.: больше нет и не просите, деталь дефицитная. Тогда обратились прямо к заводу-поставщику и

немедленно получили согласие изготовить все 14 тыс.

Снабженцы МЗТА грезили о прямых связях. Слова эти были в ходу, даже в моде, но самих-то прямых связей в практике оставалось крайне мало. Вся организация снабжения и сбыта оставалась приспособленной к обстановке вчерашнего дня, когда заводские снабженцы писали дутые заявки и тащили на склад все, что попадало под руку: запас кармана не тянет. Теперь производственные фонды стали платные. Теперь думали о том, как бы распродать запасы. Вот цифры в целом по Главпромприбору, которому был подчинен и МЗТА. В 1966 г., когда реформа только начиналась, 24 завода этого главка запросили в заявках на будущий год 3 тыс. единиц нового оборудования. В 1967 г., когда на новую систему перешли все, а многие уже успели «повариться» в ее котле, эта цифра упала до 1,3 тыс. Потребность снизилась? Нет, скорее возросла, ибо обновление оборудования на всех заводах ускорилося. Просто не стало дутых заявок.

Борьба за прибыль заставляла предприятия беречь материальные ценности. Мы еще не осознали, в какой огромной степени это может изменить прежние представления о дефицитности самой различной продукции. Но ясно было, что организация хозяйственных связей должна существенно усовершенствоваться. Однако перемен не последовало. Правда, на заводе прослышали, что Госснаб принял решение об эксперименте: перевести на прямые связи некоторые виды продукции, поставляемые Союзглавприбором, но... при наличии фондов. Тех же щей да пожже влей.

В пору, когда множество предприятий стало отказываться от ненужных им изделий, сохранялась вся громоздкая система контроля, имевшая единственную цель: не заказали бы лишнего. Как и прежде, вместе с заявками на будущий год приходилось составлять обоснования норм расхода материалов. На каждое изделие МЗТА — целый том обоснований в сотни страниц. Чтобы подготовить все это, 45 технологов и 15 конструкторов завода трудились четыре месяца. Затем двести томов в семи экземплярах шли с завода в разные адреса. Один из этих адресов — ближайшая руководящая инстанция: Главпромприбор Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР. Это же и одна из инстанций, утверждавших нормы. Я спросил у начальника главка: зачем

эти обоснования, у вас же не хватит людей прочитать эти тома хотя бы с одного завода.

— А нам и не нужно. Эта система не нами придумана, отменить ее должен Госснаб СССР.

Оставим в стороне то обстоятельство, что система административного контроля и до реформы не всегда достигала своей цели: запасы все равно раздувались. Забудем чудовищную растрату труда при писании бумаг. Главный-то вред вот в чем: система централизованного распределения всех материалов, сохраняемая будто бы по причине их дефицитности, сплошь и рядом сама эту дефицитность порождала. Невозможность получить что-либо среди года заставляла предугадывать неожиданные надобности, которые предугадать невозможно,—и писали заявки «про запас».

Прямые связи — мечта снабженца. Ну ясно, когда МЗТА годами скупал у таллиннского завода «Ильмарине» большую часть магнитных контакторов МКРО-58, тут сохранение посредника, пишущего наряды,— просто бюрократический анахронизм. Ну а если продукция массовая, если поставщиков десятки, а потребителей тысячи, что же — каждому заводу содержать свой главснабсбыт? Нелепо. Значит, посредник нужен. А как же прямые связи? Они тоже нужны. Только XXIII съезд партии поставил задачу шире: постепенный переход к планомерному распределению средств производства путем оптовой торговли.

Торговля вместо «карточной системы» может включать и прямые связи, и более сложный путь — через посредников. Само предприятие выберет, что ему выгоднее. Но посредник должен быть не прежний, ни за что не отвечающий материально, никак не зависящий от предприятий. Он должен быть на хозрасчете, то есть продавать полезные услуги, получать за это деньги и иметь прибыль, а если торгует плохо — расплачиваться своей прибылью. Это будет объединенный представитель экономических интересов предприятий.

Я подводил итоги услышанного. Более глубокое совершенствование техники не всегда под силу одному заводу — нужно объединение. Снабжение современного производства, освобожденное от бюрократической централизации, в то же время не допускает стихийной «самодеятельности» разобщенных потреби-

телей: нужно объединение. Сбыт в одиночку — тоже плохая коммерция. И для сбыта необходимо объединение.

Объединение, объединение, объединение. Это был второй этаж, где плуг реформы мог вскрыть новые резервы. Но в чем содержание объединения и какими должны быть его формы? Ответ на эти вопросы искали всюду: на заводе, в главке, в министерстве.

Идея производственного объединения — в разных целях, в разных формах — уже тогда владела умами многих хозяйственных руководителей. Московский завод тепловой автоматики (МЗТА) в этом смысле не был исключением. Инженеры завода обосновывали необходимость объединения по-разному. Одних больше волновала подетальная специализация: объединить бы с другими заводами карликовые производства пластмасс, литья и т. п. Другие ставили на первое место интересы сбыта. В целом вырисовывалась примерно такая структура: два-три завода, большое конструкторское бюро, проектное бюро, группа шеф-монтажа, единая коммерческая служба.

Но... Главное «но» заключалось в том, что ни другие заводы, ни главк и министерство с таким объединением не были согласны. В то же время все соглашались с тем, что надо активнее разрабатывать резервы «второго этажа» реформы, т. е. решать не только внутризаводские задачи, но и межзаводские.

В министерстве не считали удовлетворительной и нынешнюю организацию сбыта продукции — через главки Госснаба, которые ни за что не отвечают перед предприятиями. Министр повторил мне идею, которую он уже высказывал прежде: за сбыт продукции отрасли должно отвечать министерство. Организационно это мыслилось так. При министерстве создается хозрасчетный сбытовой главк, который скупает у заводов отрасли их продукцию на основе договоров, предусматривающих взаимную материальную ответственность за точное выполнение обязательств.

Как видим, министерство тоже стояло за объединение многих производственных и коммерческих функций, но формы этого объединения видело иные, чем завод. А нельзя ли найти такие пути, которые позволили бы использовать самое ценное в предложениях обеих сторон? Взять хотя бы межзаводскую подетальную специализацию. Конечно, крупные производства,

создаваемые для всего министерства, должны быть, как правило, эффективнее, чем то, что могли бы создать два-три небольших завода, объединившись вокруг МЗТА. Но эти крупные производства строятся за счет централизованных капиталовложений, строятся годами. Они будут не очень маневренны и, очевидно, выгодны лишь при выпуске самых массовых изделий. Найдется, вероятно, и такая продукция, выпуск которой удобнее объединять где-то на среднем уровне между одним заводом и целой отраслью.

Но вот вопрос: надо ли для этого сливать в одну фирму заводы, у которых выявится такой общий интерес? У заводов теперь был фонд развития, который, кстати, обычно не использовался полностью. Могут же, скажем, два соседа договориться: объединить часть средств своих фондов развития и создать, к примеру, на одном укрупненный участок литья под давлением, на другом — цех пластмасс. Каждый гарантирует другому поставку нужных ему изделий в меру его паевого взноса. Такая кооперация никаким законом не запрещалась. Но практических сдвигов не было.

Есть и в коммерческой работе возможности объединения. Напомним: кое-кто считал полезным создать при министерстве отраслевой хозрасчетный главсбыт. Особый главк для сбыта. Заметим, что вопрос этот не специально отраслевой, а общий, принципиальный. Ведь намечался переход к оптовой торговле средствами производства. Едва ли кто-нибудь представлял будущую систему оптовой торговли как многократно увеличенный Тишинский рынок, где сотни тысяч поставщиков и потребителей блуждают без руля и без ветрил, разыскивая друг друга. С другой стороны, здесь не годится и организация, рожденная для противоположной цели: фондового распределения продукции. Где же золотая середина?

Многие видели ее в соединении управления производством и управления сбытом. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС установил, что предприятие должно отвечать не за валовую, а за реализованную продукцию. Иначе говоря, тот, кто производит, должен отвечать за сбыт — таков принцип реформы. Ну, а тот, кто управляет производством, — может ли не управлять сбытом? Ответ на этот вопрос имел прямое отношение к выполнению другой задачи, поставленной то-

гда: к переводу отраслевых промышленных главков на хозрасчет.

В стране появились десятки хозрасчетных главков, а в приборостроении — все до одного. И для них уже Межведомственная комиссия при Госплане СССР писала методики, ставила четкие границы. Создался таким образом эталон. В чем же видели хозрасчетную сущность главков и чем они на хозрасчете управляли?

Первейшим признаком «хозрасчетности» главков часто считали то обстоятельство, что средства на их содержание поступали не из государственного бюджета, а от предприятий. Однако многие экономисты справедливо считали эту сторону дела сугубо формальной. Ведь деньги списывались со счетов предприятий механически, без всякой связи с количеством и качеством труда работников главка.

Далее, главк стал централизовать фонды развития и мог расходовать их в интересах всей подотрасли. Это работа полезная, но мало связанная, собственно, с хозрасчетом, суть которого в том, что данный коллектив живет на доходы от продажи своей продукции. Какова же продукция главка? Только одна: управленческие услуги. К их оплате имеет отношение последняя сторона хозрасчета главка: выплата премий его сотрудникам при выполнении плана подчиненными предприятиями. Каковы же те конкретные усилия работников главка, от которых зависит выполнение плана предприятия?

Как известно, первейшая обязанность аппарата управления отраслью — проведение единой технической политики. В главке каждым заводом ведает один инженер, именуемый куратором. Точнее — один куратор на три-четыре завода. Предположим, что МЗТА — в ведении лучшего из кураторов Главпромприбора. Кому на заводе он может дать технический совет? Ведь там грамотные инженеры в каждом цехе, а затем еще отделы заводоуправления, отдел главного технолога и, наконец, 120 человек в конструкторском отделе во главе с доктором наук. Может ли один человек любой квалификации знать о заводской технике что-либо, чего не знает сам коллектив, имеющий таких специалистов?

Организация производства и труда, подбор кадров? Вст здесь главк делал многое — для мелких и оставших заводов. Им нужна была его помощь. Но МЗТА —

столичный квалифицированный завод, один из крупнейших в отрасли, в «пожарной» помощи не нуждался. Если он чего и не осиливал сам по части организационной, так это сложных комплексных проектов научной организации труда и управления. Но такой работы и в главке никто не делал.

Чем дальше, тем яснее становилось, сколь мало смысла было в распространенном тогда утверждении, будто министерства нужны для ускорения технического прогресса, для руководства технической политикой отрасли. Даже на таком не слишком большом заводе, как МЗТА, было во много раз больше специалистов самой высокой квалификации, чем в министерстве. Политика развития тепловой автоматики делалась на заводе, в его КБ,— министерство тут было ни при чем. Однако те крохи власти над производственными ресурсами, которые поначалу дала предприятиям реформа, все больше уплывали от них обратно, в руки ведомственного аппарата. Реформа не остановилась на полдороге — она обратилась вспять. Экономистам оставалось ждать новой попытки и готовиться к ней. Все более значительный интерес вызывало обращение к документам прошлых десятилетий. Выяснилось, что даже дипломированные экономисты не знают: какие реформы бывали прежде, зачем они были нужны и что из них получалось? Этому не учили в ту пору в университетах и институтах. До середины 60-х годов рядовому экономисту (как и историку) был неведом сам факт, что бывает два типа социалистических хозяйственных систем: хозрасчетная и административная (ограничимся пока этими упрощенными названиями). В пору нашего студенчества мы мыслили иными категориями: есть капиталистическая система хозяйствования и есть социалистическая, превосходящая первую по всем статьям и развивающаяся поступательно, всегда прямо вперед и выше, по пути все большего усиления в ней коммунистических черт. Социалистическая — одна-единственная, а если не единственная, если чем-то отличающаяся от начертанного вождем образа, значит, ошибочная и идущая к неминуемой беде.

Реформа, сама мысль о ней, а тем более ее практика ломала эту идеальную конструкцию в наших умах, уже подточенную и предшествовавшей дискуссией. Реформа явно содержала попытку возродить многие

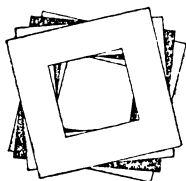
принципы ленинской экономической политики. Но ведь те принципы сложились еще в начале 20-х годов — а потом куда они делись? Вроде не было никакого решения об их отмене. Реформа была, об антиреформе мы не слышали — как же получилось, что вновь нужна реформа? Экономисты, историки, социологи принялись заново открывать для себя пройденный страной путь, заново оценивать накопленный и старательно забытый опыт.

Эта работа была нелегкой, потому что рядом с молодыми почти не было свидетелей не такого уж дальнего прошлого, которые хотели бы (и умели) разъяснить непонятное. И еще потому, что мы то и дело натывались на имена, которые все еще оставались под запретом, — не имена даже, а клички: «кондратьевщина», «чаяновщина», «правый уклон» и т. п. — без аргументов, без доступа к «порочным» текстам, без права на сомнение или хотя бы вопрос. И наконец, работа возрождения прошлого была трудна еще потому, что картина этого прошлого оказалась огромной, едва обозримой. Исторический опыт социалистического строительства, насчитывавший лишь десятилетия, оказался неисчерпаемым. Новое прочтение его требовало времени.

Что же могло узнать о прошлом поколение, жаждавшее полной правды? В пору застоя — только то, что не было связано с именами, запрет на которые сохранялся еще с 30-х годов. Даже многие материалы, оставшиеся доступными в библиотеках, невозможно было использовать в пропаганде или научных трудах: не печатали. Только после апреля 1985 г. экономисты получили возможность осмыслить опыт прошлого в полном объеме. Вот что они узнают теперь.

3.

Обобществить на деле

«Для всякого политически зрелого рабочего было давно ясно, что с переходом политической власти к пролетариату вся тяжесть руководства экономической жизнью взвалится на его же плечи». Такими словами Влас Чубарь начал свою статью в ноябрьской книжке журнала «Народное хозяйство» за 1918 г.— в номере, посвященном первой годовщине революции. Выбор слов говорит о многом. Рабочий-металлист, член партии с 1907 г., когда ему было 16 лет, а в 26 лет член Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства пролетарского государства, Чубарь помянул прежде всего не радость творчества, не упоение властью, по праву доставшейся людям труда,— нет, он отметил взваленную на плечи тяжесть — тяжесть руководства. Причины этого были тогда очевидны для всех.

25 октября 1917 г. не стало над заводами никакой власти. Еще существовали дореволюционные комитеты, созданные для распределения продукции в военное время, еще сидели на местах старые владельцы заводов, но все они ответили на революцию саботажем. Не стало заказов, прекратилось финансирование производства, рабочие не получали зарплату. Между тем разруха и голод — следствие трех лет войны — и без того уже нависли над городами.

А теперь — некоторые вехи из календаря последующих событий.

26 октября 1917 г. в Смольном на совещании с участием В. И. Ленина обсуждался вопрос о рабочем контроле и создании органа для руководства всей экономической жизнью.

28 и 29 октября представители рабочих изложили Ленину уже разработанную схему органа для руководства всем хозяйством.

11 ноября Совнарком поручил В. В. Оболенскому, В. М. Смирнову и М. А. Савельеву разработать проект декрета о Высшем экономическом совещании (таким был один из первых вариантов названия нового органа).

14 ноября правительство приняло положение о рабочем контроле. Это название не должно вводить в заблуждение современного читателя: контроль означал управление. Спустя год Ленин говорил, что «социализм может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс. Без этого социализм есть только пожелание. Поэтому мы ввели рабочий контроль...»¹ Не заблуждался в оценке событий и классовый враг. 25 ноября на совещании представителей крупного капитала в Петрограде была принята резолюция, в которой, в частности, говорилось: «В случае предъявления в предприятиях требования рабочего контроля такие предприятия закрыть».

2 декабря 1917 г. ЦИК утвердил декрет о Высшем Совете Народного Хозяйства. В нем, в частности, предписывалось ввести в состав ВСНХ прежде всего представителей Всероссийского Совета Рабочего Контроля.

Орган экономической власти рабочих ответил на попытки саботажа конфискацией предприятий. Сначала национализировались отдельные заводы, потом объединения, в январе 1918-го настала очередь целых отраслей. 28 июня 1918 г. был принят декрет о национализации всех основных отраслей промышленности.

Требовалось не просто поддержать работу предприятий, но совершить сложный структурный поворот: от военного производства к мирному. Так, программа работы металлзаводов Петрограда на второе полу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 139.

годе 1918 г. предписывала направить 95% расходуемого металла на мирное производство — до Октября 88% его шло на военные цели.

Итак, в течение года с небольшим был совершен переворот, пожалуй, более сложный и глубокий, чем смена политической власти: рабочие взяли в свои руки управление производством. Чудом может показаться это стремительное преобразование самых основ народной жизни, и особенно бурное начало его, знаменитая «красногвардейская атака на капитал», включавшая захват банков и других центральных экономических органов и начало национализации крупных предприятий и объединений. Ведь всего пять недель отделяли от Октября создание ВСНХ, который сразу же возглавил и процесс национализации, и управление национализированными заводами. Как же согласовать эту сказочную быстроту с версией, сложенной 70 лет назад и распространяемой на Западе по сей день: о верхушечном будто бы характере революции, о некоем заговоре кучки большевиков, навязавших свою волю народу?

Не было сказочных чудес. Была правда революции, вызревшей как движение истинно народное. В 1919 и 1920 гг. это будет доказано невероятной стойкостью миллионов простых людей в защите Советской власти от военного нашествия 14 держав и белых армий. Но еще раньше, в конце 1917 — начале 1918 г., это было доказано массовой готовностью рабочих к выполнению абсолютно новой для трудящихся классов и крайне трудной в тогдашних условиях задачи управления хозяйством. Откуда такая готовность? Можно подумать, что рабочие приступили к изучению науки управлять еще до Октября.

Именно так и было. Еще в марте 1917-го, находясь в Швейцарии, зная о событиях в России лишь по отрывочным сообщениям буржуазных газет, Ленин спешно писал и отправлял в «Правду» «Письма из далека». В письме втором он требовал создания массовых вооруженных организаций трудящихся, которые бы переходили к соединению общегосударственных функций с военными «и с контролем за общественным производством и распределением продуктов». В письме третьем прямо связывал эту работу с задачами будущей социалистической революции, обращаясь к рабочим: «Вы не сможете прочно победить в этой сле-

дующей, «настоящей» революции, если вы не проявите чудес пролетарской организованности!» В письме пятом намечал «шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов...»¹.

Выраженная в ленинских письмах идея контроля трудящихся над производством и распределением продуктов была созвучна самым глубоким потребностям и интересам рабочих. Сразу после февральского переворота на предприятиях стали появляться фабрично-заводские комитеты. Главной целью этих организаций рабочих было — не допускать остановки предприятий, обеспечить нормальное снабжение их и распределение продукции, нормальное финансирование. Уже в мае 1917-го фабзавкомы окрепли настолько, что представители заводов собрались на конференцию, которая создала Центральный совет фабрично-заводских комитетов.

Из общего числа 4,4 тыс. фабрично-заводских комитетов, имевшихся на предприятиях европейской части РСФСР, почти половина возникли до Октября. Историки отметят потом неумелость, неповсеместность, некомплексность дооктябрьского рабочего контроля. Это верно. Откуда было взяться опытности до опыта? Другое важно: твердо заявленный еще до пролетарской революции хозяйский подход рабочих к заводам, широко распространенное сознание того, что это — общее, народное достояние. И понимание того, что в сохранении этого достояния люди труда могут надеяться только на самих себя.

На тысячах предприятий рабочие интересовались состоянием производства больше, чем сами владельцы. Спеша нажиться на сверхприбыльных военных заказах, многие заводчики в годы войны пренебрегали ремонтом, довели оборудование до крайней изношенности и теперь считали более выгодным просто бросить предприятия на произвол судьбы, чем приводить их в порядок. Или намеренно усугубляли экономическую катастрофу, чтобы, с одной стороны, приструнить профсоюзы, с другой — иметь повод требовать новых субсидий у казны. Если для крестьян и рабочих в солдатских шинелях революция означала спасение от гибели в завтрашней бессмысленной атаке, то для рабочих на заводах она была единственным спасе-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 33, 37, 56.

нием от неминуемой голодной смерти. Создание вооруженных организаций рабочих для взятия государственной власти и создание органов рабочего контроля над производством стали неразрывными частями единого спасительного дела — революции, несущей мир, хлеб и свободу. Во время корниловского мятежа именно Центральный совет фабзавкомов Петрограда сумел снабдить Выборгский район оружием — отобрать его у рабочих не мог уже никто.

Сама идея создания ВСНХ, как вспоминал позднее В. Чубарь, родилась в Центральном совете фабзавкомов. В деле созидания революция прямо опиралась на самодеятельность рабочих.

Первым председателем ВСНХ стал Валериан Валерианович Оболенский (Осинский). В восемнадцать лет — репортер «Известий Московского Совета» в дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве, в двадцать — член партии большевиков, в тридцать он был назначен (в первые дни Октября) комиссаром Государственного банка, ломал там саботаж старых чиновников, а еще через месяц по поручению Совнаркома принял участие в создании ВСНХ. Ленин высоко ценил его как талантливого организатора и беспощадно критиковал за участие в оппозиционных выступлениях. В начале 1918 г. Осинский был одним из лидеров «левых коммунистов», выступивших против Брестского мира и против ленинской экономической политики.

В феврале 1918 г. председателем ВСНХ был назначен Алексей Иванович Рыков. Впервые избранный членом ЦК партии еще на III съезде в 1905 г., он в годы подполья восемь раз подвергался арестам, прошел «Кресты» и Таганскую тюрьму, Нарымскую ссылку, не раз бежал из ссылки. В первом составе Совнаркома он был наркомом внутренних дел, но в ноябре 1917 г. выступил против ленинской политики: вышел из Совнаркома и из ЦК вместе с группой большевиков, настаивавших на создании коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров.

Секретарем Президиума ВСНХ стал рабочий-металлист и сын рабочего-металлиста Александр Васильевич Шотман — тот самый, который в июле 1917-го укрывал В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева в Разливе. Участник марксистских рабочих кружков в Петербурге с 1889 г. (ему было тогда 19 лет), член партии с 1899-го, участник Обуховской обороны, делегат II съезда пар-

тии, Шотман трижды был арестован, подверглся ссылке в Нарым.

Первым управляющим делами ВСНХ была Варвара Николаевна Яковлева, член партии с 1904-го, пять раз арестованная, дважды бежавшая, в октябрьские дни — член пятерки, руководившей восстанием в Москве.

В числе создателей ВСНХ был Максимилиан Александрович Савельев («Макс»), член партии с 1903-го, многократно подвергавшийся арестам, в эмиграции окончивший Лейпцигский университет, доктор философии. Ленин высоко ценил работу Савельева в редакции «Правды», куда он впервые пришел еще в 1912-м. Савельеву еще предстояло в 20-х годах стать редактором «Торгово-промышленной газеты», органа ВСНХ, и тем самым — одним из ближайших соратников Ф. Э. Дзержинского. В 1929—1930 гг. Савельев был редактором «Известий».

Наверное, о любом из членов Президиума ВСНХ 1918 г. можно было бы написать роман — впрочем, о некоторых немало уже написано. Ян Эрнестович Рудзутак, рабочий-металлист, с четырнадцати лет батрак, с семнадцати лет на заводе, с восемнадцати (с 1905 г.) — в партии, в двадцать лет арестованный, подвергнутый пыткам, осужденный на каторгу и освобожденный через десять лет Февральской революцией. Леонид Борисович Красин, один из виднейших соратников Ленина, член ЦК партии с 1890 г. Георгий Ипполитович Ломов (Оппоков), юрист, сын священника, в тринадцать лет член социал-демократического кружка, в пятнадцать — член партии, в семнадцать — участник боевых дружин первой русской революции. Василий Владимирович Шмидт, рабочий-металлист, в партии с 1905-го, трижды арестован, с конца 1918-го — нарком труда. Владимир Павлович Милютин, литератор-экономист, большевик с 1910-го, восемь раз арестован, пять лет в тюрьме, два года в ссылке (он, как и Рыков, был в числе видных большевиков, вышедших из правительства в ноябре 1917-го).

По свидетельству Шотмана, до переезда правительства в Москву не было такого заседания Президиума ВСНХ, в котором бы не участвовал Ленин. Кроме того, ежедневно, а то и по нескольку раз в день руководители ВСНХ бывали у Ленина в Смольном.

26 мая 1918 г. открылся I Всероссийский съезд советов народного хозяйства. Вопросы проведения съезда обсуждались за три дня до того на заседании Президиума ВСНХ в Кремле при участии Ленина. Были утверждены и тезисы доклада, с которым предстояло выступить члену Президиума ВСНХ Г. Д. Вейнбергу (член партии с 1906-го, в 1917-м — руководитель союза металлистов Выборгского района). На этом заседании Ленин предложил ликвидировать всякие промежуточные правления между заводоуправлениями на местах и производственным отделом ВСНХ. Говоря на съезде о будущем социалистической государственности, Ленин утверждал, что «аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества»¹.

Ленин говорил в декабре 1917-го: «Конкретного плана по организации экономической жизни нет и быть не может.

Его никто не может дать. А сделать это может масса снизу, путем опыта. Будут, конечно, даны указания и намечены пути, но начинать нужно сразу и сверху и снизу»². Высший Совет Народного Хозяйства представлял, несомненно, «верх». Но в то же время он собрал представителей «низов», лучших людей революционного рабочего класса.

Сегодня, в нашей совсем иной жизни, как постичь нам их тогдашние заботы?

Сентябрь 1918-го. На пленуме ВСНХ выступает его председатель А. И. Рыков. Сухо перечисляет проблемы. Захват Баку англичанами и меньшевиками прервал подвоз нефти — ее вывезено 80 млн пудов вместо 120—150 млн, на которые рассчитывали. Отрезан Туркестан, а значит, и подвоз хлопка. Из необходимых 12—14 млн пудов имеются всего 3 млн, Центротекстиль предлагает на месяц закрыть всю текстильную промышленность. Заготовка и вывозка дров идет так плохо, что их не наберется и на половину потребности. Некоторые предприятия временами закрываются из-за отсутствия питания — рабочие ездят за хлебом или уезжают в деревню подкормиться.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 377—378.

² Там же, т. 35, с. 147—148.

Следом рассказывается о принимаемых мерах. Идет добыча торфа. Национализирован Подмосковский угольный район, здесь пущены долго стоявшие шахты, добыча угля увеличена. Начаты работы по добыче сланцев в Петроградской губернии и перегонке в керосин и бензин. При ВСНХ создана специальная коллегия по заготовке дров с диктаторскими правами. Президиум ВСНХ отказался останавливать текстильную промышленность целиком, решено закрыть остальные предприятия и сконцентрировать производство на лучших. После временной потери районов заготовки хлопка и шерсти остаются доступными районы производства льна, но и заготовка льна идет плохо. Однако выясняется, что кооперация заготовила вчетверо больше льна, чем государственные органы. ВСНХ делает вывод: использовать аппарат кооперации.

ВСНХ планирует — как прожить до освобождения Баку и Украины, Сибири и Туркестана. Нет и тени сомнения в скорой военной победе. Но не эта уверенность в планировании текущих дел среди разрухи и войны поражает больше всего. Самое удивительное — принимавшиеся решения о делах перспективных.

5 сентября 1918 г. Президиум ВСНХ обсуждал проект орошения Голодной степи. Не как-нибудь теоретически обсуждал — проект был разработан полностью, строительная организация создана, готов к отправке на место работ первый эшелон управления ирригационными работами Туркестана. Автор проекта инженер Ризенкампф и комиссар строительства Никитский доложили о проектируемом сооружении каналов и дорог, о будущих посевах хлопка и заводах по его переработке, о постройке пяти городов-садов и гигиенических условиях жизни в них. Отметим две детали из отчета об этом докладе.

Первая: «Руководители дела уверены, что аппарат создан не только механически, но и органически, и, если только экспедиция доберется до Туркестана, можно будет развернуть работу полным темпом». Если только доберется... Голод, разрушенные пути и мосты, нехватка топлива ожидали их в пути вне всякого сомнения, мятежи и внезапно возникшие новые фронты гражданской войны — весьма вероятно. А они ехали строить не для неотложных нужд войны — ехали строить во имя будущего. В подобных условиях так легко было бы просить о снижении требований к про-

екту хотя бы во имя ускорения и удешевления работ. Но вот вторая деталь: на Северном голодноостепском магистральном канале проект предусматривал не просто земляные работы, но бетонирование ложа на протяжении 37 верст канала. Трудность и новизна замысла не останавливали: никому не приходило в голову допустить потерю воды за счет фильтрации. Благое намерение подкреплялось материально: на месте спешно заканчивалось строительство цементного завода. Невольно задаешься вопросом: сегодняшние проектировщики каналов, чья оснащенность ресурсами тысячекратно превосходит тогдашнюю, всегда ли проявляют хотя бы такую же, как тогда, степень заботы о сохранении природы и о будущем своих сооружений?

Из повестки дня Президиума ВСНХ в первый год его существования. Один, наугад взятый день, 18 июля 1918 г. (заседания в то время проводились почти каждый день). Вот принятые в тот день решения. Утвердить проект декрета о монополизации ткани, поручив организацию складов ткацких изделий Центротекстилю с привлечением биржевых артелей, профсоюзов и военного комиссариата, а контроль за охраной — Госконтролю и ВЧК. Создать Комитет твердых цен для установления и согласования цен на предметы и продукты массового потребления и элементы их производства, утвердить проект положения о Комитете цен. В связи с закрытием (очевидно, бывшими владельцами) московского завода, бывшего Гужона, передать его в ведение отдела металла ВСНХ и выдать из кредитов отдела металла 3 млн 681 тыс. рублей для расплаты с рабочими и закупки материалов, выделив эти средства авансом, а затем срочно внести смету в Совнарком. Отделу металла собрать материалы о деятельности старого правления завода и передать в следственные органы при ревтрибунале. Утвердить правление завода (бывший Гужон — ныне, как известно, московский завод «Серп и молот»).

Еще одно решение далеко не текущего свойства, принятое в боевом 1918-м: 16 августа был создан Научно-технический отдел (НТО) ВСНХ. Заведующим отделом правительство назначило 26-летнего инженера-химика, члена партии с июня 1917-го, Николая Петровича Горбунова. Выбор руководителя сам по се-

бе говорит о том, какое значение Ленин придавал новому органу: до того Горбунов был секретарем Совнаркома, значит, председатель правительства отдал своего сотрудника, и сотрудника, несомненно, ценного, поскольку некоторое время спустя по предложению Ленина Горбунов был назначен управляющим делами Совнаркома и СТО.

Уму непостижимы масштабы и темпы работ НТО по организации науки в самый разгар гражданской войны — в 1918—1919 гг. В эти годы созданы Пищевой институт, Научный институт по удобрениям, Институт химически чистых реактивов, Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Институт исследования твердого тела, Текстильный институт, Автомобильная лаборатория, из которой вскоре вырос Научный автомобильный институт, Институт прикладной химии, Палата стандартов — всего к концу 1919 г. действовало 33 научно-исследовательских института.

Письмо от 31 октября 1918 г.:

«Товарищ Ленин.

Басманный районный военный комиссариат реквизирует автомобильное имущество специальной лаборатории двигателей внутреннего сгорания Высшего московского технического училища... Считаю такую реквизицию недопустимым недомыслием военных властей. Прошу об ее отмене и возвращении лаборатории всего имущества.

Привет — Горбунов».

Ленин распорядился имущество немедленно вернуть. Лабораторией руководили профессор Н. Е. Жуковский, инженер-механик А. Н. Туполев.

Архивы хранят целую серию документов, отражающих настойчивое стремление НТО немедленно, зимой 1918—1919 гг., провести серьезное исследование богатств Кара-Богазы.

Потомки никогда не устанут удивляться свершениям того неповторимого времени — юности революции. При ничтожных ресурсах затевались великие дела. Выполнять их приходилось людям голодным, плохо снаряженным, неопытным, часто неграмотным. Им мешали бюрократизм и сознательный саботаж старых чиновников. В их планы врывались интервенция и белые мятежи. А они не только устояли — их начинания в науке и экономике проросли великими достижениями в наши дни, их подход к решению иных задач ка-

жется завидным и сегодня. Что же воодушевляло их? То главное, что принесла социалистическая революция людям труда и что Ленин в первую зиму после Октября определил так: «...величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя...»¹

В ту пору классовый инстинкт рабочих помогал им в ходе повседневных жизненных решений нащупывать ответы на те вопросы, которые далеко еще не ясны были многим теоретикам (иным и по сей день не ясны). В октябрьской книжке журнала ВСНХ «Народное хозяйство» за 1918 г. появилась статья Н. И. Бухарина, который вместе с В. В. Осинским был тогда лидером «левых коммунистов». В формулировках статьи есть и опровергнутые позднее Лениным рассуждения об отмене будто бы политэкономии после победы социализма. Были в статье и такие слова: «Лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные «проблемы» политической экономии: проблемы ценности, цены, прибыли и проч.».

Тремя годами позднее, после того как вышла книга Бухарина «Экономика переходного периода», журнал «Красная новь» поместил рецензию М. С. Ольминского, содержащую такую ироническую характеристику подобных взглядов: «Теперь нет для нас ничего невозможного: что захотим, то «ментально» и сделаем». Но то был уже 1921 г., к тому времени ход событий не раз опроверг представления бывших «левых коммунистов», и они сами уже смотрели на вещи иначе. Суровые уроки, преподанные самой жизнью, стояли за этой эволюцией взглядов Бухарина и его сторонников.

Характерна лексика речей Бухарина на VII съезде партии, где произошла решающая схватка с «левыми». Он говорил: «нужно обрабатывать человеческий материал», «нужно заставить массы понять», «мы должны массы поднять до себя», «наша священная обязанность заключается в том, чтобы давить на массы, втягивать их в борьбу». Действенным способом «давить на массы» он объявил немецкую оккупацию: откажемся подписать мир в Бресте, будем воевать, и если даже придется отступить из-за того, что рабочие и крестьяне воевать не желают,— это неплохо. Пусть

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 196.

узнают на деле, что значит «жить под немцем»: «когда будет железное кольцо вставлено в ноздри, тогда, поверьте, товарищи, тогда мы получим настоящую священную войну».

Нет сомнения, что лично он готов был первым погибнуть в священной войне на благо революции, но это не меняет политическую и научную оценку его позиции. Годы спустя, когда левацкие лозунги будут сознательно использованы для подкрепления сталинского тезиса об усилении классовой борьбы после победы социализма, когда «левое» прошлое Бухарина станет из-за этого невыгодно вспоминать и он отправится в последний путь с клеймом «правого»,— у него, вероятно, не раз будет повод вспоминать свои пламенные речи 1918 г.— и особенно слова о том, что революция может развиваться ценою гибели передовых рабочих.

В 1916 г. Бухарин опубликовал статью «Империалистическое разбойничье государство», в которой утверждал между прочим: «Революционная социал-демократия хочет организовать новое общественное производство, как централизованное, т. е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад к старой технике, к старой форме производства». В этой формуле централизм выдвинут как главный и единственный отличительный признак социалистической организации производства. Читая статью, Ленин подчеркнул слова «централизованное, т. е. технически наиболее прогрессивное» и «децентрализованное анархическое», затем отчеркнул сбоку все это рассуждение и написал на полях: «неверно, неполно»¹. В чем заключалась неполнота, Ленин здесь не расшифровал, но это известно из других его работ и неоднократно подтверждено последующим историческим опытом. Во-первых, социалистической организации производства присущ не только централизм, но и демократизм. Во-вторых, само понятие централизма требует расшифровки. В-третьих, специфический централизм присущ и капиталистическому производству, поэтому предложенная Бухариным формула неполно характеризует не только само социалистическое производство, но и его отличия от капиталистического.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 333.

«Экономика переходного периода» — крупнейшее из произведений, написанных Бухариным в годы, когда он был идейным вождем «левых коммунистов». Одна из главных ее идей заключалась в том, что при социализме «исчезают все основные «проблемы» политической экономии», исчезают объективные законы, можно действовать в экономике, как душа пожелает. Бухарин был не единственный, кто особенности военной экономики принял за всеобщий закон социалистического хозяйствования. Ему еще предстояло узнать, что возможное на месяцы и даже годы не обязательно возможно навсегда. Узнать, запомнить и через восемь лет безуспешно объяснять другим. А пока он решал проблемы просто. Социализм — это организованное хозяйство, а организованное — это конечно же то, которое хорошо выполняет команду. Что могло быть естественнее такого понимания во время войны? И что могло быть естественнее продолжения той же военной логики: кто не выполняет приказа, того заставляют. Отсюда идея «пролетарского принуждения» как основного средства строительства коммунизма.

Видно, не только писателям в то время казалось, что достаточно почаще употреблять слово «пролетарский», чтобы в самом деле выражать интересы пролетариата. Между тем это был не пролетарский, а все тот же чистейшей воды мелкобуржуазный революционизм. Бухарин провозглашал, что «принуждение, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Он подкреплял это цитатами из Маркса о необходимости принуждения. Он мог бы привести и высказывания Ленина с упоминанием именно этих форм принуждения: расстрелов и трудовой повинности. Разница была не в признании или отрицании насилия вообще, а в конкретном понимании его роли. Насилие для свержения эксплуататорских классов и подавления их сопротивления — да. Но палками в рай загонять ни Маркс, ни Ленин не предлагали. Для «выработки коммунистического человечества» насилие не годится, ибо оно вырабатывает нечто иное. И Ольминский, например, в то время ответил Бухарину просто: «Грош цена была бы коммунистам, загнанным в коммунизм угрозой расстрела».

Но рассмотрим некоторые замечания Ленина на

«Экономику переходного периода». Бухарин писал: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве...» Ленин возражает: «...товарное производство есть тоже «организованное» хозяйство».

Бухарин: «...диктатура пролетариата неизбежно сопровождается скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства...» Ленин: «Надо было сказать: между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства. Подставлять здесь слово организующей есть теоретическая неверность, шаг назад от Карла Маркса к Луи Блану».

Бухарин рассуждает о том, что крестьянский кооперативный аппарат «может быть всосан в общесоциалистическую организацию» и поэтому здесь при строительстве социализма «полный распад аппарата теоретически не обязателен». Это верно, и Ленин тут не возражает, но напоминает другое: «Неверно сказать и думать (как часто выходит у автора), что «полный распад» «обязателен» для трестов»¹.

Тут уже прямая перекличка с написанной двумя годами раньше брошюрой «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», где Ленин предостерегал от поспешного разрушения аппарата капиталистических трестов, требовал использовать и этот аппарат, и буржуазных специалистов в интересах социалистического строительства. Но помимо того, что прямо сказано в той брошюре, благодаря этим заметкам на полях проявляется еще одна особенность позиции «левых». Они не только недооценивали возможности крупнокапиталистической организации, приписывая организующую и централизующую способность исключительно социализму. «Левые» — и это, пожалуй, важнее — обедняли социализм, сводя все его отличия и преимущества к этой способности организовать, централизовать, планировать. «Архиревolucionеры» оборачивались заурядными бюрократами. Именно это настойчиво замечает Ленин, читая книгу Бухарина. Именно администраторский способ перехода к социализму он не приемлет.

¹ См.: Ленинский сборник XL, с. 384, 400, 402.

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии сделала правоту Ленина в вопросе о Брестском мире очевидной и для самих «левых». Спор об экономической политике протекал сложнее. Хотя и в этом вопросе «левые» были убедительно разбиты Лениным и остались в меньшинстве, они отнюдь не признали своего поражения и не перестали существовать как идейное течение. Надежно изжить «левизну» такого рода помогает опыт — политический опыт масс, на своих боках испытывающих последствия «левых» заскоков. Между тем Ленин сразу разбил «левых коммунистов» теоретически, и проходить на практике нелегкий путь проверки левацких идей весной 1918-го не потребовалось. Теоретическое допущение возможности «скачка» в социалистическом строительстве сохранялось в умах людей.

Изжить его помог «военный коммунизм». Еще весной 1918 г. Ленин с успехом обосновывал необходимость замедлить «красногвардейскую атаку на капитал», повести социалистическое строительство организовано и постепенно — а осенью 1918 г. экономическая и политическая практика Советского правительства решительно разошлась с этими никем не опровергнутыми теоретическими положениями. Принятый 30 октября 1918 г. декрет о сельхозналоге (родной брат решения о продналоге 1921 г.) был тут же предан забвению. Был принят декрет о потребительских коммунах, требовавший охватить всю страну системой коммунистического потребления. В промышленности сложилась система административной централизации — никаких экономических стимулов, никакой прибыли и окупаемости предприятий, никакого права им распоряжаться своей продукцией, фондом зарплаты и т. п. Программа партии 1919 г. поставила в повестку дня отмену денег.

Что же случилось? Только одно: вырванная Брестским миром передышка кончилась, началась новая война — гражданская. Система управления, которую Ленин отвергал для нормальных, мирных условий, была единственно возможной в условиях чрезвычайных. Так произошло то, что для левацких идей всегда смертельно: волею судьбы они на сей раз были испытаны на практике. Испытаны не потому, что партия приняла их как средство социалистического строительства — испытаны как система вынужденных войной чрезвычай-

ных мер. И стало очевидно, что крестьянство терпит эти меры только на время войны, ибо поражение красных означало для крестьян потерю земли. Но стоило войне приутихнуть — мятежи стали захлестывать деревню, а в городах останавливалось производство. Крестьянство отказывалось терпеть продразверстку, рабочие отказывались работать за обесцененные деньги. Весной 1921 г., когда Ленин предложил новую экономическую политику, на X съезде партии не раздалось ни одного голоса против. Течение «левых коммунистов», разбитое Лениным теоретически в 1918 г., было добито на практике Кронштадтским мятежом в 1921-м.

Ленин не оставил работы, специально посвященной целостному изложению его взглядов на процессы обобществления при социализме. Отсутствие специальной работы по такому основополагающему теоретическому вопросу объясняется, видимо, теми же причинами, по которым Ленин не писал после Октября работ, теоретических по форме: практическая деятельность по руководству государством не оставила времени для таких занятий. Последним по времени его трудом, теоретическим по форме, была книга «Государство и революция», работу над которой прервал Октябрь. Объясняя в послесловии, почему книга осталась неоконченной, Ленин написал: «...приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать»¹. В годы Советской власти важнейшие теоретические положения, рожденные живой практикой социалистического строительства, продвинувшие науку о социализме далеко вперед по сравнению с дооктябрьскими представлениями марксистов, излагались Лениным в политических докладах и речах, газетных статьях и других материалах практически-политического характера. Мысли относительно обобществления при социализме разбросаны по нескольким работам в виде отдельных замечаний, которые, однако, носят отнюдь не частный характер. Это суждения обобщающие, затрагивающие самые коренные вопросы экономической политики пролетарского государства и в сумме своей позволяющие представить широкую картину взглядов Ленина.

Первые принципиальные замечания о сущности

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 120.

обобществления именно как процесса экономического были сделаны уже весной 1918 г. В «Очередных задачах Советской власти» Ленин писал: «Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле»¹. Выделенное курсивом «на деле» выражает здесь стремление отграничить обобществление экономическое, реальное, от формального — юридическое. Чуть позже, в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», Ленин высказывает эту мысль прямо и разъясняет ее. Отвечая «левым коммунистам», требовавшим «самого решительного обобществления», он пишет: «Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению». И дальше: «Сегодня только слепые не видят, что мы больше нана национализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого уменья нельзя»². Социалистическое реальное обобществление (для которого формальное обобществление служит лишь необходимым предварительным условием) Ленин практически отождествляет в этой статье с планомерной организацией общественного производства.

Чрезвычайно важными для понимания взглядов Ленина по затронутому вопросу являются его замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного периода», в которых Ленин подчеркивает значение обобществления весьма настойчиво. Бухарин, в частности, касаясь развития сельского хозяйства при капитализме, упоминает «начальные стадии организационного процесса, который, как и в индустрии, исходной точкой имсл именно процесс обращения (корнеры, ринги, синдикаты)...» Ленин, подчеркнув слово «организационного», пишет на полях: «Автор хотел, видимо, сказать: «про-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

² Там же, с. 293, 294.

цесса обобществления», но этой мысли (а другой нет) его слово не выражает».

Бухарин пишет: «Поскольку индустриальный пролетариат опирается на формально обобщественное (огосударственное пролетариатом) крупное хозяйство, он непосредственно организует производственный процесс». Ленин подчеркивает слово «формально» и замечает: «не только формально». Бухарин пишет: «Совершенно ясно поэтому, что, когда пролетариат приступает к восстановлению процесса воспроизводства, он должен начинать с мобилизации выпавших из производственного процесса сил...» Ленин добавляет: «мобилизации и «обобществления»».

Наконец, Бухарин пишет: «В известном 7 § 24 главы I тома «Капитала» («историческая тенденция капиталистического накопления») Маркс выдвигает два основных момента: централизацию средств производства и обобществление труда...» Ленин заметил по этому поводу: «Ну, вот и слава богу! Наконец, человеческий язык, вместо «организационной» тарабарщины! Все хорошо, что хорошо кончается»¹. Таким образом, Ленин здесь прямо указывает, какие положения К. Маркса должны служить первоосновой анализа процессов обобществления.

Обратившись к соответствующему разделу «Капитала», мы видим, что Маркс ставит в центр внимания процессы централизации средств производства и обобществления труда, осуществляемые в результате экспроприации мелких капиталистов крупными. «Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем

¹ См.: Ленинский сборник XL, с. 393, 398, 401, 407.

интернациональный характер капиталистического режима»¹.

Итак, рассматривая обобществление как объективный процесс, Маркс отводил важнейшее место в этом процессе таким факторам, как «кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах», развитие «комбинированного общественного труда», «втягивание всех народов в сеть мирового рынка» и, наконец, централизация и концентрация. Последние понятия Маркс подробно раскрыл в «Капитале» несколько раньше. Четко различая эти два процесса, он писал: «...прогресс централизации отнюдь не зависит от положительного увеличения общественного капитала. И это в особенности отличает централизацию от концентрации, которая есть лишь иное выражение воспроизводства в расширенном масштабе. Централизация может совершаться посредством простого изменения в распределении уже существующих капиталов, посредством простого изменения количественной группировки составных частей общественного капитала... В каждой данной отрасли производства централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в один-единственный капитал»². В этом месте Энгельс сделал свое примечание к четвертому изданию «Капитала»: «Новейшие английские и американские «тресты» уже стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией»³.

Концентрация, таким образом,— основной процесс, определяющий развитие обобществления в самих производительных силах. На нее опирается централизация, в том числе создание монополий при империализме и различные процессы обобществления при социализме.

Маркс показывает вместе с тем, что централизация, по существу, часть процесса концентрации, притом весьма важная часть. Это именно тот этап, на котором совершается качественный скачок, позволяющий разом извлечь весь эффект предшествующего длительного количественного роста производительных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772.

² Там же, с. 641.

³ Там же.

сил. Утверждая, что централизация довершает дело накопления, Маркс вместе с тем употребляет выражения «тождественная с накоплением концентрация», «собственно централизация в отличие от накопления и концентрации». Поскольку, таким образом, «концентрация» и «накопление» используются как синонимы, можно сказать, что централизация довершает дело концентрации. Маркс показывает затем, что в любом случае — расширяется ли масштаб операций в результате постепенного накопления или в результате подготовленной этим накоплением централизации — экономический эффект один и тот же: «Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научнонаправляемые процессы производства»¹.

Ощутив выгоды централизации, капиталистическое обобществление быстро развивает и обогащает ее инструментарий. Поначалу ее главными орудиями служат «конкуренция и кредит — эти два наиболее мощных рычага централизации». Затем наряду с этими рычагами, проводящими централизацию «насильственным путем захвата», вступают в дело акционерные общества, позволяющие осуществлять ее «более гладким способом». Здесь рождается новое качество. Уже с первыми шагами акционерного капитала Маркс связывает конечный общественный итог капиталистической централизации. Раскрывая замысел своего «Капитала» в письме Энгельсу от 2 апреля 1858 г., Маркс высказал намерение включить в исследование следующий раздел: «Акционерный капитал, как самая совершенная форма (подводящая к коммунизму), вместе со всеми его противоречиями»².

Выросшие из акционерных обществ тресты открывают эру монополий, начало которой отметил уже Энгельс, а развернутый анализ дал Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма». Зародившийся в 60—70-х годах XIX в. аппарат монополизации к началу XX в. сформировался в полной мере.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 642.

² Там же, т. 29, с. 254.

Картель — синдикат — трест составили «лестницу» монополистических образований со все более возрастающим единством составных частей. Ее верхняя ступень, трест, представляет собой, по существу, новое единое предприятие, образованное слиянием прежде самостоятельных предприятий.

Ленин приводит выдержку из «Финансового капитала» Гильфердинга, содержащую характеристику комбинатов, являющихся, по сути, разновидностью трестов. В ней есть очень важное замечание: «комбинация приводит к устранению торговли». Не очень ясно выраженную Гильфердингом мысль, конечно, не следует толковать в том смысле, что комбинаты не торгуют своей продукцией. Речь о другом: неторговый характер приобретает связь между отдельными частями самого комбината, прежде являвшимися самостоятельными предприятиями и выходявшими на рынок со своей продукцией.

Эта особенность относится в большей или меньшей мере ко всем видам монополистических объединений. Собственно, степень «устранения торговли» показывает степень связности отдельных частей монополистического объединения, служит важнейшим индикатором типа данного объединения. Первичная форма с наиболее слабой связью — картель. «Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собой области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д.»¹. Вошедшие в картель предприятия еще торгуют, но это уже не свободная торговля, не вполне торговля. Синдикаты прямо объединяют свою торговлю, тресты объединяют и само производство.

«Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований». Ленин делает вывод: «Капитализм в его империалистской стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 317.

свободы конкуренции к полному обобществлению»¹.

Ленин настойчиво подчеркивает различие между материально-техническим содержанием капиталистического обобществления и его социальной природой. В материально-техническом отношении оно прогрессивно, ибо ускоряет развитие производительных сил, формирует условия для создания и применения новейшей техники крупного производства, для технологического приложения достижений науки. В социальном отношении оно реакционно, ибо «главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам. Мы увидим ниже, как «на этом основании» мещански-реакционная критика капиталистического империализма мечтает о возвращении назад, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции»².

В сентябре 1917 г. в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин открыто и прямо сформулировал мысль о том, что между капитализмом и социализмом нет обязательного различия в применяемых формах обобществления производства. Различие в том, как применяются эти формы — реакционно-бюрократически или революционно-демократически — и, соответственно, кому они служат — эксплуататорам или трудящимся, всему обществу. Банки, синдикаты, контроль над потреблением населения (несколько позже Ленин добавил к этому перечню трудовую повинность) — все названные формы, созданные и испытанные капитализмом, могут служить социализму. Для этого требуются объединение и национализация банков, национализация синдикатов и принудительное синдицирование, отмена коммерческой тайны и другие меры демократического контроля над производством, принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль над ним. Общий вывод из сделанного в брошюре анализа таков: «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 320—321.

² Там же, с. 322.

есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»¹.

Несколькими днями позже Ленин написал статью «Удержат ли большевики государственную власть?». Развивая анализ капиталистических средств обобществления (банки, синдикаты) и возможностей их использования при социализме, он доводит этот анализ до логического конца, до исследования взаимосвязи обобществления, и прежде всего централизации, с централизмом управления: «Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. под контролем рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие деньги, но... но мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно в интересах трудящихся.

Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план пролетарского государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, против эксплуататоров. Под «общегосударственным» мы согласны понимать лишь то, что сламывает сопротивление капиталистов, что дает всю полноту власти большинству народа, т. е. пролетариям и полупролетариям, рабочим и беднейшим крестьянам»².

Теоретический анализ обобществления производства и экономической централизации, их взаимосвязи и путей применения при социализме был завершен. Оставалось применить выработанные идеи на практике.

Первые шаги социалистического строительства в конце 1917 — начале 1918 г. были в основном реализацией плана, выработанного Лениным в канун Октября, и включали национализацию банков и крупной промышленности, использование созданных капиталистами объединений (трестов), объединение населения в потребительные союзы, трудовую повинность. После-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

² Там же, с. 320.

военное восстановление (1921—1925 гг.) потребовало уделить особое внимание поиску новых, социалистических форм экономической централизации. Это объяснялось крайней скудостью ресурсов, имевшихся в руках государства, и необходимостью мобилизовать все возможности предприятий. Тогда уже не использовались объединения, созданные капиталистами, поскольку их существование фактически прекратилось в годы «военного коммунизма», а возникали впервые социалистические объединения разных типов (тресты, синдикаты, акционерные общества). Эти объединения сыграли огромную роль в восстановлении и развитии народного хозяйства в 20-е годы, способствовали накоплению очень важного опыта.

Однако первые же шаги индустриализации, проводившейся ускоренными темпами и — впервые в мировой истории — без привлечения внешних источников финансирования, сразу показали недостаточность применявшихся форм экономической централизации. Стремительная ломка структуры общественного производства, сопровождавшаяся созданием совершенно новых отраслей и производств, по масштабам превосходивших всю существовавшую прежде промышленность, также не могла быть обеспечена лишь способами сложения ресурсов предприятий, аналогичными тем, с помощью которых, по Марксу, создавались железные дороги при капитализме. Объективные условия выдвигали на передний план средства общехозяйственной централизации через государственный бюджет и государственный план. Они оставались преобладающими также в период Отечественной войны и послевоенного восстановления и строительства.

В современных условиях роль общегосударственных инструментов централизации остается огромной. Отметим лишь некоторые факторы, способствующие ее сохранению. В основном они связаны с большими, непосильными для отдельных предприятий и объединений затратами на создание новых производств и целых комплексов производств, притом имеющих жизненно важное значение для общества. С одной стороны, продолжается освоение громадных территорий нашей страны, богатых природными ресурсами, которые до сих пор не были вовлечены в хозяйственный оборот. Огромные трудовые, финансовые и материальные ресурсы, централизуемые прямыми решения-

ми центральных плановых органов и предоставляемые из общегосударственных фондов, расходуются на создание новых территориально-производственных комплексов, а порой и на освоение обширных регионов, включающих по нескольку ТПК, таких, как зона БАМа, Западносибирский нефтегазовый регион. С другой стороны, современная научно-техническая революция, открывая совершенно новые технологии и новые отрасли техники, резко увеличивает масштабы затрат на научные исследования, особенно фундаментальные, и в то же время повышает значение оперативной централизации ресурсов на создание новых отраслей производства по итогам проведенных исследований. Атомная энергетика и освоение космического пространства, электронная техника и освоение ресурсов Мирового океана, биотехнология и новые материалы — эти и другие направления требуют общегосударственной централизации ресурсов и одновременно значительного централизма принятия стратегических решений, в частности ввиду необходимости целенаправленных действий в сфере науки, подготовки кадров и материального производства.

Одновременно с этим и несмотря на это уже с 50-х годов ощущаются — и чем дальше, тем настоятельнее — возрастание роли экономической централизации на микроуровне и необходимость выработки соответствующих форм централизма управления. Объективный характер данного явления подтверждается тем, что возрождение на местах объединений, прекративших существование в начале 30-х годов, произошло в 1961 г. одновременно в разных районах страны без какого-либо централизованного решения, после чего они распространились очень быстро, подтверждая на практике свою высокую эффективность. Лишь в 1973 г. было принято постановление о распространении системы объединений на всю промышленность. Более того, когда постепенно выявилась недостаточность предписанных постановлением форм моноотраслевых объединений, также на основе инициативы «снизу» возник ряд межотраслевых объединений различного типа.

Относительное и абсолютное возрастание роли таких инструментов экономической централизации, как объединения разного типа, также имеет объективные корни. Если централизация ресурсов средствами го-

сударственного бюджета и государственного плана позволяет направить огромные силы на реализацию самых крупных отдельных проектов, то централизация по воле самих объединений и предприятий позволяет повышать эффективность использования всех имеющихся производственных фондов и трудовых ресурсов, что особенно важно на этапе интенсификации, когда вовлечение новых ресурсов все более затрудняется, а лучшее использование имеющихся становится все важнее.

В частности, несмотря на возрастающие абсолютные масштабы отдельных народнохозяйственных объектов, относительно снижается вес нового строительства в капиталовложениях народного хозяйства в целом и возрастает доля затрат на реконструкцию и модернизацию действующих производственных мощностей. Сама природа таких работ требует переноса центра тяжести всего финансирования на самофинансирование предприятий (объединений), передачи в их распоряжение более значительной доли инвестиционных ресурсов, соответственно повышает и значение сложения ресурсов по решению самих предприятий для совместного осуществления отдельных проектов. Все это предусмотрено решениями XXVII съезда КПСС, июньского (1987 г.) Пленума ЦК партии, Законом о предприятии.

Можно сказать, что после длительных периодов резких колебаний в соотношении двух уровней экономической централизации, микроэкономического и макроэкономического, произошло определенное «успокоение». Преобладающее значение централизации посредством добровольного объединения предприятий в 20-е годы сменилось преобладающим значением централизации на общегосударственном уровне в предвоенные пятилетки, годы войны и первые послевоенные. Требование интенсификации общественного производства снова выдвигает на первый план централизацию ресурсов действующих предприятий (объединений) для повышения эффективности производства, осуществляемую по собственным решениям. В то же время сохраняются и будут сохраняться значительные масштабы общегосударственной централизации, обеспечивающей стратегическую перестройку структуры в соответствии с требованиями научно-технической революции. Вероятно, в количественном измерении та-

кая централизация вскоре отступит на второе место, так же как и централизованные инвестиции уступят первенство инвестициям предприятий (объединений). Но в развитии общей структуры народного хозяйства и определении направлений научно-технического прогресса роль общегосударственной централизации останется ведущей.

Для экономистов актуальной задачей, заново решаемой для каждого периода, всегда останется правильный, обоснованный выбор рационального соотношения между двумя уровнями централизации. Одним из элементов решения этой задачи является «вечная» проблема выбора оптимального размера предприятия, полемика вокруг которой периодически обостряется во всем мире и в настоящее время ведется весьма оживленно экономистами как социалистических, так и капиталистических стран. Не пытаясь охватить здесь всю проблему, которая требует отдельного исследования, выскажем лишь некоторые замечания о факторах эффективности как крупного, так и мелкого производства.

К. Маркс писал: «Дешевизна товаров зависит *ceteris paribus* [при прочих равных условиях] от производительности труда, а последняя — от масштаба производства. Поэтому меньшие капиталы побиваются большими»¹. Это положение, неоднократно отмечавшееся и Лениным, полностью сохраняет свое действие и в наши дни. Его значимость даже возрастает в той мере, в какой возрастают масштабы фондов, необходимых для создания и использования крупнейших объектов современной техники и новейших технологий, основанных на достижениях научно-технической революции. Вместе с тем полностью сохраняется и значение марксовой оговорки «при прочих равных условиях», требующей внимательной расшифровки. Весьма сложным во все времена был и остается и вопрос о том, как измерить масштаб производства и размеры капитала. С учетом всего этого положение о преимуществе крупного производства следует понимать скорее как указание на ведущую тенденцию, чем как готовый безапелляционный ответ на все конкретные вопросы. Хозяйственная практика с ее многообразием может вносить в него серьезные поправки.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 640.

Прежде всего следует отметить, что связь между масштабами капитала (размерами предприятия) и масштабами производства не является жесткой и однозначной. Представим себе, что стоимость основных фондов и численность занятых у предприятия А вдвое больше, чем у предприятия Б, но при этом номенклатура продукции у предприятия Б вдесятеро меньше. Это означает, что серийность выпуска отдельных изделий у предприятия Б в среднем в 5 раз больше, у него может окупаться более производительное специальное оборудование, тогда как на предприятии А шире применяется оборудование универсальное, менее производительное. В этом случае, хотя капитал предприятия Б меньше, масштаб производства и производительность труда у него выше.

Сами размеры капитала не могут быть оценены безотносительно к характеру его применения. Если, скажем, один капитал вдвое меньше другого, но зато вдвое быстрее оборачивается, то при равном уровне рентабельности изделий прибыль на оба капитала будет одинаковой. А скорость оборота в некоторых случаях увеличивается с уменьшением размеров предприятия. Например, предприятие или производство меньших размеров можно быстрее реконструировать или модернизировать, и по этой причине отдача от реконструкции или модернизации может быть получена быстрее. В отраслях с быстрой сменяемостью ассортимента продукции быстрота перестройки на выпуск нового изделия, от которой зависит возможность опередить конкурента на рынке, может оказаться решающим аргументом в пользу уменьшения размера предприятия, даже если это повлечет некоторое повышение себестоимости продукции.

Особенно внимательного анализа требует известный феномен устойчивости мелкого производства в современной промышленности капиталистических стран, где десятки тысяч мелких предприятий ежегодно терпят банкротство, но им на смену тут же приходят другие, так что в целом доля мелких предприятий в общественном производстве не уменьшается, а в отдельные периоды даже растет, несмотря на прогресс техники, сопровождающийся ее удорожанием. Причины этой устойчивости не только технико-экономические, но и социальные, отражающие особенности системы эксплуатации рабочей силы.

Малые промышленные предприятия капиталистических стран, во многих случаях семейные, обычно являются субпоставщиками крупных фирм, снабжающими последние деталями и узлами. Они, разумеется, стараются оснащаться высокопроизводительным оборудованием, но не это обеспечивает им экономические преимущества—ведь новейшее оборудование столь же, если не более, доступно и крупной фирме. Устойчивость малого, особенно семейного, предприятия сродни устойчивости единоличного крестьянского хозяйства. Работа на собственном предприятии представляется владельцу-работнику и членам его семьи работой на себя в непосредственной форме, не требующей специальных мер стимулирования и надзора за количеством и качеством труда, необходимых при обычном наемном труде. Здесь более старательный и добросовестный труд сочетается с прямой самозэксплуатацией, подстегиваемой страхом перед безработицей в случае краха предприятия. Что касается наемных рабочих на малых предприятиях, то они нередко подвергаются сверхэксплуатации по той причине, что на таких предприятиях часто отсутствует профсоюз, затруднена организованная борьба работников за свои права. Дополнительную экономию дает отсутствие затрат на административный персонал или их небольшие размеры.

Таким образом, преимущества малым предприятиям обеспечивают отчасти более высокая маневренность, но главным образом удешевление рабочей силы, а на семейных предприятиях также повышение качества труда и активизация всесторонней инициативы работников. Эти обстоятельства вносят определенные уточнения в действие закономерности превосходства крупного производства перед мелким, побуждают воздерживаться от односторонности и категоричности в оценке эффективности тех или иных производств, требуют в каждом отдельном случае точного измерения и взвешивания всех действующих факторов. В еще большей степени, чем к обрабатывающей промышленности, это относится к добывающей промышленности и сельскому хозяйству, где на оптимальные размеры производства еще сильнее и порой решающим образом влияют не только социальные и технические факторы, но и природные: биологические, геологические, экологические. Но все отмеченные обстоятельства, не-

сомненно, подлежащие внимательному учету при принятии конкретных экономических решений, ни в малейшей степени не уменьшают действенность очень точно сформулированного К. Марксом положения: при прочих равных условиях более крупное производство эффективнее более мелкого. Трудности интерпретации этой закономерности в современных условиях обычно связаны с тем, что по мере усложнения общественного производства и возрастающего разнообразия конкретных условий учет «прочих условий» (в живой практике чаще всего как раз неравных) становится все более сложным делом.

Суждения о достоинствах малых производств особенно часто высказываются в связи с опытом японской промышленности, которая вызывает заслуженный интерес своими успехами и в которой доля малых предприятий весьма велика. Но именно опыт Японии наглядно демонстрирует безраздельное господство крупных и крупнейших фирм. Эти фирмы вкупе с японским государством намеренно, в своих интересах консервируют исторически сложившуюся своеобразную социальную структуру промышленности, позволяющую при весьма значительной эксплуатации существенно (по сравнению с большинством других развитых капиталистических стран) снижать накал классовой борьбы трудящихся.

Персонал крупных фирм в Японии пользуется (при условии лояльности к фирме) значительными материальными льготами, в числе которых относительно высокая зарплата, пенсии фирмы, значительно превышающие государственную пенсию, и, главное, система так называемого пожизненного найма (впрочем, в последние годы, при усиленной автоматизации и роботизации, все чаще случаются отступления от этой системы). Такие льготы способствуют ослаблению забастовочной борьбы трудящихся крупных частных фирм. С точки зрения конкурентоспособности предприятий, вероятно, еще более важно то, что эти льготы служат неотъемлемым элементом патерналистской атмосферы, искусно культивируемой видимости «единой семьи», связывающей всех работников фирмы общими интересами, общей заботой о процветании фирмы, от которого зависит благополучие каждого ее работника. Таким способом маскируется неизбежное при капитализме отчуждение, создается определенная за-

интересованность работника в конечных результатах деятельности предприятия, что особенно важно для повышения качества и, следовательно, конкурентоспособности продукции. Но все это не давало бы японским фирмам серьезных конкурентных преимуществ на мировом рынке, если бы достигалось за счет предоставления дорогостоящих льгот всему производственному персоналу. Особенность структуры японской промышленности заключается как раз в том, что на персонал крупнейших предприятий приходится лишь меньшая часть рабочего класса, в сущности, это «рабочая аристократия». Преобладающую часть составляют трудящиеся малых фирм — обычно субпоставщиков крупных. Здесь оплата труда значительно ниже, прочих льгот нет, и вместе с тем именно на этих предприятиях создается значительная часть стоимости, реализуемой крупными фирмами. Так, две трети стоимости легкового автомобиля «Мацуда» («Мазда»), производимого на крупном автозаводе в Хиросиме, составляют детали и узлы, получаемые со стороны, в основном от малых предприятий-субпоставщиков. При сокращении объемов производства уволенные рабочие малых фирм не создают никаких проблем для основного производства.

В японской экономике разработаны эффективные организационно-экономические формы, позволяющие надежно «встраивать» малые предприятия в производственный процесс крупных корпораций, не возлагая при этом на крупных партнеров обременительные экономические обязательства, но обеспечивая им все преимущества подобной кооперации. В числе таких фирм — многоступенчатые подряды, обеспечивающие тесную кооперацию крупных корпораций с мелкими и средними предприятиями, а также временные объединения, в которые крупные корпорации и мелкие специализированные предприятия входят на основе хозяйственных договоров. Договоры обеспечивают жесткое подчинение поставщиков требованиям потребителей вплоть до обязательств о снижении издержек производства. Ясно, что в таких объединениях обычно именно крупные партнеры выступают потребителями, диктующими свои условия.

Разумеется, социалистическое общество не может использовать такую особенность малых предприятий, как возможность самоэксплуатации. С точки зрения

социалистического производства подлинными преимуществами малых предприятий являются возможность концентрации узкоспециализированных производств, малые капиталовложения при создании таких предприятий, их высокая маневренность при перестройке производства. Преимущество важное, и в условиях ускорения научно-технического прогресса оно еще более возрастает. Но в каждом конкретном случае необходимо взвешивать, в какой мере оно уравновешивает возможные потери от уменьшения масштабов предприятия. Само собой разумеется, что возможность применения малых предприятий изначально ограничена определенными технико-технологическими условиями: им нет места при технологиях с большими размерами отдельных агрегатов, с тесной технологической связью различных переделов и во многих других случаях.

Следует отметить, что социальные факторы, дающие в определенных случаях преимущество мелким предприятиям перед крупными, имеют место и при социализме, хотя природа их принципиально иная, нежели при капитализме, и с усиленной эксплуатацией работников эти преимущества никак не связаны. Один из примеров такого рода — социальные преимущества промышленных предприятий колхозов в СССР и сельскохозяйственных кооперативов в зарубежных социалистических странах. Речь идет не о предприятиях, перерабатывающих на месте производимую в данном колхозе (кооперативе) сельскохозяйственную продукцию, — их преимущества обычно достаточно очевидны с чисто экономической точки зрения. Но, кроме них, существуют и все шире распространяются в деревне промышленные предприятия, технологически не связанные с сельскохозяйственным производством, вообще не относящиеся к агропромышленному комплексу: швейные, деревообрабатывающие, даже металлообрабатывающие и приборостроительные. Разумеется, желательно — и во многих случаях это делается, — чтобы в них применялась совершенная техника, обеспечивались научная организация труда и квалифицированное техническое руководство. Но с точки зрения технических и организационных возможностей для таких предприятий деревня если даже и не уступает городу (а часто и уступает), то, во всяком случае, не имеет объективных преимуществ, которые

бы оправдывали размещение таких предприятий в колхозах. Зато социальные мотивы для такого решения во многих случаях очень весомы.

Речь не только о сельской местности с избыточной рабочей силой, как, например, в некоторых районах Средней Азии,— в отношении подобных случаев вопрос достаточно ясен. Но социальная эффективность часто бывает решающим фактором, оправдывающим размещение небольших промышленных предприятий и в деревнях, где ощущается нехватка рабочей силы. Ведь сама эта нехватка в значительной степени бывает вызвана невозможностью занять рабочую силу в межсезонье. В результате в деревне остаются лишь те, кто занят круглый год, а в периоды максимальных сезонных нагрузок рабочую силу приходится привлекать из города. Создание в деревне промышленных предприятий с такой технологией, при которой можно в любой нужный момент временно прекратить производство, позволяет занять в деревне рабочую силу, свободную от сельскохозяйственных работ в межсезонье. Кроме того, подобные предприятия обычно дают кооперативу дополнительную прибыль, которая может быть использована для развития сельскохозяйственного производства. Таким образом, подобные предприятия и в социальном и в экономическом отношении являются подсобными, они служат укреплению основного, сельскохозяйственного производства. Следовательно, и эффективность таких промышленных предприятий должна оцениваться прежде всего по их воздействию на экономику основного производства. Это полезное воздействие может перекрывать возможные (но отнюдь не обязательные) потери от меньшей производительности труда по сравнению с крупнейшими предприятиями аналогичной отрасли промышленности, размещаемыми в городе.

Социальные факторы должны учитываться в первую очередь и при оценке эффективности индивидуального, в том числе частного, производства, также существующего в социалистических странах. Оценка эффективности этого производства остается одним из наиболее острых дискуссионных вопросов в экономической литературе и печати. Конкретный и полный ответ на данный вопрос требует специального анализа обширного фактического материала и, несомненно, далеко выходит за рамки темы настоящей работы. Здесь

мы попытаемся лишь высказать некоторые замечания о принципах подхода к оценке эффективности индивидуального труда.

Более простой представляется оценка эффективности личного подсобного хозяйства рабочих и служащих, но и этот вопрос до сих пор вызывает много противоречивых и порой необоснованных суждений. Между тем хозяйственная практика давно уже требует полной ясности, без которой невозможно правильно определять политику в этом вопросе, затрагивающем интересы десятков миллионов людей во всех социалистических странах. К сожалению, мало может помочь и статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР», который, признавая наличие четырех категорий хозяйств (колхозы, совхозы, межхозяйственные предприятия и организации, личные подсобные хозяйства), посвящает специальные разделы лишь трем категориям — общественным хозяйствам. Разбросанные по разным разделам данные о личных подсобных хозяйствах скудны и, как правило, несопоставимы по группировкам. Так, сопоставить долю личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в общей площади занимаемых угодий и в валовом производстве можно лишь по плодам, ягодам и винограду. Тем не менее и сообщаемые данные позволяют сделать некоторые общие выводы.

Личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих и служащих в СССР к концу одиннадцатой пятилетки занимали 0,8% общей земельной площади сельскохозяйственных предприятий и хозяйств, в том числе 1,4% всех сельхозугодий, 2,7% пашни, 2,8% посевных площадей. Из общей площади посевов на их долю приходилось 0,7% посевов зерновых, 0,4 — технических, 1,2 — кормовых культур, 45,4% картофеля и овощебахчевых. При этом ЛПХ дают 60% общего производства картофеля, 29 — овощей, 2% — семян подсолнечника. На долю ЛПХ приходится 30,8% общего поголовья коров, 17,9 — свиней, 22,5% — овец и коз. При этом они обеспечивают 28% общего производства мяса, 29 — молока, 26% — шерсти. Их доля в общей товарной продукции растениеводства — 11%, животноводства — 9, в товарном производстве семян подсолнечника — 1, картофеля — 41, овощей — 14, мяса — 13, молока — 2, шерсти — 23%. В государственных закупках картофеля доля ЛПХ составила 25%,

овощей — 7, скота и птицы — 3, молока — 1, шерсти — 24%. В общей площади насаждений плодово-ягодных культур (без цитрусовых) ЛПХ занимали 41,4% и при этом дали 56,6% валового сбора, в общей площади виноградников — 9,3%, а в валовом сборе винограда — 19,2%.

Как видно из приведенных цифр, ЛПХ заняли наибольшее место прежде всего в трудоемких отраслях с большой долей ручного труда. При этом они не играют практически никакой роли в высокомеханизированных отраслях с большими площадями культур. Причины такого распределения ясны. На стороне общественного производства — преимущество крупной техники, на стороне ЛПХ — преимущество значительных трудовых ресурсов, включая труд членов семьи, не занятых в общественном хозяйстве, а также непосредственная личная заинтересованность в конечных результатах труда. По продуктивности личное хозяйство либо близко к общественному (близки его доли в поголовье коров и производстве молока, в площадях под овощами и картофелем и производстве этих культур), либо превосходит его (по урожайности плодов и ягод, винограда).

Уже из этих общих оценок видно, что личное подсобное хозяйство не конкурирует с общественным, а дополняет его, поскольку преимущества этих видов хозяйств распространяются на разные виды и отрасли производства. Таким образом, отказавшись от использования личного подсобного хозяйства, практически невозможно возместить потери в производстве за счет общественного хозяйства. Такой отказ приводит к сокращению общего объема сельскохозяйственного производства.

Принципиальная оценка места ЛПХ в общественном производстве предопределяется его подсобным характером: в ЛПХ заняты работники, основное рабочее время которых принадлежит общественному хозяйству. Основной доход они (при грамотной экономической политике) получают также в общественном хозяйстве. ЛПХ, если не допускается его спекулятивное использование, является частью социалистического общественного производства. Последняя оценка оспаривается лишь в буржуазной литературе — среди экономистов социалистических стран она уже не дискуссионна.

Более сложным и остро дискуссионным остается вопрос об индивидуальных формах труда в несельскохозяйственных отраслях, в особенности если такой труд является не подсобным, а основным и, таким образом, имеет место мелкотоварное частное производство. Полный анализ этой проблемы не входит в задачи наших очерков. К тому же еще в 20-е годы, и прежде всего в трудах В. И. Ленина, убедительно раскрыты объективные причины существования и использования мелкотоварного производства в переходный период, мера его экономической и социальной эффективности и правильная политика социалистического государства по отношению к частному сектору в деревне и городе. Здесь же хотелось бы высказать некоторые суждения по относительно новой проблеме: о причинах и факторах эффективности индивидуального (в том числе частного) производства в некоторых странах, завершивших этап построения основ социализма.

Эта проблема не обсуждалась в экономической науке социалистических стран до самого последнего времени по той простой причине, что сама жизнь не давала материала для ее постановки. Но со второй половины 70-х годов экономическая жизнь ряда стран дает нам новые факты, а попытка их игнорировать либо подгонять новое явление под научные и политические оценки, относящиеся к другим, известным из прошлого явлениям, не принесла бы пользы ни экономической науке, ни хозяйственной практике, ни социальной политике.

В чем заключаются новые факты?

За последние годы в некоторых странах, притом в наиболее развитых в экономическом отношении — Венгрии, ГДР и Чехословакии, наметилась новая тенденция в изменении соотношения между общественным и мелкотоварным секторами общественного производства. До этого времени никакие факты не опровергали представления о том, что по мере развития и укрепления социалистической экономики доля мелкотоварного производства неуклонно уменьшается и в конце концов сходит на нет. Положение изменилось после длительного периода быстрого роста доли социалистического сектора в названных трех странах, когда, судя по процентным соотношениям, доля мелкотоварного сектора была ничтожной и конец его существования мог оказаться совсем близким. Но в последние

годы в ГДР соотношение между двумя секторами стабилизировалось, а в Венгрии даже несколько изменилось в пользу мелкотоварного сектора.

При этом доля мелкотоварного сектора остается несущественной: от долей процента до нескольких процентов. С учетом этого, а также общей социально-экономической и политической ситуации в странах нет оснований рассматривать ее с точки зрения возможной угрозы социалистическому строю, как рассматривалось в СССР в первые годы социалистического строительства, когда стоял вопрос «кто — кого». В данном случае речь идет, несомненно, о другом. Не доля мелкотоварного сектора, а само изменение тенденции вызывает вопрос о социальных и экономических корнях такого явления, как индивидуальный труд в современных, развитых в экономическом отношении социалистических странах.

Анализ показывает, что использование мелкотоварного производства на раннем этапе строительства социализма (когда его масштабы первоначально значительны, но быстро сокращаются) и в современных условиях экономически развитых стран, давно завершивших построение основ социализма (когда доля мелкотоварного сектора невелика, но стабилизируется), объясняется совершенно разными экономическими и социальными причинами. В условиях раннего социализма оно объясняется недостаточной материальной базой социалистического сектора, который еще не способен удовлетворить основные насущные потребности населения и производственной сферы. В современных экономически развитых странах применение индивидуального, в том числе частного, производства объясняется быстрым ростом материального уровня жизни населения и проявлением массовых развернутых потребностей, к удовлетворению которых крупное производство мало приспособлено, в связи с чем в этой сфере оно не показывает решающих преимуществ перед мелким, а порой и уступает ему по производительности и качеству труда.

Дело в том, что в основных отраслях материального производства в названных трех странах доля мелкого производства крайне незначительна и не имеет перспектив роста ввиду явных преимуществ крупного производства. Так, в валовой продукции промышленности Венгрии в 1985 г. доля индивидуального сектора

была лишь 1,4%, сельского хозяйства — 0,7, в розничном товарообороте, включая общественное питание, — 1,8%. По ГДР соответствующие данные — 2,2, 6,5 и 11,3%; по Чехословакии — 0, 3,0 и 0%. Значительно больше доля мелкотоварного сектора лишь в сфере услуг, особенно в Венгрии и ГДР, где она по некоторым видам услуг достигает 50—70%. Именно в этой сфере прежде всего расширилось в последние годы применение труда индивидуального и мелкогруппового. В ряде стран введена (либо расширена имевшаяся ранее) правовая основа функционирования индивидуальных предприятий. Законодательство, допускающее существование и деятельность предприятий торговли, ремесла и сферы услуг, находящихся в собственности частных лиц, имеется ныне во всех зарубежных европейских странах СЭВ и в Югославии. При этом законы Венгрии, ГДР, Польши и Югославии допускают и применение наемного труда в строго ограниченных размерах. Впрочем, на практике наемный труд используется значительно меньше, чем допускает закон, так как реальные экономические и социальные условия делают его, как правило, чрезмерно дорогим для владельца предприятия.

Существование мелких предприятий, находящихся в собственности граждан и основанных на личном труде, не запрещается советским законодательством, однако в СССР до недавнего времени были недостаточно разработаны правовые акты, которые создавали бы практическую основу такой деятельности. Но в ноябре 1986 г. был принят Закон СССР об индивидуальной трудовой деятельности, в преамбуле которого сказано, что такая деятельность «используется для более полного удовлетворения общественных потребностей в товарах и услугах, повышения занятости граждан общественно полезной деятельностью, предоставления им возможности получения дополнительных доходов в соответствии с затратами своего труда». Согласно закону индивидуальной трудовой деятельностью является общественно полезная деятельность граждан по производству товаров и оказанию платных услуг, «не связанная с их трудовыми отношениями с государственными, кооперативными, другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами, а также с внутриколхозными трудовыми отношениями». Не допускается индивидуальная трудо-

вая деятельность с привлечением наемного труда, с целью извлечения нетрудовых доходов или в ущерб другим общественным интересам. Закон разрешает индивидуальный труд гражданам, участвующим в общественном производстве, в свободное от основной работы время, домашним хозяйкам, инвалидам, пенсионерам, студентам, учащимся. Вместе с тем в случаях, предусмотренных законодательством СССР и союзных республик, такой деятельностью могут заниматься и не занятые в общественном производстве. Значит, для них это будет основной вид занятий.

Таким образом, создана правовая основа индивидуального производства, во многом сходная с законодательством ряда других социалистических стран. Очевидно, существует некая общая потребность в применении подобных форм. Чем она вызвана?

Социальные исследования показывают, что в росте материального благосостояния существует некоторый порог, после которого дальнейший рост потребления сопровождается резким изменением его структуры. Это влечет за собой серьезные экономические и социальные последствия, значение которых еще не оценено в должной мере ни в экономической науке, ни в практике планирования. На той стадии, когда основная масса населения еще не достигла полного удовлетворения основных жизненных потребностей, прежде всего в дешевых продуктах питания, одежде и обуви, рост реальных доходов сопровождается соответствующим ростом платежеспособного спроса на те же самые простейшие предметы потребления. Но когда наступает предел физически (или биологически) возможного потребления этих простейших предметов, дальнейший рост реальных доходов уже не сопровождается равномерным ростом потребления в неизменной структуре. Прибавка доходов обращается целиком на избранные группы более ценного ассортимента, в связи с чем спрос на соответствующие предметы может расти отнюдь не в меру общего повышения реальных доходов, а значительно быстрее, скачкообразно. Отдельные предметы потребления, которые до того входили в ассортимент повседневного спроса лишь небольшой части населения, вдруг становятся предметом массового спроса, потребность в них увеличивается в короткий срок порой в десятки раз. Так, в разное время переходили в разряд «дефицита», не-

смотря на рост производства, мебель, книги, фотоаппараты, ковры, дорогие виды продовольствия, автомобили, магнитофоны и др.

Во многих случаях скачки спроса оказываются столь значительными, что обычными мерами повышения объемов производства оказывается объективно невозможно насытить рынок. В особенности это относится к спросу на бытовые услуги. Сегодня потребительский рынок социалистических стран предлагает в массовых масштабах товары, которых 20—30 лет назад либо вообще не существовало, либо они были доступны лишь очень немногим (автомобили, электронная и сложная электрическая техника). Ремонт и обслуживание таких предметов своими силами для большинства потребителей недоступны. К этому следует добавить спрос на строительство и ремонт индивидуальных жилых домов, на ремонт квартир. По сравнению с теми временами (не столь уж давними), когда подавляющее большинство населения не имело ни индивидуальных домов, ни отдельных квартир, ни собственных автомобилей, бытовая электроника еще не была изобретена, а самым сложным бытовым электроприбором был утюг, спрос на услуги в этой сфере возрос не на проценты, даже не «в разы», а на порядки. Полного удовлетворения этого спроса не удается пока добиться ни в одной из социалистических стран.

В чем причина этого? Казалось бы, если промышленность может значительно увеличить производство тех или иных предметов, то она могла бы в той же мере увеличить и их обслуживание и ремонт. Но преимущества концентрации и централизации не могут проявиться там, где нет концентрации и централизации. Производство соответствующих предметов является массовым, а обслуживание по самой своей природе остается индивидуальным, поскольку потребитель разпылен. Попытки централизовать его в крупных ремонтных предприятиях дают столько же минусов, сколько плюсов. Применение крупной техники и здесь затруднено, поскольку характер повреждений и требуемый ремонт все равно индивидуальны. Зато в полной мере проявляются бюрократизм, поборы и другие следствия монопольной власти производителя над потребителем. Дополнительные неудобства возникают оттого, что реально достигается не столько централизация ремонта и обслуживания, сколько «центра-

лизация» потребителя, которому приходится порой преодолевать большие расстояния, чтобы добраться до сервисного предприятия. Опыт показывает, что наиболее рациональна централизация «тылов» сервиса: производства запчастей и снабжения ими, диспетчерской службы, транспорта, а само обслуживание во многих отраслях при современном уровне техники должно оставаться индивидуальным. В противном случае преимущества крупного производства (возможности применения крупной техники) все равно не используются в силу самой технологической природы сферы услуг, а его недостатки (излишние затраты на административный аппарат, бюрократизм, отсутствие оперативной реакции на запросы потребителей, недостаточная личная заинтересованность в результатах труда) сказываются в полной мере. Эти недостатки приводят к тому, что во многих случаях услуги при сложившемся уровне цен оказываются вообще нерентабельными и государство бывает не в состоянии удовлетворить их в сколько-нибудь приемлемой степени. А это уже становится не только экономической, но и социальной и политической проблемой, поскольку невозможность использовать приобретенные весьма дорогостоящие предметы порождает значительную социальную неудовлетворенность. Потребности в подобных услугах переходят в разряд первостепенных, и население стремится удовлетворить их любой ценой, прибегая, в конце концов, к нелегально оказываемым частным услугам. Но если массовые частные услуги фактически оказываются и соответствующая потребность существует объективно, то предпочтительнее легализовать реально существующие индивидуальные сервисные «предприятия», чем сохранять их вне закона. Подавить их силами правоохранительных органов не удастся по той причине, что население, объективно заинтересованное в этих услугах, не оказывает массовой поддержки в их разоблачении. Нелегальная деятельность такого рода, кроме очевидных морально-идеологических издержек, крайне вредна тем, что ведется без контроля со стороны государства за расценками и качеством услуг, не дает налоговых поступлений и осуществляется часто на ворованных оборудованиях и материалах. В случае легализации такая деятельность контролируется и планируется, потребитель защищен от произвола производителя, государ-

ственный бюджет получает налоговые поступления, оборудование и материалы приобретаются у государства, создается возможность до некоторой степени контролировать доходы производителя.

Отрицательные последствия существования индивидуального сектора в социалистических странах даже в таком ограниченном объеме, несомненно, существуют, особенно в социальной и идеологической сфере. Их можно минимизировать целенаправленной деятельностью государства, но едва ли можно устранить совсем. Однако нельзя не признать, что отрицательные последствия неудовлетворенного спроса населения на услуги, как экономические, так и социальные и политико-идеологические значительно больше.

Таким образом, экономические и социальные причины существования мелкого производства в экономически развитых странах, завершивших построение основ социализма, принципиально иные, чем в странах, не вышедших из переходного периода. Такое мелкое производство не имеет больших шансов потеснить крупное производство, сложившееся в основных отраслях материальной сферы — промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте и связи. Оно эффективно лишь в сфере ручного и распыленного труда: в ремесле, на периферии розничной торговли и общественного питания, пассажирского транспорта (такси), а главным образом в сфере услуг. Это означает, что оно не имеет шансов существенно увеличить свою долю в национальном доходе, но на определенном поле деятельности может сохраняться долго. Радикальное изменение ситуации может быть достигнуто при коренном изменении техники сферы услуг, например при роботизации, которая, несомненно, обойдется недешево, или при создании принципиально новых, пока неизвестных технологий. Полезные результаты в ряде случаев может давать такая организация труда и оплаты в государственных и кооперативных предприятиях сервиса, при которой удавалось бы, не отказываясь от общественной собственности, использовать индивидуальный труд, приспособившись к запросам населения. Из опыта ряда стран известна, например, такая организация работы такси, при которой централизуются лишь обслуживание и ремонт автомобилей и централизованно устанавливается тариф на перевозки, а водители самостоятельно плани-

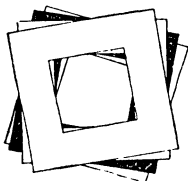
руют и организуют свой труд на основе передачи таксопарку обусловленной доли выручки. Применение форм индивидуального подряда, индивидуального договора начато и в Советском Союзе.

Мы рассмотрели крайний вариант мелкого производства, существование которого при социализме чаще всего вызывает сомнения идеологического характера: индивидуальное (частное) производство. Разумеется, все сказанное относительно его применимости, объективной обусловленности в современных условиях с еще большим основанием может быть отнесено к формам мелкой кооперации, семейного, арендного подряда.

Подводя итог анализу основных процессов экономической централизации в социалистическом производстве, следует прежде всего отметить, что они не угасают, не замедляются после перехода основных средств производства в руки единого собственника. Напротив, современная научно-техническая революция порождает необходимость создания предприятий и объединений, а также территориально-производственных комплексов невиданных ранее размеров. Этим объективным процессам должно соответствовать развитие форм управления, включающее и обоснованный выбор оптимальных размеров предприятия. Выбор должен опираться на учет не только технологических, не только «чисто» экономических, но и социальных факторов. При этом бесспорное общее превосходство крупного производства не исключает при определенных условиях целесообразности сохранения и мелкого.

4.

Два типа централизма

До начала социалистической революции указания ученых-марксистов о путях перехода от капитализма к социализму были по необходимости весьма общими и сдержанными. Так, Ф. Энгельс говорил в 1893 г.: «Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намёка на них не найдете у нас»¹. Теоретически установленные общие положения марксизма до октябрьской эпохи по этому вопросу наиболее полно изложены В. И. Лениным в «Государстве и революции».

В этой книге прежде всего подчеркнуто, что «исторически, несомненно, должна быть особая стадия... перехода от капитализма к коммунизму», в течение которой развивается первая, или низшая, фаза коммунизма — социализм. Ее необходимые признаки: общественная собственность на средства производства и распределение по труду. Последнее неизбежно при социализме, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что сразу после свержения капитализма люди научатся работать на общество без всяких норм права, «да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу». При социализме еще

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 563.

сохраняется один из важнейших источников общественного неравенства— противоположность умственного и физического труда, которую никак нельзя сразу устранить одной экспроприацией капиталистов. Зато экспроприация дает «возможность гигантского развития производительных сил».

Вот, собственно, и вся характеристика экономических основ социализма в работе, написанной в канун Октября. В теоретическом труде В. И. Ленин ограничился этими научно доказанными истинами, утверждая, что о сроках, о конкретных этапах, о практических мероприятиях перехода к коммунизму «мы не знаем и знать не можем»¹.

Ленин-теоретик отказывался утверждать как научную истину конкретные пути социалистического строительства. Ленин—практический политик имел, конечно, план первых шагов к социалистической организации производства. Его пункты известны: национализация банков, национализация синдикатов (монополистических союзов капиталистов), отмена коммерческой тайны, принудительное объединение в союзы, регулирование потребления.

Ленин требовал осуществления этих мер немедленно, приказным порядком и не раз обосновывал их срочность и вместе с тем простоту в своих выступлениях между февралем и октябрём 1917 г. Но в эти же месяцы он настойчиво подчеркивал, что социализм нельзя ввести декретом, что буржуазия клеветает на большевиков, приписывая им намерение «ввести» социализм. Нет ли здесь противоречия? Нет. Дело в том, что, как объяснял Ленин, осуществление этих мер само по себе еще не дает социализма, хотя и облегчает возможность перехода к нему. На многие из таких мер и монополистический капитализм способен, только он проводит их не революционно-демократическим, а реакционно-бюрократическим путем. Можно заметить, что предлагавшиеся меры носили исключительно централистский характер. Это легко объяснить условиями военного времени и военной разрухи, для преодоления которой и предназначалась разработанная Лениным программа. Кроме того, поскольку общей национализации средств производства не предлагалось, речь шла о построении системы управления

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 86, 95, 96.

в условиях, когда демократическому государству будет противостоять масса собственников основных средств производства.

Взяв вскоре власть, большевики в первые же месяцы выполнили эту минимальную программу, выдвинутую до Октября, и провели много других, значительно более далеко идущих мер — от установления рабочего контроля над производством и до начала широкой национализации промышленных предприятий. И уже повседневная практика требовала ответа на те вопросы, которые до того оставались открытыми в теории: о конкретных путях перехода к коммунизму.

Решение этих вопросов сразу же вызвало борьбу ленинского ядра партии с «левыми коммунистами». Самые первые столкновения с «левыми», еще до борьбы за Брестский мир, касались вопроса об использовании объединений в промышленности, созданных капиталистами. Уже в ноябре 1917 г. были начаты переговоры с группой Мещерского о создании госкапиталистического треста транспортного машиностроения «Сормово — Коломна». В переговорах участвовал Ленин. Сговориться с капиталистами не удалось, заводы национализировали, сохранив, однако, существовавшее объединение их. Так возникло объединение «Гомзы».

В тот же период к Ленину пришли советоваться представители профсоюза кожевенников, предлагавшие, демократически преобразовав существовавший до революции Главный кожевенный комитет, создать государственно-капиталистическое объединение. 10 января 1918 г. проект осуществили. В реорганизованном комитете $\frac{2}{3}$ мест получили рабочие, $\frac{1}{3}$ — капиталисты (из сырьевого общества, торговцы обувью, кожевенные и обувные фабриканты). Так же преобразовали и районные кожевенные комитеты. Подобные соглашения были заключены в текстильной, сахарной и табачной промышленности. Ленин писал по этому поводу, что лучшие рабочие России начали учиться у капиталистов-организаторов, у инженеров-руководителей, у техников-специалистов. Если в металлургии и машиностроении дело идет медленно, то это потому, что оно труднее. А рабочие — текстильщики, табачники, кожевенники «в центральных руководящих учреждениях, типа «Главкожи» или «Центро-

текстиля», сидят рядом с капиталистами, учатся у них, налаживают тресты, налаживают «государственный капитализм», при Советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма»¹.

В первые недели и месяцы Советской власти помимо бывших казенных заводов государство брало в свои руки лишь те крупные и необходимые предприятия, где капиталисты организовывали саботаж, отказывались вести производство. Важнейшим же элементом экономической политики была борьба за денежную власть. Вначале было заключено соглашение Народного банка с частными банками, предусматривавшее контроль за всеми выдачами денег. 14 (27) декабря 1917 г. вышел декрет ВЦИК о национализации банков. В то же время, невзирая на демагогию «левых», Советское государство стремилось в процессе национализации как сохранить прежние объединения, так и создать новые.

Платформа «левых», по существу, отражала стремление «вести» социализм немедленно. Они считали главным ускорить экспроприацию частной собственности (хотя уже были национализированы банки, крупные предприятия и объединения), «додушить» буржуазию, «разбить» старую хозяйственную машину. Они возмущались тем вниманием, которое партия во главе с Лениным уделяла организации производства, созданию трестов, трудовой дисциплине, сдельной оплате труда. Они считали возможным немедленно наладить производство по-коммунистически.

Приложив все усилия для того, чтобы разбить буржуазную государственную машину как аппарат подавления и насилия, Ленин иначе относился к созданному в условиях государственно-монополистического капитализма аппарату хозяйственного управления: часть его следовало сохранить и, демократически преобразовав, подчинив власти рабочих, использовать в интересах социализма. Весной 1918 г. взгляды Ленина на организацию управления производством в начале социалистического строительства наиболее полно были изложены в двух его работах: «Очередные задачи Советской власти» и «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 311.

В первой из этих работ Ленин четко сформулировал два важнейших условия перехода к социализму. Первое из них — «организация строжайшего и все-народного учета и контроля за производством и распределением продуктов». Второе — повышение, «в общенациональном масштабе, производительности труда»¹. Разумеется, речь идет не о той производительности труда, которая в наше время измеряется соответствующим показателем на предприятиях. Речь идет о производительности общественного труда. Учет также не следует сводить к бухгалтерскому либо складскому, а контроль — к ревизорскому.

Еще в полемике с народниками, в работах 1894—1895 гг., у Ленина встречалось понятие «общественный учет»: «Продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта только принявши форму денег, т. е. подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и в количественном отношении»². Правда, эти слова относились к характеристике товарного производства, а в 1918 г. Ленин еще не сделал вывода о неизбежности использования товарно-денежных отношений в социалистическом строительстве — к такому выводу он пришел позднее. Вероятно, поэтому в работах первого года Советской власти понимание методов учета и контроля обычно не детализируется. Но в то же время Ленин нигде не ограничивает форм учета и контроля, нигде не исключает экономических методов их проведения, а в некоторых случаях прямо указывает на такие методы. Такое указание есть и в работе «Очередные задачи Советской власти»: «Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию... учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности»³. Как видим, здесь все эконо-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 175.

² Там же, т. 1, с. 425.

³ Там же, т. 36, с. 182.

мические меры: банковская и внешнеторговая политика, регулирование денежного обращения, налоги. И лишь одна административная мера, направленная против эксплуататорских классов: трудовая повинность.

Таким образом, весной и летом 1918 г. Ленин разработал и отстаивал в борьбе с «левыми» свой план социалистического строительства, в основе которого лежал переход постепенный, без торопливости, с широким применением разнообразных экономических рычагов, с использованием лучших достижений крупнокапиталистической техники и организации, с использованием — под контролем рабочих — буржуазных специалистов. В то же время развернулась энергичная борьба за реализацию этого плана. Конечно, в столь короткий период не могла на практике сформироваться вся система хозяйствования, тем более что система социалистическая создавалась впервые в истории, без всякого предшествующего опыта. Но основные принципы и направления работы по созданию этой системы видны по многим указаниям в государственных документах того времени. Они, с одной стороны, целиком соответствуют теоретическим положениям, разработанным Лениным, с другой стороны, в них в ряде случаев нетрудно рассмотреть ростки той политики, которая в полной мере сложилась после отхода от «военного коммунизма», в 1921 г.

Вот, в частности, определение задач Высшего Совета Народного Хозяйства, данное в декрете ВЦИК и Совнаркома от 2 (15) декабря 1917 г. о создании ВСНХ:

«Задачей ВСНХ является организация народного хозяйства и государственных финансов. С этой целью ВСНХ вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений... Всероссийского Совета Рабочего Контроля, а также соответственную деятельность фабрично-заводских и профессиональных организаций рабочего класса». Как видим, здесь на первом месте — обязанность вырабатывать «общие нормы и план регулирования экономической жизни страны». Хотя формулировки задач, по понятным причинам, еще весьма общие, ни одна строка декрета не указывает на необходимость какого-либо нарушения принципов самокупаемости предприятий.

Никаких указаний на подобные функции нет и в принятом 23 декабря 1917 г. положении ВСНХ «О районных (областных) и местных совнархозах». На местные совнархозы возлагалось «выяснение всех потребностей» района в различных средствах производства, продовольствии и предметах первой необходимости, «учет в районе сырья, полуфабрикатов, изделий, рабочей силы, орудий и прочих предметов производства», установление оснований и планов распределений в районе общегосударственных плановых заготовок, установление планов распределений заказов между предприятиями, «установление строгого контроля над всей хозяйственной жизнью района в отношении организационном, финансовом и т. п.», принятие мер «к наиболее полному использованию производительных сил района».

На этом уровне наряду с общими экономическими функциями появляется уже и такая, как распределение заказов и плана заготовок. Но нет указания на то, что устанавливаемые «сверху» заказы и планы заготовок должны охватывать всю деятельность предприятий и служить основой производственных планов. А главное — централизм такого сорта тогда не ассоциировался с социалистическим планированием и его имманентными целями. Все знали, что централизм в распределении материальных ресурсов вызван войной и разрухой, применять его начали до Октября империалистические правительства России, Англии и особенно Германии.

Зато в положении «Об управлении национализированными предприятиями», принятом I Всероссийским съездом совнархозов (26 мая — 4 июня 1918 г.), можно найти в общей форме многие из тех задач предприятий, которые позднее вошли в понятие хозрасчетных прав и обязанностей: «Управление (предприятия.— **О. Л.**) вырабатывает подлежащие рассмотрению в ближайшем органе высшего управления смету предприятия, производственный план, план расширения и переоборудования предприятия и план снабжения; вырабатывает правила внутреннего распорядка; собирает материалы о себестоимости производства и о нормах оплаты рабочей силы; назначает высших ответственных заведующих технической и коммерческой частью всего предприятия и утверждает их для отдельных производственных единиц, входящих в состав

сложного предприятия; наблюдает за выполнением заведующими смет и планов, утвержденных соответствующей инстанцией; заботится об устройстве материального быта рабочих и служащих предприятия».

В декрете Совета Народных Комиссаров от 16 февраля 1918 г. «Об учреждении Особого Комитета по сокращению государственных расходов» ясно видно также ставшее характерным позднее, во время новой экономической политики, стремление отделить государственную казну от средств предприятий и отраслей и сократить до предела отпуск средств из казны.

Органы, управлявшие отраслями промышленности в масштабах страны, должны были выполнять некоторые функции будущих синдикатов 20-х годов. Это видно, в частности, из такой детали декрета Совнаркома от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли»: в обязанности создававшегося Совета Внешней Торговли входила «организация заготовки и закупки при посредстве соответственных центров отдельных отраслей промышленности (Главный Сахарный Комитет (Главсахар), Главный Комиссар над нефтяной промышленностью (Главнефть) и т. д.), а при их отсутствии — при посредстве кооперативов, собственных агентур и торговых фирм...»

С той же точки зрения чрезвычайно интересно предписание ВЦИК от 4 мая 1918 г. «Всем губернским, уездным, волостным совдепам. Всем, Всем». С самого начала предписания сообщается, что на заседании ВЦИК от 29 апреля 1918 г., «по заслушании и обсуждении доклада т. Ленина об очередных задачах Советской власти, выставленные им положения были единогласно утверждены. Окончательное редактирование положений, которые должны лечь в основу деятельности всех Совдепов, было поручено Президиуму Центрального Исполкома совместно с докладчиком». Перед нами, таким образом, документ, отредактированный с участием Ленина и основанный на его статье «Очередные задачи Советской власти». Однако предписание не является просто кратким изложением основных тезисов статьи — оно развивает дальше некоторые ее положения. Среди таких положений можно отметить пункт, излагающий меры повышения трудовой дисциплины и производительности труда. Наряду с известными из ленинских статей мыслями о введении сдельной оплаты, о применении научных и прог-

рассивных сторон системы Тейлора, об организации соревнования между отдельными коммунами здесь появляется и такое: «соразмерение заработка с общими итогами работы фабрики или эксплуатационными результатами железнодорожного и водного транспорта и т. д.». Это положение уже прямо укладывается в систему материального стимулирования трудящихся на основе рентабельности предприятия, созданную позднее нэпом.

Но нельзя не отметить и отличия экономической системы 1918 г. от системы 20-х годов. Это была еще система неразвитая, незавершенная, главным образом в силу объективных причин и меньшего по сравнению с временем нэпа опыта социалистического хозяйствования. Можно отметить по меньшей мере два существенных отличия. Первое — стремление охватить все население потребительскими коммунами как следствие непризнания еще в то время товарно-денежных отношений в качестве инструмента развития социалистической экономики. Второе несомненное отличие — хлебная монополия, предшественник продразверстки. Суровая необходимость этой меры в тогдашних условиях убедительно показана в Воззвании Совнаркома от 29 мая 1918 г. Вот его лозунги:

*«Ни шагу в сторону от хлебной монополии!
Ни малейшего увеличения твердых цен на хлеб!
Никаких самостоятельных заготовок!»*

Ход событий побуждал все больше предвосхищать будущие решения времен новой экономической политики — вплоть до решения о продналоге, — пока разгоревшаяся гражданская война и с ней политика «военного коммунизма» не остановили эту линию развития на два с половиной года.

Да, закон о продналоге, возвестивший начало нэпа в 1921 г., во многом лишь повторял декрет о сельскохозяйственном налоге от 30 октября 1918 г. Недаром Ленин вспомнил об этом декрете в своем докладе на X съезде партии — том съезде, который принял решение о замене продразверстки продналогом: «Вопрос о налоге и разверстке в законодательстве у нас поставлен давно, еще с конца 1918 года. Закон о налоге датирован 30 октября 1918 года. Он был принят — этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, — но в жизнь он не вошел. За его объявлением последовало в течение нескольких месяцев несколь-

ко инструкций, и он остался у нас непримененным. С другой стороны, взятие с крестьянских хозяйств излишков означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была нам навязана с абсолютной необходимостью, но которая сколько-нибудь мирным условиям существования крестьянского хозяйства не отвечает». И дальше: «Из того, что мы в конце 1918 года издали декрет о натуральном налоге, видно, что вопрос этот перед сознанием коммунистов стоял, но что мы не могли осуществить его, благодаря военным обстоятельствам. Нам пришлось в состоянии гражданской войны переходить к мерам военного времени. Но было бы величайшей ошибкой, если бы мы сделали отсюда тот вывод, что только такого рода меры и отношения возможны. Это означало бы, наверняка, крах Советской власти и диктатуры пролетариата»¹.

Наконец, в работах Ленина есть прямое и развернутое указание на общность экономической политики 1918 г. в целом с новой экономической политикой 1921 г. и последующих лет. Указание содержится в докладе от 17 октября 1921 г. «Новая экономическая политика и задачи политпросветов». Ленин говорил: «...вы не можете не видеть, какой резкий поворот сделала наша Советская власть и наша коммунистическая партия, перейдя к той экономической политике, которую зовут «новой», новой по отношению к предыдущей нашей экономической политике.

А по сути дела — в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике». И дальше: «Если припомнить нашу собственную предыдущую экономическую литературу, если вспомнить, что писали коммунисты перед взятием власти в свои руки в России и в скором времени после взятия власти, например в начале 1918 г. ... то мы увидим, что в первый период, когда мы только что кончили первое дело по строительству Советской власти и вышли только что из империалистической войны, о наших задачах экономического строительства мы говорили тогда гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем поступали во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и всего 1920 годов»². Далее Ленин вспоминает об ука-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 28, 30.

² Там же, т. 44, с. 155—156.

занном выше апрельском решении ВЦИК 1918 г., которое было построено на «Очередных задачах Советской власти», показывая проявившееся в нем внимание к тем же задачам, которые решала и новая экономическая политика.

Конечно, в ленинских работах, в партийных документах и государственных решениях 1918 г. еще не употреблялись слова «хозяйственный расчет», «прибыль», «рентабельность», «самоокупаемость» — это пришло позднее. Но сама сущность экономических решений того времени позволяет рассматривать их как начало политики демократического централизма в хозяйстве, продолженной в 1921 г. Этот вывод принципиально важен постольку, поскольку позволяет точнее определить, что же было неожиданным и вынужденным отходом от коренных, изначальных принципов ленинской экономической политики: «военный коммунизм» или нэп.

Обращаясь к рассмотрению экономической политики «военного коммунизма», следует прежде всего отметить, что она вводилась по условиям военного времени форсированными темпами. К тому же она существовала не менее двух с половиной лет. Поэтому в отличие от предыдущей экономической политики, проводившейся лишь несколько месяцев, «военный коммунизм» успел сложиться в законченную систему хозяйствования со своими вполне четко определившимися признаками, со своей идеологией и социальной психологией. Важнейшим стержнем этой системы были отношения с крестьянством: продразверстка, а также предпочтение сельскохозяйственным коммунам, отразившееся в ряде декретов, хотя и не имевшее серьезных практических результатов. Однако в соответствии с нашей темой здесь будут рассмотрены, помимо общеэкономических решений, документы, определявшие методы управления промышленностью. И в этой сфере также «военный коммунизм» создал свою вполне определенную систему.

В сложившихся военных условиях, в отсталой и к тому же разоренной годами войны стране, при крайней бедности опыта социалистического хозяйствования вообще и отсутствии плановой системы хозяйства в частности — при всех этих обстоятельствах принятая в годы «военного коммунизма» хозяйственная система была единственно возможной и потому верной.

Если позднее, при переходе к нэпу, Ленин в ряде выступлений характеризовал «военный коммунизм» как ошибку, то лишь в особом смысле — об этом будет сказано ниже. Вообще же в задачу данных очерков не входит рассмотрение чрезвычайно интересного вопроса о социально-политических основаниях «военного коммунизма» как первой в истории попытки непосредственного революционного перехода к коммунизму. Этому вопросу посвящена огромная литература — от 20-х годов до наших дней, и он остается с некоторых точек зрения актуальным. Здесь же будут рассмотрены лишь некоторые характерные черты того типа централизма в хозяйственном управлении, который сформировался в те годы.

Опыт десятилетий показывает, что социалистическое хозяйство не представляет собой ни шаблонной схемы, одинаковой на все случаи жизни, ни аморфного набора случайных и противоречивых решений. Оно представляет собой систему комплексно увязанных принципов и методов управления. Точнее, не одну, а по меньшей мере две системы. Обе они при правильном использовании отвечают главным принципам социализма как общественно-политической формации: они строятся на общественной собственности на средства производства, на плановом управлении в интересах общества, на распределении по труду. Выбор для того или иного этапа развития одной из этих систем управления не должен определяться чьим-либо произволом — он диктуется объективными требованиями обстановки: внешней и внутренней, экономической и политической.

Волею истории эти системы не раз сменяли друг друга, возникали в разных странах, и формирование каждой из них вновь никогда не было механическим копированием прошлого. Но единство главных принципов в разные периоды усмотреть можно. Первый, так сказать, образец системы, именуемой здесь системой полного хозрасчета и опирающейся на централизованное управление преимущественно средствами экономического стимулирования и экономического нормирования, был заложен в начале 1918 г. и развивался полностью в 20-е годы. Первым «образцом» системы управления хозяйством путем непосредственно административного воздействия при той или иной степени ограничения хозрасчета предприятий был «воен-

ный коммунизм». Именно в тот период ограничение хозрасчета было наибольшим за всю историю страны.

Об ограничении хозрасчета мы говорим здесь с определенной условностью, ибо само выражение «хозяйственный расчет» было введено в обиход Лениным только в 1921 г. С большой долей условности можно говорить о «военном коммунизме» и как о первом образце одной из двух моделей социалистического хозяйствования, потому что гражданская война и с ней «военный коммунизм» начались в самом начале социалистических преобразований и построения социалистической плановой системы. Строго говоря, продразверстка, служившая, вне всякого сомнения, основной платформой, на которой строилось все здание экономической политики тех лет, не была элементом собственно социалистического хозяйствования. Она была в руках пролетарского государства «стыковочным узлом», соединявшим в момент крайней опасности экономические интересы еще очень слабой социалистической промышленности и ведущей войну армии пролетарского государства с представлявшим тогда преобладающую часть всего народного хозяйства мелкособственническим сельским хозяйством, где еще не начались собственно социалистические преобразования (национализация земли и раздел помещичьей собственности сами по себе укладываются в рамки революционно-демократических преобразований).

Более типичной, не настолько деформированной особыми историческими обстоятельствами, была система ограниченного хозрасчета, сложившаяся в начале 30-х годов. Именно она с небольшими поправками успешно применялась в 1941—1945 гг., когда, несмотря на условия войны, возврата к «военному коммунизму» не было. Это сопоставление само по себе показывает, что многие особенности «военного коммунизма» объяснялись не только и не столько войной, сколько неразвитостью социалистической системы хозяйства. Но это не уменьшает значимости исследования сложившейся тогда модели централизма как исторически первой и несущей в себе многие родовые черты всех подобных моделей.

Общие принципы управления промышленностью в условиях «военного коммунизма» изложены в декрете Совнаркома от 4 марта 1919 г. «О финансировании государственных предприятий». Пункт первый: «Един-

ственным источником денежных средств всех государственных (национализированных, прежних казенных, секвестрованных и др.) предприятий являются ассигнования из кредитов по росписи общегосударственных доходов и расходов РСФСР». Пункт второй: «Все без исключения денежные поступления за сдаваемые предприятиями продукты своего производства и по другим всякого рода доходным статьям, чеки, переводные билеты, наличные деньги и проч. сдаются самим предприятием или регулирующим данную отрасль производства учреждением в доход казны по данному предприятию или данной отрасли производства».

Предельная ясность и категоричность этих формулировок делают излишними подробные комментарии. Все без исключения денежные поступления предприятий сдаются в доход казны. И в свою очередь, ассигнования из казны являются единственным источником денежных средств всех предприятий. Иначе говоря, предприятия не распоряжаются своими средствами ни в какой мере. Понятия хозрасчета, самоокупаемости, прибыли, рентабельности исключаются полностью. Централизм в распоряжении средствами предельный: «Сметы предприятия, находящегося на ходу, утверждаются производственными отделами или главками Высшего Совета Народного Хозяйства с участием представителей Комиссариатов Финансов и Государственного Контроля. Список отделов и главков, которым предоставляется такое право, устанавливается Президиумом Высшего Совета Народного Хозяйства».

Отношения промышленности с банком также были характерны отнюдь не для хозрасчетной системы: «Все распоряжения руководящих предприятиями и учреждениями органов, данные в пределах этих смет, обязательны для Народного Банка, который следит лишь за формальной правильностью требований, не входя в обсуждение их по существу». Помимо расходной сметы банку сообщались план производства, а затем и отчет о количестве выпущенных продуктов и их денежной стоимости. Банк, таким образом, превращался в орган счетоводства в буквальном смысле, что и отражалось в таком пункте: «Комиссариату Финансов совместно с Высшим Советом Народного Хозяйства и Народным Комиссариатом Государственного Контроля поручается в двухнедельный срок разрабо-

тать подробную инструкцию о счетоводстве по финансированию государственных предприятий в Народном Банке...» Подобные отношения были логичны в условиях, когда деньги утратили большую часть своих функций. В хозрасчетной системе, где банк служит одним из главных инструментов централизованного управления экономическими методами, он рассматривает сметы именно по существу и никак не подчиняется распоряжениям «руководящих предприятиями и учреждениями органов».

В период «военного коммунизма» заметно усилилась и централизация заказов. Приведенные ниже данные характеризуют распределение по типу заказов национализированных предприятий крупной промышленности, непрерывно работавших в 1918—1920 гг.

Число работавших предприятий	1918 г.	1920 г.
По нарядам главков	1506	2471
По нецентрализованным заказам отдельных ведомств и учреждений	751	248
На вольный рынок	242	19
Для собственного производства	42	49
Отсутствуют сведения	394	148

Органы ВСНХ должны были отпускать предприятию продукты по ордерам без оплаты. С 1 января 1919 г. государственные предприятия были освобождены от налогов, сборов и пошлин.

Меры непосредственно коммунистического перехода, как их позднее именовал Ленин, принимались не только в области производства, но и в области потребления. Декретом Совнаркома от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» предусматривалось создание потребительских коммун во всех городах и сельских местностях и объединение в коммуны всего населения данной местности. Организованным таким образом коммуна (с единым всероссийским центром) продовольственные органы «передают все дело распределения продуктов и предметов первой необходимости».

Широкое обоснование и дальнейшее развитие этого комплекса мер содержала Программа партии, принятая VIII съездом РКП(б) 22 марта 1919 г. Здесь подтверждалось: «В области распределения задача Совет-

ской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределить все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат.

...РКП систематически должна... добиваться, чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху донизу охватывающий всю Советскую республику, кооператив...»

В разделе Программы, касающемся денежного и банковского дела, выдвигалось на первый план «радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества». И дальше: «Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.».

Итак, ставилась задача превратить все народное хозяйство в единое предприятие с одной центральной бухгалтерией и единым потребительским кооперативом, внутри которого, естественно, не требуются товарно-денежные отношения и не нужны деньги. Торговля вытеснялась на периферию народного хозяйства. Постановлением ВЦИК от 26 апреля 1919 г. «О мерах содействия кустарной промышленности» допускалась, например, продажа «на местных базарах и лавках, а равно в развоз и разнос в близлежащих селениях» некоторых, поименно перечисленных, изделий кустарной промышленности. Но и это лишь в последнюю очередь. На первое место ставилось производство изделий кустарной промышленности из сырья, доставляемого государственными или кооперативными

ми организациями, с обязательной сдачей им готовой продукции. На второе место — производство кустарями из собственного сырья изделий, которые должны собираться государственными органами или кооперативными объединениями. Лишь после этого перечислялись виды продукции, которую можно продавать на местном рынке.

Это была попытка ввести прямой продуктообмен. В значительной степени такой продуктообмен был вынужденным, вызывался разорением народного хозяйства и обесценением денег. Из-за продовольственных затруднений многие предприятия выдавали рабочим часть зарплаты натурой — собственной продукцией, которую рабочие сами обменивали у крестьян на хлеб. Предприятия получали хлеб, махорку, мануфактуру для оплаты важнейших работ, например заготовки дров, а менее важные работы оплачивались денежными знаками.

С. Г. Струмилин позднее писал по этому поводу: ««Продуктообмен» и в условиях полного коммунизма с распределением по потребностям, т. е. без посредства любых форм обмена, исключается. А в условиях товарно-денежного обращения заменить собой такой всеобщий эквивалент обмена, как деньги, без большого ущерба интересам общества он во всяком случае не смог бы. У нас уже был и собственный печальный опыт эмиссионного хозяйства в годы военного коммунизма, когда важнейшим его ресурсом стал неупержимо падающий рубль. Некоторые возлагали тогда большие надежды на этот универсальный метод всеобщего обложения даже наиболее запрятанных денежных богатств. Стоило ведь только не жалеть числа нулей в обозначении достоинства каждого нового образца обесцениваемых денег. Однако столь последовательная их «нулизация», помимо прямого ущерба реальной зарплате трудящихся и доходности государственных предприятий, снижала наши возможности планирования в области товарообмена с деревней. Падающий рубль не находил себе уже здесь никакой реальной отдачи. И на этой почве расцвела лишь разорительная спекуляция миллионов мешочников — этот первый, хотя и совсем незавидный образчик «системы продуктообмена» в СССР».

В первые месяцы «военного коммунизма» едва ли широко было распространено понимание этой систе-

мы хозяйствования как вынужденной и временной, непригодной для нормального осуществления перехода от капитализма к коммунизму. Многими допускалась тогда всеобщая приложимость этой системы, пригодность ее для решения задач не только военных, но и мирного экономического строительства. Однако по мере накопления опыта все больше проявлялись ее недостатки. Поэтому уже в течение самого периода «военного коммунизма» можно увидеть изменение отношения к отдельным элементам системы. Так, 30 июня 1919 г. ВЦИК в своем постановлении «О рабоче-крестьянских потребительских обществах», одоблив упомянутый выше декрет Совнаркома «О потребительских коммунах», решил, однако, заменить название «потребительская коммуна» названием «потребительское общество». Ленин писал по этому поводу в «Великом почине»: «Поэтому вполне правильно, по моему, решение, созревшее у большинства ЦИК, отменить декрет Совнаркома в том, что касается названия «потребительских коммун»... Было бы очень полезно слово «коммуна» изгнать из ходячего употребления, запретить хватать это слово первому встречному...»¹

Характерны некоторые детали резолюции IX съезда РКП(б) от 3 апреля 1920 г. «Об очередных задачах хозяйственного строительства». В резолюцию был включен раздел «От централизма трестов к социалистическому централизму», где, в частности, говорилось: «В то время как при капитализме каждое трестированное предприятие могло приобретать многие материалы, рабочую силу и пр. на ближайшем рынке, те же предприятия в настоящих условиях должны получать все им необходимое по нарядам центральных органов объединенного хозяйства. Между тем при огромности страны, крайней неопределенности и изменчивости основных факторов производства, при расстроенном транспорте, крайне слабых средствах связи, при чрезвычайной еще неточности приемов и результатов хозяйственного учета те методы централизма, которые явились результатом первой эпохи экспроприации буржуазной промышленности и которые неизбежно привели к разобщенности предприятий на местах (в городах, губерниях, районах, областях),

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 26.

имели своим последствием те чудовищные формы волюнтаризма, которые наносят непоправимый ущерб нашему хозяйству».

После такой резкой характеристики недостатков «главкизма» в резолюции выдвигалась задача, сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий в пределах хозяйственных регионов. Здесь звучал уже в значительной степени новый мотив: «Наряду с предоставлением местным хозяйственным организациям большей самостоятельности необходимо увеличивать непосредственную хозяйственную заинтересованность местного населения в результатах промышленной деятельности».

Больше того, для обширных районов, удаленных от центра и отличающихся своеобразием хозяйственных условий, съезд считал безусловно необходимым создание крепких и компетентных хозяйственно-областных бюро. Они должны были «иметь широкие полномочия в области непосредственного руководства местной хозяйственной жизнью, чтобы, объединяя как губсовнархозы, так и районные управления, производить на основе утвержденного центром плана все необходимые изменения, переброски сырых материалов, рабочей силы и пр. и пр., какие вытекают из обстоятельств».

Если в условиях отсутствия хозрасчета не могло быть и речи об экономическом стимулировании предприятий, то тем не менее к концу «военного коммунизма» проявлялось все больше внимания к личному материальному стимулированию. 8 июня 1920 г. Совнарком принял декрет «О премировании труда». Предлагалось разрабатывать общий план премирования в стране, единую систему и нормы премирования, как денежного, так и натурального.

В 1920 г. В. И. Ленин написал «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме» — работу вроде бы и не экономического содержания, но включавшую уже ту систему социально-политических идей, которая подготовила переход к новой экономической политике. Важна уже сама по себе внутренняя связь полемики Ленина с западноевропейскими «левыми» с той полемикой, которую он вел с российскими «левыми» весной 1918 г. и на которую опирались «Очередные задачи Советской власти». Но, конечно, эта работа не сводилась

просто к повтору прежних идей на новом материале — ее значение гораздо шире. В частности, именно здесь в наиболее полном виде выражена мысль о том, что коммунизм надо строить из тех «кирпичей», которые оставлены капитализмом. Нет таких особых сверхчистых людей, изолированных в колбе от старого мира, с которыми можно было бы строить мир новый. Этот новый мир надо строить из старого людского материала — вот факт, который определяет всю политику. Ибо «сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила». Ибо мелких товаропроизводителей «нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»¹. Декреты, прямые команды меньше всего помогают в этой длительной работе перевоспитания. Зато особая система экономического воздействия совершенно необходима.

К 1920 г. относятся и замечания Ленина на книгу Бухарина, в том числе слова об общественной роли прибыли.

Со временем все заметнее становились издержки военно-коммунистической системы, все больше проявлялось то обстоятельство, что чрезвычайные меры организации экономики годятся лишь как временное средство. Росла текучесть кадров, падала трудовая дисциплина. Вот данные о невыходах на работу (в %) на некоторых машиностроительных заводах:

Завод	Январь 1919 г.	Июнь 1919 г.
Сормовский	18,5	25,7
Коломенский	21,2	45,0
Брянский	22,0	26,1
Тверской	11,8	23,1

Росла административная лестница управления промышленностью. Только в подчинении химического отдела ВСНХ оказалось 22 главка и центра.

С окончанием гражданской войны «главкизм», бюрократические извращения, связанные с «военным коммунизмом», вызывали все более решительную критику. И вот в декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов — тот самый, который утверждал план

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.

ГОЭЛРО,— сделал шаг к децентрализации управления промышленностью. Правда, это была еще перестройка не экономической, а лишь административной системы, но в данном случае важна тенденция. 28 декабря 1920 г. съезд принял постановление «О местных органах экономического управления», предусматривавшее создание губернских экономических совещаний, запрещавшее создавать вне губсовнархозов какие-либо хозяйственные органы губисполкомов (кроме отделов коммунального хозяйства) или местные органы ВСНХ.

Принципиально важны были следующие пункты постановления: «Центры и главки ВСНХ реорганизуются в органы руководящие, дающие задание, регулирующие, контролирующие работы губсовнархозов на основе единого государственного хозяйственного плана; непосредственное же управление предприятием передается в ведение губсовнархозов по соответствующим отделам. В изъятие из этого в непосредственном ведении управления ВСНХ, его отделов, главков и центров остаются лишь предприятия, явно поддающиеся трестированию (крупные металлические заводы, электроустановки, горное дело и т. п.)... Предложить ВСНХ принять меры к децентрализации вспомогательного снабжения предприятий, возложив на губсовнархоз обязанности снабжения предприятий всех трех групп подсобными материалами, сохраняя единство общегосударственного плана снабжения».

Однако все более очевидной становилась необходимость не только административной реорганизации, но и глубокой перестройки в области как экономических отношений с крестьянством, так и хозяйственных прав предприятий. В «Правде» по решению ЦК партии прошло обсуждение вопроса о замене продразверстки продналогом. В виде опыта разверстка была отменена в ряде губерний. 22 декабря 1920 г. в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин вновь напомнил об апрельской резолюции ВЦИК 1918 г., основанной на «Очередных задачах Советской власти». Указав, что хозяйственный фронт вновь становится главным и основным, Ленин подчеркнул, что эта резолюция не отменена и остается законом, что она дает правильные перспективы. «Из рассмотрения этой резолюции ясно, что многие из вопросов, над которыми нам приходится трудиться сейчас, поставлены

были совершенно определено, твердо и достаточно решительно еще в апреле 1918 года»¹.

«Военный коммунизм» изжил себя. Для завершения характеристики этого типа экономической политики, а с ним и определенного типа централизма необходимо еще рассмотреть принципиальную оценку ее Лениным в первые месяцы после перехода к иной политике. Здесь речь не о частных ошибках в практике проведения избранной политики — такие ошибки неизбежно случаются, но не в них суть дела. (Ленин считал, например, ошибкой чрезмерное продвижение в тот период по пути национализации промышленности и торговли, по пути закрытия местного оборота: «В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюли, не знали, как ее соблюсти»².) Для нас важна принципиальная оценка самой политики «военного коммунизма», причин ее возникновения и отмены.

Вот характерный пример такой оценки. Выступая на X съезде партии, В. П. Милютин заявил, что существовавшее до тех пор экономическое законодательство представляло собой стройную систему перехода к коммунизму. Ленин возразил: «Та стройная система, которая создавалась, она диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими. В тех условиях неслыханного разорения, в которых мы находились, когда мы вынуждены были после большой войны вынести ряд гражданских войн, другого выхода не было. Пожалуй, при применении определенной политики ошибки были, был целый ряд преувеличений,— это совершенно определено надо сказать. Но в тех условиях войны, в которые мы были поставлены, в основе эта политика была правильна. Мы не имели никакой другой возможности, кроме максимального применения немедленной монополии вплоть до взятия всех излишков, хотя бы без всякой компенсации. И иначе к этой задаче мы приступить не могли. Это не означало стройной экономической системы. Это была мера, вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной степени условиями военными»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 138.

² Там же, т. 43, с. 63.

³ Там же, с. 79.

В последующие месяцы Ленин не раз в различных выступлениях возвращался к этому вопросу, подходил к нему с разных сторон, стремясь, очевидно, исключить любую возможную неясность. Принципиальный анализ всегда оставался таким же: политика «военного коммунизма» была «стройной системой» управления хозяйством в чрезвычайных условиях, она была вынужденной. И до тех пор, пока сохранялось понимание того, что это — система вынужденная и чрезвычайная, что это специфическая и временная форма социалистического хозяйствования, до тех пор ошибки не было. Ошибочной такая политика становилась в том случае, когда ее начинали считать реальным способом непосредственного перехода к коммунизму.

15 марта 1921 г. X съезд партии принял по докладу Ленина резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом». Этот день стал датой начала новой экономической политики. Рассмотрение ленинской новой экономической политики как столбовой дороги социалистического строительства всегда вступало в противоречие с расхожим литературным представлением об угарном нэпе, о нэпе — царстве нэпманов. Об этом противоречии необходимо помнить при всяком анализе хозяйственного механизма тех лет и необходимо правильно понимать его корни, ибо за ним стоит противоречие, существовавшее в самой жизни. Недаром определенные черты новой экономической политики в первый ее период Ленин характеризовал как отступление. Необходимо различать две стороны новой экономической политики. Одну сторону составляют коренные, постоянные принципы социалистического строительства: во-первых, принципы отношений рабочего класса с крестьянством и — что, собственно, и является предметом нашего исследования — принципы отношений между социалистическими предприятиями, которые отныне должны были строиться на хозяйственном расчете. А другая сторона нэпа — временный и контролируемый допуск частного капитала на второстепенные позиции. Вот это и было отступлением, связанным не с принципами экономической политики, а с бедностью и разорением страны, не позволявшими в то время полностью удовлетворять за счет социалистической промышленности и торговли интересы крестьянства (отступление предпринималось

именно в интересах крестьянства, а не частного капитала).

«Продналог,— писал Ленин весной 1921 г.,— есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму»¹.

Здесь в краткой формуле — весь план в его первоначальном виде, когда продуктообмен еще считался возможным. Заметим, что продналог тоже не рассматривался как постоянная, долговременная политика — только как переходная. Постоянная политика, к которой следовало стремиться,— покупка всего хлеба, нужного городу, обмен его на товары промышленности. «Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе.

Продналог есть переход к ней. Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны... что не можем дать крестьянину за весь нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог...»²

Сформулировав и разъяснив в брошюре «О продовольственном налоге» принципы новой экономической политики, Ленин в последующих выступлениях раскрывает арсенал практических средств хозяйственного управления, которые позволяют пролетарскому государству наладить реальный централизм в новых условиях. Особенно часто подчеркивается роль хозяйственного расчета, окупаемости предприятий, прибыли и рентабельности. Не раз повторяются слова о том, что предприятия, которые не могут сами стоять на ногах, работать рентабельно, должны быть закрыты. Разъясняется значение материальных стимулов к труду.

Осень 1921 г. принесла новый важный шаг в развитии ленинской экономической политики. В октябре Ленин сказал: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 219.

² Там же, с. 220.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!»¹

Как приспособиться? Ответ содержала опубликованная через несколько дней после этого выступления статья «О значении золота теперь и после полной победы социализма». В ней Ленин называет главным звеном в экономике «оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении)»².

Резолюция X съезда партии «О замене разверстки натуральным налогом» создала новую основу отношений с крестьянством. Она же определила как главную задачу в дальнейшем подъем промышленности, с тем чтобы на этой основе получать продукты сельского хозяйства нормальным путем, т. е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты. И Ленин все больше внимания уделял разработке принципов организации управления промышленностью в новых условиях. Самой первой заботой была немедленная концентрация производства. Уже 11 мая 1921 г. Ленин писал в проекте постановления Политбюро: «...обратить сугубое внимание на более быстрое осуществление плана закрыть возможно большее число неспособных работать заведений для концентрации производства в небольшом числе наилучше поставленных предприятий»³.

В самом подходе к решению вопроса о закрытии или сохранении предприятий уже тогда проявилось стремление к выбору вариантов, по существу, с точки зрения сравнительной рентабельности. Так, в апреле 1921 г. возник вопрос о прекращении строительства железной дороги Александров-Гай — Эмба и нефтепровода для доставки эмбинской нефти в Саратов. В проекте постановления ЦО по этому вопросу Ленин предлагал поручить комиссии специалистов, в частности, проверку сравнительной стоимости доставки нефти в центр через Ракуши — Астрахань водой и через Саратов железной дорогой и нефтепроводом, а также возможность, вероятность и стоимость приобретения и доставки добавочного речного и морского флота для перевозки нефти с Эмбы через Ракуши —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 208.

² Там же, с. 225.

³ Там же, т. 43, с. 258.

Астрахань. В итоге сравнения вариантов 29 апреля СТО принял решение о прекращении строительства нефтепровода, а 6 мая постановил перевести строительство железной дороги с ударного темпа на обыкновенный.

Весной 1921 г. в качестве главной задачи, значение которой Ленин подчеркивал в десятках выступлений, было выдвинуто развитие товарообмена: «товарообмен есть проверка правильного взаимоотношения промышленности и земледелия, а равно фундамент всей работы по созданию сколько-нибудь правильно действующей денежной системы»¹.

Однако восстановление денежной системы в тот момент еще только началось, и потому в оплате труда заметное место занимали натуральная оплата и натуральные премии. В проекте Наказа от СТО местным советским учреждениям Ленин выдвинул задачу соизмерения натурпремии с полученными результатами. Здесь очевиден подход к продуктам натуральной оплаты как к деньгам, стремление контролировать рентабельность использования этих «денег», выдвижение таких вопросов, на которые, как показал вскоре опыт, лучше всего можно дать ответ путем соизмерения затрат и результатов по стоимости.

Совершенно закономерным и последовательным в сложившихся условиях было включение Лениным в проект резолюции X партконференции по вопросам новой экономической политики пункта о расширении самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами, о внесении соответствующего точного постановления на утверждение Совнаркома.

Для промышленности это означало решающий шаг в переходе от бюджетного содержания к хозяйственному расчету. И вот уже совершенно новая для советской промышленности постановка вопроса. 8 июля 1921 г. Ленин пишет записку: «Предлагаю Политбюро. Премии золотом до 10 000 рублей за образцовую постановку на коммерческую ногу группы предприятий, отделов, учреждений»².

Еще несколько месяцев «продовольственные деньги» сохраняют свое значение. Но осенью был сделан

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 275—276.

² Там же, т. 44, с. 66.

следующий важнейший шаг в развитии новой системы хозяйствования. 29 октября 1921 г. в докладе о новой экономической политике на VII Московской губпартконференции Ленин вновь, как и весной, напомнил о документах 1918 г., но теперь уже для того, чтобы отметить не только сходство, но и отличие, показать, что с тех пор сделан шаг вперед в развитии экономической политики. Отличие выражалось в том, что в 1918 г. еще совершенно не ставился вопрос о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле. Теперь же такой вопрос был поставлен. Именно в этом выступлении Ленин выдвинул задачу перехода к государственному регулированию торговли и денежного обращения, охарактеризовав ее как «восстановление правильной системы экономических отношений».

Ленин сообщил в том же выступлении, что небольшое число предприятий переведено на коммерческий расчет с оплатой рабочего труда по ценам вольного рынка и переводом расчетов на золото. В начале января 1922 г. в проекте тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики определяется значение хозяйственного расчета: «Перевод госпредприятий на так называемый хозяйственный расчет неизбежно и неразрывно связан с новой экономической политикой, и в ближайшем будущем неминуемо этот тип станет преобладающим, если не исключительным»¹. Далее указывается, что хозрасчет в условиях свободы торговли означает коммерческие отношения и связан с необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого государственного предприятия.

В октябре 1921 г. Ленин набросал заметки о Югостали:

««Коммерческий директор» =
в главном управлении 3-х заводов
(Югосталь)

= помощник управляющего...
(крупный коммерсант)

(((на положении высокого,))
(самого высокого спеца))

Реализация на рынке = главная его задача»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 342—343.

² Там же, с. 461—462.

Ленин раздумывал над статьей «Коммерческая постановка дела», составил ее план, в котором выделены слова: «Окупаться должно».

Первый год новой экономической политики дал такое укрепление социалистической экономики, что уже 6 марта 1922 г. в речи на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов Ленин смог сказать: «...отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено»¹.

Требовалась еще перестройка денежной системы в соответствии с новыми требованиями. Эту задачу выполнила денежная реформа, осуществленная в основном в 1923 г. С того времени новую систему экономических отношений можно считать в целом сформировавшейся. Далее последовало становление и развитие своеобразной системы планового централизма, опирающегося на полный хозрасчет,—первой такой системы в истории мирового социализма.

Изменение соотношения между централизованным управлением и правами предприятия оказалось одной из центральных проблем формирования нового хозяйственного механизма. Постановлением СТО от 12 августа 1921 г. «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» была предусмотрена организация объединений крупных предприятий на началах хозрасчета. Таким объединениям предоставлялось весьма широкое право заготовки за счет своей продукции продовольствия, сырья, топлива, материалов, включая закупки за границей, осуществляемые под контролем ВСНХ, Наркомвнешторга и СТО. Наряду с объединением однородных или связанных единым производством предприятий допускалось создание объединений разнородных предприятий по вопросам заготовок топлива и т. п. Здесь уже заложен принцип экономической централизации на паевых началах, который вскоре был использован при создании синдикатов и акционерных обществ.

4 октября 1921 г. был учрежден Государственный банк. Еще через шесть дней ВЦИК принял декрет «О мерах по упорядочению финансового хозяйства», поставивший перед Наркомфином задачу всемерного увеличения доходов казны и уменьшения, а затем и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 10.

прекращения эмиссии. Интересно, что в связи с задачами финансово-экономическими декрет обращал внимание и на некоторые элементы общественной психологии, утвердившейся в предшествующий период. Там говорилось: «...за истекшее революционное трехлетие — 1918—1920 гг. во всех советских учреждениях и предприятиях укрепился взгляд на деятельность Народного Комиссариата Финансов, как на деятельность учреждения, в значительной степени отжившего и подлежащего ликвидации. Этот взгляд, дающий ведомствам основание не в достаточной мере считаться с мероприятиями Народного Комиссариата Финансов в области отстаивания и охраны интересов народной казны, не может, конечно, не служить весьма существенным тормозом для финансового ведомства в проведении им в жизнь новой финансовой политики». В связи с этим ВЦИК требовал всемерного содействия советских органов и хозяйственных ведомств упорядочению государственного бюджета.

В резолюции XI партконференции «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» от декабря 1921 г. содержался вывод: «Теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономическую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем, завоевать свое решительное господство».

Уже летом 1922 г. в докладе Президиума ВСНХ Совнаркому были сделаны выводы, отражающие требования полного господства хозрасчетных отношений в управлении: «И планирование, и административное воздействие дадут свои плоды только при условии правильного решения основных вопросов финансово-экономического воздействия на промышленность. Совершенный поворот, при котором государственное имущество обрело хозяина в лице треста, в баланс которого это имущество записано в качестве оборотных средств, почти совершенно исключает возможность регулирования при помощи перекачки сколько-нибудь значительных материальных фондов из одного предприятия в другое. Такие действия могут практиковаться только в виде редких исключений — как система они привели бы к отрицанию тех начал, которые нами же были провозглашены: хозяйственный расчет, ответ-

ственность и т. д. Теперь во время быстрого роста денежных отношений в стране финансирование и кредит являются самым могущественным орудием в руках регулирующего центра. Политика цен, тарифов, ссуд, промышленного кредита — вот какими средствами только возможно в настоящее время добиться серьезных результатов...» Здесь видно уже понимание не только хозрасчета как нового метода хозяйствования, но и его воздействия на методы централизма: «...финансирование и кредит являются самым могущественным орудием в руках регулирующего центра».

Принятая 25 апреля 1923 г. XII съездом партии резолюция «О промышленности» уже подводила в специальном разделе итоги «первого периода нэпа». Именно она содержит наиболее полную принципиальную оценку сложившейся системы.

Прежде всего в резолюции выдвигалась как непременное условие хозяйственных успехов прибыльность государственной промышленности: «Победоносной может оказаться только такая промышленность, которая дает больше, чем поглощает... Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости есть вопрос о судьбе Советской власти, т. е. о судьбе пролетариата».

Далее ставилась задача восстановления в новых условиях важнейших народнохозяйственных пропорций, причем отмечалось: «Задачи эти могут быть разрешены лишь при правильном соотношении рынка и плана». Далее общая постановка проблемы дополнялась глубокой научной разработкой, показывающей пути решения поставленной задачи и сохранившей принципиальное значение по сей день: «...совершенно ясны две опасности, связанные с применением государственных плановых методов хозяйства в ближайшую эпоху: а) при попытке опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры, совершенно неизбежны частные или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма («заторы», «пробки» и пр.); б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов неэко-

номными методами рынка и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств».

Резолюция уделила особое внимание трестам, а также синдикатам. В ней, в частности, говорилось: «Большая часть государственной промышленности организуется в виде трестов, т. е. пользующихся широкой хозяйственной автономией объединений, выступающих свободно на рынке, как меновые хозяйства. Эти хозяйственные объединения, как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной ценности в целях государственного накопления, которое только и может обеспечить поднятие материального уровня страны и социалистическое переустройство всего хозяйства».

Самый обширный раздел резолюции был посвящен хозяйственникам. Указывалось, что вознаграждение руководителей предприятий должно быть поставлено в зависимость от баланса, как заработная плата рабочего — от выработки. «Его высшей аттестацией является активный баланс предприятия. Нужно помочь рабочей массе понять, что директор, стремящийся к получению прибыли, в такой же мере служит интересам рабочего класса, как и работник профессионального союза, стремящийся поднять жизненный уровень рабочего и охранить его здоровье».

В 1922 г. началось активное трестирование промышленности. 12 сентября 1922 г. ВСНХ утвердил типовое положение о трестах, 10 апреля 1923 г. вышел декрет ВЦИК и Совнаркома «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)», а 9 июля 1923 г. — положение ВСНХ «Об управлении заведением, входящим в состав треста». Согласно этим документам, основной хозрасчетной единицей со всеми подлинными правами предприятия был трест. Входящие в его состав фабрики и заводы хозрасчетных прав не имели, были в экономическом отношении как бы цехами. Зато права треста были несравнимы с правами предприятия времен «военного коммунизма». На него возлагалась, например, «реализация продукции всеми способами, законом дозволенными», причем имелась

в виду свободная продажа продукции на внутреннем и внешнем рынках с предоставлением государственным органам и объединениям права преимущественной закупки продукции треста лишь при прочих равных условиях. Тресты должны были стремиться к получению прибыли, не пользуясь ни государственным снабжением, ни государственным финансированием. ВСНХ не должен был вмешиваться в текущую деятельность трестов.

20 июля 1922 г. в постановлении ЦК ВКП(б) «О ВСНХ» предлагалось поставить как важнейшую задачу выработку методов однообразного учета выгоды или убыточности или тенденций в сторону выгоды. В упоминавшейся резолюции XII съезда партии «О промышленности» отмечалось, что единственная серьезная и надежная эмпирическая проверка правильности взаимоотношений предприятия, треста, государства, как и правильности всего хозяйствования, может быть дана только его материальными результатами, как они обнаруживаются в коммерческом балансе. В определении строения и состава трестов предлагалось отказаться от организационного схематизма и от «предрассудков бюрократического единообразия», руководствоваться не формальными, а материальными, производственными и коммерческими соображениями, отметить ведомственные или местные притязания, вступающие «в конфликт с принципом более выгодной, более прибыльной организации производства». Вместе с тем было оговорено, что взаимоотношения между легкой промышленностью и тяжелой никак не могут разрешаться только рыночным путем, ибо это грозило бы в ближайшие годы разрушением тяжелой промышленности.

Из документов 1921—1923 гг. предстает стройная, логически увязанная во всех своих частях система хозяйствования на основе полного хозрасчета, во всем противоположная доказавшей свою несостоятельность и отброшенной системе «главкизма». Заряд хозяйственной инициативы трудовых коллективов помог, невзирая даже на новый тяжелый удар в виде неурожая 1921 г., сразу оживить экономическую деятельность и двинуть вперед восстановление страны. Однако тут же выяснилось, что новая система, несмотря на свою стройность и очевидную способность к активизации хозяйственной деятельности, не обеспечивает уп-

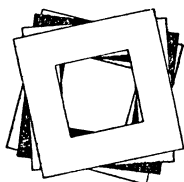
равляемость общественным производством в целом, его основными пропорциями. Уже весной 1922 г. промышленность столкнулась с проблемой, возникновение которой едва ли кто мог заранее ожидать среди всеобщих нехваток: разразился кризис сбыта, затронувший многие отрасли промышленности, в особенности топливную, где еще недавно дефицитность продукции была самой острой. Причины этого парадоксального явления были тогда же объяснены во многих партийных и государственных документах. Указывали на узость рынка вследствие нарушенной покупательной способности населения, на «ножницы цен» между продукцией промышленности и сельского хозяйства, которые подрывали покупательную способность крестьянского хозяйства, следовательно, самой обширной отрасли народного хозяйства и самой значительной части населения.

Однако столкновение новой экономической системы с кризисом сбыта, которого в принципе не должно быть в социалистической экономике, имело в своей основе и другие, более глубокие причины. Главным было неумение «торговать», как говорил Ленин, употребляя это слово в широком смысле: неумение владеть рынком. Ведь в тот момент социалистическая экономика, по существу, впервые столкнулась с вольным рынком, уже не имея капиталистических инструментов работы на этом рынке и еще не создав своих. XII съезд партии в резолюции «О промышленности» записал: «Без правильной организации сбыта успехи производства будут и впредь приводить к чрезмерному увеличению торговых накладных расходов, к частичным завалам, т. е. к кризисам торговой беспомощности, не находящим себе оправдания в состоянии даже и нынешнего крайне узкого рынка».

Централизация массы мелких предприятий на уровне трестов оказалась недостаточной для успешной самостоятельной работы на неорганизованном рынке. Новых методов централизма взамен отброшенных главкистских вообще не было. Предстояли поиски новой организационной структуры, пригодной для управления предприятиями, действующими на началах полного хозрасчета.

5.

«Перевернул проблему»

Предпринятая в августе 1921 г. реорганизация управления промышленностью привела к тому, что ВСНХ должен был осуществлять лишь общее руководство, а число отраслевых главных управлений сократилось с 52 до 16. Прежние методы связи ВСНХ с предприятиями через главки, права и обязанности главков не отвечали требованиям управления в новых условиях, когда во главу угла ставилось не управление материальными потоками в натуре, а обеспечение прибыльности, эффективности производства. Разобщенные предприятия оказались лицом к лицу с рынком, который еще не был организован всеохватывающим действием государственного плана. Разорванная административная связь не была замещена экономической, поскольку сами методы ее еще предстояло найти. Существовавшие на местах совнархозы могли удовлетворить запросы в этом отношении со стороны мелких и средних предприятий местной промышленности, но крупным предприятиям и народному хозяйству в целом требовалась общероссийская экономическая связь.

«Трестирование, т. е. комбинирование производственно-технических возможностей большой группы фабрик и заводов, а также использование всех преимуществ единого управления в мощном хозяйствен-

ном предприятии, явилось первым организационным завоеванием советской национализированной промышленности. Преодоление внутренних противоречий в отдельных отраслях промышленности, возникающих в области рыночных отношений... создание тем самым реальных предпосылок для внедрения планового начала в развитие отдельных отраслей промышленности потребовали еще новой формы концентрации — объединения сбытовых и снабженческих функций трестов в единой синдикатской организации», — писал позднее В. Н. Манцев, видный хозяйственник 20-х годов, один из ближайших сподвижников Ф. Э. Дзержинского.

В январе 1922 г. Президиум ВСНХ принял решение о синдицировании промышленности на основе проекта, разработанного специальной комиссией, которую возглавлял В. П. Ногин. Первый идеолог и организатор синдикатов, Ногин стал председателем крупнейшего и самого передового из них — Текстильного, а затем и председателем Всероссийского совета синдикатов. Однако весной 1924 г. он умер. Формирование целостной системы хозяйственных объединений 20-х годов — синдикатов и акционерных обществ — было почти полностью осуществлено в период, когда Высшим советом народного хозяйства СССР руководил Ф. Э. Дзержинский (февраль 1924 г. — июль 1926 г.). Ему же принадлежит и разработка основных принципов деятельности синдикатов.

Следует признать, что хоть и существует литература о хозяйственной деятельности Ф. Э. Дзержинского, его экономические воззрения и вклад в экономическую теорию до сих пор изучены слабо. Здесь, несомненно, сказалась многолетняя тенденция замалчивания экономической истории 20-х годов и дискуссий тех лет, которая начала преодолеваться лишь в последние годы. Вероятно, некоторую роль сыграло и то обстоятельство, что сам Ф. Э. Дзержинский не считал себя ни экономистом, ни вообще теоретиком. Ни одно из его выступлений не является по форме теоретическим трудом. Но ведь принципиальное значение мыслей, высказанных в той или иной работе, определяется не ее формой. В стране, где впервые в истории делались шаги по пути социалистического строительства, приходилось в самой революционной практике искать ответы на многие принципиальные, общезначимые вопросы, которые никем ранее ни в каких теоретиче-

ских трудах не были предвидены и не разрабатывались. В тех случаях, когда то или иное принципиальное решение оказывалось найденным в ходе практики впервые, без предшествующей теоретической разработки, оно, несомненно, становилось одновременно и вкладом в теорию социалистического строительства и многократно воспроизводилось в дальнейшем как в научных трудах, так и в практике других стран, строящих социализм.

Такой характер носит и ряд выступлений Ф. Э. Дзержинского. Хотя автор этих выступлений, очевидно, не претендовал на то, что он делает вклад в науку, в ходе современного анализа можно установить, что ряд важных положений был впервые высказан именно им.

Так, Дзержинский не только сыграл большую роль в уничтожении «ножниц цен» в 1923—1924 гг., но и сформулировал принципы социалистического ценообразования. Ему принадлежат важные с политической и экономической точек зрения положения о социалистической политике оплаты труда. Он одним из первых показал принципиальное значение ускорения оборачиваемости оборотных средств и режима экономии. В 1924 г. Дзержинский одним из первых, если не первый, принял за решение сложнейшей проблемы источников накоплений для социалистической индустриализации, проводимой без помощи извне. В рамках нашей темы особый интерес представляют его многочисленные выступления по вопросам планового централизма в условиях нэпа и развития экономической централизации на договорной основе в форме синдикатов и акционерных обществ, а также практическая деятельность по формированию синдикатской системы.

Дзержинский был убежденным сторонником централизма в управлении народным хозяйством. Но он добивался централизма реального и именно поэтому решительно выступал против любых попыток использовать централизованное планирование для навязывания народному хозяйству произвольных решений, игнорирующих объективные процессы.

«Я мечтаю о том, чтобы все наши руководители основных трестов — каждый будучи на своем посту — представляли единое целое — единую государственную линию, единую государственную цель, единый

блок...» Это слова из письма, написанного в первые дни руководства промышленностью. В то время у Дзержинского за плечами был почти трехлетний опыт руководства транспортом, который объективно был более всех других отраслей народного хозяйства подготовлен к введению прямого централизма управления на плановой основе. В сущности единое предприятие в масштабах страны, с единообразной технологией, без частников, без той распыленности, которая была тогда характерна для промышленности, не говоря уж о сельском хозяйстве,— железные дороги казались кое-кому готовым объектом для управления по единому плану. А то, что они являются неотъемлемой частью всего народного хозяйства, что нельзя составить единый план для железных дорог, не имея единого плана для народного хозяйства, во внимание не бралось.

Еще в 1920 г. был принят пятилетний план для транспорта, известный под названием «приказ № 1042», изданный тогдашним наркомом путей сообщения Л. Д. Троцким. Цель приказа, в сущности, сводилась к максимальному наращиванию парка паровозов всеми возможными способами. И значительная часть сил разоренной войной страны была брошена на увеличение числа паровозов. Их покупали сотнями за границей, расходуя золотой запас; для их производства переоборудовали несколько крупнейших отечественных заводов, их ремонтировали во всех депо. В результате задолго до истечения пятилетнего срока число тяжелых паровозов намного превысило довоенный уровень, в то время как промышленная и сельскохозяйственная продукция и соответственно объем перевозок далеко не добрались и до половины довоенного. Казалось, транспорт должен был с невероятной легкостью выполнять свою работу, а поезда едва ходили.

В конце 1923 г., уже положив немало сил на преодоление разнообразных диспропорций, порожденных приказом № 1042 не только на транспорте, но и в промышленности и во всем народном хозяйстве, Дзержинский отмечал на заседании в Госплане: «Нам говорят, что мы имеем вместо 1700 (1913 г.) мощных паровозов 5800. Но мы их не можем полностью использовать. Потому, что наши мосты слишком слабы. Нам необходимы не паровозы, а фермы для мостов. Должна быть известная пропорция, диктуемая техни-

кой, между отдельными частями нашей сметы». А в 1925 г. Дзержинский вспоминал в речи на пленуме ЦК партии: «Ведь почему Троцкий приказом 1042 сделал ужаснейшую ошибку? Потому, что он выдвинул отдельную единицу и сделал ее универсальной спасительницей».

Приказ № 1042 оказался во многих отношениях классическим примером того, как не надо подходить к планированию. Во-первых, его главной целью был не конечный народнохозяйственный результат, а затраты. Эта ошибка не раз повторялась потом, повторяется некоторыми хозяйственными работниками и сейчас. Во-вторых, приказ предлагал план развития транспорта, составленный в отрыве от плана развития народного хозяйства в целом (какового еще не было и не могло тогда быть). В-третьих, он игнорировал необходимость определенных пропорций во внутреннем строении самого транспорта. Дзержинский уже в то время четко формулировал и проводил на практике принципиально иной подход к централизованному планированию.

«Перспективного плана на потребность нового паровозостроения нельзя построить изолированно от перспектив развития в других отраслях народного хозяйства (топлива, металла, сельского хозяйства, внешней торговли, флота, шоссейных дорог) и остальных элементов самого транспорта (восстановление путей, сооружений, мостов, складов, мастерских, связи и т. д.). Поэтому всякий частный перспективный план имеет ценность только в том случае, если он увязан с перспективами общего развития», — писал он.

Дзержинский подошел к восстановлению транспорта с других позиций. Будучи сторонником реального централизма, он прежде всего обратил внимание на то, что преследующие самые благие цели указания НКПС ни в какой степени не выполняются местными подразделениями железных дорог ввиду полной незаинтересованности и отсутствия экономической ответственности за результаты работы. После основательного ознакомления с положением дел на месте в ходе знаменитой сибирской экспедиции по вывозу хлеба зимой 1921/22 г. он заявил: «Основными выводами из сибирской работы я считаю: необходимость децентрализации управления транспорта и предоставления больших прав местам, установление более тесной

связи транспорта с местными органами, создание внутри самого транспорта органов, которые ведали бы хозяйственно-коммерческой стороной дела по образцу бывших правлений железных дорог, и урегулирование вопроса снабжения рабочих». То, что Дзержинский в общей форме назвал децентрализацией, означало на практике создание самостоятельных в хозяйственном отношении подразделений железных дорог, работающих на полном хозрасчете. Начав с частичного хозрасчета в 1921 г., когда дороги разделялись на три категории, из которых лишь одна сохраняла полное государственное содержание, Дзержинский провел в 1922 г. полный хозрасчет, а вскоре добился и снятия государственной дотации транспорта.

Одним из основных требований, которые постоянно выдвигал Дзержинский при подготовке хозяйственных планов, было требование увязывать производственные возможности с финансовыми, а также с рыночными условиями. Так, отмечая прогресс в составлении плана на 1924/25 хозяйственный год по сравнению с предшествующими, Дзержинский говорил: «Планы в этом году уже не базировались только исключительно на технически-производственных возможностях о количестве топлива, установках машин, количестве рабочей силы, но прежде всего базировались и опирались на анализ бюджетно-финансовых возможностей — технических и рыночных возможностей».

В другой речи он вновь обосновывал ту же мысль, особо отмечая, что связь с рынком в существовавших тогда условиях — это связь с крестьянским хозяйством прежде всего: «Если вы думаете, что мы можем коммунизм ввести, если будем сидеть в кабинете, обложимся книгами и составим идеальный план, а потом уже этот план будем проводить, то мы знаем наверняка, что мы с таким планом провалимся, ибо наш план — это есть процесс выявления сцеплений нашей государственной промышленности и отдельных ее отраслей между собой, каждой из этих отраслей с нашим рынком, с теми, на кого мы работаем, т. е. с крестьянством».

Несколько позднее Дзержинский подошел к вопросу и с другой стороны: «Мы должны остановиться на увязке планового момента с моментом хозяйственной целесообразности, коммерческого расчета. Надо установить, каким методом мы должны объединить

оба эти начала, имеющие место в нашем строе, чтобы получить одно гармоническое целое, с пользой для развития нашей промышленности». Здесь поставлен уже один из коренных вопросов о соединении хозрасчета с планом — главный вопрос демократического централизма в хозяйстве. Огромной заслугой Дзержинского является то, что он не только сформулировал вопрос (что само по себе очень важно), но и нашел ответ на него применительно к условиям своего времени. Этим ответом стали социалистические синдикаты — органы нового типа, соединившие хозрасчетную деятельность с плановой работой.

Синдикаты создавались первоначально как органы торговые и только торговые. Согласно основным нормативным актам, регулировавшим их деятельность, они такими оставались от начала и практически до конца своего существования. Эта юридическая форма практически с первых месяцев истории синдикатов разошлась с экономическим содержанием их работы, что осложняло дискуссию о сущности синдикатов. Некоторые авторы как в 20-е годы, так и позднее отказывались признавать за синдикатами иные функции, кроме торговых. Подлинными производственными объединениями тех лет они признают лишь тресты. Так ли это? Ответ на этот вопрос требует более подробного ознакомления с трестами, начавшими возникать лишь на несколько месяцев раньше, чем синдикаты, и действовавшими до конца 20-х годов одновременно с ними. Но прежде необходимо небольшое теоретическое отступление. При оценке сходства и различий между трестами и синдикатами, да и позднее, при исследовании современных объединений нам потребуются понятие «связь», не раз использованное К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным в суждениях о развитии обобществления.

Уже в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс замечают, что «работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительной связью, объединявшей их против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних...». Другой связи внутри ремесленного цеха не было места. Но уже следующей ступенью разделения труда, выделением класса купцов, «создавалась возможность торговой связи, выходящей за пределы ближайшей округи...»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 51, 52.

Наиболее детально разные степени связи показаны К. Марксом в «Капитале» при анализе возникновения мануфактурного, а затем и машинного производства. Именно здесь, кстати, находим и известное определение кооперации: «Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией»¹. Далее следует анализ, в котором К. Маркс, подходя к вопросу с разных сторон, настойчиво разделяет, различает два уровня связи: с одной стороны, связь посредством обмена продуктов, превратившихся в товар, с другой — связь, которая создает «подлинное техническое единство», «непосредственно связанное целое», «непосредственно общественный или совместный труд».

«Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связанного целого разъединяются, разлагаются... и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами посредством обмена их продуктов в качестве товаров»².

Ту же мысль Маркс развивает несколько дальше: «Но что устанавливает связь между независимыми работами скотовода, кожевника и сапожника? Бытие их продуктов в качестве товаров. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит товара. Лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар. Разделение труда внутри общества опосредствуется куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь же между частичными работами внутри мануфактуры опосредствуется про-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337.

² Там же, с. 364—365.

даже) различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу»¹.

В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» неоднократно отмечает переход от одного вида связи (посредством обмена товаров) к другому виду (аналогичному связи «между частичными работами внутри мануфактуры», если пользоваться словами приведенной выше цитаты из «Капитала»). Этот подход помогает В. И. Ленину определять различные типы монополистических объединений. Степень перерастания торговой связи в непосредственно производственную используется как индикатор, определяющий тип объединения.

Развитие капиталистических монополий в наши дни в целом не вышло за пределы закономерностей, показанных в начале столетия Лениным. Но есть одна сторона — частная по отношению к процессам развития монополий в целом, но интересная с точки зрения нашей темы, — в которой можно отметить элемент качественной новизны. Речь идет о значительно большей степени непосредственно производственного сращения предприятий в рамках монополий по сравнению с началом века.

Достаточное число фактов на сей счет содержит, например, книга сотрудника английской газеты «Файнэншл таймс» К. Тьюгендхэта «Международные монополии», изданная и в Советском Союзе. Автор использовал в своей работе богатый фактический материал, который — независимо от желаний самого К. Тьюгендхэта — подтверждает известные марксистские выводы относительно сущности процессов, развивающихся на стадии империализма. Значительная часть этого фактического материала имеет прямое отношение и к вопросу об изменении характера связей между предприятиями по мере развития обобществления.

Тьюгендхэт прежде всего отмечает как наиболее характерную черту современной мультинациональной компании централизованное управление ее предприятиями. Он решительно опровергает утверждение апологетов «свободного предпринимательства» о самостоятельности дочерних предприятий. Каким бы значительным ни было их число, как бы ни были они

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 367—368.

разбросаны по всему земному шару — все они действуют в рамках единого плана, разработанного центральной администрацией концерна.

Такая характеристика взаимоотношений предприятий внутри международной монополии уже означает, что связь между ними более тесная, чем связь, основанная только на товарном обмене. Тьюгендхэт приводит много конкретных фактов, подтверждающих отход от принципа эквивалентности обмена и обеспечения прибыльности в деятельности отдельных предприятий внутри концерна.

Многие факты, приводимые Тьюгендхэтом, подтверждают развитие прямых производственных связей, превращающих международную монополию в единое суперпредприятие.

Любопытна такая тирада: «Международная компания выступает одновременно как продавец и как покупатель. Ее заводы в различных странах могут быть скооперированы для производства одного продукта. Хотя их разделяют сотни и даже тысячи миль, они могут быть такими же звеньями производственной цепи, как две поточные линии, установленные в разных цехах одного завода. Их размещение не случайный плод свободной конкуренции, а результат решения руководящих органов о местах постройки и задачах каждого из предприятий».

Торговые сделки между предприятиями одной фирмы, размещенными в разных странах, совершаются уже без учета таких классических коммерческих критериев, как цена, качество и срок поставки. Так капиталистическая мировая торговля превращается в межцеховую транспорт международных монополий. Ее основой становятся производственные связи, которые лишь оформляются как экспорт-импорт, а по сути уже не являются торговлей в традиционном смысле.

В основе развития международных монополий — рост производительных сил, невиданная ранее гигантская концентрация производства, новый уровень его обобществления, т. е. объективные процессы. Те же процессы протекают и в экономике социалистических стран, но получают там совсем иные возможности развития.

Среди советских авторов нет единства мнений по вопросу о характере экономической связи при социализме. Одни полагают, что существуют две ее фор-

мы — прямая безэквивалентная и косвенная, товарная, т. е. эквивалентная,— из которых первая является главной для социалистической экономики, а вторая — дополнительной. Другие авторы критикуют эту позицию, доказывая, что существуют лишь разновидности единственной, товарно-денежной формы экономических связей при социализме.

Наша тема не требует углубления в эту полемику прежде всего потому, что мы рассматриваем не всю систему связей в народном хозяйстве, а лишь внутренние связи, скрепляющие в единое целое отдельные части объединений. В рамках такого подхода даже в том случае, если отрицается параллельное существование двух форм экономической связи в народном хозяйстве и признается лишь единая товарно-денежная форма, нельзя не видеть, что внутри производственного объединения эта экономическая связь существенно видоизменяется. Само видоизменение, его степень выражает эволюцию объединения от менее тесного к более тесному единству. Такую эволюцию социалистических объединений мы можем проследить, используя метод, который применял Ленин к объединениям капиталистическим, распределяя их в порядке возрастающей внутренней связанности: от картеля к синдикату и тресту.

Социалистическое объединение возникает там, где появляется хотя бы общность некоторых экономических связей (например, совместный сбыт продукции) группы предприятий, остающихся независимыми во всех остальных отношениях. При некоторых условиях эта общность может дополняться все более тесными прямыми производственными взаимосвязями. На определенной ступени технологическое единство предприятий внутри объединения становится таким тесным, что товарно-денежная «оболочка» их взаимосвязей превращается в чистую формальность и, наконец, устраняется и формально вплоть до того, что отношения предприятий внутри объединения полностью уподобляются отношениям цехов внутри завода.

Разумеется, и эти внутренние отношения не вполне безэквивалентны: остается внутренний хозрасчет, который во взаимоотношениях предприятий внутри объединения может принимать форму своего рода «купи-продажи».

Применение той или иной формы внутренней связи, той или иной комбинации этих форм, степень достигнутого на их основе внутреннего единства помогут определять тип объединения, достигнутую в его рамках степень обобществления производства.

Любое описание российской экономики после мировой, и особенно после гражданской, войны позволяет без труда понять, почему Ленин говорил о недостаточном обобществлении на деле. Активный участник революции В. И. Иванов (впоследствии начальник строительства Сталинградского тракторного завода) рассказывал о своем назначении на пост председателя коллегии Главметукра (Главного управления металлической промышленности Украины): «Восемьсот заводов подчинялись Главному управлению, и все восемьсот заводов делали лопаты, пилы и зажигалки. По всей Украине стояли погасшие домны». Этим все сказано об уровне фактического обобществления производства. Работающая домна требует постоянной связи с работающими шахтами и рудниками — поставщиками сырья и топлива, с работающими электростанциями, с работающими заводами — поставщиками огнеупоров, оборудования и т. п., наконец — с действующими заводами и стройками — потребителями металла. Она требует сложной экономической связи, требует общественного производства. Заводу, делающему лопаты и зажигалки, никакая общехозяйственная связь не нужна. Материала хватает благодаря наличию старых запасов, а потребитель стоит тут же за воротами либо на городской толкучке.

Как правило, не требовалось даже единой связи в пределах своего завода. Рабочий нередко приходил к своему верстаку независимо от каких-либо общезаводских распоряжений и действий, как крестьянин-единоличник к своему наделу и своей сохе. Он в одиночку вытачивал зажигалку, сам продавал ее и сам потреблял выручку. Даже в тех случаях, когда внутри завода сохранялась единая связь и способность к каким-то совместным действиям, ее разрывало отсутствие общехозяйственных связей: разрушение денежной системы, транспорта, системы сбыта, управления и т. д. Старый большевик-хозяйственник И. В. Парамонов, назначенный в 1918 г. председателем Жиздринского уездного совнархоза Калужской губернии, вспоминает, что платить рабочим деньгами было бессмысленно:

на деньги ничего нельзя было купить. Чтобы как-то поддержать людей, выдавали им часть продукции своего предприятия — единственную имевшуюся в руках реальную ценность. Не имело значения, годился ли этот продукт для непосредственного потребления. Каждый работник обособливался не только как производитель — он являл собой и нечто вроде менового хозяйства в одном лице. Например, рабочие чугунолитейного завода имели право получать в месяц два с половиной пуда литья, везли чугунные изделия на Украину и выменивали там у богатых крестьян на хлеб.

В годы гражданской войны «главкизм» обеспечил административную связь, отвечавшую условиям «военного коммунизма». Она позволила решить основные задачи военной экономики тех лет. Но как только война закончилась, исчезли немногочисленные достоинства этой системы — остались лишь ее недостатки.

В 1921 г. началось усиленное трестирование — объединение предприятий в тресты. Некоторые современные авторы рассматривают тресты и синдикаты «на равных»: то и другое — хозрасчетные производственные объединения, роль обеих форм будто бы равноценна. На самом деле многие тресты не заслуживали такой оценки ни в количественном отношении (в большинстве из них насчитывалось менее чем по 500 рабочих), ни в качественном. Даже крупные тресты в большинстве случаев не были подлинными производственными объединениями — это были просто переименованные главки, оставшиеся со времен «военного коммунизма». Исследователям 20-х годов это было хорошо известно. Так, автор солидного труда о трестах и синдикатах Г. Цыперович приводит свидетельство из исследования периода трестирования: «Московский кожевенный трест является прежней Москожей без всяких перемен. Резинотрест — это переименованная Главрезина. Стеклофарфортрест — почти то же, что и ранее существовавшее Главстекло. Анилтрест — другое название для Главанила. Сахаротрест — видоизмененный Главсахар». В последующие годы предпринимались многократные усилия с целью укрепления хозрасчетных начал в деятельности трестов, принесшие частичный успех. Но из приведенных слов ясно, что сама изначальная основа трестирования не была хоз-

расчетной. Г. Цыперович комментирует приведенную выдержку так: «Новые организации (тресты и управления) не дали государству, по крайней мере не дали сразу, именно того, для чего они, организовывались вместо главков и центров. Тресты и управления должны были установить не механическое, а органическое объединение предприятий, добиться наивысших результатов в деле комбинирования, а также в деле отбора предприятий, наиболее рационально поставленных, способных выпускать наилучший и наиболее дешевый товар. В действительности лишь очень немногие тресты и управления сразу пошли по этому пути. Главки и центры, преобразованные в тресты и управления, оказывали самое решительное сопротивление «хозяйственному расчету», хотя на словах как будто руководились им».

Здесь найдены весьма выразительные слова: «органическое объединение». Органическими автор считает лишь комбинаты, также получавшие в то время название трестов. Тогда это был едва ли не единственный вид объединений, скрепленных прямой производственной связью. Единого принципа создания трестов не было. Они могли быть весьма разнородными конгломератами. За словом «тресты» в 20-х годах скрывалось не одно явление, а несколько разных. Одни тресты (меньшинство) были подлинными хозрасчетными производственными объединениями, другие (большинство) — лишь несколько укрупненными (на административных началах) предприятиями, третьи — административными образованиями, наподобие небольшого главка.

Некоторые авторы еще в 20-х годах замечали, что тресты во всяком случае не равнозначны синдикатам в роли производственных объединений. Так, В. Канторович возражал тем, кто придавал большое значение обратной, по сравнению с капитализмом, последовательности создания трестов и синдикатов (на Западе сначала возникали монополии сбытовые — картели и синдикаты, а потом выросли монополии производственные — тресты). В. Канторович писал, что иная последовательность развития советских трестов и синдикатов по сравнению с западными в значительной степени кажущаяся, поскольку советский трест в сущности не был объединением: «С момента осуществления нэпа наш советский трест явился нашей

основной производственной ячейкой, укрупненным предприятием, лишенным в значительной мере того монополистического характера, который свойствен западным, в частности американским, трестам (карликовый характер нашего среднего советского треста, в особенности в первые годы нэпа, общеизвестен). Если уж оперировать аналогиями с капитализмом, то надо считать, что концентрационное движение советской промышленности... началось, в сущности, с синдикатского движения».

Еще более важно для нас, как оценивалась роль трестов в основных нормативных документах 20-х годов. Начиная с 1923 г., когда вышел декрет ВЦИК и СНК СССР «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)», в партийных и правительственных документах тресты приравнивались чаще к предприятиям, а не к объединениям. В юридическом отношении именно тресты были предприятиями, как мы их понимаем сегодня, поскольку отдельные заводы и фабрики до 1927 г. не были наделены хозрасчетными правами, не имели даже своего счета в банке. Ограничение прав предприятий внутри трестов уже в то время рассматривалось многими как недостаток. Важнейшее преимущество трестов имело сугубо исторический характер: при острой нехватке квалифицированных специалистов и невозможности обеспечить ими каждое предприятие тресты позволяли лучше наладить техническое руководство производством. Объединениями же в полном значении слова были прежде всего синдикаты. Точнее, синдикаты были превращены в производственные объединения постепенно, самым объективным ходом хозяйственной жизни.

К синдикатам перешла лишь часть функций главков по управлению трестами: сбыт продукции, заготовки сырья и материалов и предоставление заказов. Но не это отличие (к тому же позднее ликвидированное) было главным, что делало синдикаты непохожими на главки. Суть была в самих принципах их создания и выражалась уже в первой формуле, касающейся синдикатов, — в формуле решения об их создании. Президиум ВСНХ признал «целесообразным свободное и инициативное объединение трестов для разрешения задач в области заготовок сырья, торговли и т. д. в виде синдикатов».

Свободное и инициативное — в этом было главное. Лишь в трех синдикатах (нефтяном, табачном, соляном) участие основных трестов отрасли было принудительным, причем в первом это объяснялось издавна сложившейся системой снабжения страны нефтью. Как правило же, участие трестов в синдикатах было добровольным. Согласившись войти в синдикат, трест сохранял право сдавать ему на продажу по своему усмотрению всю продукцию или только часть, а остальное сбывать самостоятельно. Разумеется, этот вопрос решался не произвольно, а в соответствии с уставами синдикатов либо с хозяйственными договорами трестов и синдикатов, либо с решениями собраний уполномоченных. Но важно, что трест принимал решение о сбыте добровольно, исходя из того, что ему выгоднее: сдать продукцию синдикату (заплатив ему за труды по сбыту) или сбыть самому. Ясно, что централизованный сбыт через синдикат обычно оказывался эффективнее, но если синдикат проявлял бюрократизм, некомпетентность, пытался навязать тресту невыгодные условия, у треста было надежное оружие: юридическая независимость.

Больше того, синдикат сам зависел от трестов. Тресты создавали синдикат на паях, обеспечивая его уставной капитал, посылали своих уполномоченных на собрания, где избиралось правление синдиката, заслушивали отчеты его администрации, принимали важнейшие решения о его деятельности, начиная с его устава. Так, учредителями Всесоюзного текстильного синдиката (ВТС) были 37 текстильных трестов и Главный хлопковый комитет. Короче говоря, деятельность синдиката регулировалась не административными рычагами, а экономическими. Не наделенные никакими производственными функциями, синдикаты были, однако, организациями не менее хозрасчетными, чем любое предприятие.

В. П. Ногин уже в самые первые годы нэпа утверждал, что товарно-денежные отношения в условиях диктатуры пролетариата и общественной собственности на средства производства предполагают плановое регулирование экономики. Исходя из этого, задачей синдиката он считал государственное регулирование торговли и в известной степени — управление производством. Руководители ряда текстильных трестов, напротив, утверждали, что такая деятельность несо-

местима с товарно-денежными отношениями, обвиняли правление синдиката в «главкизме» и выступали против принятия таких договоров, которые объединяли бы действия трестов. Ногин утверждал, что плохие синдикаты обречены на распад, а хорошие обязательно превратятся в тресты, т. е. в организации, управляющие не только торговлей, но и самим производством. Это предсказание Ногина оправдалось, но еще раньше выяснилось, насколько выгодными для промышленности оказались синдикаты. Уже в 1923 г. вместо первоначальных 37 в синдикат входили 46 трестов — $\frac{4}{5}$ всех трестов отрасли, объединявших сотни фабрик. На них были заняты 282 тыс. рабочих — 86% рабочих трестированных предприятий отрасли. На второй год деятельности синдиката сдача продукции трестами возросла в 5 раз.

Что же делал синдикат для предприятий?

Сначала ВТС занялся организацией рынка. Он развернул сеть оптовых баз, через которые продукция поступала в торговлю. Следующим шагом была финансовая поддержка промышленности, особенно ценная в пору кризиса сбыта. Еще не накопив собственных средств, получив лишь первую ссуду Госбанка, синдикат израсходовал ее на закупки товаров у трестов. Вскоре синдикат сам смог давать кредиты.

В том же 1922 г. ВТС вышел на внешние рынки. Ввиду успеха внешнеторговых операций синдиката ВСНХ разрешил ему открыть свои представительства в Берлине, Лондоне и Риге. В феврале 1923 г. совещание представителей хлопчатобумажных трестов приняло решение вести заготовку хлопка только через синдикат. И синдикат не просто централизовал закупки. Убедившись, что большие трудности возникают из-за неразвитости хлопковых районов, синдикат поднял в ВСНХ и Госплане вопрос о ходе строительства Семи-реченской железной дороги и внес 300 тыс. руб. золотом собственных средств на эту постройку. Это уже был выход далеко за пределы чисто торговых функций.

Далее синдикат занялся импортом хлопка, связавшись с крупнейшим в то время экспортером — Соединенными Штатами, что само по себе не так просто, поскольку закупки хлопка для Европы монополизировали гамбургские купцы. Поездка председателя ВТС Но-

гина в США вызвала целый переполох среди перекупщиков, его пытались сбить с толку и доказать невыгодность прямой связи с Америкой. ВТС разбил гамбургскую монополию, установил прямую торговую связь с Соединенными Штатами и освободился от необходимости оплачивать услуги перекупщиков, — как выяснилось, весьма дорогостоящие.

Когда в 1922 г. был основан Промышленный банк, синдикаты приобрели 45% его акций. Получаемые кредиты использовались для развития производства в трестах.

Что же получается? Кроме уставной функции — коллективного продавца продукции предприятий — синдикаты взяли на себя закупку (а иногда и организацию производства) сырья, организацию внешней торговли, финансирование наиболее нужных новых производств и строек. Позднее они занялись также отраслевой стандартизацией, планированием специализации предприятий, номенклатуры их продукции. Короче, они все чаще принимались фактически управлять производством.

В 1923 г. синдикаты прочно утвердились в хозяйственной жизни.

Однако прежде чем их прогрессивная эволюция проявилась в полной мере, синдикаты пережили в своем развитии серьезный кризис. Это произошло в 1923 г., в разгар кризиса сбыта в народном хозяйстве. Для синдикатов это был период становления, время поисков своего места в исторически новом деле: попытках планомерного регулирования рынка средствами государственного плана. Среди ошибок, неизбежных во всяком новом деле, была и политика высоких цен, которую промышленность пыталась проводить в 1923 г. Если организующая деятельность синдикатов на рынке улучшала сбыт, то политика монопольно высоких цен затрудняла его.

Текстильный синдикат во главе с Ногиным еще осенью 1923 г. предпринял снижение цен на продукцию своих трестов. В то же время конвенция синдикатов металлопромышленности продолжала безнадежные попытки накопить средства для восстановления отрасли за счет безудержного повышения цен, что еще больше сужало рынок сбыта и уменьшало доходы металлопромышленности. Столкнувшись с прекращением сбыта на широком рынке, конвенция попыталась навя-

зять свою продукцию государственным заказчикам, крупнейшим среди которых был транспорт.

В ноябре 1923 г. нарком путей сообщения Ф. Э. Дзержинский обратился в Совет Труда и Обороны СССР с докладной запиской по вопросу о металлопромышленности. Глубокое исследование, представляющее интерес и по сей день как образец экономического анализа, опирающегося на точный учет не только технологических, но и социальных процессов, завершилось перечнем предложений, которые были вскоре полностью реализованы, за исключением одного: предложения ликвидировать конвенцию металлосиндикатов и сами синдикаты. С подобным предложением в то время выступил не только Дзержинский. Широкая общественная критика политики высоких цен, проводившейся и через синдикаты, нашла отражение в резолюции XIII партконференции. Но в работах Дзержинского, позднее обращавшегося к теме синдикатов десятки, если не сотни раз, подобная в принципе отрицательная оценка была единственной, она резко противоречит всем остальным его высказываниям и потому требует объяснения.

Какие же черты деятельности металлосиндикатов вызвали критику у Дзержинского?

В докладной записке о металлопромышленности нет ни слова против плановых начал в деятельности синдикатов — в этом смысле Дзержинский вполне разделял позицию Ногина, отстаивающего планирующую функцию Текстильного синдиката. Нет и нападок на хозрасчетную основу и демократические, самостоятельные начала синдикатского движения, подобных позднейшим выступлениям сторонников Каменева в Наркомторге в ходе известной полемики о «жестких заводах» (о ней будет рассказано ниже). Дзержинский обрушивается лишь на одну черту в работе металлосиндикатов: стремление к монополии, удушающей действительное экономическое соревнование между предприятиями — соревнование за эффективность, за снижение издержек. Недаром Дзержинский в докладной записке прямо сравнивает конвенцию с дореволюционной монопольной организацией российской металлопромышленности — Продаметом. Монопольность была Дзержинскому ненавистна в любом обличье — отнюдь не только в синдикатах. Он еще раньше столь же непримиримо выступал против монополистической

политики государственного органа — Главного управления по топливу (ГУТ). А в записке о металлопромышленности он писал: «В том-то и дело, что, будучи монополистом, легче и выгоднее, пользуясь металлическим голодом в стране и мобилизацией сил против госзаказчиков, повышать цены, чем снижать расходы, около которых питаются тысячи «устраивающихся». Вывод в записке делался такой: «Пересмотреть принципиально целесообразность политики организации монопольных синдикатов в сторону создания возможности госзаказчикам и населению (рынок) влиять на понижение цен путем введения в организацию нашей промышленности, там, где это возможно, моментов конкуренции и соревнования». Предметом критики, в сущности, были в данном случае не синдикаты как форма организации промышленности, а монополистическая практика использования этой формы.

2 февраля 1924 г. председателем ВСНХ СССР был назначен Дзержинский. Проводить в промышленности новый курс предстояло ему. В его руках оказалось и решение вопроса о синдикатах: ВСНХ предложил в свое время их создать, ВСНХ мог их и ликвидировать. Но в одном из первых публичных выступлений после назначения на новую должность — речи на пленуме Совета съездов государственной промышленности и торговли — Дзержинский не делает никакого противопоставления синдикатов трестам, а говорит о задачах, которые должны выполнять «ВСНХ в целом и его органы — тресты и синдикаты». Комиссия ВСНХ, обследовавшая, согласно решению партконференции, работу синдикатов, ни одного из них не ликвидировала, ограничившись частичной реорганизацией двух — спичечного и табачного.

Здесь автор видит догадливую улыбку на устах «проницательного читателя», прочитавшего немало современных фельетонов о ведомственности. Был человек во главе транспорта, покупавшего металл, — он был против высоких цен и против организаций, повышавших цены. А теперь он возглавляет промышленность и, значит, отныне представляет интересы не покупателя металла, а продавца. Стало быть...

Ничего не «стало быть». Тут-то и развернулась понастоящему борьба Дзержинского за низкие цены — теперь главные рычаги были у него в руках. И он сразу увидел, что важнейшим среди этих рычагов явля-

ются синдикаты. Им вовсе не предопределено фатально воевать за высокие цены. Они по природе своей прекрасные регулировщики цен. А «в какую сторону» регулировать, зависит уже от того, кто держит в своих руках этот рычаг.

Надо же было случиться такому совпадению: как раз к первому заседанию Президиума ВСНХ, которое происходило под руководством нового председателя, подоспел доклад комиссии по пересмотру синдикатов. Не прошло еще и двух недель после назначения Дзержинского руководителем промышленности. Можно ли было успеть выработать глубокую и аргументированную позицию, существенно отличавшуюся от того, что писал он тремя месяцами раньше, предлагая просто ликвидировать синдикаты? Он успел. Вот как излагается в газетном отчете об этом заседании раздел речи Дзержинского, посвященный синдикатам.

«Опыт показал, что до сего времени некоторые синдикаты были органами узких интересов трестов — стачкой продавцов против покупателей. Именно вследствие этого нездорового устремления синдикатской деятельности и создались нападки на них и мнения о необходимости их упразднения. Ф. Э. Дзержинский при пересмотре синдикатов в Президиуме ВСНХ перевернул проблему. Синдикаты должны быть сохранены, но уже не в качестве представителей трестов, а в качестве государственных органов, проводящих политику ВСНХ, в частности по вопросу о ценах. Если бы выкинуть синдикаты из нашей хозяйственной системы, то... их место занял бы частный капитал. Необходимо, наоборот, усилить синдикаты, дав им задание по наблюдению за розничными ценами и по оперативному вмешательству в торговлю в сторону понижения цен. Одновременно необходимо обставить работу синдикатов рядом гарантий против их бюрократического перерождения. При такой постановке синдикат должен сыграть крупную роль в общегосударственной торговой политике».

Газетные отчеты не принято подписывать — нам не узнать теперь, кому принадлежит запись этой речи. Не самому ли редактору «Торгово-промышленной газеты», одному из виднейших журналистов-большевиков еще дореволюционной поры — Максимилиану Савельеву? Кто бы ни сделал эту запись, он нашел яркие слова: «Ф. Э. Дзержинский перевернул проблему».

В последующие два с половиной года работы Дзержинского во главе промышленности эту проблему больше не требовалось «переворачивать» — он только углублял и развивал изложенное в первой же речи представление о роли синдикатов.

Может показаться, что задача руководителей промышленности была проста: хотели — повышали цены, захотели — стали снижать. На самом деле как раз снижать было очень и очень трудно, казалось даже — невозможно. Недаром прежнего председателя конвенции металлосиндикатов Вейцмана, проводившего политику высоких цен, поддерживал не только аппарат синдикатов, главка и самого ВСНХ, его поддержал и Союз металлистов, на съезде которого он выступал с докладом. Политика некоторых синдикатов в 1923 г. обострила проблему цен вместо того, чтобы смягчить ее, но не синдикаты выдумали эту проблему — «ножницы цен» существовали объективно. Представим себе, что тот или иной завод работает рентабельно, скажем, при загрузке не менее 80% мощностей. Фактическая же загрузка пока, предположим, 40% (примерно таким был в то время уровень по промышленности в целом, а по металлопромышленности еще ниже). Задача ясна — увеличить продукцию до того предела, когда она станет рентабельной: чем больше изделий, тем дешевле каждое из них. Но как пробежать вот этот отрезок — от 40% до 80? На этом пути каждое дополнительное изделие — это дополнительные убытки. Покрыть их могло только государство, а оно было бедно. В ту пору каждое предприятие отчаянно боролось за увеличение своего плана, сиречь за увеличение ассигнований на покрытие убытков, а затем старалось всеми правдами и неправдами перевыполнить план. Перевыполнение запрещалось. Дзержинский (уже в роли председателя ВСНХ) сурово критиковал «самоуправство трестов», пускавших остановленные цехи без разрешения.

Таким образом, надо было преодолеть некий порог убыточности. Для этого в арсенале старых специалистов был только один способ, способ, испытанный капиталистическими монополиями: возлагать дополнительные затраты на потребителя и на государство. Большевики предложили иной путь, для капиталиста немислимый: «искать у себя», говоря словами Дзержинского. Истины ради надо сказать, что Текстильный

синдикат Ногина начал снижать цены на свои товары еще до соответствующего решения XII партконференции и до записки Дзержинского. Но текстиль вполне мог быть исключением, его пример отнюдь не доказывал, что то же самое возможно в металлургии и машиностроении. Во-первых, к моменту кризиса сбыта текстильная промышленность в большей степени восстановила довоенный объем производства. Во-вторых, в этой отрасли гораздо быстрее оборот капитала, доходы от продажи почти сразу вливают новые силы в промышленность. К тому же текстильная промышленность по самой природе своего продукта не могла особенно рассчитывать на государственные заказы: ткани — не паровоз.

Дзержинскому предстояло доказать приложимость новой политики цен ко всей промышленности. Разумеется, государство — пролетарское государство — помогало по мере сил, но силы были тогда невелики. Немедленная помощь была оказана отрасли, которая больше всех в ней нуждалась. Вспомним девятый пункт записки Дзержинского, в котором предлагалось облегчить крестьянам покупку сельскохозяйственных машин и орудий. Этот пункт был принят правительством, как и почти все остальные. Декретом ВЦИК предписывалось продавать сельхозмашины по довоенным ценам и с предоставлением кредита от одного до пяти лет. В некоторых районах даже лошадь стоила дороже той цены, по которой можно было теперь купить трактор. Запасы сельхозмашин и орудий, превышавшие годовую продукцию отрасли, были распроданы за несколько недель. Ожило, пошло в дело то, что мучило революционную душу Дзержинского, — мертво лежащие плоды труда.

На V Всесоюзной конференции Союза металлистов 21 ноября 1924 г. один из выступавших предложил подтолкнуть развитие государственной промышленности за счет крестьянского хозяйства — это и достигалось прежде всего повышением цен промышленности. Никто еще не знал, что годом позже с таким же «ультраревolutionным» лозунгом выступит зиновьевско-каменевская оппозиция, еще позднее — Троцкий, потребовавший «сверхиндустриализации» за счет эксплуатации крестьянства. Ничего этого не мог еще знать Дзержинский в конце 1924 г., когда он в заключительном слове на конференции сказал со злой иронией:

«Один из товарищей говорил здесь, что необходимо искусственно подтягивать национализированную промышленность. Я думаю, что вы не пожелаете такого искусства, чтобы от него не искусственно, а вполне естественно дали вам по шее. Тут искусством мы ничего не добьемся. Не были ли искусниками наши предшественники, однако их дубинкой побили, дубинкой рабочекрестьянской. Мы заключили союз крестьян с рабочим классом, и этот союз дал Октябрь. Этот союз есть основа и база нашего существования, это есть фундамент, благодаря которому мы можем иметь величайшие перспективы и надежды не только здесь, в Союзе ССР, но и мировые перспективы; именно союз рабочих и крестьян является гарантией и залогом нашей непобедимости. Поэтому не следует говорить о том, чтобы искусственно придерживать крестьян, а нас искусственно подтолкнуть, это плохо кончится».

Гораздо позднее, летом 1925 г., выступая перед хозяйственниками в ленинградском Деловом клубе, Дзержинский вспомнил кризис сбыта 1923 г.: «Этот урок научил русскую промышленность понимать, что единственной определяющей базой для расширения и развития всей промышленности является удешевление производства. Это удешевление имеет значение не только в отношении к рабочему и крестьянину как потребителю наших изделий, но это удешевление, прежде всего и важнее всего, имеет своим результатом улучшение системы производства, поднятие его на более высокий уровень и возбуждение инициативы как у широких масс, которые производят данные изделия, так и у руководящего персонала. Мы знаем, что на базе высоких прибылей и на базе высоких цен промышленность загнивает, что организаторы промышленности перестают иметь тот импульс, который заставляет искать все нового и лучшего...»

Это тоже повторялось настойчиво, много раз: низкие цены нужны самим производителям как толчок к постоянному улучшению производства. В первые месяцы своей работы в ВСНХ Дзержинский применял их как меру пожарную, отчаянную, не дожидаясь полной подготовки всего аппарата к строго выверенным калькуляционным расчетам. Уже в декабре 1924 г. в речи на расширенном совещании в Президиуме ВСНХ Феликс Эдмундович назвал этот нажим на предприятия с помощью низких цен «топорной работой». Но когда

один из выступавших попытался на этом основании всю политику низких цен объявить неправильной, Дзержинский сразу резко возразил: «Тов. Лугановский указывал, что политика ВСНХ в области снижения цен была неправильна. Я, конечно, топорную работу называю топорной, но из этого не вытекает, что мы были в состоянии провести не топорную работу. В том положении, в котором мы находимся, никакого другого инструмента не было, кроме топора, которым надо было рубить. Но я должен сказать, что эта топорность, конечно, относительная: и у нас, в бюро цен, и в других органах, в синдикатах и трестах, при каждом снижении цен производилась колоссальнейшая работа. Тов. Соколовский мне рассказывал, что, для того чтобы проверить калькуляции, ему на грузовиках привозили калькуляционные листы».

В этих словах для нашей темы важно одно упоминание: в работе по снижению цен участвовали синдикаты. Их пригодность для этой цели давно уже не вызывала сомнений у Дзержинского. В докладе на III Всесоюзном съезде Советов 15 мая 1925 г. он сообщает уже о расширении синдикатских отделений.

Однако деятельность синдикатов не сводилась ни к регулированию цен, ни вообще к торговой работе. Оправдалось предвидение Ногина: централизация торговых связей, проводимая на строго хозрасчетной основе, довольно быстро привела к становлению синдикатов и как объединений производственных. Первым шагом в этом направлении было финансирование синдикатамистроек и производств, от которых зависело расширение выпуска пользующейся спросом продукции. Предварительные заказы синдикатов предприятиям (трестам) на их продукцию стали первым инструментом фактического планирования производства. Синдикаты стали заниматься и стандартизацией, и регулированием ассортимента с целью лучшей специализации предприятий, и содействием техническому прогрессу. Наконец, они стали все больше брать на себя функции финансирования основной деятельности предприятий.

Металлосиндикат, учитывая рыночный спрос на водопроводные трубы, финансировал их производство трестом чугуноплавильных заводов Гозачугплав. Еще более наглядный пример чисто производственной деятельности синдикатов — решение синдиката Продаси-

ликт самостоятельно организовать добычу сырья для стекольно-фарфоровой промышленности. Синдцированным трестам это сырье отпускалось по ценам на 30% ниже, чем несиндцированным. Синдикат, таким образом, превратился в сырьевой цех отрасли, стал в положение производителя по отношению к входящим в него трестам.

Однако самым важным для превращения предприятий синдиката в производственное единство было то обстоятельство, что синдикат, будучи органом сбыта, выступал тем самым как держатель заказов и благодаря этому определял, какую продукцию должны производить предприятия, в каком количестве, в какие сроки и по каким ценам. Иначе говоря, он управлял производством — если не формально, то по существу. Такова известная закономерность: кто управляет сбытом, тот управляет производством.

Со временем синдикаты начали выполнять «чисто» производственно-технические функции: они стали заниматься стандартизацией, нормализацией изделий, сокращать номенклатуру выпускаемой продукции, проводить специализацию предприятий. Стимул был вначале (пока синдикаты отвечали только за сбыт) один: помочь предприятиям уменьшить производственные издержки, чтобы иметь возможность снизить цены и таким образом расширить сбыт. Но этот стимул оказался достаточно серьезным для того, чтобы постепенно подчинить воздействию синдикатов все производство и превратить их из органов только торговых в органы, осуществляющие также планирование и управление производством.

Поскольку факт прямого воздействия синдикатов на производство оспаривался некоторыми авторами в то время и даже в наши дни не всеми признается, полезно привести некоторые примеры.

Текстильный синдикат организовал комиссию по упрощению ассортимента, по стандартизации тканей и специализации фабрик. Учитывая, что дореволюционный ассортимент определялся не только запросами покупателей, но и конкуренцией владельцев отдельных фабрик, комиссия сократила ассортимент хлопчатобумажных тканей, вырабатывавшихся предприятиями трестов, с 2626 до 1087 видов, а число сортов этих тканей — с 350 до 79.

Кожевенный синдикат использовал своих специали-

стов, а также приглашал иностранных специалистов для технического совершенствования хромового производства и налаживания совершенно новых в то время производств: шеврового, лакового и др. Он ввел новые методы работы и новые материалы, которые изготавливались в его рамках на специально для этого оборудованном химическом заводе Кожсиндиката в Москве. Синдикат создал испытательную станцию для анализа готового товара и материалов, вел работу по организации производства кожевенных машин и обувной фурнитуры. Для подготовки кадров синдикат создал четыре фабрики-школы.

Продасиликат (синдикат стекольно-фарфоровой промышленности) вел добычу сырья для своих трестов в восьми районах. Он же создал собственную мастерскую, поставлявшую стекольной промышленности формы, а также опытную лабораторию, производившую селен и окись никеля. В своем центральном аппарате Продасиликат создал промышленный отдел, который проводил различные исследования на местах, давал технические консультации, участвовал в проектировании предприятий. Начав с увязки производственных программ с запросами потребителя и с определения цен, синдикат перешел к разработке калькуляций, нормированию расхода материалов, топлива, рабочей силы, состава сырьевой массы, ее обработки, к определению целесообразного устройства печей для плавки и обжига.

Всесоюзный машинно-технический синдикат (ВМТС) давал прямые указания не только о прекращении производства устаревших машин, но и об организации выпуска новых. По его предложению были разработаны новые модели двигателя, выпуск которого намечался на заводе «Красный двигатель». По указанию синдиката было впервые налажено производство новых револьверных станков на предприятиях Харьковского технологического института. ВМТС приступил к созданию двух специализированных трестов для нужд всей отрасли, арматурного и инструментального, и наметил меры по специализации ряда заводов.

Таким образом, синдикаты нередко выступали перед заводами и трестами в такой же роли, в какой дирекция завода выступает перед его цехами. Тем самым и совокупность синдицированных предприятий и трестов начинала превращаться как бы в единый завод, а

точнее — в производственное объединение, в составе которого прежние заводы еще сохраняются, но в то же время образуют новое единство. В феврале 1928 г. В. В. Куйбышев, в то время председатель ВСНХ СССР, отметил:

«Президиум ВСНХ СССР всегда поддерживал Всесоюзный Совет синдикатов как орган, неразрывно связанный с синдикатами и являющийся неотъемлемой частью всей системы государственной промышленности. Синдикаты, занятые непосредственной оперативной работой на рынке, в отдельных отраслях промышленности вплотную подходят к управлению производственными процессами».

В докладной записке Всесоюзного Совета синдикатов ВСНХ СССР говорилось:

«В процессе своего роста синдикаты все больше и больше превращались из чисто оперативных органов в орудия планового государственного регулирования; централизованность всей синдикатской организации наилучшим образом приспособлена к осуществлению методами оперативных связей с рынком и промышленностью регулирующего воздействия плановых и директивных органов».

В мае 1926 г. в одной из последних своих речей (в которой, кстати, синдикатам уделено очень большое внимание) Дзержинский говорил: «Не надо забывать, что эти органы промышленности должны быть одновременно органами государственными, поскольку между национализированной государственной промышленностью и государством не может быть антагонизма». Приведенное высказывание, достаточно ясное само по себе, вызывает неизбежный вопрос, если вспомнить о существовавшей тогда системе государственных органов управления хозяйством. Была полностью развернута система функциональных экономических органов: существовали Госплан с отделом цен, Наркомфин, Наркомтруд, Госбанк. Действовала разветвленная система отраслевых и территориальных органов промышленности: ВСНХ СССР, его отраслевые главные управления, республиканские и местные совнархозы. Что же, Дзержинский предлагал простое дублирование их синдикатами? Нет, анализ его работ показывает, что он отводил синдикатам совершенно особую роль, которую не могли выполнить обычные административные органы, стоявшие над предприятиями-

ми,— нужны были именно хозрасчетные и демократические представители самих предприятий. Это была двуединая задача регулирования рынка средствами государственного плана, с одной стороны, связи промышленности с рынком — с другой. Представления Дзержинского об этой работе хорошо выражены в его записке своему заместителю В. Н. Манцеву: «Необходимо, чтобы все наши синдикаты и тресты это поняли, что они, синдикаты и тресты, являются не только торговыми аппаратами трестов и заводов, но что и они должны стать оперативными органами государственного плана распределения в условиях нэпа, т. е. рыночного товарооборота, т. е. плюс советский строй... Объединять и руководить этой планирующей деятельностью наших трестов и синдикатов должны Вы из торговой комиссии... Поэтому необходимо принять ряд организационных мер для того, чтобы эту задачу Вы могли выполнить, и в смысле того, чтобы быть в постоянном осведомлении о всех планах Внуторга, о ходе хлебо- и иных заготовок, затем, чтобы непосредственно и через синдикаты связаться с районами...»

Вот работа, которую не могли выполнить обычные административные органы — будь они отраслевые или территориальные: изучение крестьянского рынка, связь с системой внутренней торговли. Чтобы руководить промышленностью, необходимо знать не только промышленность, но и все народное хозяйство, надо знать потребителя — это Дзержинский крепко усвоил еще во время кризиса сбыта 1923 г. В этом он вновь убедился во время драматической полемики ВСНХ с Советом Труда и Оборона о плане металлопромышленности на 1924/25 г. — полемики, в которой председатель ВСНХ был прав, но поначалу не мог доказать свою правоту и вынужден был считаться с ошибочным решением СТО до тех пор, пока не сумел глубоко изучить рынок металлоизделий и опереться на ресурсы массового потребителя. После этого он нашел поддержку на Пленуме ЦК партии, а затем и на XIV партконференции, и ошибочное решение СТО было отменено. На синдикаты и возлагал Дзержинский обязанность укреплять связь с потребителем.

В 1925—1926 гг. Дзержинский стал подготавливать решение о создании единого Всесоюзного металлосиндиката. Уже на VII Всесоюзном съезде Союза металлистов в 1925 г. он подходит к этой мысли, попут-

но высказывая соображения о роли синдикатов вообще. На съезде представитель Югостали Совцов пытался оспорить содержащуюся в докладе Дзержинского критику в адрес этого треста за плохую заботу о распределении собственной продукции. Дзержинский ответил: «Мы ведем борьбу с методами бюрократического регулирования, то есть такого регулирования, которое требует, чтобы здесь, в центре, кто-то сидел, писал ордера и распределял, кому сколько, и т. д. Мы с этим ведем борьбу, ибо мы говорим, что наша промышленность и наши рабочие напрягают свои силы не для того, чтобы просто дать изделия, не для того, чтобы была бы вообще прибыль, а работают для того, чтобы удовлетворить потребности населения и, конечно, свои собственные потребности... Поэтому тресты и заводы не могут ссылаться на какие-то главки, не могут говорить, что это не их дело. Они должны знать и учитывать, куда и зачем, и кому идут их изделия. И товарищ Совцов забывает о том, что другие трестовские организации именно для этой цели объединились в синдикат. Синдикат — это и есть плановый орган, регулирующий и распределяющий среди населения предметы производства... Мы ставим сейчас вопрос... об организации двух синдикатов, одного — по металлообработке, а другого — по черной металлургии...»

Немного позднее ВСНХ пришел к выводу о необходимости создания единого Всесоюзного металлосиндиката. Это решение было Президиумом ВСНХ принято, правлению Главметалла поручено было готовить проект устава о едином синдикате отрасли. Дзержинский (который совмещал обязанности председателя ВСНХ и председателя Главметалла) внимательно следил за подготовкой этих документов. Вопрос о Всесоюзном металлосиндикате он поставил на обсуждение на нескольких совещаниях с работниками металлопромышленности Украины в своей последней поездке на Юг весной 1926 г. К тому времени, видимо, у него уже сложился план развертывания не только отраслевой, но и общепромышленной синдикатской системы. 7 мая 1926 г., выступая с докладом перед украинскими хозяйственниками, Дзержинский требовал «ускорения организации Совета синдикатов, в частности и на Украине...». (Советы синдикатов вплоть до Всероссийского создавались с 1922 г., но они имелись не

во всех районах; до 1926 г. не было и Всесоюзного Совета синдикатов.) 22 мая 1926 г. было принято постановление ЦО о создании Всесоюзного металло-синдиката. А уже 31 мая в Политбюро ЦК партии был направлен доклад Главметалла за подписью Дзержинского и его заместителя по Главметаллу Межлаука, где среди прочих предложений указывались меры по развертыванию работы новой организации.

Наконец, Дзержинский посоветовал использовать подобные формы в других отраслях народного хозяйства, синдикатов не имевших, на транспорте, например. В том же докладе на Украине он сказал: «Безусловно, что и транспорт должен организовываться и находить общий язык и общие организационные формы, хотя бы в таких организациях, как эти, т. е. Совет съездов и Совет синдикатов, дабы нажимать на своих поставщиков в смысле сокращения цен и снижения себестоимости тех изделий, которые ему даются».

Поддержка создания не только отдельных синдикатов, но и Советов синдикатов вплоть до Всесоюзного, в то время как существовал общегосударственный орган руководства промышленностью, ВСНХ, свидетельствует о том, что Дзержинский, подчеркивая роль синдикатов как органов ВСНХ, в то же время рассматривал синдикатскую систему как относительно обособленную, со своими специфическими функциями, каких не выполняли обычные административные органы. Следующее высказывание позволяет частично понять его представления о характере этих функций: «...я думаю, что главный смысл местного Совета синдикатов и его бюро должен заключаться именно в том, чтобы внимательно выявлять причины... недочетов и изучать рынок.

...Совет синдикатов — это именно орган близкий к торговле, который изо дня в день соприкасается щупальцами с рынком. Он должен разрешать каждый случай ненормальности, с которой надо вести борьбу. Если он сам не сможет его разрешить, то должен обратиться куда следует с конкретным предложением о мерах, которые необходимо предпринять для того, чтобы накладки были меньше.

Но наряду с этим... Совет синдикатов, как и все наши органы, должен быть органом правительства, проводящим правительственную линию, исходящим из нее в отношении планирования торговли изделиями про-

мышленности, конечно, под руководством, согласно Конституции, Наркомторга и т. д. Наркомторг будет иметь две силы, две системы, которые будут противопоставляться одна другой в этой торговле. Одна система — кооперация, другая система — тресты, синдикаты и госторговля».

Понимание Дзержинским различий между плановой работой обычных административных звеньев государства, с одной стороны, и синдикатов как добровольных хозрасчетных паевых объединений — с другой, особенно наглядно отразилось в его высказываниях о «жестких завозах». Речь шла о планах завоза товаров в отдельные районы. Наркомторг добивался для себя права централизованно определять все планы в деталях, полностью отстраняя от этой работы органы промышленности — синдикаты. По утверждению руководства Наркомторга, такой тип централизма обеспечивал наибольшую плановость, наиболее надежное регулирование рынка. ВСНХ, напротив, считал, что централизованно должны определяться лишь общие рамки развития товарооборота, а детальное оперативное руководство должно принадлежать синдикатам. Дзержинский пояснял: «Мы не имеем всех элементов рынка в своих руках, поэтому мы не можем составлять жестких планов на каждые три месяца. В таких случаях «жесткого завоза» руководство розничными ценами выпадает из наших рук совершенно, а между тем сохранить это руководство за собой — наиболее важное преимущество правильного планирования. Поэтому мы стоим за то, что должен быть ориентировочный план и что органы синдиката и кооперации должны всегда помнить об основной задаче, стремясь к единой цели, ее осуществлению».

Полемика о «жестких завозах» была нагляднейшим примером столкновения сторонников реального централизма со сторонниками централизма формального. Дзержинский исходил из того, что социалистическое производство существует для удовлетворения потребностей трудящихся. Поэтому государственная промышленность должна добиваться максимального удешевления производства, а затем следить, чтобы товары, проданные ею по низким отпускным (оптовым) ценам, добирались до потребителя с минимальными издержками, при низких розничных ценах. Регулирование рынка при этом обеспечивается прежде всего це-

нами, а регулирование цен — товарным наполнением. Поэтому планы завозов могут быть только ориентировочными, промышленность должна иметь в руках товарные резервы и поддерживать тесную связь с рынком. Логика оппонентов Дзержинского отражала не интересы социалистического государства, а ведомственные интересы торговой системы. Централизм их управляющей деятельности проявлялся лишь в том, что ведомство единолично вырабатывало жесткие — по срокам, объемам и номенклатуре — планы завоза товаров. Поскольку такие планы игнорировали реальную природу рынка, который они призваны были регулировать, никакого регулирования на деле не получалось, товары доставались не трудящимся, а перекупщикам, они и регулировали рынок и цены в своих интересах.

По документам нетрудно установить, что за полемикой ВСНХ и синдикатов с Наркомторгом и СТО стояла дискуссия Ф. Э. Дзержинского с Л. Б. Каменевым, возглавлявшим в тот период СТО, а позднее — Наркомторг. Дискуссия о «жестких завозах» началась в 1925 г., за несколько месяцев до открытого выступления Каменева в декабре того же года в составе «новой оппозиции» на XIV съезде партии, и продолжалась вплоть до последней речи Дзержинского 20 июля 1926 г. В период до съезда имя Каменева в открытых выступлениях Дзержинского не упоминалось, на поверхности была лишь полемика ВСНХ с «Экономической жизнью» (органом СТО). Но в цитированной выше не предназначавшейся для публикации записке Манцеву Дзержинский прямо назвал оппонента: «Председатель СТО, как мне кажется, полагает, что у нас принципиально неправильный уклон в сторону стихии рынка».

Полемика о «жестких завозах» оставила нам целую серию выступлений Дзержинского о планировании и роли синдикатов в нем. Крупнейшим из них была речь на заседании торговой комиссии ВСНХ совместно с правлениями синдикатов 6 ноября 1925 г. Поскольку она не включалась ни в один из сборников произведений Дзержинского, полезно привести обширные выдержки из этого документа, содержащего ряд принципиально важных положений.

С первых слов Дзержинский назвал оппонента: газета «Экономическая жизнь». Она обвиняла ВСНХ в

том, что он якобы против регулирования и планирования. Дзержинский отвечал: «В области планирования цен мы сидим на мели. Это — факт. Факт совершенно определенный и совершенно ясный, что наши розничные цены до сих пор не поддались никакому регулированию. Наоборот, они росли с каждым днем...

Только в той области, которая была действительно организована нашей промышленностью и государством, в лице государственной промышленности, то есть в области отпускных и оптовых цен, мы в общем и целом удержались на том уровне, который по нашим планам нами намечался...

...Нужно ли вообще регулировать? Мне кажется, что этот вопрос для советской государственной промышленности и государственной торговли является очевидным. Имея государственную промышленность, которая развивается по лозунгам и по линии связи с крестьянством, для нас совершенно ясно, что в условиях отечественной экономической политики, т. е. в условиях товарного оборота, аппарат распределения, т. е. государственный торговый аппарат, должен выполнять известные определенные государственные задачи, задачи рабоче-крестьянского государства, которые оно себе ставит. Это регулирование заключалось прежде всего в таком воздействии на рынок, что мы определяем оптовые цены, отпускные цены.

Мы определили отпускные цены, т. е. мы определили рамки, русло, темп развития. Мы определили, в равных условиях, и рост потребности населения, а значит, и нашу базу дальнейшего развития и т. д. и т. д.

И вот дальнейший ход развития показал, что распределение, действительное и реальное распределение изделий между населением, зависит не только и не столько от отпускных цен, сколько от непосредственных розничных цен. Встает вопрос: каким же образом мы можем по определенным ценам направить изделия туда, в те слои населения, в те районы, где в этом есть нужда и в которые направить изделия нужно для государства?

Некоторые говорят (напр., на последнем пленуме совета съездов) так: пусть тов. Фушман торгует, пусть ВСНХ и Дзержинский занимаются промышленностью вообще, а регулированием пусть занимаются другие регулирующие организации.

Правильна ли такая постановка вопроса? Мне кажется, что она бюрократична и не отвечает нашему подходу и нашей постановке дела.

В отличие от капиталистических государств, кладущих в основу конкуренцию; в отличие от того, когда каждый владеющий товарами пытается найти себе наиболее выгодные условия, дающие ему большую прибыль для его изделий,— в отличие от всего этого, мы собою представляем единый оркестр, в котором не каждый играет по-своему, для своей прибыли, которая государством предопределена в тех или других рамках. По нашему мнению, наш оркестр направлен к тому, чтобы играть так, чтобы получилась общая симфония, чтобы осуществились те задачи, которые ставит перед собой рабоче-крестьянское государство, что может быть в целом достигнуто лишь тогда, когда каждая отдельная торгующая ячейка будет руководствоваться общей целью, которую поставило перед собой все государство в целом.

Таким образом... если синдикат и его отделы, и его подотделы, если ВСНХ, тресты, фабрики и заводы в своей деятельности, данной им в определенных границах, не будут руководствоваться общей политикой, общими задачами, поставленными государством, оркестра не получится, и мы ничего не сыграем. Получится какофония, которую мы имеем сейчас в настоящее время. Если... допустить разделение, в том смысле, что один торгует, другой занимается промышленностью, а третий регулирует, исходя из интересов крестьянства, и т. д., то, конечно, при такой постановке получится тот результат, который мы имеем сейчас; отдельные части оркестра играют совершенно по-разному...

Если исходить из точки зрения чисто технической, профессиональной, конечно, удобнее торговать и политикой не заниматься. Конечно, удобнее продавать — а тем более, что рынок обеспечен для наших изделий,— и не интересоваться, куда эти изделия попадут, что с ними сделается. Все равно, мол, денежки имеются. Эта точка зрения не наша...

Совершенно ясно, что подобно тому, как наша крупная государственная промышленность выполняет определенные задачи, точно так же и торговая организация государства и государственной промышленности не может отбрасывать от себя государственные

задачи, т. е. не может не принимать участия в регулировании и планировании, потому что плановое хозяйство является сутью нашего советского государства.

Как мы можем эту задачу осуществлять? Эта задача может быть осуществлена только тогда, если между синдикатом и рынком, т. е. между синдикатами и потребителями, будет постоянная живая активная связь, где от синдикатов к потребителю и от потребителя к синдикатам будет постоянный обмен требованиями и удовлетворение этих требований, принятие мер для удовлетворения этих требований. Сейчас предвидеть, скажем, потребности населения на долгий промежуток времени нет абсолютно никакой физической возможности. Потребление и потребность их — это такой живой процесс, который предвидеть во всех его элементах на длительный срок для нас абсолютно не представляется возможным...

Планирование, которое производится не в годовом масштабе и не по осознанной линии, а только в смысле указания, что «завозить нужно туда и столько-то вагонов», — такое планирование является насмешкой над планированием и в своих результатах, в своем практическом осуществлении дает прямо обратные результаты.

Например, у нас в Москве наблюдается страшнейшая спекуляция, которая является отражением неправильного планирования.

Но если бы мне сказали: «а ты спланируй лучше», я бы ответил, что смешно от меня требовать того, что не может дать никоим образом никакой гениальный человек, ни какое-либо учреждение, потому что это есть приспособление и развитие нашей промышленности к потребностям страны в условиях той политики, которую мы ведем.

...Поэтому здесь планирование и приноравление к рынку, т. е. к потребителю, выбор и организация этого рынка возможны лишь тогда, когда этот живой процесс приспособления и развития потребностей вырабатывает в себе живой организм — в виде аппарата смычки промышленности и сельского хозяйства.

Почему мы так бьемся? Почему наше снижение цен, почему усилия, которые мы в этом направлении делаем, и жертвы, которые мы приносим, бывают порою бесплодны? Именно потому, что было недостаточ-

но равновесие, был недостаточный аппарат, который бы осуществлял эту смычку, которая была основным требованием Октября и которая между промышленностью и сельским хозяйством должна быть.

Какой организм может быть проводником этой смычки? Организм один: наш организм, во главе которого вы стоите, т. е. торговая часть нашей государственной промышленности. Вы, синдикаты и их отделения, должны быть именно тем живым организмом, который завязывает, который имеет всюду и везде щупальцы, чувствует потребности...

Поэтому я пришел к выводу, что в нашем советском хозяйствовании основными планирующими и живыми регулирующими органами, если говорить об изделиях нашей промышленности, должны быть синдикатские организации, торговые организации нашей государственной промышленности, которые до мозга костей должны быть проникнуты государственными задачами...

«Экономическая жизнь» думает, что когда мы ругаем тот или другой определенный план, то это есть низвержение советских устоев. Конечно, это не так, но если мы видим нарушение наших принципов регулирования, определенных принципов, ведущих к определенной цели, то это действительно является государственным преступлением.

Исключается ли роль Наркомвнуторга в государственном регулировании? Никоим образом. Вы знаете, что когда оркестр играет, то должна быть дирижерская палочка, но если вдруг эта дирижерская палочка начнет сама на чем-нибудь играть или по очереди будет играть на каждом инструменте и вместо того, чтобы показывать общую линию, будет каждому говорить, что он должен и как он должен играть, то что из этого получится? Получится сплошная путаница. В руках Комвнуторга — дирижерская палочка, но когда дирижерскую палочку желают превратить из палочки в трубу или в какой-нибудь инструмент играющий, то из этого ничего не получится.

...Мной был подписан приказ относительно того, чтобы вы следили за продвижением наших товаров. Если взяться за выполнение этого приказа как следует, то он подведет базы, укрепит наши организации регулирования, те организации, которые могут регулировать, потому что если вы будете следить за изделиями

ми, то вы непременно должны будете прийти к потребителю. Вы должны посмотреть, какие изделия потребитель получает, и посмотреть, почему он получает их в исковерканном виде, почему вы даете ему метр, а он получает полметра, а другие полметра кем-то захвачены, экспроприированы».

В заключительной части речи Дзержинский обосновывал вывод о необходимости создания Всесоюзного Совета синдикатов, ссылаясь при этом на опыт Ногина, который незадолго до смерти организовал Всероссийский Совет синдикатов.

Дальнейшая эволюция синдикатов произошла после смерти Дзержинского. Еще некоторое время она шла по восходящей. Так, в декабре 1927 г., выступая с отчетом ЦКК — РКК на XV съезде партии, Серго Орджоникидзе сказал: «Текстильный синдикат — это мощная организация, явочным порядком захватившая все руководство текстильной промышленностью и руководящая, по-моему, недурно. Наряду с этим мы имеем один из отделов ВСНХ под названием Главтекстиль, который как будто призван руководить всей текстильной промышленностью. И когда этот Главтекстиль, который якобы стоит над всеми трестами и синдикатами, дает распоряжения трестам и фабрикам, то никто их не выполняет и никто с ними не считается. И сам Главтекстиль обращается к синдикату и просит его приказывать такой-то фабрике или такому-то тресту, чтобы те его распоряжения выполнили. Когда мы подошли к этому вопросу, то ясно стало для нас, что существование двух таких органов, кроме вреда, для промышленности ничего не приносит, и мы вошли с предложением ликвидировать Главтекстиль, а Текстильному синдикату, который стал фактически хозяином всей текстильной промышленности, дать управлять ею».

Так и было сделано. Опыт оказался удачным. После двух лет эксперимента он был распространен на другие отрасли. 5 декабря 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью». В нем, в частности, говорилось:

«Ныне существующая система главных управлений не соответствует задачам периода реконструкции, в особенности в области технического руководства.

В то же время в руках синдикатов постепенно сосредоточивалось фактическое руководство соответствующими отраслями промышленности и большинство

их вынуждено было заниматься вопросами производственных программ, капитального строительства, планирования, снабжения, распределения и т. п.

Вследствие этого по целому ряду синдикатов наблюдается в значительной мере дублирование их работы с работой главков ВСНХ.

Ввиду этого необходима ликвидация главных управлений и создание состоящих на хозрасчете организаций по руководству отраслями промышленности на базе синдикатов (по примеру того, как это было проведено в текстильной промышленности)».

Постановление фиксировало хозрасчетный характер вновь создаваемых объединений. Им предписывалось рассчитываться с трестами, входящими в их состав, на тех же основаниях, какие были приняты для синдикатов. Наркомфину и ВСНХ поручалось разработать систему налогообложения промышленности по принципу единого отчисления от прибылей. Особо подчеркивалось позитивное значение происшедшего ранее перевода предприятий на хозрасчет: теперь они, а не тресты стали основным звеном управления промышленностью.

Укрепление хозрасчета на всех уровнях — таковы дух и буква постановления. Между тем именно с этого времени, как мы знаем сейчас, пошло стремительное разложение хозрасчетных отношений. На бумаге они сохранялись, не было недостатка в призывах и постановлениях об укреплении хозрасчета, но на деле он становился все более ограниченным и формальным. Не стали хозрасчетными и вновь образованные объединения. Несмотря на директивы, содержащиеся в постановлении от 5 декабря 1929 г., они не унаследовали черты и функции синдикатов, да и вообще оказались недолговечными.

Вскоре с критикой объединений выступил Сталин. Характерна его аргументация: он не обмолвился ни словом о хозрасчетных началах в управлении, не вспомнил и о синдикатах. Критерии были чисто административные: велики, неуправляемы. И предложение последовало в том же плане: разукрупнить. В складывавшейся административной системе, когда управленческие права все более перемещались от предприятий к объединениям, такое решение было, пожалуй, логичным.

А в январе 1932 г. прекратил существование и ВСНХ

СССР, разделившийся на народные комиссариаты тяжелой, легкой и лесной промышленности. Объединения были снова преобразованы в главки — теперь уже в главки наркоматов. Количество наркоматов, а с ними и главков быстро росло, а после войны народные комиссариаты были переименованы в министерства. Утверждалась Административная Система.

В современной научной литературе высказывалась мысль, что постановление 1929 г. о создании объединений как раз и было направлено на создание такой системы. Да и причину неудачи объединений, созданных на базе синдикатов, усматривают в них самих, в тех или иных несовершенствах их природы. На наш взгляд, причина была в другом, она была внешней по отношению к этим объединениям, а вовсе не вытекала из их сущности.

Первая пятилетка знаменовала крутой поворот в развитии социалистической экономики, в результате которого, помимо всего прочего, изменились и внешние условия деятельности объединений. Основой первого пятилетнего плана был план капиталовложений, план нового строительства, причем в таких масштабах, которые позднее были превзойдены лишь абсолютно, но никогда не были превзойдены относительно: созданные за годы пятилетки мощности значительно превосходили те, которые имелись к ее началу. При этом в корне изменилась отраслевая структура народного хозяйства: возникли совершенно новые отрасли промышленности. Все это далеко выходило за рамки деятельности объединений синдикатского типа, т. е. самостоятельных отраслевых объединений предприятий. Как их самостоятельные начала, так и отраслевая основа противоречили задачам создания новых отраслей: синдикаты были идеально приспособлены к задачам развития отраслей уже существующих.

Хозрасчетные объединения могли бы сохраниться в ограниченной роли органов управления действующими предприятиями, чтобы позднее охватить вновь создаваемые предприятия. Но с началом первой пятилетки произошла еще одна перемена, широко отраженная в партийных и правительственных документах того времени: были существенно ослаблены хозрасчетные начала в работе промышленности в целом. А без полного хозрасчета синдикатские объединения не могут существовать, как рыба — без воды.

Для ограничения хозрасчета тоже были причины. Индустриализация в период первой пятилетки осуществлялась ускоренными темпами, в условиях острой нехватки почти всех необходимых для строительства ресурсов. Сама собой отпала функция сбыта, служившая естественной основой хозрасчетной деятельности синдикатов. Ее место заняла функция распределения дефицитных изделий с помощью административных методов. Это уже была работа, типичная для главков. Утвердившаяся в 30-х годах система руководства не продолжала развитие прежней системы хозяйственных органов, а заменила ее, была ее отрицанием. Но созданные согласно постановлению ЦК ВКП(б) 1929 г. синдикатские объединения не были частью нарождавшейся административной системы. Если бы это было так, они ужились бы с ней и продолжали существовать дальше. В том-то и дело, что они были последним порождением прежней системы, возникшим на самом переломе, когда в новой обстановке для них уже не оставалось места.

Оценке подлинного значения постановления 1929 г. теперь, более полувека спустя, мешает своеобразная абберрация. Некоторые авторы воспринимают последующее развитие событий по известному принципу «после этого — значит поэтому». Утрата хозрасчетной природы объединений произошла после постановления, — значит, из-за постановления, законодательно оформившего производственные функции синдикатов. Но такие крутые повороты в самих основах развития хозяйственных систем не вызываются одними постановлениями — их логика может лишь более или менее правильно отражаться в постановлениях. Случаи, когда постановление удачно обобщает прошлый опыт, но в изменившихся условиях объективно не в силах предопределить будущее развитие, не единичны.

Одна историческая аналогия может помочь понять судьбу объединений 20-х годов. Вспомним, как комментировал Ленин судьбу первого закона о сельхозналоге: «Из того, что мы в конце 1918 года издали декрет о натуральном налоге, видно, что вопрос этот перед сознанием коммунистов стоял, но что мы не могли осуществить его...»¹ Декрет неосуществленный и забытый высоко оценен Лениным за выраженную в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 30.

нем принципиально правильную мысль. По аналогии с этой оценкой можно было бы оценить и историческое значение постановления ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г.: оно показывает, что, говоря словами Ленина, «вопрос этот перед сознанием коммунистов стоял». В то время сделать хозрасчетные объединения основой управления промышленностью не удалось.

Одна деталь служит дополнительным подтверждением объективного характера происшедших с началом первой пятилетки перемен в экономической обстановке. Вся атмосфера хозяйствования изменилась настолько резко, что вновь возобновились разговоры об отмене денег — типичная и, казалось, уже прочно забытая тема времен «военного коммунизма». В результате в резолюции XVII (1932 г.) партконференции было специально записано: «...конференция подчеркивает антибольшевистский характер «левой» фразы о переходе к «продуктообмену» и об «отмирании денег» уже на данной стадии строительства социализма». Ослабление хозрасчета вызвало серию постановлений, направленных на его возрождение: 14 января 1931 г. было принято постановление Совнаркома «О мерах улучшения практики кредитной реформы», 20 марта 1931 г. — постановление «Об изменении в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хозяйственного расчета во всех хозяйственных органах», 12 апреля 1931 г. — директивы ЦК ВКП(б) «О поправках к кредитной реформе и о кампании по заключению договоров», 21 октября 1931 г. — обращение Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О новых мероприятиях по внедрению хозяйственного расчета». Этот перечень документов, принятых за короткий срок, говорит о серьезности положения. Однако попытки приказать хозрасчету «быть» не смогли отменить закономерностей административной системы.

На наш взгляд, можно считать достаточно доказанным, что объединения синдикатского типа — форма, бесспорно, полезная, а на определенном этапе развития народного хозяйства — объективно необходимая. Анализ их истории позволяет подтвердить важную закономерность: централизация торговых связей влечет за собой возникновение новых производственных связей, соответствующих новой ступени обобществления производства. Предприятия, объединившие свои торговые связи, передавшие их одному

хозрасчетному центру, тем самым отказываются от самостоятельной реализации этих связей и со временем превращаются не только в коммерческое, но и в производственное единство. Обе ступени централизации — сначала централизация торговых связей, а затем производственная централизация — достигаются в рамках объединения, но само объединение постепенно меняет характер, развиваясь из чисто торгового в хозрасчетное производственное.

Широкое, общее для всех синдикатов проявление такой закономерности не означало, однако, что не может быть и другого типа объединений, чье развитие подчиняется другим закономерностям. И этот иной тип также был порожден советским опытом хозяйственного строительства уже на том, раннем этапе. Речь идет об акционерных обществах.

Акционерные общества основывались на тех же юридических и организационных принципах, что и синдикаты. Однако экономическая сущность их была иной: они обычно не поглощали всего «капитала» и основной производственной деятельности создавших их предприятий. В их составе могли объединяться не только производственные предприятия, но и государственные и кооперативные органы и организации. «Их назначением было согласовывать и объединять усилия и средства местных хозяйственных органов для организованного выступления на рынке, для овладения рынком и изучения его потребностей, для аккумуляирования средств в целях образования фондов в сфере торговли и лучшего обеспечения промышленности сырьем и материалами», — говорится в «Истории социалистической экономики СССР». Эта формулировка, определяющая основные цели акционерных обществ, представляется, однако, неполной. Так, общество «Оргаметалл» призвано было содействовать рационализации производства в тяжелой промышленности. Общество «Мотокредит» способствовало распространению тракторов в сельском хозяйстве. Общество «Добролет» помогало привлекать средства населения и организаций для развития гражданского воздушного флота.

К сожалению, литературы, исследующей советские акционерные общества, практически не существует. В капитальной монографии А. В. Венедиктова они лишь упомянуты. Как правило, в современной экономиче-

ской литературе нет и упоминаний об акционерных обществах в социалистической экономике. Не слишком везло им и в литературе 20-х годов. Будучи, бесспорно, вспомогательной формой централизации рядом с такими основными формами, как тресты и синдикаты, акционерные общества в большинстве экономических сочинений того времени оставались в тени. Даже такой плодовитый автор тех лет, как А. М. Гинзбург, посвятил акционерным обществам лишь несколько строк комментария, да и то не ради самих акционерных обществ, а для разъяснения особенностей синдикатов: «...отличие от акционерного общества заключается в том, что синдикат охватывает только заранее ограниченный круг участников, связанных общностью производственных задач в одной и той же отрасли промышленности и осуществляющих не только коммерческую, но и взаиморегулятивную работу под непосредственным наблюдением ВСНХ. Кроме того, для синдикатов, так же как и для кооперативных организаций, допускается дополнительная ответственность по паям участников, что для акционерного общества, участники которого отвечают только в размере пая, исключается».

Между тем число акционерных обществ и масштабы их деятельности были, судя по имеющимся данным, весьма существенны. Вот, например, данные относительно оборотов государственной посреднической торговли (в млн руб.)

	1923/24 г.	1924/25 г.
Синдикаты	971,2	1718,8
Акционерные общества	760,3	1346,5
Хозрасчетные предприятия	425,6	753,5
Прочие государственные предприятия	343,3	382,7

Бросается в глаза, что акционерные общества по масштабам торговой деятельности занимали второе место и были вполне сопоставимы с синдикатами, признанными главным каналом сбыта продукции государственной промышленности.

1 февраля 1922 г. был утвержден устав первого акционерного общества — «Кожсырье», а на 1 января 1925 г. было утверждено уже 161 общество, из них 61 государственное, 2 кооперативных, 64 смешанных и

34 частных. Около 70% составляли торговые и торгово-промышленные общества, кроме того, были строительные, транспортные, ссудокредитные и др. 107 действовавших на эту дату обществ (остальные были в стадии организации) имели общий уставный капитал около 285 млн руб. Из них частный капитал советских граждан составлял около 41 млн руб., иностранный — около 3 млн руб.

Отдельные акционерные общества достигали весьма значительных масштабов. Так, транспортно-экспедиционное общество «Транспорт» имело первоначальный уставный капитал 8 млн руб.; уже через несколько месяцев он увеличился до 9—10 млн руб. Общество за первые 7,5 месяца своего существования уже заключило соглашения с четырьмя крупными зарубежными фирмами и получило 30 предложений от других транспортно-экспедиционных зарубежных организаций о совместной работе. Грузооборот его уже на первом этапе достигал 25 млн пудов в месяц. Председателем Совета акционерного общества «Транспорт» был Ф. Э. Дзержинский.

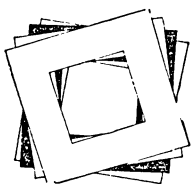
Важно подчеркнуть принципиальное отличие акционерных обществ от синдикатских объединений. Синдикаты централизовали основную коммерческую и производственную деятельность своих членов, акционерные же общества — те или иные виды частичной, дополняющей деятельности. В соответствии с этим синдикатская централизация была более полной и жесткой, а централизация в акционерных обществах — частичной и более свободной.

Таким образом, советский опыт уже в 20-е годы дал пример сосуществования двух принципиально различных типов объединений государственных предприятий, из которых одни можно условно поименовать полными объединениями, а другие — частичными.

Позднее мы увидим, что и в этом вопросе опыт первой в мировой истории системы полного хозрасчета отразил не случайность, а закономерность. «Генетический код» хозрасчетных объединений 20-х годов объясняет нам тенденции развития объединений наших дней, помогает разобраться и в дискуссиях о судьбе отраслевых министерств. Но прежде чем подойти к этой теме, необходимо более точно исследовать обстоятельства гибели системы полного хозрасчета на рубеже 20-х и 30-х годов.

6.

Проблема ТЕМПОВ

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял документ необычайно новаторский для своего времени и вместе с тем обладавший таким богатым научным и практическим содержанием, что оно и сегодня сохраняет немалую значимость. Это была резолюция «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». Позднее почти все партийные съезды принимали директивные документы, содержавшие основы планов на предстоящую пятилетку. Директивы XV съезда были иными. В них почти нет цифр, нет конкретных плановых решений. Это политическая директива научно-методического содержания, дающая принципы подхода к самой разработке плана.

В экономически отсталой и окруженной кольцом врагов стране предпринималась первая в мировой истории попытка сделать то, что ранее считалось невозможным: подчинить хозяйственное развитие в целом общегосударственному плану, рассчитанному на ряд лет. Притом само это развитие не было размеренным ростом производства в спокойных условиях: в рамках пятилетки разворачивалась индустриализация, коренная перестройка всей материально-технической базы и социальной структуры страны. Тем интереснее оценить политический и научный уровень резолюции с позиций наших дней.

В 1927 г. не было экономико-математических методов — лишь в конце 30-х годов советский математик Л. В. Канторович издал свою работу о линейном программировании, лишь в конце 40-х занялись этим американцы, лишь в середине 60-х оптимальное программирование в СССР начало становиться на практическую ногу. Но вот что написал в 1967 г. крупнейший специалист в области оптимального планирования лауреат Ленинской премии профессор В. В. Новожилов: «Уже в начале социалистической реконструкции народного хозяйства возникли количественные задачи на оптимум — задачи на длительный максимум темпа развития, на оптимальное соотношение между потреблением и накоплением, на максимально эффективное распределение капиталовложений между объектами строительства. Решения XV съезда ВКП(б) содержат не только постановку этих проблем, но также указания, в каком направлении их нужно решать».

Конечно, слов таких тогда не знали: «количественные задачи на оптимум». Но задачи эти — в других словах — поставлены и принципы их решения даны. XV съезд четко сознавал и особо оговаривал «неэкономические факторы», «особое давление международных моментов в связи с обострением отношений между капиталистическими государствами и СССР». Его директивы предписывают:

«Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время».

Значит, роль международной обстановки учитывалась в полной мере. Однако при всем этом:

«При составлении пятилетнего плана народного хозяйства, как и при составлении всякого хозяйственного плана, рассчитанного на более или менее длительный срок, необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс; расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного вос-

производства в народном хозяйстве вообще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и неперемennого систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора...»

Вот они, «количественные задачи на оптимум». Как видим, никакой односторонности, никакого ущемления одних задач в пользу других. И на первом месте — расширенное потребление рабочих и крестьянских масс.

Далее в директивах следует конкретизация этих задач в отдельности:

«В области соотношения между производством и потреблением необходимо иметь в виду, что нельзя исходить из одновременно максимальной цифры того и другого (как этого требует оппозиция теперь), ибо это неразрешимая задача, или исходить из одностороннего интереса накопления в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий, выставляя пароль жесткой концентрации и усиленного нажима на рабочих в 1923 г.), или исходить из одностороннего интереса потребления. Принимая во внимание и относительную противоречивость этих моментов и их взаимодействие и связанность, причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти, в общем, совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов».

Заметим себе на будущее из этой длинной выдержки блестящую по краткости и глубине как бы оброненную полуфразу о том, что с точки зрения развития на длительный срок интересы эти (потребления и накопления), в общем, совпадают. Здесь важна, во-первых, не раз потом подтвержденная истина о том, что длительное пренебрежение интересами потребления подрывает темпы накопления, и наоборот. Важен, во-вторых, настойчиво повторяемый мотив об интересах развития на длительный срок, или, словами В. В. Новожилова, о длительном максимуме темпа развития. Отметив все это, пойдем дальше по тексту директив XV съезда:

«В вопросе о темпе развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, ко-

торое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития».

Еще:

«В области соотношения между развитием тяжелой и легкой индустрии равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих моментов. Считая правильным перенесение центра тяжести в производство средств производства, нужно при этом учитывать опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет; с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот в легкой индустрии... позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии при условии развития легкой индустрии».

Отвергая левацкие предложения троцкистов о «сверхиндустриализации», о повышении промышленных или снижении сельскохозяйственных цен и о выкачивании денег из деревни, съезд также подробно рассматривал и осмотрительно решал частные проблемы оптимума — отдельно в сельском хозяйстве и промышленности.

Не отказываясь от привлечения средств деревни к строительству индустрии, а прямо предусматривая его, резолюция в то же время предостерегала: «Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы». Последующие десятилетия не раз подтверждали верность высказанного предостережения, да и сейчас мы имеем дело с отдаленными последствиями невнимания к нему.

Такой взвешенный подход отнюдь не означал отсутствия четких приоритетов. Так, о промышленности говорилось: «...в первую очередь должно быть усилено производство средств производства...» Нельзя не вспомнить в связи с этим слова М. С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября: «Партия предложила неведомый ранее путь индустриализации — не надеясь на внешние источники финансирования, не дожидаясь многолетних накопле-

ний за счет развития легкой промышленности, сразу двинуть вперед тяжелую индустрию. Это был единственно возможный в тех условиях, хотя и немыслимо трудный для страны и народа путь»¹.

Сегодня для нас не менее интересна и такая деталь из директив XV съезда: «...необходимо иметь в виду развитие мелкой местной промышленности, кустарной и ремесленной, каковая, служа в настоящее время совершенно необходимым дополнением крупной государственной промышленности, способствует изживанию товарного дефицита и смягчению безработицы».

Как видим, уже тогда, до составления и осуществления самого первого пятилетнего плана, XV съезд предвидел многие трудноизлечимые «болезни», с которыми позднее столкнулось плановое хозяйство в СССР и некоторых других странах, и предостерегал от них.

Съезд предусматривал рост потребления населения, бесперебойное снабжение рынка, повышение покупательной способности червонца, общий подъем сельского хозяйства, быструю его индустриализацию.

Интересно понимание этой индустриализации. Резолюция уточняла: «В первую очередь по линии первичной переработки сельскохозяйственных продуктов». В то время к развитию промышленности в деревне подталкивал избыток рабочих рук. Но предлагаемый курс не только снижал аграрное перенаселение — он решал и более долговременную, постоянную задачу, значимость которой очевидна и сегодня. Стратегический замысел заключался в глубокой интеграции и пропорциональном развитии различных элементов того, что мы именуем сейчас агропромышленным комплексом. Формирование в самой деревне перерабатывающих производств резко повышает общую эффективность деятельности этого комплекса.

Особое внимание уделялось кооперации. Детальную разработку политики в этой области содержит отдельная резолюция съезда — «О работе в деревне». В директивах же по пятилетнему плану обращает на себя внимание принципиальное осуждение попыток подстегивания социально-экономических процессов:

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1988, т. 5, с. 398.

«В полном противоречии с Лениным, который прямо предостерегал против «сверхиндустриалистической» точки зрения, указывая на необходимость двигаться со всей основной массой крестьянства, отметал легковесные фразы о «крестьянской ограниченности», троцкистская оппозиция предлагает двигаться помимо этой массы, целиком разделяя осмеянный Лениным тезис об «ограниченности» и неизбежно обрекая на провал политику партии».

Решения XV съезда подвели итог огромной научной и практической работы, горячих дискуссий и острой политической борьбы вокруг основных вопросов социально-экономической политики на этапе индустриализации, борьбы, начавшейся еще в 1925 г., т. е. в канун XIV съезда. Сами эти вопросы были поставлены в повестку дня объективным ходом экономического развития. В 1925 г. в основном завершилось послевоенное восстановление промышленного производства. Тем самым закончился специфический период роста на базе как бы усеченного воспроизводственного цикла, когда развитие промышленности не требовало больших капитальных затрат: пускали в ход остановленные в годы войны и разрухи предприятия. С другой стороны, нормализация экономической жизни и укрепление всего народного хозяйства позволили в 1925 г. XIV партконференции ликвидировать остатки «военно-коммунистических» мер в деревне, снизить единый сельхозналог, уменьшить экономические и административные ограничения развития крестьянских хозяйств. Это были те меры, которые предвидела партия еще в 1921 г., когда X съезд принимал решение о замене разверстки продналогом.

Переход от послевоенного восстановления к индустриализации поставил сложный вопрос об источниках накоплений для финансирования предстоящих обширных капиталовложений. В свою очередь, масштаб необходимых накоплений во многом зависел от принятых темпов индустриализации. Научная разработка этой проблемы в 1924—1925 гг. определялась установкой на укрепление «смычки» рабочего класса с крестьянством. Участие деревни в финансировании индустриализации не должно было подрывать крестьянское хозяйство. Эта линия была зафиксирована и в решениях XIV съезда партии, принявшего в декабре 1925 г. курс на индустриализацию.

Против такого подхода на XIV съезде выступила «новая оппозиция» во главе с Зиновьевым и Каменевым, требовавшая искусственно форсировать темпы индустриализации, а в связи с этим и усиленно изымать средства из крестьянского хозяйства, не останавливаясь и перед применением насильственных мер под флагом борьбы с кулачеством. Наибольшую роль в развенчании их идей сыграли в то время политические выступления И. В. Сталина и теоретические работы Н. И. Бухарина, за ними шло большинство членов ЦК партии.

Одним из главных участников дискуссий о темпах индустриализации и отношениях с крестьянством был председатель ВСНХ СССР (одновременно и председатель ОГПУ) Ф. Э. Дзержинский. Через некоторое время после XIV съезда партии он говорил: «Мне кажется, что у Троцкого и Каменева идет вопрос не об индустриализации страны, не о том, откуда найти средства для усиления основного капитала нашей промышленности, а о том, каким образом сколотить кой-какой основной капитал для их политических целей, для политических комбинаций».

И как можно было считать иначе?

Посмотрим ближе. XIV партконференция, апрель того же самого 1925 г., в конце которого, в декабре, собрался съезд. На этой конференции Дзержинский выступал с докладом о металлопромышленности — ему ли не помнить, что Каменев там председательствовал, говорил во вступительном слове при открытии партконференции о ее главной теме. Главной темой были новые решения о политике по отношению к крестьянству. Исполнилось то, о чем говорил Ленин еще в двадцать первом, при замене продразверстки продналогом: по мере восстановления экономики страны надо и налог уменьшать, заменять его обменом хлеба на изделия государственной промышленности. Теперь такая возможность появилась, поскольку восстановление промышленности заканчивалось и можно было смелее помочь хозяйственному укреплению деревни. Помимо уменьшения налога снимались некоторые административные ограничения для развития крестьянского хозяйства.

Тогда Каменев был согласен с партией. И через месяц, в мае, на III Всесоюзном съезде Советов, где Дзержинский докладывал о положении в промышлен-

ности, Каменев сделал доклад о мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства. И вот спустя полгода это самое укрепление крестьянского хозяйства стало в устах оппозиции чуть ли не главной угрозой социализму. Каменев выступает на съезде партии вслед за Зиновьевым и заявляет, что крестьянское хозяйство надо немедленно ограничить, что в его росте — причина экономических трудностей страны.

А трудности такие были, и было о чем поговорить всерьез. Еще недавно казалось, что главные хозяйственные проблемы позади. 1924/25 г., начавшийся очень тяжело, кончился блестящими успехами, неслыханным ростом, сразу приблизившим вплотную завершение восстановления промышленности. Но именно тут, в разрешении прежних проблем, таились проблемы совсем иные.

Прежде всего с завершением восстановления финансовый голод промышленности ничуть не уменьшился — напротив, возрос. Конечно, запросы были качественно иные. Теперь не требовалось искать несколько миллионов, чтобы покрыть задолженность по зарплате, как год назад. Теперь не нужно было наскребать несколько десятков миллионов, чтобы пополнить оборотные средства промышленности. Теперь надо было добыть — для начала, на ближайший год — миллиард. Кончалось время восстановления промышленности, время пуска стоявших заводов. Начиналось время нового строительства. Поначалу его чаще именовали расширением основного капитала, но вскоре утвердилось иное название: индустриализация. На текущую работу промышленности деньги от государства больше не требовались — она сама давала прибыль. Однако на новое строительство требовалось гораздо больше. И снова, еще настойчивее, чем в прошлом году, несло со всех сторон: даешь режим экономии!

В это самое время обнаружили две проблемы, которые не предвидели заранее.

Во-первых, ВСНХ вдруг заметил, что после периода устойчивого быстрого роста производительности труда произошла остановка, началось даже попятное движение. С октября 1924 по май 1925 г. выработка на одного рабочего поднялась на тридцать с лишним процентов. А с мая по декабрь — упала на 5%. Зарплата при этом продолжала расти, как и при подъеме

производительности, так что накопления промышленности уменьшились.

Дзержинский объяснял это отчасти тем, что лучшее оборудование было загружено полностью и для дальнейшего расширения пришлось за последние месяцы пустить в ход худшее, все самые неэффективные заводы и цехи, стоявшие на консервации. Была и другая причина: на фабрики и заводы хлынул из деревни поток новых рабочих.

Из доклада Дзержинского на XXIII чрезвычайной Ленинградской конференции ВКП(б) в феврале 1926 г.:

«...С мая месяца по декабрь нами было принято в наше производство 25%, т. е. около 400 тысяч новых рабочих, из них часть уже работала раньше, но в течение очень долгого периода была оторвана от производства, другая часть — крестьяне, чернорабочие, которые впервые приходили на фабрики и относились к производству, безусловно, не как к своему пролетарскому делу, а как к тому, что не является их кровным делом. Производственному воспитанию этой части рабочих нужно уделить исключительное внимание.

Ряд донесений с Юга и Урала с несомненностью показывает, что очень часто вновь приходящие на фабрику смотрят на нее, как на чужую, стремясь только что-нибудь урвать и использовать для себя. Эти новые пришедшие рабочие не прошли той героической, мученической школы, которую прошел наш фабрично-заводской пролетариат в своей борьбе с самодержавием, с капитализмом и за Октябрьскую революцию. Они проходят к предприятию, как к чему-то чужому... Как профсоюзы, так и партийные организации должны посвятить особое внимание тому, чтобы переварить в котле пролетарской общечности, пролетарской политики и пролетарской солидарности тех вновь пришедших, которые должны научиться видеть в заводе или фабрике основу социализма, а не подсобное предприятие для своего хозяйства».

Эти трудности промышленности встречала с пониманием их серьезности, но без особой тревоги. Задачи были знакомые и решались известными способами: рационализация техники, лучшая организация производства, обучение рабочих. Но осенью 1925 г. из деревни раздался тревожный сигнал. Не выполнялся план закупки хлеба для экспорта. Доходы от вывоза хлеба должны были составить значительную часть то-

го миллиарда рублей, который планировалось дать на строительство промышленности. Теперь этот миллиард заколебался, стал уменьшаться до 900, 800, может быть, 700 млн. Что же стряслось в деревне?

Тот год был урожайным — на этом и строился замысел маневра, который поначалу сулил немалые выгоды промышленности. Задумано было купить у крестьян побольше хлеба для экспорта и тем заработать побольше валюты для закупки оборудования новых заводов. Но отечественная промышленность не была готова предложить в обмен на хлеб нужное количество готовых товаров. Поэтому решено было импортировать для крестьян что-нибудь миллионов на сто ширпотреба. Сначала затратить валюту, чтобы потом приобрести ее в большем количестве. Смелый маневр, задуманный в принципе верно, проведен был неудачно и провалился. Вместо прибыли получились убытки. О причинах немало размышлял Дзержинский.

Почему крестьяне, имея хлеб, не хотели его продавать?

Из доклада Дзержинского на пленуме ВЦСПС в феврале 1926 г.:

«...Мы в хлебо-экспортных планах плохо учли наши внутренние потребности и не обращали достаточного внимания на внутреннее снабжение. Между тем внутреннее потребление хлеба за этот период значительно увеличилось, с одной стороны, в связи с увеличением заработной платы и, с другой стороны, на почве роста потребления хлеба самим крестьянством. Мы допустили ошибку, рассчитав, что внутри крестьянства потребление будет такое же, как в довоенное время. Мы не учли, что в довоенное время крестьянин хлеба недоедал, у него его выколачивали, и что теперь, после многих лет недоедания, он расширил свое потребление и расширил запас своего хлеба. В результате — недостаточное внимание к внутреннему снабжению вызвало рост сельскохозяйственных цен».

Было подсчитано, что в 1924/25 г. крестьяне платили налогов на 1400 млн червонных рублей меньше, чем до войны. Они освободились также от арендной платы, которую до революции отдавали помещикам. Всего, выходит, около 2 млрд руб. в год составлял чистый выигрыш крестьян. Выручка крестьянина от проданного урожая не расходовалась больше на уплату налогов и расчеты с помещиками. Вместе с тем

на базе подъема промышленности выросла зарплата рабочих — они тоже предъявили повышенный спрос на товары. Хороший урожай позволил крестьянам, продав лишь малую часть своего хлеба, расплатиться с небольшими теперь налогами. За остальной хлеб они хотели получить товары — еще и еще раз товары.

Из доклада Дзержинского на пленуме ВЦСПС:

«Таким образом, мы видим, что в результате тех сдвигов, которые произошли благодаря Октябрю, с одной стороны, и, с другой стороны, вследствие урожая, создано явление товарного голода. Наша промышленность не в состоянии удовлетворить платежеспособной потребности».

Внешнеторговый маневр, по замыслу, должен был уменьшить товарный голод.

Из доклада на пленуме ВЦСПС:

«Однако неисправная, недостаточно гибкая работа наших торговых организаций по внешней торговле привела к тому, что покупка товаров запоздала, товары не прибыли в срок, оказались плохого качества и слишком дорогими, оказались хуже, чем те товары, которые есть у нас. Почему? Потому что за границей не ждали, что мы придем и возьмем на 100 млн товаров. Закупки на такие суммы надо производить с достаточно длительной подготовкой на внешнем рынке. В итоге мы не сумели заготовить хлеба, в стране оказалось слишком много денег, которым нельзя было противопоставить достаточное количество товаров».

Из доклада Дзержинского на XXIII чрезвычайной Ленинградской партконференции:

«Откуда возникли эти затруднения? Является ли это указанием на то, что и партией и правительством взят неверный курс на индустриализацию страны, на расширение производства, или здесь имеются лишь временные, случайные, первоначальные, если можно так выразиться, ошибки, связанные с нашей учебой? Я думаю, что сейчас имеет место это последнее. Мы просчитались в том смысле, что не рассчитали, что раньше, чем производить хлебозаготовки для экспорта в таком большом масштабе, необходимо было в достаточной степени обеспечить внутренний рынок. В результате этого получилось, что наши хлебозаготовители, бросаясь в первую очередь на хлебные заготовки для экспорта, забывают о насыщении вну-

треннего рынка и что наш внутренний рынок стали снабжать частные заготовители, которые стали вздувать неслыханно цены на хлеб.

Вторым просчетом было то, что мы дали нашим хлебозаготовительным органам слишком много средств, слишком много денег на хлебозаготовки, предварительно не обеспечив достаточного снабжения хлебозаготовительных органов промышленными изделиями; если мы даем крестьянину за хлеб деньги и крестьянин на эти деньги не может купить промышленных изделий, он перестает продавать свой хлеб, а пущенные в оборот деньги бесполезно или даже во вред государству продолжают обращаться».

Оставался последний вопрос: почему же внешнеторговые организации оказались настолько слабыми? Из доклада Дзержинского на чрезвычайной Ленинградской партконференции:

«Одним из органических недостатков нашей внешней торговли было то, что внешняя торговля была не только государственной монополией, но монополией одного ведомства, к другим весьма заинтересованным ведомствам относилась враждебно, замкнуто. На этой почве происходили в торгпредствах и разных торговых организациях неслыханные злоупотребления и ужасное загнивание. Пленум ЦК еще до съезда реорганизовал Наркомвнешторг. Он слил его с Наркомвнуторгом и установил, что к делу внешней торговли должны быть привлечены заинтересованные хозяйственные органы».

Итак, враг был старый знакомый — ведомственность. Теперь анализ просчета был завершен. Можно было поставить точку и, запомнив полученный урок, двигаться дальше. Но не давали поставить точку, не давали по-деловому анализировать уроки жизни, не давали двигаться дальше. Оппозиция подняла шум, используя все просчеты для того, чтобы доказать, что сам курс партии на хозяйственное укрепление крестьянства и развертывание социалистического строительства неверен, что большинство ЦК будто бы недооценивает «кулацкую опасность».

Каменев говорил с трибуны съезда:

«...рост сопротивления крестьянства нашим планам...»

«...мужичок «регульнул нас»».

«...капиталистические элементы растут...»

«Дают лозунг: огонь по тем, которые предупреждают об этом росте крестьянского сопротивления, росте кулацкой опасности!»

Еще полгода назад на совещании в СТО по вопросам торговли, поддерживая выступление Дзержинского о необходимости использовать в интересах государства частный капитал, Каменев говорил, что для строительства социализма гораздо опаснее «торговая пустыня», чем частный капитал. А теперь он, как и возглавляемая им вместе с Зиновьевым оппозиция, требовал, по сути дела, отказа от новой экономической политики, начатой Лениным.

Классовая борьба — та же война, только с другим оружием (впрочем, очень часто — и с тем же самым, это Дзержинский знал слишком хорошо). Недаром же Ленин, разъясняя необходимость новой экономической политики, прибегал и к военным сравнениям — вспоминал, например, тактику японского генерала Ноги при осаде Порт-Артура. А на войне злейшим врагом будет тот, кто пошлет бойцов в атаку тогда, когда обстановка требует засесть в окопах и обстреливать противника. Не лучше будет и тот, кто промедлит с началом атаки, когда время для нее придет.

Ленин говорил на X съезде партии:

«...Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца»¹.

«Новая оппозиция» пыталась увлечь за собой партийные массы, делая вид, что предлагает то самое наступление социалистических элементов, которое предвидел Ленин, и предлагает его даже раньше, чем партия — всего через четыре года после начала нэпа. Но вот это-то «еще раньше» и означало, что предлагается то же самое лишь по форме, а по существу — совсем противоположное. Вместо укрепления социалистических элементов предлагалось на деле оказать услугу сторонникам капиталистического развития.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 60.

А сколько «теоретических» находок нагромоздила оппозиция, чтобы создать видимость научно обоснованной платформы! Например, о характере государственной промышленности в Советском государстве: она, оказывается, не социалистическая, а государственно-капиталистическая.

Элементы государственного капитализма в экономике страны существовали — это знал каждый школьник. Были предприятия, сданные в концессию иностранному капиталу, были сданные в аренду «своим» частникам. Не о них шла речь: предприятия, принадлежащие пролетарскому государству, оппозиционеры отказывались признать социалистическими. Каменев рассуждал ужасно «научно»:

«...Потому что отношения людей, организация труда, формы выплаты заработной платы, работа на рынок не делают их еще элементами развернутого социалистического хозяйства».

Вот как. И работа на рынок уже — грех. Выходит, ближе к социализму были осенью двадцать третьего, когда рынок игнорировали до того, что при ужасающей бедности создали кризис сбыта.

Из выступления Я. Э. Рудзутака на XIV съезде партии:

«А если Каменев желает действительно искренне и правдиво объяснить партийному съезду наши болячки, найти у партийного съезда врачевание их... он должен был сказать, что он ни на какой политической платформе против большинства ЦК не стоит, что эта платформа выдумана».

Для Дзержинского это был отнюдь не вопрос «чистой» теории. Если предприятие наше капиталистическое, пусть государственно-капиталистическое, то рабочему оно — чужое. Если социалистическое, — значит, свое.

Из доклада Дзержинского на XIV Московской губернской партконференции в декабре 1925 г.:

«А я спрашиваю: что, для рабочего основной капитал есть вещь, совершенно его не касающаяся? Сейчас перед нами, перед всем рабочим классом ставится этот основной вопрос: что такое для рабочего класса основной капитал? Он стоит перед нами потому, что, хотя заработная плата повысилась на 47—50%, реальная зарплата, не номинальная, но если взять ее в среднем, то она равняется 28—29 реальным рублям».

Конечно, это ничто, это мало, и, конечно, если придет рабочий от Форда или Форд, то он скажет: какая нищенская зарплата и в каких тяжелых условиях, в гораздо худших условиях, чем у нас, вы работаете. Но на это ответ один: твой рабочий зарабатывает больше, но у него никакого будущего нет. Мы зарабатываем сейчас для себя гроши, но мы куем себе лучшее будущее, перед нами впереди весь мир, мы двигаемся вперед шаг за шагом, строим социализм. (А плоды.) И я вас спрашиваю, в настоящих тяжелых условиях, когда общий уровень поднялся, культурные потребности поднимаются,— что значит эта зарплата? А можем ли мы выбросить лозунг, что надо увеличивать сейчас зарплату? Я, товарищи, перед вами должен прямо сказать: нет. Мы, партия, мы авангард рабочего класса, должны предупредить рабочий класс, что сейчас мы этого лозунга не можем выбрасывать. Почему? Потому что перед нами стоит основной вопрос, вопрос нашего существования, вопрос нашего развития — проблема основного капитала. Когда я говорил, хватит ли у государства средств для того, чтобы строить новые фабрики, для того, чтобы обносившееся оборудование заменить новым, то я тогда говорил, что государство должно найти средства. У кого оно должно найти их? Оно может найти их только у источника всякой стоимости и всех средств, т. е. может найти их у рабочего и у крестьянина».

С такими словами можно было обращаться только к рабочему социалистического государства, только к хозяину.

Когда Дзержинский выступал с этим докладом на Московской конференции, до съезда оставалось несколько дней. В Москве уже знали, что в Ленинграде Зиновьев сколачивает оппозиционную платформу и оппозиционную делегацию. Тех ленинградцев, которые поддерживают линию ЦК, не допускают на съезд.

Оппозиционное выступление на съезде состоялось. После бурной дискуссии ленинградскую делегацию поддержал один делегат из Сибири и один из Поволжья. Это было все. При голосовании резолюции по отчету ЦК оппозиция собрала 65 голосов против 559.

Каменев и Зиновьев остались после съезда не только членами партии, но и членами ЦК и Политбюро. Правда, Каменев больше не был председателем ЦО — после съезда его назначили наркомом торгов-

ли. Но и теперь он требовал только одного: «раздеть мужика». В его новой должности это означало неприимимую борьбу с ВСНХ, линия которого была противоположной.

Из речи Дзержинского на Пленуме ЦК партии в апреле 1926 г.:

«Вся беда кроется в раздутых штатах, в нашем бюрократизме. Эти недостатки мы должны стремиться преодолеть. Вот именно здесь, Каменев, кроются те миллионы, которые вы напрасно ищете и хотите брать у мужика. Вы говорите: смотрите, мужик денежки имеет и ему хоть бы что, не желает он бросать хлеб на рынок. А я спрошу вас: когда вы товаров не даете, как же вы хотите, чтобы мужик давал вам хлеб? При таком положении у мужика можно было бы взять хлеб лишь при условии, если вернуться к старым временам, т. е. насадить помещиков, которые взяли бы в переплет мужика. Но так как мы живем в государстве союза рабочих и крестьян, причем он, этот союз, не есть голая формула, а живет в голове, в уме, в понимании каждого рабочего, который чувствует этот союз... то мы следовать вашим советам не можем. Почему крестьянин не дает хлеба? Да потому, что мы не даем ему товаров. Тут сидят товарищи из Госплана, и пусть они подтвердят это. Ни к черту не годятся ваши, Каменев, таблицы и «ножницы», потому что мужик не покупает по вашим табличным «ножницам» и не продает по ним, он продает свой товар, например, за рубль, а за то, за что он должен заплатить рубль, он платит на самом деле 3 руб. Между нами и мужиком стоит не кулак, и не столько кулак, сколько наш торговый аппарат, сколько бюрократы, которые сидят в наших торговых органах, кооперации и т. д. Хинчук приводил на съезде уполномоченных Центросоюза такой пример: в двух тысячах низовых ячеек потребкооперации было 1400 тыс. руб. капитала, а хищений и растрат в них было произведено на 1800 тыс. Вот кто жрет и забирает товар, который должен получать мужик. Поэтому, когда говорят о том, что цены на хлеб слишком высоки, то я повторяю, что источник и причины этих высоких цен у нас в изделиях промышленности, в тех ценах, по которым они доходят до низового потребителя».

Вся эта речь посвящена была разоблачению выдумок Каменева и Троцкого, пугавших крестьянским на-

коплением и требовавших, как выразился Дзержинский, заменить лозунг «лицом к деревне» лозунгом «кулаком к деревне». Почему Феликс Эдмундович ничуть не боялся демагогии оппозиционеров, пугавших «частным капиталом»? Ведь одоление в конечном счете частного капитала было целью его, как и всякого коммуниста. Но он понимал, что по-каменевски частный капитал не одолеть — это можно сделать только по-ленински. Прямо сослался на Ленина в той же речи:

«...То, что говорил Владимир Ильич о нашем аппарате, это до сих пор слово в слово остается правильным и верным. Стоит только посмотреть, какая у нас еще организация производства, какие у нас раздутые штаты, какой страшный и неслыханный бюрократизм не только в составлении планов, а на каждом шагу в правлении треста... Там, где может работать один человек, там есть зам., пом. зама и к нему секретарь и так без конца».

Прямой цитаты из Ленина здесь Дзержинский не дает, название работы не вспоминает, не указывает том и страницу. Может быть, Феликс Эдмундович и не имел в виду какое-либо конкретное выступление: о недостатках государственного аппарата Ленин говорил много раз. Но могло быть и другое: речь шла о работе, которая всегда была в памяти, о которой часто говорили в кругу товарищей, членов ЦК, так что здесь, на Пленуме, его понимали с полуслова. Такими, особенно глубоко врезанными в память, были последние статьи Ленина. Известно, с каким жадным вниманием воспринимал Дзержинский каждое слово, пришедшее из Горок в 1923 г. Исследователи его архива сообщают о документе, написанном через несколько дней после публикации статьи «Лучше меньше, да лучше». Дзержинский предлагал обсудить идеи Ленина на съезде партии, притом не сводить их лишь к проблеме реорганизации РКИ и ЦКК, а поставить вопрос крупно, о государственном аппарате в целом. ЦК партии поручил тогда Дзержинскому выступить с докладом на съезде в секции по организационному вопросу.

Так, может быть, эту статью прежде всего имел в виду Дзержинский? Может быть, и эту. Но в речи на апрельском Пленуме он говорил не только о госаппарате. Там проходили две темы в тесной взаимосвязи: о борьбе с бюрократическими извращениями ап-

парата, с одной стороны, о торговых отношениях с крестьянством — с другой. Где такое сочетание идей у Ленина? Ответ может быть только один: статья «О кооперации». Вот что писал там Ильич:

«...Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили и проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с умением быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора. Под умением быть торгашом я понимаю умение быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит, умеет быть торгашом. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до умения быть культурным торгашом еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха»¹.

И про эпоху ту пояснял дальше:

«Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции»².

Очень может быть, что именно это рассуждение Ленина об аппарате имел в виду Дзержинский, заявляя, что оно «слово в слово остается правильным и верным». У него были все основания так говорить именно об аппарате государственной торговли.

Руководители торговли предлагали отсечь промышленность от рынка, от потребителя: вы произво-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 372—373.

² Там же, с. 376.

дите, а командовать сбытом будем мы. Это и был ведомственный подход: промышленность производит, торговля торгует. Так могли рассуждать те, кто не понимал движущих пружин общественного производства. Дзержинский понимал их прекрасно. Он знал, что управлять производством и сбытом раздельно нельзя. Кто командует сбытом, тот неизбежно командует и производством. Потому и не мог согласиться на «жесткие заводы». Овладеть рынком для Дзержинского значило завалить рынок своим, государственной промышленностью произведенным товаром настолько, чтобы диктовать цену. А по Каменеву, овладеть рынком значило дать ему команду. Ах, если бы эти команды исполнялись!

Из речи Дзержинского на заседании партийной комиссии президиума ВСНХ СССР и правления Центрсоюза в январе 1926 г.:

«...Именно в те моменты, когда методы современного регулирования действовали наиболее жестко, оказывалась наибольшая вакханалия на рынке розничных цен. Это мы наблюдали, скажем, в период реализации хлеба. Такого рода явление с очевидностью показывает, что в производившемся планировании и регулировании были огромные недочеты, объяснявшиеся тем, что не были привлечены те элементы и силы, которые должны быть привлечены.

Все попытки регулировать товарооборот бюрократическим путем, только из центра, не дают положительных результатов».

Атмосфера постоянной свары сбивала с делового стиля, привычного Дзержинскому, который самопохвале всегда предпочитал самокритику. Теперь самокритика давала аргументы оппозиционерам.

Дзержинский — Куйбышеву:

«...Я сознаю, что мои выступления могут укрепить тех, кто наверняка поведут и партию и страну к гибели, то есть Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Шляпникова. Как же мне, однако, быть? У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством, если возьмем потерянный темп, ныне отстающий от требований жизни. Если не найдем этой линии и темпа — оппозиция наша будет расти, и страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья

ни были на его костюме... От этих противоречий устал и я».

Эти слова написаны 3 июля 1926 г. Оставалось всего 17 дней до того часа, когда поняли все, до чего же безмерно он устал.

20 июля снова был пленум и снова ждали драки. Дзержинский незадолго до того перенес приступ грудной жабы. Врачи считали, что выступать на пленуме ему нельзя. А он считал, что нельзя не выступать. Троцкий, раньше враждовавший с Каменевым и Зиновьевым и на съезде молчавший, теперь объединился с ними. Особенно тяжело лично для Дзержинского было то, что к оппозиции примкнул его первый заместитель по ВСНХ, Пятаков. Пожалуй, именно это более всего вывело из равновесия Феликса Эдмундовича.

Сначала он старался говорить как обычно. Выстраивал громадное здание расчетов, цифр, доказывал свою правоту фактами, а за ними следовали политические выводы:

«Надо сказать следующее, что область, в которой народным комиссаром состоит Каменев, является больше всего неупорядоченной, больше всего поглощающей наш национальный доход. При чем тут развитие нашей промышленности? Пятаков предлагает, со свойственной ему энергией, все средства, откуда бы они ни шли, гнать в основной капитал. Но именно такая постановка,— разве она не есть сдача позиции частному капиталу? Если мы в наших промышленных и торговых организациях изыдем и обратим оборотные средства на основной капитал, ясно, что частник на рынке сможет овладеть процессом обращения. Если мы желаем вести борьбу с частным накоплением, с частной торговлей, то какие мероприятия должны быть приняты нашей партией и Политбюро? Урегулирование взаимоотношений кооперации с промышленностью, укрепление всеми силами кооперации, но не теми методами, чтобы покрывать ее недостатки,— я являюсь величайшим врагом таких методов, как являюсь врагом того метода, который предлагает Пятаков по отношению к промышленности,— представлять дело так, что у промышленности все благополучно, а только давайте побольше денег».

Феликса Эдмундовича пытались перебивать репликами — на свою беду. Вот он говорит о частном капитале:

— Если говорят вообще о его росте, это неправильно, но есть участки, на которых он растет и развивается. Это именно те участки, которыми ведаёт Каменев, участки заготовок среди крестьянства.

Крик из зала:

— Скажите про оптовую.

Дзержинский немедленно отозвался:

— Что касается оптовой торговли, то ВСНХ при помощи своих синдикатов из оптовой торговли частника так выжил, что он там играет незначительную роль. А где частник силен? В хлебозаготовках, в заготовках кожи, т. е. в той области, которая находится в ведении Каменева. А он приходит сюда и плачет, что все у нас скверно: мужик богатеет, благосостояние у него увеличивается. И Пятаков говорит, что деревня богатеет. Вот несчастье! Наши государственные деятели, представители промышленности и торговли проливают слезу о благосостоянии мужика. А какое благосостояние: 400 млн мужики накопили, по 4 руб. на брата.

И снова о самом главном:

— Надо страну индустриализировать, а этого не будет, если не будем получать все в большей и большей степени продуктов сельского хозяйства. Почему? Потому что нам нужно из деревни сырье, нам нужен хлеб, нам нужна кожа, нам нужна картошка, шерсть, нам нужно деревенское сырье. Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни.

Из воспоминаний Богумира Шмерала, чехословацкого коммуниста, члена Исполкома Коминтерна:

«Я сидел как раз против него, когда он говорил с трибуны перед верховным форумом большевистской партии. Он говорил с большой энергией, абсолютно деловито, но со страстной горячностью, когда в своей речи касался интересов партии. Последнюю фразу он произнес твердо и почти с торжественной серьезностью.

На поверхностного наблюдателя он мог произвести впечатление крепкого, здорового человека. Но от тех, которые особенно внимательно присматривались, не ускользнуло, что он часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди, и это можно было принять за ораторский жест. Но теперь мы знаем, что свою последнюю большую речь он произнес, несмотря на тяжелые физиче-

ские страдания. Это прижатие обеих рук к сердцу было сознательным жестом сильного человека, который всю свою жизнь считал слабость позором и который перед самой смертью не хотел, пока он не закончит своей последней речи, показать, что он физически страдает, не хотел казаться слабым».

Софья Сигизмундовна Дзержинская:

«Я в это время работала в агитпропе ЦК ВКП(б), где руководила Польским бюро. Надеюсь встретиться с Феликсом в кремлевской столовой во время перерыва в заседаниях Пленума ЦК и ЦКК, я раньше обычного пошла в столовую, находившуюся тогда в Кремле в не существующем уже сейчас так называемом кавалерском корпусе. (Сын наш был тогда на даче.) Феликса там не было, и мне сказали, что обедать он еще не приходил. Вскоре в столовую пришел Я. Долецкий (руководитель ТАССа) и сказал мне, что Феликс во время речи почувствовал себя плохо; где он находится в данный момент, Долецкий не знал. Обеспокоенная, я побежала домой, думая, что Феликс уже вернулся на нашу квартиру.

Но и здесь его не было. Я позвонила в ОГПУ секретарю Феликса В. Герсону и узнала от него, что у Феликса был тяжелый приступ грудной жабы и что он лежит еще в одной из комнат Большого Кремлевского дворца. Не успела я закончить разговор с Герсоном, как открылась дверь в нашу квартиру и в столовую, в которой я в углу у окна говорила по телефону, вошел Феликс, а в нескольких шагах за ним сопровождавшие его А. Я. Беленький и секретарь Феликса по ВСНХ С. Реденс. Я быстро положила трубку телефона и пошла навстречу Феликсу. Он крепко пожал мне руку и, не произнося ни слова, через столовую направился в прилегающую к ней спальню. Я побежала за ним, чтобы опередить его и приготовить ему постель, но он остановил меня обычными для него словами: «Я сам». Не желая его раздражать, я остановилась и стала здороваться с сопровождавшими его товарищами. В этот момент Феликс нагнулся над своей кроватью, и тут же послышался необычный звук: Феликс упал без сознания на пол между двумя кроватями.

Беленький и Реденс подбежали к нему, подняли и положили на кровать. Я бросилась к телефону, чтобы вызвать врача из находившейся в Кремле амбулатории, но от волнения не могла произнести ни слова.

В этот момент вошел в комнату живший в нашем коридоре Адольф Варский и, увидев лежащего без сознания Феликса, вызвал по другому телефону врача. Почти моментально пришел кремлевский врач Л. А. Вульман, сделал Феликсу инъекцию камфары, но было уже слишком поздно. Феликс был уже мертв. Это произошло 20 июля 1926 года в 16 часов 40 минут. Ему не исполнилось еще 49 лет».

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) — тот самый съезд, который утвердил директивы по составлению пятилетнего плана,— исключил из партии участников оппозиционного блока.

Анализ показывает, что вплоть до конца 1927 г. продолжалась экономическая политика, основанная в целом на ленинских принципах: укреплялся союз рабочего класса с крестьянством, становление планового хозяйства сопровождалось развитием хозрасчета и товарно-денежных отношений, совершенствовалось материальное стимулирование и повышался уровень жизни трудящихся, устойчивые высокие темпы экономического роста сочетались с ориентацией на пропорциональность и экономическое равновесие. Как и при жизни Ленина, партия в эти годы давала отпор левацким требованиям «скачков», форсирования темпов роста за счет нарушения экономического равновесия, в ущерб социальным интересам трудящихся и политической консолидации общества. Традицию планомерного и последовательного развития при сохранении экономического и политического равновесия продолжала и резолюция XV съезда о директивах по составлению пятилетнего плана.

Что же произошло потом?

Первая пятилетка началась, как известно, 1 октября 1928 г. (в то время хозяйственный год начинался с октября). Пятилетний план еще не был утвержден, Госплан завершал его разработку, опираясь в основном на директивы XV съезда. Были подготовлены, как предполагалось с самого начала, два варианта плана. Один назывался отправным, другой — оптимальным. Поначалу один вариант политически не противопоставлялся другому — просто учитывалось, что некоторые факторы (урожай, внешнеторговая конъюнктура, внешнеполитическая обстановка) не поддаются точному прогнозу. Председатель Госплана СССР Г. М. Кржижановский говорил в своем докладе

XV съезду: «Мы должны поступать так, как поступает артиллерист,— взять поле обстрела в вилку, наметить две прикидки или, как говорят, два варианта. Первый вариант — зоркая осторожная оценка некоторого минимума хозяйственных возможностей, обеспечивающих прежде всего бесперебойное развитие хозяйства. Вот вам отправная прикидка, отправной вариант. Другой ряд цифр учитывает более благоприятные шансы, которые при известных условиях дадут нам возможность лучшего осуществления наших целевых ставок. Не беда, если этот оптимальный вариант будет осуществлен не в полной мере». Если наметки XV съезда можно было бы выполнить при среднегодовом темпе прироста промышленной продукции около 16%, а отправной вариант ориентировался примерно на 18%, то оптимальный требовал темпов в 20—22%. То, что согласно оптимальному варианту планировалось на пять лет, при отправном заняло бы около шести лет.

Однако в дальнейшем отправной вариант все чаще стали именовать минимальным, оппортунистическим, враждебным. Совнарком стал рекомендовать только оптимальный вариант. В апреле 1929 г. XVI партконференция на основании докладов председателя Сознаркома А. И. Рыкова, председателя Госплана Г. М. Кржижановского и председателя ВСНХ В. В. Куйбышева единогласно высказалась за оптимальный вариант как единственно возможный и приемлемый. V съезд Советов СССР принял пятилетний план, основные показатели которого соответствовали решениям конференции.

Однако в дальнейших постановлениях ЦК партии, Совнаркома, ЦИК СССР были повышены плановые показатели по чугуну, нефти, тракторам, сельскохозяйственным машинам и другим видам продукции. Затем был выдвинут лозунг «пятилетку — в четыре года», а принимавшиеся годовые планы приобретали все более форсированный характер. Так, в докладе сессии ЦИК о контрольных цифрах на 1931 г. В. М. Молотов, сменивший А. И. Рыкова на посту председателя Совнаркома, сообщил, что намечен прирост промышленной продукции на 45% вместо 22, предусмотренных пятилетним планом для третьего года пятилетки. Вскоре Сталин пояснил в одной из речей, что это будет означать выполнение пятилетки за три года по основным отраслям. А в январе 1933 г., выступая с докладом

на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), он же объявил, что пятилетний план выполнен. Если по плану отчетным годом должен был стать 1932/33 хозяйственный (с 1 октября по 30 сентября), то фактически им стал 1932 календарный год (к тому времени начало хозяйственного года перенесли на 1 января). Таким образом, пятилетка продолжалась 4 года и 3 месяца.

Как же она была завершена?

В докладе Сталина на Объединенном пленуме были приведены всего две отчетные цифры: сообщалось, что программа по общему объему промышленного производства выполнена на 93,7%, по тяжелой промышленности — на 108%. Речь идет о стоимостных, валовых показателях, которые по самой своей природе неизбежно условны в той или иной степени. Эта условность, приблизительность тем больше, чем сильнее меняется структура производства в течение рассматриваемого периода. Но именно наша первая пятилетка являет, пожалуй, уникальный в мировой истории пример ломки структуры промышленности в крупной стране. В 1932 г. давали продукцию целые отрасли, не существовавшие в 1928-м: автомобильная, тракторная, нефтехимическая и др. Почти все прочие отрасли обрабатывающей промышленности преобразились, стали давать новую продукцию. Такое преобразование структуры само по себе лишь подчеркивает историческое значение индустриализации. Но если мы хотим оценить, насколько точным было конкретное плановое решение и как оно было выполнено, то на столь общие стоимостные показатели полагаться нельзя.

Известно, что именно продукция машиностроения, особенно производство оборудования, станков (оцененное не в штуках, а в рублях), оказала большое влияние на итоговую цифру валовой продукции всей промышленности. Здесь, в машиностроении, данные о выполнении плана оказались наиболее благополучными. Но о чем говорит сопоставление индексов, отражающих стоимость продукции этих отраслей, с индексами того времени, когда подобной продукции в стране не производилось? Главным образом о том, что самолет как сумма валовой продукции больше, чем телега. Насколько именно больше — зависит от выбора коэффициентов, которые вынужден будет применить статистик. Необходимо помнить о неизбежной услов-

ности валовых показателей при количественной оценке; насколько возросла валовая продукция страны, если вместо ста телег произведено сто самолетов. Между тем сама природа поставленного вопроса (как выполнен план) требует именно точной количественной оценки. Отвечая на вопрос с помощью одних лишь стоимостных показателей, Сталин фактически уклонился от доказательств. Он предложил считать план выполненным — и дело с концом. Поразительно, но факт: именно эта речь оставалась единственным первоисточником утверждения об успешном выполнении первого пятилетнего плана за 4 года и 3 месяца — утверждения, перекочевывавшего из учебника в учебник, из монографии в монографию в течение 55 лет. Практически ни в одной публикации советских экономистов или историков не предпринималось попытки систематического сопоставления широкого ряда цифр пятилетнего плана с отчетными данными советской статистики. Лишь в 1965 г. С. П. Первушин в статье, вошедшей в сборник «Производство, накопление, потребление», выпущенный семитысячным тиражом, сумел мельком поставить под сомнение сталинскую установку о темпах того времени. Впрочем, и там анализ общих итогов пятилетки дать не удалось.

Для ответа на такой сложный вопрос — о выполнении пятилетнего плана развития народного хозяйства страны — в наше время предпринимается сопоставление широкого круга показателей — не только стоимостных, но и натуральных. Применительно к такой необычной пятилетке, как первая, это тем более необходимо. Рассмотрим таблицу.

Шесть первых строк отражают развитие отраслей, которые тогда считались особенно важными. О них, а также еще о двух стоимостных показателях (по общему и сельскохозяйственному машиностроению) в постановлении V съезда Советов о пятилетнем плане сказано: «Съезд поручает особенному вниманию и наблюдению правительства поставленные в плане и решающие для социалистической индустриализации страны производственные задания...» Как видим, из этих шести заданий (как и из других, приведенных в таблице) в 1932 г. не было выполнено ни одно. Задания по двум отраслям выполнены в 1933 г. — примерно в срок, намечавшийся первоначально утвержденным пятилетним планом, т. е. оптимальным вариантом. Ос-

Промышленное производство в первой пятилетке

Вид продукции	Задания на последний год пятилетки, намеченные XVI партийной конференцией и V съездом Советов	Повышенные задания, установленные позднее	Фактически произведено в 1928 г.	Фактически произведено в 1932 г.	Год фактического достижения плановых показателей	
					первоначальных	повышенных
Электроэнергия, млрд кВт·ч	22	—	5,0	13,5	1935	—
Уголь, млн т	75	—	35,5	64,4	1933	—
Нефть, млн т	22	45—46	11,6	21,4	1934	1952
Чугун, млн т	10	17	3,3	6,2	1934	1950
Минеральные удобрения в условных единицах, млн. т	8	—	0,1	0,9	1954	—
Тракторы, тыс. шт.	53	170	1,3	48,9	1933	1956
Сталь, млн т	10,4	—	4,3	5,9	1935	—
Прокат, млн т	8	—	3,4	4,4	1935	—
Железная руда, млн т	19,4	—	6,1	12,1	1934	—
Автомобили, тыс. шт.	100	200	0,84	23,9	1935	1937
Комбайны, тыс. шт.	0	40	—	10	—	1937
Хлопчатобумажные ткани, млн м	4700	—	2678	2694	1951	—
Шерстяные ткани, млн м	270	—	86,8	88,7	1957	—
Бумага и картон, тыс. т	900	—	331,6	544,2	1936	—
Сахарный песок, тыс. т	2600	—	1283	828	1951	—

тальные выполнены в 1934 г. (это примерно отвечало наметкам отправного варианта) или позднее.

По всем историческим меркам это был блестящий результат. Капиталистическая индустриализация ни в одной стране не показывала подобных темпов, несмотря на то что развитие промышленности во всех крупных капиталистических странах опиралось на внешние источники финансирования (грабеж колоний, займы, контрибуции) и происходило в благоприятных внешнеполитических условиях. Достижения Страны Советов производили особенно ошеломляющее впечатление на фоне великой депрессии во всем остальном мире. Принимая во внимание все это, современный исторический анализ призван дать ответ и на другие вопросы. Можно ли было получить более высокие экономические результаты? Можно ли было обойтись меньшими социальными издержками? Как повлияли на итоги пятилетки конкретные решения, да и вся та хозяйственная культура, которая порождена была отходом от методов экономического развития, практиковавшихся в период нэпа?

Судя по всему, первоначальный замысел Госплана (попадание в «вилку» между отправным и оптимальным вариантом) был в основном реальным, по крайней мере по отношению к количественным рубежам пятилетки. Но когда принятый напряженный вариант сменился произвольными фантастическими скачками в годовых планах, произошел срыв. Возникли диспропорции, вызвавшие — после незначительного прироста — резкий спад темпов. Общий итог «скачка» со спадом по сравнению с возможным планомерным развитием был, бесспорно, ниже. Это подтверждает сопоставление фактических темпов прироста промышленной продукции страны с намечавшимися по разным вариантам планов.

Темпы прироста промышленной продукции (%)

	Годы пятилетки				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Отправной вариант	21,4	18,8	17,5	18,1	17,4
Оптимальный вариант	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2
Годовые планы	21,4	32,0	45,0	36,0	16,5
Фактически	20,0	22,0	20,5	14,7	5,5

Особого внимания заслуживает резкий спад темпов в 1933 г., который должен был стать последним годом первой пятилетки, но после заявления о досрочном выполнении плана оказался первым годом второй пятилетки. Если за пять лет фактический среднегодовой прирост заметно ниже показателей оптимального и примерно равен отправному варианту, то за четыре года он превосходит оптимальный вариант. Нельзя не заметить и того, что подхлестывание, начавшееся с плана на 1930 г., дало тогда мизерную прибавку, не идущую ни в какое сравнение с потерями от последовавшего спада.

«Скачок» с последующим спадом, имевший место в 1930—1933 гг., был первой, но, к сожалению, не последней попыткой такого рода — в дальнейшем это случалось в разное время в разных странах, так что сейчас механизм подобного процесса достаточно широко известен. В первооснове обычно лежат непропорционально большие инвестиции в строительство новых предприятий. Вскоре обнаруживается, что они несоразмерны со строительными мощностями, с возможностями поставки материалов и оборудования, с развитием инфраструктуры — прежде всего транспорта и энергетики. Начатые многочисленные стройки растягиваются, вложенные в них средства не дают отдачи. Не находит товарного покрытия и выплаченная в ходе их сооружения зарплата, возникает товарный голод, за ним следует инфляция и как следствие — либо повышение цен, либо нормированное снабжение. В годы первой пятилетки имело место и то, и другое — это был единственный в нашей истории случай, когда карточное снабжение в целом по стране ввели не вследствие войны, а в мирное время.

Диспропорции, нарушения материального снабжения неразрывно связаны с дезорганизацией производства, простоями, снижением качества труда, ростом затрат. Прирост производительности труда в промышленности за годы пятилетки оказался значительно меньше запланированного, а прирост среднегодовой зарплаты — намного больше. Это было, с одной стороны, следствием нарушения пропорциональности, с другой — причиной новых диспропорций. Уже не могло быть речи о значительном снижении себестоимости, что с учетом изначальной напряженности плана считалось важнейшим источником накоплений

и непременным условием выполнимости пятилетки.

Напомним, что еще в 1926 г. в спорах о путях индустриализации, когда лидеры оппозиции требовали нажима на крестьянство, партия противопоставляла им иной план. Предлагалось путем рационализации, режима экономии, ограничения бюрократизма снизить затраты в промышленности и увеличить ее накопления и одновременно расширить поставки товаров для деревни, чтобы получить больше хлеба — и для города, и для экспорта. Этот курс, несмотря на трудности, в основном осуществлялся в 1926—1927 гг. XV съезд тоже придерживался такой политики, делал ставку на нее. Попытка скачка в 1929—1930 гг. нанесла этой политике двойной удар: во-первых, не получилось запланированных накоплений в промышленности, во-вторых, возрос спрос на товары в городе, так как рост промышленности обеспечивался не столько за счет увеличения производительности труда, сколько за счет увеличения численности занятых, к тому же при опережающем росте зарплаты. Оставалось либо свернуть индустриализацию, либо получить дополнительные ресурсы за счет увеличения изъятия средств из сельского хозяйства и ограничения потребления городского населения. Темпы и методы коллективизации тем самым прямо связывались с темпами и методами индустриализации. Намеченные XV съездом и положенные в основу заданий пятилетки реалистичные темпы коллективизации были пересмотрены в те же годы (и столь же радикально), что и задания по промышленности.

Анализ примененных методов коллективизации и их социально-политических последствий потребует предварительного обширного исследования материалов, которые почти не публиковались до сих пор. Рассмотрим лишь основные производственные итоги пятилетки в сельском хозяйстве, на которых, бесспорно, сказались социальные последствия применявшихся методов коллективизации.

Следует иметь в виду, что значительное внимание показателям сельскохозяйственного производства уделялось лишь при составлении пятилетнего плана. А при корректировке его заданий применительно к деревне упор делался на темпы коллективизации. Пятилетним планом намечалась коллективизация около 20% хозяйств. Уже в 1929 г. этот уровень был пере-

Сельскохозяйственное производство в первой пятилетке

	Годы		
	1928	1932/33 (по пятилет- нему плану)	1932 (фактически)
Все посевные площади, млн га	113,0	141,3	134,4
в том числе посевные площади зерновых, млн га	92,2	111,4	99,7
Валовой сбор, млн т			
зерновых	73,3	105,8	69,9
хлопка-сырца	0,79	1,91	1,27
сахарной свеклы	10,1		6,6
Урожайность, ц/га			
зерновых	7,9	повысить	7,0
сахарной свеклы	132	на	43
хлопчатника	8,1	35%	5,9
льноволокна	2,4		2,0
картофеля	82		71
овощей	132		79
Поголовье скота, млн го- лов			
лошади	32,1	около 38	21,7
крупный рогатый скот	60,1	80,9	38,3
в том числе коровы	29,3	35,5	22,3
свиньи	22,0	34,8	10,9
овцы	97,3	...	43,8
Производство			
Мясо, млн т	4,9	...	2,8
Молоко, млн т	31,0	...	20,6
Шерсть, тыс. т	182	...	69
Яйца, млрд шт.	10,8	...	4,4

крыт, а к концу пятилетки коллективизация в основном завершилась в главнейших районах. Этот итог и констатировал Сталин на Объединенном пленуме в январе 1933 г., умолчав о производстве сельскохозяйственной продукции, которое (по крайней мере в животноводстве) катастрофически сократилось.

Повторим общеизвестное: индустриализация необходима любой стране, она вдвойне необходима стране, ставшей на путь социалистического строительства, она была тройне необходима ввиду враждебного окружения единственного в то время социалистического государства. Последнее диктовало и сжатые темпы построения тяжелой, и в том числе оборонной, промышленности. Победа в Великой Отечественной вой-

не была бы невозможна без предшествовавшего исторического подвига народа — индустриализации. Исследование ошибок на пути индустриализации ни в какой мере не ставит под сомнение эти истины, многократно подтвержденные самой жизнью. Вопрос в другом: были ли избраны методы, ведущие к наименьшим или, наоборот, наибольшим издержкам в процессе индустриализации? С этим связан и другой вопрос, особенно актуальный сегодня: о происхождении негативных сторон плановой, хозяйственной культуры, сложившейся в 30—40-х годах, — тех сторон, которые призвана преодолеть перестройка.

О периоде индустриализации в юбилейном докладе М. С. Горбачева сказано, что наряду с историческими достижениями он принес и потери: «Тогда уверовали в универсальную эффективность жесткой централизации, в то, что командные методы — самый короткий, лучший путь к решению любых задач». Когда и как впервые возобладала эта идея?

Напомним: переход от восстановления к индустриализации обозначил еще XIV съезд в 1925 г. Если бы сама объективная логика такого перехода диктовала необходимость поворота к искусственному подхлестыванию роста, к скачкам, то на том же съезде должен был бы произойти этот поворот, тем более что его требовали некоторые влиятельные лидеры («новая оппозиция»). Но съезд определенно отверг такой путь. Вот слова из его основной резолюции, принятой по докладу Сталина: «Налицо экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики...» Съезд предлагал «развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и с финансовыми возможностями государства».

В разделе о работе в деревне XIV съезд, осуждая два уклона (недооценку борьбы с кулаком и переоценку ее), записал: «Съезд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. При относительно большей подготовленности партии к непосредственной борьбе с кулаком и к преодолению первого уклона гораздо более трудную задачу представляет преодоление второго уклона, ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества

с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства. Тем более, что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы». Этот текст резолюции представляет собой пересказ соответствующих положений из Политического отчета ЦК, с которым выступил Сталин.

XV партконференция (1926 г.) в своей резолюции записала: «Народное хозяйство вступает в полосу, когда темп развития его сильно замедляется сравнительно с истекшими годами. Совершенно неправильна пораженческая идеология, которая проявлялась в выступлениях оппозиции, связывающей с этим замедлением темпа срыв индустриализации и угрозу диктатуре пролетариата. Эта идеология не учитывает того, что развитие индустрии на основе расширения основного капитала (нового капитального строительства) никогда не могло и не может идти с такой быстротой, с какой происходило развитие промышленности на старой базе в восстановительный период за последние годы».

Взвешенная установка XV съезда о темпах приведена выше. Кто же мог иметь достаточно власти для того, чтобы в короткий срок изменить устоявшуюся линию партии? Ответ очевиден. Поэтому важно рассмотреть высказывания Сталина как о темпах экономического роста, так и о темпах социалистических преобразований.

В работе «Об основах ленинизма» (1924 г.) читаем об основных задачах социалистического строительства: «Едва ли нужно доказывать, что выполнить эти задачи в короткий срок, провести все это в несколько лет — нет никакой возможности». Годом позже, в докладе «К итогам работ XIV конференции РКП(б)», Сталин отмечает объективные факторы, «диктующие выбор наименее болезненных, хотя бы и длительных, путей для приобщения крестьянства к социалистическому строительству, для строительства социализма вместе с крестьянством». Он указывает на необходимость «ликвидации пережитков военного коммунизма в деревне». Называет «пустой болтовней» призывы «раз-

жечь классовую борьбу в деревне». Утверждает: «Главное теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вперед вместе с этой основной массой по пути к социализму». Доказывает, что через кооперацию — кредитную, сельскохозяйственную, потребительскую, промысловую «медленно, но основательно должно включиться крестьянское хозяйство в общую систему социалистического строительства» (заметим: «медленно, но основательно»). И наконец, требует, «чтобы коммунисты в деревне отказались от уродливых форм администрирования. Нельзя выезжать на одних лишь распоряжениях в отношении к крестьянству. Надо научиться терпеливо разъяснять крестьянам непонятные для них вопросы, надо научиться убеждать крестьян, не щадя на это дело ни времени, ни усилий».

В докладе на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) Сталин возражает против форсирования капиталовложений в промышленность: «Это был бы такой быстрый темп развития промышленности, которого мы не выдержали бы...» Предупреждает, что «в дальнейшем развитие нашей промышленности будет идти, по всей вероятности, не таким быстрым темпом, каким оно шло до сих пор».

Из доклада «О хозяйственном положении и политике партии» (1926 г.):

«То же самое надо сказать о темпе нашего накопления, о резервах, имеющихся в нашем распоряжении для развития нашей промышленности. У нас любят иногда строить фантастические промышленные планы, не считаясь с нашими ресурсами. Люди забывают иногда, что нельзя строить ни промышленных планов, ни тех или иных «широких» и «всеобъемлющих» предприятий без известного минимума средств, без известного минимума резервов. Забывают об этом и забегают вперед».

На XV партконференции Сталин говорит, что оппозиционный блок «скатывается... на путь «сверхчеловеческих» прыжков и «героических» вторжений в область объективного хода вещей. Отсюда... требование индустриализировать нашу страну чуть ли не в полгода и т. д. Отсюда авантюризм в политике оппозиционного блока. В связи с этим приобретает особое значение теория оппозиционного блока (она же — тео-

рия троцкизма) о перепрыгивании через крестьянство у нас, в нашей стране, в деле индустриализации нашей страны...». В том же докладе Сталин поддержал утверждение Рыкова о том, что происходит не «вымывание» середняка, а, наоборот, его усиление при значительном сужении крайних полюсов, т. е. кулачества и бедноты.

5 ноября 1927 г. в беседе с иностранными рабочими делегациями Сталин заявил: «Мы думаем осуществить коллективизм в сельском хозяйстве постепенно, мерами экономического, финансового и культурно-политического порядка. Я думаю, что наиболее интересным вопросом является вопрос о мерах экономического порядка». О «всеохватывающей коллективизации» в той беседе сказано очень определенно: «К этому дело еще не пришло и не скоро придет». Обратим внимание на дату: ноябрь 1927 г.

В следующем месяце собрался XV партийный съезд. В отчетном докладе Сталина приводятся темпы прироста национального дохода: 29,9% в 1925/1926 г., 11,4 — в 1926/1927, 7,3% — в плане на 1927/1928 г. Не смущаясь снижением, докладчик комментирует эти цифры так: «...Темп роста национального дохода СССР за последние годы является рекордным по сравнению с крупными капиталистическими странами Европы и Америки».

Правда, в заключении раздела «Темп развития нашей крупной социалистической промышленности» мелькнули слова о повышении темпов: «Задача партии: закрепить достигнутый темп развития социалистической промышленности и усилить его в ближайшем будущем на предмет создания благоприятных условий, необходимых для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Но это «и усилить» воспринимается в контексте как случайное слово, потому что нигде задача повышения темпов не ставится в развернутом виде и не обосновывается. Наоборот, весь раздел дышит удовлетворением от имеющихся темпов. Сталин приводит сначала цифры прироста продукции крупной национализированной промышленности за те же три года: 42,2%, 18,2 и 15,8%. Затем — госплановские черновые наброски: среднегодовой прирост продукции крупной промышленности — 15%, всей промышленности —

12%. Следует сравнение с американскими темпами (от 2,6% до 8,2%) и дореволюционными российскими (10,7% в лучшие годы). Вывод: «Процент ежегодного прироста продукции нашей социалистической промышленности, а также продукции всей промышленности есть рекордный процент, какого не имеет ни одна крупная капиталистическая страна в мире». Этот вывод бесспорно справедлив. Сорокапроцентные приросты периода восстановления не могли быть постоянной нормой. Для развития на основе полного цикла расширенного воспроизводства 12% — блестящий показатель.

В резолюции съезда по сталинскому отчетному докладу нет ни слова о повышении темпов, по отношению к индустриализации употреблены слова «продолжать неослабным темпом», выделена проблема накопления товарных и валютных резервов. А в директивах съезда подчеркнуто, что «центральной проблемой промышленности», решению которой должны быть подчинены все остальные задачи, является снижение себестоимости — количественные задачи на втором плане. Формулировка директив о темпах, не только не требующая их немедленного повышения, но почти предостерегающая от этого, приведена выше.

Задачи деревенской работы в докладе Сталина на съезде рассматриваются в духе изложенного выше пункта беседы с иностранными рабочими. Закljučая раздел, Сталин ставит коллективизацию (притом постепенную) на второе место, на первом — другие более низкие формы обобществления, поскольку и они были еще далеко не везде достигнуты:

«Задача партии: расширять охват крестьянского хозяйства кооперацией и государственными органами по линии сбыта и снабжения и поставить очередной практической задачей нашего строительства в деревне перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и механизации земледелия в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне».

Из дальнейшего текста доклада заслуживает внимания одна деталь: «Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в

порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство — легкое, но далеко не действительное. Кулака надо взять мерами экономического порядка, на основе революционной законности». Запомним дату: это сказано в декабре 1927 г.

Итак, через десять лет после Октября, спустя почти четыре года после смерти Ленина сохранялась ленинская линия — курс на развитие без забегания вперед, с учетом объективных требований жизни.

Прошло еще две недели. 15 января 1928 г. Сталин выехал в Сибирь. В городах, одном за другим, собирал он совещания партийного актива. Нет, не для разъяснения столь глубоких и взвешенных документов только что прошедшего XV съезда. Он в резкой форме критикует местных работников за нежелание применять против кулаков чрезвычайные меры, 107-ю статью Уголовного кодекса. И тут же ставит в повестку дня «развертывание строительства колхозов и совхозов». Не как дело перспективы, а в прямой связи с текущим мероприятием — хлебозаготовительной кампанией. Два месяца прошло после его заявления в беседе, что к этому дело еще «не скоро придет». Меньше месяца — после XV съезда, наметившего совсем иной подход.

Важное обстоятельство: запись январских речей 1928 г. в Сибири была впервые опубликована только в 1949 г., при выходе Собрания сочинений Сталина.

Прошло еще полгода (всего полгода). В речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. Сталин заявил, что крестьянство «платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно...». Далее Сталин обрушился на «некоторых товарищей», которые требуют ввести «восстановительные цены» на хлеб, т. е. цены, возмещающие затраты на производство. Таким образом, предлагалось принуждать крестьян продавать хлеб в убыток, по ценам ниже «восстановительных». Это было мерой, направленной

не только против кулака, но и против всего крестьянства, так как цена была одна для всех. Это было отходом от ленинской новой экономической политики. Это было прямым нарушением решений XV съезда партии. На отказ продавать хлеб в убыток можно было ответить 107-й статьей. На крестьянские восстания, вызванные чрезвычайными мерами, можно было ответить военной силой. Но на следующий год крестьяне неизбежно должны были сократить посевы, как уже было при продразверстке. Чем отвечать на это?

И эта речь на Пленуме была впервые опубликована лишь 21 год спустя, когда уже не только никто не мог вслух выступить с критикой вождя, но и мало кто был способен хоть про себя усомниться в его непогрешимости. Тогда же была впервые опубликована речь, с которой он выступил на том же Пленуме двумя днями позднее. Из нее следует, во-первых, что некоторые участники Пленума (они не названы) не соглашались с принципом «дани» и отказом от восстановительных цен, а во-вторых — что они сами отказались от восстановительных цен. Кто были люди, отстаивавшие эту позицию на Пленуме, и почему они в итоге отступили в главном вопросе — не узнать без архивных материалов.

На другой день после закрытия июльского Пленума Сталин выступил на активе с речью, которая была сразу опубликована в печати. В ней он требовал «немедленной» ликвидации «обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности», немедленной ликвидации «всех и всяких рецидивов продразверстки и каких бы то ни было попыток закрытия базаров», «некоторого» повышения цен на хлеб (о восстановительных ценах речи не было). Таким образом, в публичной речи провозглашались от собственного имени благие начинания, которые отвергались в «закрытых» речах.

На сей раз однако вышла неувязка: сам Троцкий оказал Сталину плохую услугу. Июльский Пленум частично отменил чрезвычайные меры. Троцкий же, которому вовсе не обязательно было знать, как относился к этому Сталин, в открытом письме обрушился на это решение, отстаивая политику чрезвычайных мер. Получив такого сторонника, Сталин оказался в глазах посвященных, т. е. участников Пленума и более или менее широкого партийного актива, в весьма неудоб-

ном положении. Это неудобство еще более возросло, когда Бухарин выступил в «Правде» со своей знаменитой статьей «Заметки экономиста».

На первый взгляд кажется вполне естественным, что Бухарин — главный теоретик партии и правая рука Сталина в деле разгрома троцкистско-зиновьевского блока, основная мишень нападок оппозиционеров — выступает с очередной развернутой критикой троцкистских взглядов. Но чем дальше читаешь статью, тем более странным кажется ее тон. Троцкисты уже несколько месяцев как исключены из партии, их уже без лишнего шума арестовывают, высылают, они перестали хоть как-нибудь влиять на политику партии, а в статье Бухарина такая страсть, такой запал, будто речь идет о настоящем, борьба кипит и опасность велика. И вдруг соображаешь: так и есть, противник не в прошлом, он перед ним во плоти. «Троцкисты» — лишь псевдоним в устах автора статьи. Его противник — Сталин. Именно он говорил в последние месяцы все то, что теперь громит Бухарин. Правда, троцкисты тоже говорили это, почему и удалось Бухарину замаскировать критику псевдонимом, затрудняя прямой ответный удар. Но троцкисты говорили это раньше — Сталин говорит теперь. Вот один пример. С начала 1928 г. — в январских речах, затем на апрельском Пленуме, затем на июльском — Сталин настойчиво повторяет, что деревня разбогатела благодаря трем подряд урожайным годам и теперь может припрятать хлебные излишки. Вывод из этого тезиса ясен: допущен перекосящий в ущерб индустриализации, в пользу села, в этих условиях нелепо требовать повышения цен на хлеб, надо, наоборот, поприжать деревню и взять с нее «дань» в пользу промышленности. Это звучит очень резолюционно, особенно если учесть, что вслед за словами «растет и богатеет деревня» Сталин подпускает мысль, что особенно богатеет кулак. Кто же захочет раздеть эксплуататоров на пользу социалистической индустрии? Но это лишь словесность, хоть и красивая. А у Бухарина против этого (т. е., разумеется, не против этого, а против дословно похожих рассуждений троцкистов) — факты, экономический анализ. Ряды цифр выстраиваются в доказанный вывод: доходы крестьян растут, но при этом хлебное хозяйство подорвано чрезмерным изъятием средств в пользу промышленности. Как это может быть? Очень

просто. Российский крестьянин искони не только хлебороб, но и отходник, т. е. сезонный рабочий, в основном лесоруб и строитель. Бухарин доказывает с цифрами в руках, что чуть не половину возросших доходов деревни составляют заработки отходников, что означает, во-первых, ускоренный рост промышленности при далеко не блестящем положении хлебного хозяйства, а во-вторых, массовый рост доходов отнюдь не кулацких, кулакам отходничество ни к чему. Ясны и практические выводы: стимулирование отходничества стране, и промышленности в том числе, не требуется, ибо рабочих рук и так избыток, а вот подрыв хлебной базы опасен, и в первую очередь для самой индустриализации. С особой яростью, с возмущением, почти явно искусственным, обрушивается Бухарин на письмо Троцкого против решений июльского Пленума об отмене чрезвычайных мер.

Бухарин не выступил с оппозиционной платформой против линии партии, не выступил и с личной критикой Сталина, напротив — он защищает генеральную линию. Но так рьяно защищает, что генсек то и дело напарывается на нее сам.

Отступать поздно, Сталин может только расширять атаку. В октябре он выступает на пленуме МК и МКК ВКП(б) с речью «О правой опасности в ВКП(б)», которая публикуется в «Правде». Сталин доказывает, что в партии есть правый уклон, что это явление не пустяковое, а серьезное и называет его основные признаки: правые против борьбы с кулаком и за свертывание темпов индустриализации. Он утверждает затем, что хотя из двух опасностей — правой и «левой» — «обе хуже», все же надо сосредоточить внимание на борьбе с правой, ибо «партия за годы борьбы с «левым», троцкистским уклоном научилась многому и ее уже нелегко провести «левыми» фразами». (Ах, где те золотые деньки 1925—1927 гг., когда партия, по утверждению ее генсека, была невосприимчива к правой опасности! Всего несколько месяцев прошло — и она уже готова этой опасности поддаться. Глаз да глаз нужен.)

В ноябре 1928 г. Пленум ЦК обсуждал конкретную позицию: контрольные цифры на 1928/29 хозяйственный год, первый год пятилетки. Речь Сталина на этом Пленуме называлась «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)». Три вопроса ставит оратор

в самом начале речи: о темпах индустриализации, о сельском хозяйстве, о правом уклоне. В связи с первым вопросом затронуты самые разнообразные темы: и «индустриализация» Петра Великого, и дооктябрьская статья Ленина, и рассуждение о том, что кабы нам да германскую промышленность, то и не нужны особо высокие темпы индустриализации. Одно не упоминается ни единым словом, именно то, что имеет самое близкое отношение к теме: XV съезд и его директивы по пятилетнему плану. И немудрено: установки сталинской речи прямо противоположны линии съезда, ибо теперь выдвигается задача односторонняя: ускоренное развитие тяжелой индустрии. Не упомянут съезд и в связи со вторым вопросом — о сельском хозяйстве. И лишь по третьему вопросу, о борьбе с правым уклоном, упомянут XV съезд. Помянут не без раздражения: «Что XV съезд приплетен здесь ни к селу ни к городу, это не подлежит сомнению». Такими словами начинается отповедь члену ЦК Фрумкину, который вновь обратился с письмом в ЦК и ЦКК и вновь напоминал о решениях XIV и XV съездов.

1929 г. начался с выступлений Сталина на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, опубликованных впервые в 1949 г. в краткой записи под названием «Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии». Здесь впервые названы имена: Бухарин, Рыков, Томский. Здесь сказано о разногласиях по тем же вопросам — темп индустриализации и пути решения зерновой проблемы, — впервые проявившихся на июльском Пленуме. Здесь сказано, что статья «Заметки экономиста» — это попытка пересмотреть или «поправить» линию ЦК. Позднее, в речах гораздо более пространных, но для печати, т. е. публиковавшихся немедленно, не нашлось места для упоминания этой статьи. Неудобно было Сталину публично признавать, что узнал себя в описании позиции, которую Бухарин критиковал как троцкистскую.

В последующие полтора года все более решительно проявляется отказ от установок XV съезда относительно темпов индустриализации, темпов и методов коллективизации. Сами критерии правильности политики партии пересматривались. Еще в 1928 г. Сталин говорил (и вполне резонно): если после насильственного изъятия хлеба посевы не сократились — значит, нет и серьезного недовольства крестьян. Но в 1929-м

уже заявил обратное: посевы сократились,— значит, чрезвычайные меры нужны. Да что там сокращение посевов — даже восстание крестьян в Аджарии было названо «ничтожной мелочью», доказывалось, что оно не может служить основанием для корректировки политики.

Нараставшее неравновесие, экономическое и социально-политическое, не могло не беспокоить многих членов партии. Знаменитые статьи «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам» (март и апрель 1930 г.) были восприняты ими как долгожданный возврат к более разумной политике. Но Сталин такого поворота не хотел и позаботился о том, чтобы руководящие кадры это поняли. Одно из свидетельств — «Ответ т. М. Рафаилу» (май 1930 г.). Сталин писал:

«1) Никакой аналогии нет и не может быть между выступлением ЦК в марте этого года против перегибов в колхозном движении и Брестским периодом или периодом введения нэпа. Там мы имели дело с поворотом в политике. Здесь, в марте 1930 г., не было никакого поворота в политике. Мы одернули зарвавшихся товарищей,— только и всего...

2) Поворот в политике по вопросам колхозного движения (в связи с поворотом середняцких масс к колхозам) действительно был у нас, но не в марте 1930 г., а во второй половине 1929 г.».

Таким образом, не только указывалось, что за широко пропагандировавшимися статьями 1930 г. не стоял реальный поворот в политике, но и признан поворот 1929 г., т. е. отход от всей прежней политики «смычки», заложенной Лениным.

И это письмо Сталин не опубликовал в то время. Копию его он послал С. М. Кирову.

Спустя месяц, в докладе XVI съезду партии, Сталин восхвалял «бешеные темпы» развития промышленности, доказывал возможность выполнения пятилетнего плана «по целому ряду отраслей промышленности в три и даже в два с половиной года», требовал еще больше взвинтить темпы развития промышленности и, наконец, заявил: «Люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов».

О необходимости снижения темпов он заговорил

сам спустя два с половиной года, когда разрушительное действие «скачка» стало очевидным, а продолжение его — опасным. В заключение упоминавшегося доклада на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в январе 1933 г. было сказано, что основные задачи создания базы новой современной техники и поднятия обороноспособности уже решены. «Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что теперь нет в этом необходимости». Для второй пятилетки он предложил среднегодовые темпы прироста промышленной продукции — 13—14%. Правда, к тому времени XVII партконференция уже приняла контрольные цифры, отвечавшие прежнему курсу на «скачок». Но в 1934 г. XVII съезд принял директивы, не имевшие, по сути дела, ничего общего с решениями конференции. XVII съезд поставил весьма высокие, но вполне реальные цели, что было подтверждено успешным в целом выполнением второго пятилетнего плана.

Однако иной хозяйственный механизм — механизм не полного, а ограниченного хозрасчета — уже успел сформироваться. Показательно, что именно в середине 30-х годов, с возвратом к более пропорциональному развитию, усилилось и стремление к возрождению хозрасчетных методов. Оно особенно ярко проявилось в знаменитом тогда эксперименте Махеевского металлургического завода, где широко применялся вариант бригадного хозрасчета. Этому и другим экспериментам большое внимание уделял нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. 1937 г. прервал эти поиски, а затем война заставила забыть о них.

Историки не могут обойти вопрос о причинах отхода от ленинских принципов социалистического развития по многим линиям в конце 20-х годов. Это предмет особого исследования. Ясно, что поворот такого масштаба нельзя объяснить лишь отрицательными чертами вождя. И никак не объяснишь личными моментами ту поддержку, которую получил тогда Сталин у большинства руководящего слоя партии. Сталин отразил объективные черты социальной психологии эпохи, и прежде всего революционное нетерпение молодого рабочего класса, рвавшегося из отсталости к достойной жизни.

Ссылка на такие объективные обстоятельства — не оправдание Сталину: ведь руководитель должен, зная

и понимая настроение масс, все-таки видеть дальше — примером тому был Ленин. Такая ссылка — и не в осуждение рядовым людям тех лет: ведь они не могли знать того, что знаем мы сегодня. Восстанавливая историю по документам, мы обязаны стараться увидеть ее глазами тех, для кого она была жизнью. А эта жизнь, помимо нетерпения и повышенных ожиданий людей, прикоснувшихся к историческому творчеству, включала и давящее чувство постоянной внешней угрозы. Военные стычки на разных границах, ультиматумы, убийства советских дипломатов, ограничения экономических связей и дипломатическое непризнание — все это рождало желание как можно быстрее и любой ценой создать предпосылки победы в неотвратимой схватке.

Повышение темпов экономического роста было в то время вопросом жизни и смерти молодой социалистической страны. Но практика показала, что для реального повышения темпов не нужно и даже вредно «подхлестывать и подгонять страну». Жизнь показала надежность ленинской установки на планомерное пропорциональное развитие, нашедшей свое отражение и в решениях XV партсъезда. Верность ленинских принципов подтверждалась успехами развития при их соблюдении, неудачами — при отступлении от них.

Чем ниже исходный уровень социально-экономического развития страны, совершившей революцию, тем обширнее в ней социальный слой молодого пролетариата и полупролетариата, легко поддающегося на псевдореволюционные призывы и авантюристические обещания выполнить «в два счета» такие задачи, которые требуют долгих лет упорного труда. Чем больше удельный вес социальных слоев, склонных к «революционному» нетерпению, тем больше ответственность и объективная роль политического руководителя, призванного удерживать страну на верном пути. Ленин не только выполнил эту задачу в столкновениях с «левыми коммунистами» в 1918 г. и при повороте к нэпу в 1921-м, но и предупреждал партию об огромном значении личных черт руководителей и их единства в подобных вопросах — этому посвящено его «Письмо к съезду». Сталин аналогичную задачу на другом этапе выполнить не смог или не захотел.

Система сложилась и зажила своей жизнью, по своим объективным законам, среди которых играют роль

и политические наслоения, и общественная психология, и уровень научно-технического развития, и трудовые традиции, и общая культура. С течением времени меняются представления о плохом и хорошем. Если «скачок» в годы первой пятилетки удался — почему нельзя и другие, дальнейшие задачи решать с помощью тех же методов?

Административная централизация имеет свою логику развития, свою огромную инерцию — это было известно и до «Закона Паркинсона». В текущей практике трудно установить разумную границу централизма — он распространялся беспредельно, вторгаясь и в такие области, куда в иных условиях не проникли бы директивы центра.

Вот постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 1 августа 1940 г. «Об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов». В этом документе технологических указаний гораздо больше, чем политических или экономических. Подробнейшим образом написано, как убирать хлеб, свеклу, картофель и хлопок. Есть даже раздел «По табакам и махорке»:

«1. Установить, что уборка табаков должна производиться при наличии полной технической зрелости строго по ярусам, не допуская перезревания табаков, а также сбора недозрелых листьев.

2. Обеспечить своевременное и последовательное выполнение работ по уборке табака (ломка, низка, сушка, обработка), не допуская разрыва между этими работами...

4. Провести уборку урожая табаков и махорки в следующие сроки:

а) махорки — не позднее 10 сентября по всем районам, за исключением Алтайского и Красноярского краев и Новосибирской области, где уборку закончить не позднее 1 сентября;

б) желтых табаков — не позднее 1 октября, а по Украинской, Казахской, Киргизской ССР, Сталинградской, Воронежской и Орловской областям — не позднее 20 сентября».

А в резолюции XVIII партконференции от 18 февраля 1941 г. наряду с важнейшими задачами партийных организаций в области промышленности и транспорта было и такое: «...навести и повседневно поддерживать чистоту и элементарный порядок на предприятиях и железных дорогах».

Саморазвитие системы не знает предела. Казалось бы, наибольшее развитие административного централизма должно происходить во время войны, когда такой централизм целиком оправдан, нужен, спасителен. Но смотришь документы — нет, не совсем так получается. Та степень централизма, которая сложилась перед войной, оказалась даже для военной обстановки чрезмерной, мешающей. Поэтому одним из самых первых после начала войны хозяйственных решений было постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» — о нем шла речь в первой главе.

Разумеется, основы централизованной системы не были затронуты — наоборот, закономерно укрепились в годы войны, в особенности в том, что касалось прямого управления хозяйством со стороны партийных органов. Но эта поправка к довоенной системе централизма говорит о многом.

Хозяйственные документы военных лет сами по себе очень важны и заслуживают внимательного изучения. Но с точки зрения нашей темы — развития системы управления экономикой — нет нужды на них детально останавливаться. Ясно, что в годы войны система управления не менялась. Но с окончанием войны обстановка для развития хозяйства изменилась — как и в 1921 г. Как же реагировала на эти перемены система управления в 1945-м?

Крупных постановлений, скажем по сельскому хозяйству, где перемены требовались больше всего, принималось после войны немало. Однако содержание этих документов состояло по преимуществу в дальнейшей отладке механизмов централизованного администрирования.

Вот постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В чем усматривает оно главные недостатки? В раздувании штатов административного персонала колхозов, в неправильном распределении трудодней, в раздувании личного хозяйства в ущерб общественному.

Первый ответ на неурожай 1946 г.: постановление Совета Министров СССР от 26 декабря 1946 г. «О расширении посевных площадей и повышении урожай-

ности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР». Таблицы, таблицы. Каждой из девятнадцати областей Сибири и Казахстана написано на каждый из трех последующих годов, сколько всех посевных площадей надо иметь, сколько всего зерновых посеять, сколько в том числе яровых и озимых, какой в каждой области в каждом году урожай снять, сколько вспашки паров сделать и сколько зяблевой, какой иметь процент сортовых посевов во всех площадях яровых. И поставки техники тоже написаны по годам, и капиталовложения, и план ввода в эксплуатацию мастерских в МТС, и отдельно план ввода сараев в МТС, и указание Центросоюзу «завезти до 1 октября 1947 г. в восточные районы СССР для продажи колхозам по разнарядкам Министерства земледелия СССР 125 т гвоздей для строительства зерносушилок».

Ответ на все вопросы должно было дать постановление февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Пункт первый: «Улучшить руководство сельским хозяйством со стороны партийных и советских органов, Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и их местных органов. Все руководство сельским хозяйством снизу доверху должно быть поднято на более высокий уровень, соответствующий огромным задачам, стоящим перед сельским хозяйством...» Пункт второй: «Ликвидировать до конца... нарушения Устава сельскохозяйственной артели...» Пункт третий: устранить недостатки в организации и оплате труда колхозников, которые выражаются в уравниловке и «наличии в колхозах устаревших, заниженных норм выработки, что ведет к растрате трудодней...». А дальше на десятки страниц — цифровые задания по годам, по районам, по отраслям: «по увеличению производства зерна», «по увеличению производства технических культур», «по хлопку», «по сахарной свекле», «по льну-долгунцу и конопле», «по каучуконосам», «по табаку и махорке», «по шелководству», «по цитрусовым культурам и чаю», «по садоводству и виноградарству», «по сое и клещевине», «по масличным культурам», «по картофелю и овощам», «по крупному рогатому скоту», «по овцеводству», «по племенному делу», «по птицеводству», «по кормам» и т. д.

Конец войны и для управления промышленностью не послужил сигналом о переходе к экономическим, хозрасчетным методам. Наоборот, система централизованного администрирования все разрасталась и совершенствовалась. Росла детализация плана, нередко охватывающая второстепенные подробности технологии, внутривзаводской и внутрицеховой организации. Так, в постановлении Государственного Комитета Обороны от 26 августа 1945 г. по автомобильной промышленности наряду с указанием о выпуске машин новых марок, о строительстве новых заводов предписывалось, например, «внедрение современной технологии обработки зуба, исключаящей применение зубодолбежных станков».

Центральный аппарат не справлялся с выдачей такой массы команд по всем вопросам. Росло количество министерств, в некоторых отраслях их стало по два: для восточных и западных районов.

И в эти годы продолжают говорить о хозрасчете. Но само понимание слова «хозрасчет» существенно изменилось. Постановление Совета Министров СССР от 7 мая 1946 г. говорит об ослабленном внимании «к финансовому хозяйству и к укреплению хозяйственного расчета предприятий, что, в частности, выражается в несвоевременном представлении отчетов и в отсутствии со стороны министерств ревизий...».

Что до хозрасчетных прав предприятий, то об их широте можно судить хотя бы по такому разрешению (из того же постановления):

«Продлить до конца 1946 г. предоставленное директорам предприятий право, в порядке исключения, с разрешения министров производить реализацию другим государственным и кооперативным предприятиям и учреждениям выявленные по состоянию на 1 января 1946 г. излишние... и ненужные для данного предприятия материалы».

Некоторым отклонением от тогдашней системы управления можно считать, пожалуй, только два документа: 22 августа 1945 г. было принято постановление Совнаркома СССР «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов», а 9 ноября 1946 г.— постановление Совета Министров СССР «О развертывании кооперативной

торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями». Эти постановления давали предприятиям местной промышленности и промкооперации права довольно широкие по сравнению с предприятиями других отраслей, хотя и незначительные, если сравнивать с тем, что сделано сейчас. Эта уступка должна была служить как бы клапаном, снимающим очень уж острую напряженность на рынке потребительских товаров.

Таким образом, экономические методы управления, которые при Ленине и позднее — до начала 30-х годов — считались нормой, в 40-е годы стали довольно редким исключением. Административная же система, когда-то считавшаяся исключительной, годной лишь для чрезвычайных военных условий, — она стала нормой. Эта специфическая разновидность социалистического хозяйствования стала восприниматься как единственная, отождествляться с социализмом вообще.

Не много оставалось людей, которые помнили и понимали иную норму. Двоим из них — А. Саниной и В. Венжеру — Сталин ответил в «Экономических проблемах социализма в СССР». Поскольку разговор шел, в общем, на теоретической почве, отвечено было спокойно, что товарное производство — пережиток, что существует оно лишь постольку, поскольку мы еще не успели покончить с кооперативно-колхозной собственностью.

В этих заметках не везде оговаривается, но везде подразумевается, что всякий анализ и всякое деление на периоды развития условны, ибо никогда не было дистиллированной обстановки. Всегда существовали разные факторы, всегда взаимодействовали разные тенденции. В любой период, когда одна тенденция преобладала, утверждалась в виде системы, иная тенденция не исчезала начисто, держалась за свое место под солнцем.

Хотя любая из систем стремится к монополии, старается исключить чуждые ей стремления, периоды вынужденного «сосуществования» бывали весьма продолжительными — тем дольше, чем длиннее был предшествующий период. «Военный коммунизм» оформился в цельную систему за несколько недель,

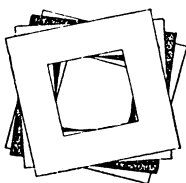
нэп — при всей ленинской целеустремленности — утверждался дольше, а отход от него к системе административного централизма охватывает уже целых четыре года — 1929—1932 гг.

Еще длительнее был следующий переход — от сентябрьского Пленума 1953 г., в постановлении которого настойчиво прозвучал уже почти забытый мотив о материальном стимулировании, и до первой непоследовательной попытки экономической реформы прошло двенадцать лет. К тому же та реформа угасла, не доведенная до конца, и лишь в 1985-м настало время перестройки.

Видимо, надо признать, что каждая система накапливает определенную инерцию — тем большую, чем больше успевает она изменить по своему образу и подобию общественную психологию, провести естественный отбор кадров — главных носителей этой психологии. И вот становится массовым представление, будто главная черта данной системы социалистического хозяйствования — преимущественно административное, а не экономическое управление — есть главный отличительный признак социализма вообще, а централизованное государственное управление возможно в единственном варианте — административной централизации распределения ресурсов. На преодоление этих и других еще не изжитых предрассудков ушли десятилетия.

План и хозрасчет

«Да, я могу повторить, да, я считаю, хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества, и продолжаю держаться такой точки зрения». Сегодня эти слова соответствуют тому, что известно каждому выпускнику средней школы из учебников по биологии. Чтобы оценить их по достоинству, надо знать, что они прозвучали не сегодня. Они прозвучали 6 августа 1948 г. с трибуны печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ «О положении в биологической науке». В то время такое публичное заявление могло стоить жизни, а уж карьеры — вне всякого сомнения. Произнес их тогдашний директор Тимирязевской академии Василий Сергеевич Немчинов. Он был не биологом, а статистиком, в данном случае этого было достаточно для уверенного суждения (как известно, верность хромосомной теории в классических опытах наподобие менделевского доказывается статистически). Но не специальность его важна для нас сейчас. Важно, что крупный советский экономист академик Немчинов выше всего ставил научную истину. И не было случайности в том, что несколько лет спустя, когда утратило силу экономическое шаманство и потребовались экономические знания, к голосу Немчинова прислушивались с особым вниманием.

Одним из самых крупных событий экономической дискуссии начала 60-х годов стала опубликованная в «Коммунисте» в 1964 г. статья Немчинова «Социалистическое хозяйствование и планирование производства», содержащая изложение его хозрасчетной системы планирования. «Основное и главное состоит в том, чтобы механизм планирования сомкнуть с системой хозяйственного расчета и с системой общественных фондов предприятия»,— писал Немчинов. Эта ключевая идея была отражена в решениях 1965 г. об экономической реформе, но, к сожалению, не была тогда воплощена в хозяйственной практике. Эта идея широко использована и развита в документах нынешней реформы—достаточно вспомнить такое ключевое понятие из Закона о предприятии 1987 г., как хозрасчетный доход трудового коллектива.

Да, были и 20—30 лет назад ученые, предлагавшие и отстаивавшие экономическую систему, основанную на полном хозрасчете предприятий. Но инерцию старого мышления в то время они преодолеть не смогли. Механизм неполного, ограниченного хозрасчета еще сохранял некоторую способность к действию. А историческое сознание общества только начинало освобождаться от стереотипов, сформированных «кратким курсом» истории партии да сталинской брошюрой «Экономические проблемы социализма в СССР».

Вплоть до экономической дискуссии 60-х годов немислимо было появление публикации, в которой бы значилось во множественном числе: «социалистические экономические системы». Считалось, что такая система может быть только одна—именно та, что сложилась в начале 30-х годов и была оставлена нам в наследство Сталиным. Система, существовавшая в 20-е годы, рассматривалась как переходная, досоциалистическая—и только. Общесоциалистические начала, заложенные в нее Лениным, игнорировались. Само слово «нэп» было на подозрении, многие производили его как бы обратным ходом от слова «нэпман», видели в нэпе только отступление, только допущение частного капитала, не желая вспоминать о сформированной тогда системе хозрасчетных отношений государственных предприятий.

Первым, кто поставил решения о реформе 1965 г. в исторический ряд, указав в качестве предшествующих шагов переход к новой экономической политике в

1921 г. и отход от нее в 1929—1932 гг., был Александр Михайлович Бирман. Он сказал об этом в статье «Мысли после Пленума», помещенной в 12 номере «Нового мира» за 1965 г. Профессор Бирман был проректором, а затем заведующим кафедрой Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Он был одним из крупнейших специалистов в области советских финансов. И он был одним из самых ярких воителей за подлинную экономическую реформу — не только в своих научных трудах, но и в десятках публицистических статей, появлявшихся в газетах и журналах.

В битве за реформу А. М. Бирман был не только ученым, но и просветителем. Он написал книгу для молодых рабочих «Учись хозяйствовать», издал «Календарь экономиста», составил сборник очерков «Если дружить с экономикой» для издательства «Знание». Но его статья об экономике для «Детской энциклопедии» была снята в последний момент по требованию невежественного ретрограда. А второй выпуск сборника «Если дружить с экономикой», уже набранный, был рассыпан без объяснения причин. Мало того, авторов начали тягать к следователю, требуя объяснений, не затеял ли Бирман составление неизданного сборника специально для того, чтобы ввести государство в убыток путем выплаты авторам положенной по закону части гонорара за принятые издательством, но неопубликованные тексты. А потом Плехановскому институту «подарили» такого ректора, что оттуда были вынуждены уйти десятки профессоров, включая А. М. Бирмана,— не помог и напечатанный в «Литературной газете» протест.

А. М. Бирман работал в Госплане еще при Н. А. Вознесенском, потом в Китае в качестве советника помогал организовывать плановое хозяйство в годы первой пятилетки КНР. «Никакой план не в состоянии учесть всего многообразия условий работы предприятия. Чтобы обеспечить выполнение государственного плана, необходимо расширить права хозяйственников». Это слова из статьи, которую он опубликовал в начале 1941 г.! В 60—70-е годы он многому научил молодых экономистов и журналистов, склонных приходить в восторг от любой новации,— учил разбираться по существу, исследовать не лозунги, а реальные процессы. Помню, встревоженным вернулся

он весной 1968 г. из поездки по Чехословакии. Говорил, что реформа там сворачивает на неверный путь, предприятия ориентированы не на повышение эффективности, а на растаскивание общенародных ресурсов. Учил глубже понимать и задачи нашей реформы, не сводя их к смене «показателей». Он выступал в ряду крупнейших сторонников реформы из числа экономистов старшего поколения — таких, как В. С. Немчинов, Л. В. Канторович, В. В. Новожилов, В. Г. Венжер, чьи статьи в 60-х годах также неизменно вызывали нападки с навешиванием идеологических ярлыков.

Ярлыки служили излюбленным орудием той антинауки, для которой главным было — не допустить гласного и равноправного сопоставления идей, фактов, аргументов, не допустить честной научной дискуссии. Проще было прокричать, что имярек против планового хозяйства, против социализма — потом можно с ним и не разговаривать. Можно назвать имена, но дело не в личных судьбах, и подвергавшиеся нападкам не всегда бедствовали из-за того, что ставились препоны научным исследованиям определенного направления. Бедствовала идея. Обеднялось экономическое сознание общества. Ведь проблема реформы не сводится к утверждению того или иного решения — сама разработка решения (формирование нового механизма) представляет собой невероятно сложную научную и практическую задачу, требующую мобилизации всех интеллектуальных ресурсов общества. Вместо такой концентрации сил в течение двадцатилетия — с 1965 до 1985 г. — немало стараний направлялось на то, чтобы пресечь подлинно научный анализ. Происходившее измельчание мысли продлевало жизнь и вполне искренних заблуждений.

В современных дискуссиях о социалистическом хозяйственном механизме едва ли не самым главным предметом полемики служит вопрос о соотношении хозяйственных функций центральных органов управления, с одной стороны, объединений и предприятий — с другой. Известны многочисленные выступления сторонников как «централизации», так и «децентрализации» планирования и управления, известны их основные аргументы. В споре между защитниками обеих концепций можно заметить позицию, на которой они, кажется, готовы прийти к согласию и которая заключается в том, что между укреплением централизован-

ного управления, с одной стороны, и расширением хозяйственной самостоятельности предприятий и прав трудовых коллективов — с другой, не существует непреодолимой противоположности, что это две стороны одного процесса, что то и другое может и должно развиваться одновременно.

К сожалению, одно только наличие такого согласия не может успокаивать: само по себе оно не гарантирует надежного ответа науки на сложные вопросы, которые ставит экономическая жизнь. Во-первых, простая констатация такого единства противоположностей не исключает (более того, почти предполагает) представления о том, будто возможно совершенствование хозяйственной системы социализма на базе чисто количественного нарастания одновременно элементов «централизации» и «децентрализации» без их качественного преобразования. Между тем опыт показывает, что простое смешение этих элементов может лишь нарушить плановое развитие народного хозяйства. Во-вторых, вполне очевидно, что, провозглашая эту общую по видимости истину, сторонники обеих позиций могут вкладывать в нее разное содержание — да так оно чаще всего и получается на практике. Это оказывается возможным потому, что в приведенном выше общем виде (а дальше такой общей формулы дело часто не идет) данная истина столь же справедлива «вообще», сколь бессодержательна по существу. Мало провозглашать ее в общем и целом — надо еще, как минимум, не забывать, во-первых, какой стороне (централизму или самостоятельности предприятий) отдается приоритет в этом диалектическом взаимодействии противоречий и, во-вторых, каков конкретный механизм такого взаимодействия.

Правда, относительно первого вопроса — опять-таки в самом общем виде — спора будто бы нет. Подавляющее большинство авторов разделяют давно известное положение: сама сущность социалистической собственности и создаваемые ею преимущества требуют отдать приоритет централизованному планированию и управлению, осуществляемому в интересах общества. Речь, однако, не только о социалистической экономике вообще, но прежде всего о современном этапе ее развития — этапе интенсификации, выдвигающем новые, ранее неизвестные проблемы. Применительно к задачам этого этапа особенно важно выяс-

нить, как реально осуществляется сцепление двух сторон в управлении общественным производством. На наш взгляд, механизм их взаимодействия таков, что самостоятельность трудового коллектива и его экономическая ответственность за весь процесс расширенного воспроизводства не просто допустимый, даже не просто желательный и полезный элемент социалистического хозяйственного механизма. Самостоятельность, права и ответственность объединений и предприятий — непреложное условие осуществления самого централизма, его действительности.

В. И. Ленин писал еще в 1918 г.: «На самом деле демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость»¹. В этом рассуждении, касающемся общественного развития в целом, и прежде всего его политической организации, для нас важна стержневая формула: не исключает, а, напротив, предполагает. Далее Владимир Ильич разворачивает ее уже применительно к экономике: «Наша задача теперь — провести именно демократический централизм в области хозяйства... а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает... возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»². Так говорилось еще в первые месяцы Советской власти. Применительно к современной высокоразвитой экономике тем более недостаточно сказать, что централизм может развиваться наряду с укреплением самостоятельности объединений и предприятий. Необходимо подчеркнуть, что централизм не может существовать без укрепления самостоятельности трудовых коллективов.

Тысячи фактов хозяйственной жизни показывают, что действительное столкновение происходит не между централизованным управлением и самостоятельностью предприятий, а между централизмом реальным, выражающим общественные интересы, и централизмом формальным, выражающим чаще всего интересы групповые — ведомственные, местнические и др.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 151.

² Там же, с. 152.

Централизм является реальным тогда, когда экономические процессы на деле планомерно подчиняются воле единого экономического центра независимо от того, какими конкретными способами это достигается в каждом отдельном случае. Формальный же централизм ограничивается тем, что решения принимаются не предприятием (объединением), а министерством или иным органом управления, не интересуясь, выполняются ли эти решения, гарантируют ли они планомерное соблюдение пропорциональности в интересах всего общества. Формальному централизму свойственно недоверие к самостоятельным решениям трудовых коллективов «на местах», нежелание вникать, соответствуют ли эти решения сознательно выбранным целям развития всего народного хозяйства.

Следовательно, подлинный вопрос, который необходимо решить,— не выбор между «централизацией» и «децентрализацией», а выбор надежных способов, обеспечивающих развитие централизма реального, а не формального.

Централизм неотвратимо диктуется объективными материальными условиями всякого крупного производства даже независимо от характера общественного строя, в рамках которого это производство осуществляется (вопреки распространенным и распространяемым буржуазной наукой и пропагандой вульгарным представлениям о социалистической системе хозяйства как исключительно централистской и «обществе свободного предпринимательства» как децентрализованном). Ф. Энгельс писал в работе «Об авторитете»: «...с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны, известное подчинение, независимо от какой бы то ни было общественной организации, обязательны для нас при тех материальных условиях, в которых происходит производство и обращение продуктов.

С другой стороны, мы видели, что с развитием крупной промышленности и крупного земледелия материальные условия производства и обращения неизбежно усложняются и стремятся ко все большему расширению сферы этого авторитета. Нелепо поэтому изображать принцип авторитета абсолютно плохим, а принцип автономии — абсолютно хорошим. Авторитет и автономия вещи относительные, и область их приме-

нения меняется вместе с различными фазами общественного развития»¹.

Итак, единство управления требуется независимо от характера общественной организации. Оно объективно предопределяется материальными условиями любого общественного производства. Чем более крупное это производство, тем больше его эффективность зависит от эффективно осуществляемого централизма. При социализме централизм управления, помимо принципиально важной социальной функции, выполняет и чисто экономическую роль, во многом отличную от его роли при капитализме. Главным, что определяет ее, является обеспечение планомерности.

Известно определение планомерности, данное Лениным еще в 1900 г. в статье «Некритическая критика»: «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно, означала бы планомерность,— но не та пропорциональность, которая «устанавливается лишь как средняя величина из ряда постоянных колебаний»....»²

Обратим внимание на первые слова: «постоянная, сознательно поддерживаемая». Ведь вообще некоторые закономерные пропорции так или иначе прокладывают себе путь в любом общественном производстве. «...При капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, достигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю»³,— писал К. Маркс. Приведенные слова содержатся в третьем томе «Капитала», написанном в основном, как известно, в 60-х годах прошлого века, следовательно, на материале домонополистического капитализма, сохранявшего еще определенную «свободу» рынка. Тем интереснее отметить, что эта формула вполне приложима к современному, монополистическому капитализму: с точки зрения агентов производства, внутренняя связь производства как целого оста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 304.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 620.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 282.

ется слепым законом и тогда, когда эту внутреннюю связь наряду со стихией рынка предопределяют сознательные действия государственно-монополистического аппарата. Поскольку такие планомерные действия готовятся в глубокой тайне от общества, а их классовая направленность тщательно маскируется буржуазной пропагандой, для масс трудящихся, да и для мелких и средних капиталистов, результаты подобных действий оказываются еще более неожиданными и непонятными, а их социальные последствия еще более разрушительными, чем последствия «чистой» стихии рынка. Пример тому — «энергетический кризис» 70—80-х годов. Такая пропорциональность не отвечает интересам большей части общества, а кроме того, сопровождается огромными материальными потерями из-за неизбежного постоянного запаздывания в определении экономически обоснованных пропорций. Задача социалистического централизма — заменить эту «пропорциональность через диспропорции» пропорциональностью своевременной и постоянной, сознательной и научно обоснованной.

Обеспечиваемая централизмом планомерность нужна не только для избавления от циклических кризисов, свойственных капиталистическому производству уже около двух столетий, и не только для ликвидации и предотвращения структурных кризисов, одолевающих капиталистическую мировую экономику в последние десятилетия. Сознательное и постоянное поддержание пропорциональности в интересах всестороннего развития личности особенно актуально в условиях научно-технической революции, когда все более важным элементом плана становится выбор основных направлений научно-технического прогресса. В прошлом при меньшей подвижности технической базы производства коренную задачу плана — распределение труда между отраслями — можно было решать, опираясь на достаточно однозначную информацию о существующем и ожидаемом в ближайшие годы материально-вещественном составе производства. Ныне получение достоверной информации на этот счет становится самостоятельной и весьма сложной научной задачей.

В самом деле, в микроэлектронной промышленности, например, смена ассортимента изделий происходит сейчас каждые два-три года. В этой и некоторых других отраслях без оперативной информации о со-

стоянии науки и техники, без прямого планирования их развития невозможно планировать материально-вещественный состав производства даже на среднесрочный (пятилетний) плановый период. А долгосрочное планирование, хотя бы на две-три пятилетки, должно прямо исходить из неизбежности появления целых новых отраслей. Пример тому — бурный выход на промышленную арену множества новейших производств, порожденных развитием биотехнологий, техники сверхчистых материалов, волоконной оптики и др. Вес наукоемких производств резко возрос не только в чисто стоимостном измерении, но и еще более с точки зрения их влияния на прогресс всего народного хозяйства. Следовательно, резко возрастает значение планирования и управления научно-техническим прогрессом как неотъемлемой части планирования и управления всем народным хозяйством.

Но планирование развития современной науки и техники — задача, бесспорно требующая значительно-го централизма как по сложности и общественной значимости, так и по стоимости научных работ. Во многих случаях оказывается недостаточным даже централизм общегосударственный и возникает необходимость поиска форм централизма международного. Показательно, что в течение всего лишь года после начала разработки (по решению Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне 1984 г.) Комплексной программы научно-технического прогресса стран СЭВ до 2000 г. были приняты решения о разработке государственных или межгосударственных научно-технических программ многих крупнейших капиталистических стран: западноевропейской «Эврики», японской «Технополис», американской СОИ. Нет необходимости объяснять, что они несопоставимы с Комплексной программой стран СЭВ по целям и социальному значению. Но важно заметить, что сами объективные закономерности развития общественного производства в условиях научно-технической революции заставляют даже капиталистические страны применять, в сущности, чуждые им, заимствованные у социализма формы планирования и управления (это было отмечено на 41-й сессии СЭВ в декабре 1985 г., принимавшей Комплексную программу).

Итак, закономерная потребность в централизме управления процессом производства, возникающая

вместе с общественным производством и усиливающаяся по мере усиления общественного характера производства, еще более возрастает в условиях современной научно-технической революции. Экономическая централизация, проводимая на основе общественной собственности на средства производства, создает наилучшие потенциальные возможности для практического осуществления такого централизма. Но возможность еще не есть реальность. Что считать критерием действенности реально осуществляемого централизма?

Если основной целью централизма управления признать обеспечение планомерности, понимаемой как постоянная и сознательно поддерживаемая пропорциональность, то, очевидно, за критерий действительности централизма на практике можно принять степень обеспечиваемой пропорциональности в народном хозяйстве.

В связи с таким выводом заслуживает большого внимания анализ пропорциональности народного хозяйства СССР (как и некоторых других социалистических стран) за последние пятилетки, и прежде всего в 70 — первой половине 80-х годов. Этот анализ показывает, что происшедшее в девятой, десятой и одиннадцатой пятилетках снижение темпов экономического роста прямо связано с ухудшением некоторых важных народнохозяйственных пропорций.

Наиболее очевидным выражением допущенных диспропорций служит нарастающая дефицитность многих ресурсов, трудовых и материальных прежде всего. В строгой терминологии дефицит и следует именовать диспропорцией. Дефицит трудовых ресурсов не что иное, как диспропорция между количеством рабочих мест и работников. Дефицит товаров — диспропорция между производством и спросом. В свою очередь, платежеспособный спрос предприятий далеко не всегда отражает реальную производственную потребность: он чаще всего завышен, и в этом в значительной мере повинна диспропорция между товарной и денежной массой.

Рассмотрим подробнее движение лишь одной пропорции: соотношения между ростом общественного производства и ростом оборотных фондов в материальных запасах.

В течение рассматриваемых трех пятилеток оборотные фонды в материальных запасах увеличивались намного быстрее, чем конечный результат общественного производства — национальный доход. На отдельных предприятиях в отдельные периоды это может оправдываться объективными причинами, связанными с изменением технологии, структуры производства. Но в целом по народному хозяйству оправданий для опережающего роста материальных запасов не существует. Об этом говорит не только теория, но и практика. Достаточно сказать, что в восьмой пятилетке (1966—1970 гг.) продукция промышленности и произведенный в ней национальный доход увеличивались быстрее, чем запасы.

Технический прогресс, как правило, позволяет еще больше ускорить оборот ресурсов, и если этого не произошло, то мы вправе считать излишним, экономически не оправданным по меньшей мере тот рост ресурсов, который происходил сверх темпов роста национального дохода. Чему же он равен?

Национальный доход, использованный на потребление и накопление, увеличился в 1985 г. по сравнению с 1970 г. на 80%. Если бы оборотные фонды в материальных запасах народного хозяйства СССР увеличились за этот период тоже на 80%, то их сумма в 1985 г. составила бы 294 млрд руб. (против 163,4 млрд в 1970 г.). Однако фактически оборотные фонды в материальных запасах достигли в 1985 г. 463,5 млрд руб. — на 169,5 млрд больше экономически оправданной суммы.

Чтобы нагляднее представить себе, что означают для народного хозяйства сегодня иммобилизованные средства на сумму 169,5 млрд руб., приведем следующий демонстрационный расчет. Государственным планом экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. предусмотрен прирост национального дохода страны в двенадцатой пятилетке на 22,1% против 17% в одиннадцатой пятилетке. В каких же абсолютных объемах прироста национального дохода выразится это ускорение? Расчет показывает, что необходимо за пять лет получить национального дохода, использованного на потребление и накопление, примерно на 84 млрд руб. больше, чем было бы при сохранении темпов прошлой пятилетки. Итак, планируемое ускорение призвано дать за все пять лет допол-

нительно 84 млрд руб. национального дохода, между тем как на складах лежит материальных ценностей на 463,5 млрд, из них на 169,5 млрд руб. излишних.

Несмотря на подобные масштабы и значимость, проблема ускорения оборачиваемости оборотных средств явно оказалась в последние пятилетки в стороне от основных интересов центральных плановых органов и хозяйственных ведомств. Никак невозможно объяснить это простым неведением. То обстоятельство, что, как писал Маркс, «скорость обращения может заменять количество денег», было отлично известно из собственной практики любому купцу еще сотни лет назад. Ему уделялось огромное внимание еще на заре социалистического строительства. Так, широкая кампания за ускорение оборачиваемости оборотных средств была развернута в 1924—1925 гг. Значительное внимание проблеме оборачиваемости уделялось во второй половине 40-х годов — в период послевоенного восстановления. Роль оборачиваемости особенно возрастает в периоды острой нехватки ресурсов. В эти периоды ускорение оборота применяется как средство интенсификации использования имеющихся средств. В 70-х годах интенсификация стала ведущей задачей, от решения которой прямо зависит ускорение и даже сохранение имеющихся темпов экономического роста. И если в такой ситуации плановая система столь очевидно пренебрегала таким значительным ресурсом, то это наглядный пример нарушения действенности централизма в управлении народным хозяйством, когда первостепенная общественная цель на практике оставалась в тени.

Нельзя сказать, что устранение диспропорций не предусматривалось планами. Пятилетние и годовые народнохозяйственные планы, государственный бюджет всегда предусматривали те или иные меры к улучшению пропорциональности. Планировалось и уменьшение дефицитности ресурсов всех видов, и сокращение незавершенного строительства, и другие полезные изменения пропорций. Однако в практике последних пятилеток чаще получалось дальнейшее ухудшение пропорций, чем улучшение. Планы в данном отношении слишком часто оказывались невыполненными. Но если план на общехозяйственном уровне предписывал нечто общественно полезное, а на хозрасчетном уровне это не реализовывалось, то получался уже не центра-

лизм, а скорее нечто противоположное. В чем же причина подобных несоответствий?

Прежде чем приступить к ответу на вопрос, оговоримся: проблема народнохозяйственной пропорциональности в ее полном объеме выходит за рамки темы данной главы. Здесь мы попытаемся лишь проследить, в какой мере она решается средствами планового централизма, а точнее, установить, почему она не вполне решалась этими средствами.

Обратившись к литературе по этому вопросу, нельзя не заметить, что опыт его исследования насчитывает уже свыше 60 лет; накоплен в целом огромный материал, вполне позволяющий исчерпывающе охарактеризовать проблему диспропорций и ее корни в целом. К сожалению, никто из советских авторов пока не предпринял такой попытки. В социалистических странах едва ли не единственная попытка принадлежит академику Яношу Корнаи (ВНР). Его книга «Экономика дефицита», опирающаяся на марксистскую методологию, имеет определенные достоинства, но не свободна и от недостатков, которые не позволяют рассматривать ее как исчерпывающее исследование проблемы. В частности, в ней отсутствует анализ опыта советской экономики, несомненно самого обширного по сравнению с другими социалистическими странами.

Обзор публикаций советских авторов, даже далеко не полный, позволяет представить проблему диспропорций в социалистической экономике достаточно широко и достоверно.

Одной из наиболее значительных работ в этом ряду по сей день остается статья В. В. Новожилова «Недостаток товаров», впервые опубликованная в 1926 г. Именно в этой статье, в частности, обоснована мысль о том, что товарно-денежная диспропорция является коренной причиной дефицитности: «Недостаток товаров... это не абсолютный недостаток товаров, а относительный недостаток по сравнению с денежным спросом». Тогда же В. В. Новожилов показал несостоятельность бытовавшего еще долго представления об избытке спроса над предложением как якобы о двигателе социалистического производства: «...избыток спроса не приносит пользы народному хозяйству. Недостаток товаров прежде всего вызывает хаос в распределении реальных доходов». Он порождает необ-

ходимость карточной системы, создает почву для спекуляции.

В. В. Новожилов проявил недюжинную прозорливость, показав уже в то время, что товарно-денежная диспропорция, выступающая внешне как недостаток товаров, может порождать те же явления, какие характерны для кризиса перепроизводства, приводить к такой же растрате общественного труда: главная причина заключается в том, что такая диспропорция делает невозможным контроль сбыта над составом производства, его проверку на рынке. Это открывает дорогу для диспропорционального, не соизмеренного с реальными ресурсами и издержками расширения производства. «И при неосторожной затрате производительных сил на производство орудий может случиться, что придется ограничить производство потребительных благ, оставив без использования часть уже существующих средств для их производства. Пусть, например, машины и здания для производства готовых изделий не используются именно потому, что рабочие руки и топливо отвлекаются для производства таких же самых машин и зданий. Ясно, что это положение нелепо: производство того, что нельзя использовать, бесполезно. Ясно, что при таких условиях происходит растрата производительных сил, уменьшая реальный доход всего народного хозяйства».

В то время подобная точка зрения на пропорции и диспропорции не утвердилась в экономической науке и практике. Более того, позднее были периоды, когда преобладала прямо противоположная позиция. Тем важнее не забывать о научной заслуге В. В. Новожилова сейчас, когда взгляды, близкие к высказанным им в 20-е годы, получили широкое распространение. Уже в 60-х годах И. С. Малышев высказал мнение, что наиболее отрицательно сказывается на развитии народного хозяйства диспропорция между суммой денег в обращении и совокупностью материальных ресурсов.

В последующие годы положение продолжало ухудшаться. «В народном хозяйстве СССР существует значительная, а в ряде случаев возрастающая напряженность в согласовании имеющихся ресурсов с потребностями. Она проявляется в нехватке рабочей силы (особенно квалифицированной), в несогласованности фронта строительных работ с объемом выделяемых капитальных вложений, в дефиците отдельных видов

сырья, конструкционных материалов, топлива, в несоответствии уровня развития производства и таких элементов инфраструктуры, как железнодорожный транспорт и система хранения материальных ценностей, в несовпадении экспортных возможностей с имеющимся спросом на импорт ресурсов, в опережающем росте денежных доходов населения по сравнению с ростом товаров и платных услуг... Следует подчеркнуть, что напряженность, явления несбалансированности экономического развития и связанный с ними дефицит производственных ресурсов, как правило, не носят абсолютного характера: все виды ресурсов увеличиваются и в абсолютном выражении достигли колоссальных размеров», — писал в 1980 г. тогдашний директор Института Госплана СССР В. Н. Кириченко.

Важно отметить, что и в годы застоя экономическая наука не ограничивалась анализом конкретных недостатков в планировании и управлении, но сделала многое для преодоления вульгаризаторских политэкономических представлений, бытовавших на протяжении всего времени социалистического строительства и долгое время находивших некоторую почву в самих объективных особенностях развития, ставших ныне нетерпимыми.

Экономическая дискуссия начала 60-х годов, а затем и практика реформы 1965 г. вновь привлекли внимание к принципиальным высказываниям В. И. Ленина о значимости марксовых схем воспроизводства, выведенных на материале капиталистической экономики, также и для социалистического хозяйства. В замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» В. И. Ленин уточнил заявление автора, что политическая экономия изучает товарное хозяйство (здесь В. И. Ленин написал на полях: «не только!»), и оспорил утверждение, будто «конец капиталистического товарного общества будет концом и политической экономии». По этому поводу В. И. Ленин написал: «неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $I v + m$ к $II c?$ и накопление?»¹.

Несмотря на столь ясные высказывания, в последующие десятилетия многие авторы пытались то отрицать значимость объективно необходимых пропорций воспроизводства для социалистического хозяйст-

¹ Ленинский сборник XL, с. 384.

ва, то, напротив, присваивать социализму «монопольное право» на те или иные пропорции. Так случилось с законом преимущественного роста производства средств производства: такой рост пытались объявить не выражением объективных экономических процессов, а исключительной заслугой плановых органов. Фактически в это уверовали даже некоторые буржуазные экономисты — с той лишь разницей, что планирование опережающего роста производства средств производства они ставят не в заслугу, а в упрек социалистическим государствам. В любом варианте подобные утверждения содержат отрицание объективного характера пропорций воспроизводства и присвоение плановому централизованному управлению способности перекраивать их по своему усмотрению как угодно. А. И. Ноткин в начале 60-х годов напомнил: «Закон более быстрого роста производства средств производства порожден не социализмом». К. Маркс показал механизм действия этого закона на материале капиталистической экономики. Преимущество (и очень важное) социалистического планового централизма заключается лишь в том, что он позволяет реализовать требования этого закона сознательно, но не в том, что может по своей воле устанавливать любые пропорции. Добавим, что сейчас все больше советских авторов оспаривают универсальность и постоянство действия этого закона. Известна, в частности, полемика С. С. Шаталина с А. И. Ноткиным. Здесь нам нет нужды принимать одну из сторон в этом споре: ни те, ни другие не ставят под сомнение объективный характер закона и его применимость к разным общественным системам.

Верно замечают экономисты В. Д. Белкин и В. В. Ивантер: «Теория общественного воспроизводства К. Маркса имеет непреходящее значение и для социалистической экономики. В соответствии с этой теорией можно утверждать, что сбалансированность между деньгами и товарами, существенная сама по себе, является первоосновой почти всякой иной сбалансированности. Справедливо и обратное утверждение. Несбалансированность между деньгами и товарами прямо или косвенно приводит к нарушению других аспектов сбалансированности».

В. А. Медведев показал, что несбалансированность не только следствие несовершенства механизма пла-

нового управления, но и сама, в свою очередь, мешает совершенствоваться этот механизм. Здесь он видит и одну из причин неудач экономической реформы 60-х годов. «Несбалансированность мешает проявиться эффекту новых методов стимулирования», — писал он в 1983 г. Действительно, неотъемлемым элементом хозрасчетных систем планирования является взаимодействие предприятий-партнеров в условиях «рынка потребителя», обеспечивающего покупателя продукции преимущество перед его продавцом. Но дефицитность продукции означает господство «рынка поставщика», парализующего планово-управленческую функцию отношений на хозрасчетном уровне: «Лучший контролер для производителя — потребитель. Лучшая оценка продукции — со стороны потребителя. Но при аномалии рыночных отношений, дефицитности продукции, являющейся результатом несбалансированности производства, этот механизм действовать не может».

К аналогичному выводу пришел В. Г. Стародубровский: «Если в условиях дефицитности превращение реализации продукции в основной утверждаемый показатель не смогло существенно усилить ответственность поставщиков перед потребителями, то в условиях высокой сбалансированности активная роль реализации возрастет, даже если этот показатель не будет утверждаться в плане».

Итак, систематическое и длительное нарушение пропорциональности в народном хозяйстве широко признано, подвергнуты анализу многие его последствия. Но раз не обеспечивается в полном объеме сознательная пропорциональность, или, иначе говоря, планомерность, то можно ли говорить о реальном централизме управления? Ведь для централизованного управления именно обеспечение планомерности является главной целью. Централистский характер построения организационной структуры наших хозяйственных органов и централистская с чисто юридической точки зрения система административного управления очевидны, но в реальных экономических результатах действие централизма прослеживается все слабее.

Формальный характер централизма объясняется главным образом ненадежностью передачи воли «центра» «местам», разрывом (а вернее, многократными разрывами) в цепи, призванной скреплять воедино интересы общества, производственных коллек-

тивов и личные интересы трудящихся. Передаваемые предприятиям решения центральных плановых и хозяйственных органов зачастую прямо противоречат материальным интересам коллективов, а во многих случаях точная реализация этих решений прямо исключает нормальный ход производства.

В сказанном нетрудно убедиться, продолжив рассмотренный выше пример и изучив механизм образования чрезмерных материальных запасов. Центральные органы своими плановыми решениями стремятся ограничить рост запасов. Существуют и некоторые экономические стимулы, которые как будто бы должны создать некоторую заинтересованность в сокращении запасов. Однако выше всего этого оказываются опасения (отнюдь не беспочвенные), вызванные ненадежностью материально-технического снабжения. Такая ненадежность закладывается уже на стадии планирования, поскольку предприятия составляют заявки на снабжение, еще не зная ни своих планов, ни заказов потребителей. Изменить положение простым изменением сроков подачи заявок невозможно, поскольку заявки на снабжение одних как раз и служат основой заказов другим. Положение усугубляется тем, что в прохождении заявки участвует ряд инстанций, не отвечающих за результаты производства экономически, а порой и административно. Любая из этих инстанций имеет право изменить заявку, но ни одна из них не несет ответственности за то, чтобы план производства был увязан с планом снабжения.

Наконец, после того как план составлен, нет надежных гарантий того, что поставщики выполняют свои обязательства полностью. Введенный недавно плановый показатель по поставкам в заданной номенклатуре лишь отчасти поправляет дело, поскольку учет ведется неизбежно в укрупненной номенклатуре, а предприятию-потребителю требуется не выполнение плана по поставкам его контрагентами, а вполне конкретные изделия, из-за отсутствия которых может остановиться производство. Штрафы за недопоставку, несмотря на неоднократное увеличение их размеров, не помогают и не могут помочь по самой сущности существующих отношений между поставщиками и потребителями, даже если бы их довели до размеров полного возмещения ущерба. Для пострадавших получение штрафа ни в какой мере не меняет дела, поскольку

их работа оценивается не по финансовому результату (на который мог бы повлиять полученный штраф), а по тому, как они в свою очередь выполняют свой план поставок. С учетом этого лучше не требовать уплаты штрафа, чтобы не испортить отношений с поставщиком, который может в отместку подвести и в будущем. Именно поэтому предприятия чаще всего вообще не используют свое право на получение штрафа.

У предприятия остается только один способ защиты от возможных неожиданностей: создавать максимальные запасы, накапливая не только избыточные количества используемых им материалов, но и то, что заведомо не потребуется в собственном производстве, любой «дефицит», который может представлять ценность для других предприятий и потому может быть использован для обмена с ними. Так формальный централизм в управлении движением материальных ценностей, притом централизм, доведенный до крайности (все поставки осуществляются по нарядам и фондам, выдаваемым центральными органами), превращается в свою противоположность: реальное движение материальных ресурсов полностью противоречит намерениям и желаниям органов управления, отражаемым в плане.

«План и хозрасчет — два необходимых элемента демократического централизма в управлении экономикой. Естественно, они должны быть согласованы друг с другом. В противном случае либо план, либо хозрасчет приобретают формальный характер». Эти совершенно справедливые слова В. В. Новожилова сохранились в его статье, опубликованной два десятилетия назад и посвященной экономической реформе 60-х годов, тогда только начинавшейся. С учетом приобретенного с тех пор опыта они могут быть дополнены. Сейчас уже очевидно, что при несогласованности названных элементов демократического централизма в управлении экономикой формальный характер приобретает не один из них («либо план, либо хозрасчет»), а оба. При ограничении хозрасчета предприятий неизбежно формальным становится и государственный план.

С этой точки зрения хотелось бы внести уточнение в чрезмерно резкое противопоставление, сделанное десять лет назад Р. Г. Карагедовым в его интересной монографии: «Всякое повышение степени централиза-

ции управления означает соответствующее ограничение компетенции нижестоящего звена организационной структуры управления, и наоборот». По крайней мере, последнее («и наоборот») справедливо далеко не во всех случаях. Демократический централизм в хозяйственном управлении не есть простая сумма двух слагаемых, в которой увеличение одного элемента автоматически влечет за собой уменьшение другого. Диалектическая взаимосвязь планового централизма с хозрасчетными правами и ответственностью предприятий сложнее. Существует (по крайней мере, теоретически мыслим) некоторый оптимум в соотношении двух сторон демократического централизма. Если принять за точку отсчета этот оптимум, то действительно отступление от него в определении веса одного элемента нарушит и функционирование другого. Но сегодня в хозяйственной практике нет оптимума. Он нарушен, и нарушен так, что при усилении (по сравнению с существующим положением) демократической стороны укрепится и реальный централизм. Верно и обратное: укрепление реального централизма (особенно в управлении общехозяйственными пропорциями) увеличит и возможности расширения прав предприятий. Иначе говоря, необходимая перестройка хозяйственного механизма должна включать решения, не укрепляющие одну сторону в ущерб другой, а укрепляющие обе стороны.

После начала экономической дискуссии 60-х годов мы встречались с различными подходами к построению оптимального хозяйственного механизма. Первый подход заключается в попытках «косметического ремонта» прежней системы хозяйствования (на наш взгляд, наиболее точно было бы именовать ее системой ограниченного хозрасчета), главным образом посредством уточнения применяемых плановых показателей объема производства, варьирования их набора и систем премирования. Второй подход заключается в поисках способов еще большего ограничения хозрасчета, прежде всего посредством «натурализации» планирования и построения систем поощрения на этой основе. Третий подход заключается в поисках оптимальной конструкции системы полного хозрасчета.

Первоначально (еще в ходе дискуссии до 1965 г.) наибольшей поддержкой общественности пользовался первый подход, как наиболее доступный, требующий

наименьших издержек (что вполне понятно и с экономической, и с социально-политической, и, наконец, просто с психологической точек зрения). Такой подход был испытан в обширных экспериментах еще до реформы, прежде всего в ходе почти забытого ныне испытания показателя нормативной стоимости обработки, по своей сущности мало отличающегося от показателя нормативно чистой продукции. Общая оценка накопленного опыта была обоснованно негативной. «Косметический» подход практиковался и в ходе реформы, и в последующий период, и именно поэтому пользуется сейчас наименьшей поддержкой: его явная недостаточность проверена практикой, дальнейшая практическая проверка или теоретическая дискуссия на этой основе означали бы только новую потерю времени.

Второй подход не находит широкой поддержки среди экономистов и никогда не испытывался экспериментально, прежде всего ввиду очевидных непреодолимых технических трудностей, на которые указывают плановики-практики. Но именно отсутствие практической проверки, которая показала бы его несостоятельность, порождает периодически повторяющиеся выступления сторонников «натурализации», подкрепляемые порой неверно истолкованной информацией о новейших возможностях электронно-вычислительной техники, а более всего — неразработанностью некоторых вопросов политэкономии социализма, главным образом касающихся современной роли закона стоимости и товарно-денежных отношений. Несмотря на неоднократные доказательства несостоятельности этих идей, приводившиеся в научно-экономической литературе, они вновь были высказаны в ряде публикаций в самый канун перестройки. Поэтому, прежде чем обратиться к анализу некоторых идей, относящихся к третьему направлению, рассмотрим кратко последние выступления сторонников «натурализации» экономических отношений.

В качестве типичных можно привести следующие высказывания.

«Жестким требованием экономических законов социализма становится в наши дни учет в хозяйственной практике, прежде всего в планировании, наличных и предвидимых общественных потребностей, приоритет потребительной стоимости перед стоимостью...»

«При капитализме целью хозяйствования является прибыль. Поэтому владельца средств производства интересуют не конкретные потребительные стоимости, а стоимость, заключающая в себе прибавочную стоимость. В условиях же господства общественной собственности на средства производства все уровни и звенья народнохозяйственного целого должны заботиться прежде всего об увеличении выпуска разнообразных потребительных стоимостей при наименьших затратах».

Заметим сразу, что во второй цитате не все неверно. Утверждение, что капиталисты производят ради прибыли, вполне справедливо, более того — общеизвестно. Справедлива и вторая часть высказывания, за исключением одной неточности: вернее было бы сказать, что социалистическое производство существует ради удовлетворения общественных потребностей (производство потребительных стоимостей не то же самое, что удовлетворение потребностей, ведь одну и ту же потребность нередко можно удовлетворить посредством различных потребительных стоимостей). Главная неверность не в этих высказываниях, взятых в отдельности, а в их сопоставлении, точнее, противопоставлении. Стоимость и потребительная стоимость — неразделимые свойства товара, одно без другого не существует. Попытки отделить одно от другого или, как сделано в первой из приведенных цитат, объявить одну сторону более важной, чем другая, несостоятельны теоретически и не полезны для практики.

Следует заметить, что попытки так или иначе противопоставить стоимость и потребительную стоимость известны давно, как и научные возражения против них. Так, русский экономист начала XIX в. А. Шторх, эпигон классической буржуазной политэкономии, писал: «Продаваемые продукты, составляющие национальный доход, следует рассматривать в политической экономии с двух различных точек зрения: как стоимости по отношению к индивидуумам и как блага по отношению к нации; потому что доход нации определяется не так, как доход отдельного индивидуума, по его стоимости, а по его полезности или по тем потребностям, которые он может удовлетворить».

К. Маркс возразил на это как с точки зрения капиталистического, так и с точки зрения социалистического производства:

«Во-первых, это ложная абстракция рассматривать нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, как целостный организм... работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Во-вторых, по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»¹.

Заметим кстати, что Маркс здесь опроверг не только противопоставление стоимости и потребительной стоимости. Он предвосхитил и ответ на многократно высказывавшееся после победы социалистической революции суждение сторонников «натурализации» производства и обмена о прекращении якобы действия закона стоимости при социализме. Поскольку для подкрепления таких суждений нередко использовались упрощенно истолкованные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, особенно важно обратить внимание на вполне определенное указание самого К. Маркса. «Распределение общественного труда между различными группами производства» не что иное, как установление пропорций общественного производства. А «регулирование рабочего времени» и «охватывающая все это бухгалтерия» — это то, что Ленин именовал учетом и контролем за мерой труда и мерой потребления. Сегодня уже не только на основе теоретического предвидения, но и из огромного опыта социалистического строительства мы знаем, что именно в этих двух задачах заключено основное содержание социалистического централизованного планового управления. Из того же опыта мы знаем, что решать такие задачи с учетом одной лишь потребительной стоимости, без общественного учета стоимости, невозможно.

Другая попытка противопоставить стоимость потребительной стоимости была предпринята почти на столет позже Шторха, когда социалистическая собственность уже стала реальностью и социалистический спо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 421.

соб производства делал свои первые шаги. В 1920 г. в «Экономике переходного периода» Н. И. Бухарин писал:

«Производство при господстве капитала есть производство прибавочной ценности, производство ради прибыли. Производство при господстве пролетариата есть производство для покрытия общественных потребностей...»

В. И. Ленин написал на полях против этих слов:

«Не вышло. Прибыль тоже удовлетворяет «общественные» потребности. Надо было сказать: где *прибавочный продукт* идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им»¹.

По сути дела, В. И. Ленин, как и К. Маркс, столкнувшись с подобным высказыванием, возражал по двум пунктам: во-первых, оспорил непосредственно выраженное противопоставление производства ради прибыли производству ради удовлетворения общественных потребностей; во-вторых, косвенным образом дал понять, что учет стоимостной так или иначе сохранится хотя бы ради учета прибавочного продукта.

Ввиду того что теоретическая сторона проблемы достаточно выяснена, возражения современных авторов против «натурализации» носят прежде всего практический характер, начиная с чисто технических и математических. Так, расчет, сделанный в ЦЭМИ АН СССР еще в начале 70-х годов на тогдашнюю трехмиллионную номенклатуру продуктов и ресурсов (сейчас она насчитывает уже 24 млн позиций), показал, что для решения модели централизованного управления такими потоками продукции компьютеру, совершающему миллион операций в секунду, потребовалось бы 30 тыс. лет непрерывной работы. Автор «Популярного экономико-математического словаря» Л. Лопатников отмечал: «Как показали другие подсчеты, ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе «прямое» управление из одного центра всем ходом производства не будет реальным — при любой мощности вычислительных устройств». Более существенно, однако, не то, что это технически невозможно, а то, что это件 unnecessary, вредно.

В. В. Новожилов подчеркнул значение стоимостного учета как регулятора потребления: «Изобилие про-

¹ Ленинский сборник XL, с. 411.

дуктов не означает, что они становятся даровыми благами. Продукты при всех условиях остаются результатами труда. А результат труда может быть очень велик, но не может стать безграничным». А. М. Бирман в своей последней книге напомнил о его значении для регулирования производства: «Не следует забывать, что на производство каждой единицы товара общество в данном периоде может выделить лишь строго определенное количество материальных и трудовых ресурсов». С. С. Шаталин отметил, что в случае централизованного распределения всех производственных ресурсов и продуктов в их реальной номенклатуре «все производственные ячейки социалистического общества, по существу, были бы лишены свободы экономического выбора, а это является одной из важнейших характеристик производственных отношений, так что было бы бессмысленно говорить об их хозяйственной самостоятельности. Учитывая характер труда при социализме, и здесь бы сохранялась необходимость материального стимулирования, точнее говоря, вознаграждения, но она была бы полностью централизованно определена. Вряд ли необходимо доказывать, что такая экономическая ситуация вообще невозможна. Решение отдельных планово-экономических проблем по необходимости является прерогативой относительно экономически самостоятельных производственных ячеек. И речь идет не просто об их функционировании на основе хозяйственного расчета в том смысле, что они реализуют строго определенные плановые задания на основе самоокупаемости. Экономическая самостоятельность отдельных производственных ячеек социалистического общества состоит и в том, что они могут выбирать способ реализации заданий централизованного плана, а также принимать непосредственно не вытекающие из него планово-экономические решения».

Последнее соображение представляется решающим. Плановый централизм на основе «натурализации», возникавший всегда вынужденно, как реакция либо на чрезвычайные обстоятельства, либо на неспособность плановых органов поддержать пропорциональность эффективными экономическими средствами, неизбежно сковывает действие коренных социальных преимуществ социалистического способа производства. Он выключает из числа факторов производства

самый главный — человеческий фактор, т. е. все то, что могут добавить к наличным ресурсам инициатива и воля участников производства. Более того, человеческий фактор в этом случае начинает действовать со знаком «минус». Развивается «инициатива», направленная на максимизацию не результатов, а затрат. Основные усилия коллектива предприятия, озабоченного обеспечением надежных условий для выполнения плана в заданных (часто иррациональных с точки зрения общества) показателях, сводятся к «выбиванию» дополнительных ресурсов и обоснованию «корректировки» плана — разумеется, в сторону снижения. Эти условия, а также оживленный несанкционированный обмен «дефицитом» между предприятиями, необходимый для выполнения плана в подобных условиях и потому неизбежный, создают благоприятную почву для хищений и спекуляции, а более всего — для взяток. Так нарушение объективных экономических законов в виде «натурализации» планового централизма создает почву для «монетизации» человеческих отношений.

Так диалектика мстит за всякие попытки подхлестнуть или опередить объективный ход общественного развития. Когда в КНР в конце 50-х годов декретировали переход от капитализма к коммунизму путем создания «народных коммун» с коммунистическим распределением, результатом было формирование не коммунистических, а докапиталистических, в сущности феодальных отношений. О масштабах чисто производственных потерь в последующем двадцатилетии говорит тот факт, что возрождение в конце 70-х годов экономических отношений, свойственных переходному от капитализма к социализму периоду, позволило в течение одной пятилетки без коренных изменений в технике увеличить валовой сбор зерна в стране на 100 млн т в год.

Подобно этому на этапе совершенствования социалистического общества, когда действие закона стоимости еще далеко не исчерпано, попытка «отменить» его, будь она предпринята, привела бы к стихийному развитию не коммунистических, а досоциалистических отношений.

Перестройка избрала другой путь. Вспомним положения новой редакции Программы партии, касающиеся совершенствования социалистических производственных отношений, системы управления и методов хо-

зяйствования. Содержащийся в Программе набор требований к системе централизованного управления и развитию хозрасчетных инструментов включает, в частности, следующие положения:

формировать в трудовых коллективах, у каждого работника чувство хозяина общественного достояния;

осуществлять строгий контроль за мерой труда и мерой потребления;

повысить надежность хозяйственных связей, добиваться динамичного соответствия между спросом и предложением, улучшить обращение материальных и денежных ресурсов, ускорить оборачиваемость оборотных средств;

полнее использовать товарно-денежные отношения в соответствии с присущим им при социализме новым содержанием;

последовательно осуществлять ленинский принцип демократического централизма, выражающий единство обоих его начал — как повышение эффективности централизованного руководства, так и значительное расширение хозяйственной самостоятельности и ответственности объединений и предприятий;

внимание центральных органов управления все больше сосредоточивать на решении стратегических задач, на осуществлении единой политики в области научно-технического прогресса и капитальных вложений, структурных сдвигов, пропорциональности общественного производства;

повысить действенность планирования, сделать его активным рычагом ускорения социально-экономического развития, интенсификации, обеспечения сбалансированного и динамичного роста, отвести в планах ведущее место качественным показателям, отражающим эффективность использования ресурсов, обеспечивать приоритет общегосударственных интересов;

повышать роль основного производственного звена — объединений и предприятий, сосредоточить в трудовых коллективах центр тяжести всей оперативно-хозяйственной работы;

последовательно переводить предприятия и объединения на полный хозрасчет, все более регулировать их деятельность экономическими нормативами длительного действия, открывающими простор инициативе и творчеству трудовых коллективов;

расширять оптовую торговлю, повышать роль пря-

мых связей и хозяйственных договоров между предприятиями, усиливать влияние потребителя на технический уровень и качество продукции.

Уже из этого далеко не полного перечня вырисовывается ориентация на укрепление реального централизма на базе повышения инициативы и самостоятельности трудовых коллективов.

Еще В. С. Немчинов писал о необходимости различать «непосредственно хозяйствующие ячейки» и народнохозяйственное целое как объекты управления. Он предупреждал против бытующего заблуждения, будто можно укрепить плановое начало путем подбора системы сводных (единых от низа до верха) и дифференцированных плановых показателей. Народное хозяйство есть сложная экономическая система, которая не тождественна простой сумме своих элементов и первичных ячеек. В этой сложной системе существуют многообразные не только прямые, но и обратные связи, действуют различные интересы и стимулы, в связи с чем даже простая информация, заключенная в низовых планах, не может быть механически суммирована — она должна быть качественно и количественно преобразована до того, как будет использована для составления плана в вышестоящем звене. Настоящим предупреждением сторонникам упрощенных представлений звучат слова В. С. Немчинова:

«Примитивное понимание взаимоотношений между большими и малыми экономическими системами может создать лишь такую окостенелую механическую систему, в которой все параметры управления заданы заранее, а вся система залимитирована сверху донизу на каждый данный момент и в каждом данном пункте. Жизнь неизбежно будет вносить весьма существенные коррективы в такую систему, вследствие чего плановые показатели не будут иметь необходимой строгой определенности, а станут «резиновыми». Такая залимитированная сверху донизу экономическая система будет тормозить социальный и технический прогресс и под напором реального процесса хозяйственной жизни рано или поздно будет сломана».

Вместо механического и арифметического тождества экономических систем разной сложности (что невозможно и вредно) предлагалось обеспечить необходимый приоритет за крупной системой и такое преобразование потока экономической информации,

которое обеспечивало бы бесперебойное действие механизма обратных хозяйственных связей.

Таким образом, первый важный принцип, который непременно должен быть учтен при построении механизма интенсивного хозяйствования на базе полного хозрасчета, заключается в том, что в планировании необходимо различать (видеть качественные отличия) экономические системы разного уровня. Такое различие может создать на первых порах некоторое техническое неудобство для центральных плановых и хозяйственных органов, поскольку придется пересмотреть привычную «технологии» их работы, основанную на разверстке сквозных показателей по подчиненным звеньям. Удобства такой разверстки в немалой степени объясняют живучесть показателей «валового» типа, которые так часто подвергаются критике, но истинная причина непригодности которых так редко указывается. Скажем, повторный счет прошлого труда, который чаще всего называют главным недостатком показателей валовой, товарной, реализованной продукции, с таким же успехом может быть представлен как их достоинство. Ведь он стимулирует производственную кооперацию с другими предприятиями, которой, по общему признанию, так не хватает нашей промышленности, страдающей от универсализма производственного профиля предприятий. С точки зрения такой традиционной критики невозможно дать и однозначную оценку показателей типа чистой продукции: в них можно найти как достоинства, так и недостатки, притом примерно равноценные. Дошло до утверждений, отвергающих чохом все названные показатели — как учитывающие материалоемкость, так и не учитывающие — просто потому, что они все... стоимостные.

Между тем причины несостоятельности тех и других показателей при планировании деятельности предприятия вполне поддаются убедительному объяснению, но лежат они в иной плоскости. На народнохозяйственном уровне возможны и совершенно необходимы планирование и анализ на основе показателей типа как валовой, так и чистой продукции. Но ни на какой основе не может быть полезным и не должно осуществляться планирование каких-либо сквозных (от народного хозяйства и отрасли до предприятия) показателей. Вслед за В. С. Немчиновым и В. В. Новожиловым такую точку зрения обосновали Л. И. Абал-

кин, А. Г. Аганбегян, А. М. Бирман, Л. П. и Р. Н. Евстигнеевы, Р. Г. Карагедов, В. А. Медведев, В. Г. Стародубровский, С. С. Шаталин и другие авторы.

Понимание этого важнейшего исходного принципа снимает много препятствий на пути построения системы управления на базе полного хозрасчета, которые в противном случае представляются непреодолимыми. Прежде всего оно снимает главное возражение против использования прибыли и рентабельности (к фондам) в качестве основного критерия оценки хозяйственной деятельности предприятия. Это возражение заключается обычно в том, что прибыль не может служить выражением цели деятельности социалистического народного хозяйства. Верно, не может. На уровне народного хозяйства наиболее достоверным обобщающим выражением цели социалистического производства служит национальный доход. Поэтому народнохозяйственное планирование непременно должно учитывать расчеты на основе национального дохода. Но если отказаться от рассмотрения народного хозяйства как механической (или простой арифметической) суммы его частей, то и не надо будет требовать, чтобы критерий оптимальности для предприятия совпадал с критерием оптимальности для народного хозяйства.

В таком случае снимается и еще одна серьезная трудность: в отыскании обобщающего, единого для оценки всей деятельности на уровне предприятия, показателя эффективности производства. Все экономисты согласны в том, что такой показатель весьма желателен, ибо любая так называемая система показателей неизбежно внутренне противоречива и не столько пресекает использование не отвечающих интересам общества способов выполнения плана, сколько толкает предприятия на это: ведь честно выполнить план по десяткам разноречивых показателей сразу просто невозможно. Но, соглашаясь с желательностью обобщающего показателя, авторы, отвергающие прибыль, не верят в его возможность, поскольку все прочие показатели представляются (и справедливо представляются) по тем или иным причинам непригодными для этой цели. Отказ от сквозной разверстки снимает основное возражение против применения прибыли как критерия эффективности на хозрасчетном уровне. Тем самым снимаются и препятствия на пути к утверждению обобщающего показателя для оценки деятельно-

сти предприятия и к освобождению от порочной по своей природе «системы показателей»: единым экономическим стимулом для предприятия становится прибыль.

В хозрасчетной системе планирования В. С. Немчинова нашла применение и мысль, восходящая к статье В. В. Новожилова 1926 г., о необходимости целенаправленного совмещения плана и цен. Автор утверждал, что народнохозяйственный план может быть согласован во всех своих частях и оптимален лишь при определенной системе цен, в частности отвечающей требованию сбалансированности производства и потребления. Он решительно выступил против попыток рассматривать социалистическое хозяйство как натуральное, показал несостоятельность «карточной системы» материально-технического снабжения, являющейся не столько следствием, сколько причиной дефицитности продукции.

В то же время за рамками рассмотрения системы у В. С. Немчинова остались некоторые вопросы, относящиеся непосредственно к хозрасчетному уровню. Часть из них стала предметом анализа, а в ряде случаев и дискуссии в новейшей литературе. Это прежде всего вопрос об основной производственной ячейке и связанный с ним вопрос о полном хозрасчете предприятия, о его понимании и роли.

«Ключевой вопрос всей системы хозяйственного управления заключается в объекте этого управления,— пишет А. Г. Аганбегян.— Одно дело, когда планирование, стимулирование нацелены на предприятие — хозяйственную организацию относительно небольших размеров. Средний размер промышленного предприятия в СССР, например, предполагает около 700 работающих, а если взять другие отрасли народного хозяйства, в особенности сферу обслуживания, то и того меньше. Совсем другое дело, если объектом управления является крупное объединение или комбинат с тысячами, а иногда и десятками тысяч работников, в который входят не только различные производства, но и научно-исследовательские и конструкторские подразделения. Такие объединения могут сосредоточить у себя достаточное число специалистов, обеспечить быстрый технический прогресс, эффективнее использовать ресурсы. У них больше возможностей в финансировании и стимулировании».

Приведенные суждения, важные с точки зрения управленческой, еще более важны с точки зрения воспроизводственной. Крупное объединение способно своими силами финансировать и выполнять работы по всему циклу: научные исследования и разработки — инвестиции — производство — сбыт. Предприятие, особенно небольшое, по необходимости ограничивается лишь производством в узком смысле.

Впрочем, необходимо иметь в виду, что ни размеры, ни воспроизводственные возможности не создают резкой границы между объединениями и предприятиями. Предприятия, производственные и научно-производственные объединения, комбинаты — все это предприятия в широком смысле слова, единицы основного хозрасчетного уровня, непосредственно хозяйствующие ячейки — то, что К. Маркс рассматривал в качестве «непосредственно связанного целого». Резкие границы проходят ниже и выше этого единого класса основных хозрасчетных единиц: с одной стороны, между предприятием (объединением) и его технологически и экономически несамостоятельной частью (цехом, участком, бригадой), с другой стороны, между предприятием (объединением) и вышестоящими административными органами. Более того, граница между предприятием и производственным объединением не только не является резкой — она не постоянная, так как непрерывно передвигается, превращая объединение в новое, более крупное предприятие.

С этим непосредственно связан один из аспектов дискуссии о полном хозрасчете. Следует заметить, что более или менее законченный обзор всех вариантов понимания данного термина выявляет следующий перечень: хозрасчет, полный с точки зрения охвата всех видов затрат и результатов производства; полный с точки зрения охвата всех взаимодействующих отраслей и звеньев материального производства, инфраструктуры, прикладной науки, включая гарантии эквивалентности взаимного обмена продукцией и услугами; полный с точки зрения охвата всех взаимодействующих иерархических уровней производства — от бригады и цеха до министерства.

Что касается первых двух аспектов, то, на наш взгляд, полный хозрасчет должен включать и те и другие требования. Для действенности хозрасчетной системы полнота учета и контроля всех видов за-

трат и результатов на всех участках имеет принципиальное значение. Любая «прореха» в виде бесплатности либо неполной оценки затрат или отсутствия хозяйственного (потребительского) контроля результатов (объема, нужности и качества продукции и услуг) ведет к тому, что отсутствием экономического контроля на одном участке возмещается бесхозяйственность, допускаемая на любом другом участке производства. Известно, например, что проектные организации формально давно переведены на хозрасчет, их продукция реализуется подобно продукции обычного предприятия. Но ожидаемые результаты с точки зрения контроля потребителей (застройщиков) за качеством проектной продукции не были получены. Объясняется это тем, что сами застройщики очень часто расходуют на капиталовложения не собственные, а госбюджетные средства и потому не видят жизненной необходимости беречь их. Особенно пагубные последствия это влечет в водном хозяйстве, где бесплатность (для хозрасчетного уровня) строительства объектов сочетается с бесплатностью основных природных ресурсов: воды и земли. В отрасли были осуществлены проекты не только с малой эффективностью, но в отдельных случаях и с отрицательным эффектом: созданные ценно большими капитальными затратами объекты приносили не доход, а потери, в связи с чем требовались новые крупные затраты для прекращения этих потерь. Однако ни проектные организации, ни какие-либо другие организации и предприятия не несли ответственности за причиненные обществу убытки.

Если, таким образом, два первых требования к полноте хозрасчета представляются бесспорно оправданными, то третье (охват всех иерархических звеньев) вызывает возражения. Так называемый хозрасчет главков и министерств, уже испытанный неоднократно на практике, сводился чаще всего к централизации в руках административных звеньев части фондов предприятий и к премированию их работников по результатам деятельности подведомственных предприятий. Формальный хозрасчет административных звеньев создавался за счет ущемления реального хозрасчета звеньев производственных. Иначе и быть не могло.

Сказанное не мешает ставить оплату труда работников управленческих звеньев в зависимость от хозяйственных результатов подчиненных им предприятий.

Требование снять служащих экономических организаций и ведомств с твердых окладов прямо связано с развитием экономических методов управления. В. И. Ленин выдвигал это требование уже в первый год проведения новой экономической политики. В январе 1922 г. он писал: «...Политбюро требует безусловно перевода на премию возможно большего числа ответственных лиц за быстроту и увеличение размеров производства и торговли, как внутренней, так и внешней. Это требование относится в первую очередь к Наркомвнешторгу, затем к Госбанку (его торговому отделу особенно), Центросоюзу и Высшему совету народного хозяйства»¹. И двумя месяцами позднее: «Все наркоматы плюс Московский и Петроградский Советы обязуются в недельный срок представить проект постановления о переводе служащих (всех, кто связан с экономикой) на танъемы с оборота и с прибыли, с жестокой карой за убыточность, вялость, зевки...»² Подобный подход вполне оправдан и в наши дни — необходимо лишь следить, чтобы премии, танъемы и пр. не выплачивались автоматически, чтобы они были непременно следствием доказанного рационального вклада в производственные и коммерческие успехи предприятий. Но в любом случае применение таких форм оплаты труда служащих ни в какой мере не превращает министерство или иной административный орган в хозрасчетную организацию.

Суть вопроса в данном случае достаточно полно выясняется уже из самого определения хозрасчета как метода хозяйствования, основанного на соизмерении затрат предприятия на производство продукции или услуг с результатами в виде выручки от реализации продукции или услуг. Не может быть полного хозрасчета там, где нет реализации продукции или услуг, т. е. на уровне подразделений (цехов, бригад) предприятия. Не может быть хозрасчета и там, где нет производства продукции или услуг, т. е. на уровне административных звеньев управления. Исключением является управленческая деятельность, осуществляемая в форме платных услуг по управлению на основе хозяйственного договора. Но такие услуги оказывают не министерства или главки, а лишь некоторые виды

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 357.

² Там же, с. 425.

договорных объединений, например объединения синдикатского типа.

Если вопрос о хозрасчете звеньев, вышестоящих по отношению к предприятию, вызывает определенную дискуссию, то вопрос о хозрасчете цехов, участков и бригад как будто споров не вызывает (речь идет не о практике применения внутризаводского хозрасчета, в которой еще многое не выяснено, а о признании самого общего принципа, согласно которому внутризаводской хозрасчет есть хозрасчет особого рода, неполный хозрасчет по своей природе). Но не исключено, что споры или недоразумения по этому поводу могут возникнуть, особенно в связи с широким распространением бригадного подряда, который уже сейчас нередко именуют бригадным хозрасчетом без всяких оговорок об относительности и неполноте такого хозрасчета. В связи с этим следует отметить, что подлинный и полный хозрасчет неразрывно связан с товарно-денежными отношениями и потому является объективной категорией. Попытки произвольно переносить отношения полного хозрасчета на такой уровень хозяйствования, где для этого нет объективной почвы, влекут за собой серьезные потери.

Об этом говорит, в частности, опыт применения Закона об объединенном труде 1976 г. в Югославии. При разработке этого закона предполагалось, что он поможет осуществить на практике одну из основополагающих общекommуннистических идей — о самоуправлении трудящихся. Согласно закону, предприятия создают объединения, а объединения создают отраслевые и территориальные союзы только на основе равноправных договоров, отражающих взаимную заинтересованность, права и обязанности сторон. Несомненно, при рациональной организации дела подобный принцип во многих случаях может оказаться полезным, что подтверждает и опыт договорных объединений в СССР и других социалистических странах. Но принятые в данном законе политико-юридические нормы вошли в противоречие с объективными требованиями экономики, что выразилось прежде всего в игнорировании реального уровня обобществления производства.

При современной технике и технологии непосредственно связным целым, технологически, а следовательно, и экономически неразрывным единством яв-

ляется предприятие, а во многих случаях и объединение. Его часть не может быть полностью самостоятельной, как не может быть самостоятельной от человека его рука или нога. Отношение к этому вопросу определяется не наличием или отсутствием демократических убеждений, а пониманием объективных экономических процессов, не зависящих от политических решений. Обеспечение демократизма управления внутри предприятия — дело вполне реальное и полезное, но оно не может быть осуществлено механическим копированием тех методов, какими обеспечиваются демократические права трудового коллектива по отношению к его партнерам и вышестоящим инстанциям.

Закон об объединенном труде предусматривал, что низовой самостоятельной ячейкой, с которой начинается конституирование лестницы договорных отношений, является не предприятие (за исключением мелких), а более дробная единица, именуемая основной организацией объединенного труда, — обычно отдельный цех, иногда даже бригада. В результате на некоторых предприятиях споры между цехами об условиях сотрудничества мешали производству. Это усугубило кризисное развитие экономики в конце 70 — начале 80-х годов, вызванное серьезными просчетами в осуществлении планового централизма. Попытки преодолеть кризис натолкнулись на очевидные недостатки самой хозяйственной системы. Поэтому в 1985 г. был принят новый Закон о планировании, который возвращал к прежней практике: начальным экономическим звеном (и в том числе первой ступенью планирования) является предприятие.

Итак, требования полного хозрасчета — правильное определение субъекта хозрасчетных отношений, полное и точное отражение всех затрат на расширенное воспроизводство и всех результатов производства, охват хозрасчетными отношениями всех партнеров во всех отраслях материального производства, инфраструктуры, сферы услуг, прикладных научных организаций. К этому перечню, очевидно, следует добавить условие, которое может показаться само собой разумеющимся, но которое часто забывают на практике: от хозрасчетных итогов деятельности предприятия должна непосредственно зависеть оплата труда всего коллектива. Без этого хозрасчет неизбежно останется лишь формальностью.

Возвращаясь к вопросу о взаимосвязях между централизмом управления и хозрасчетом, заметим, что не только реальный централизм невозможен без полного хозрасчета. Полный хозрасчет тоже невозможен без реального централизма. Так, существующее в стране товарно-денежное неравновесие во многом вызвано не только ограниченностью хозрасчетных отношений, но и просчетами в централизованном управлении, в частности в управлении финансами. Например, экономисты В. Д. Белкин и В. В. Ивантер в своей монографии показали довольно обширную картину перекосов в финансовом планировании, которые вызывают поступление в оборот излишней денежной массы, не обеспеченной реальным производством материальных ресурсов. Это и отчисление налога с оборота с непроданных товаров, и отсутствие хозрасчетного возмещения допущенных предприятиями потерь материальных ценностей при транспортировке и хранении (тогда как зарплата за производство этих ценностей выплачена сполна и поступила в каналы обращения), и выдача незаработанной зарплаты и незаслуженных премий, и потери от сверхнормативной продолжительности строительства (которая стала правилом, а не исключением). Механизм же действия экономических процессов, проистекающих из товарно-денежной несбалансированности (т. е. из дефицитности товаров), известен. Разрушается рынок потребителя, поставщик получает господствующее, монопольное положение, приобретает материальный перевес, при котором правовые установления, защищающие хозрасчетные права потребителя, теряют реальную силу.

Следовательно, реальный централизм управления и реальный хозяйственный расчет представляют собой неразрывное единство, притом не простую сумму от сложения двух частей, в которой уменьшение одной части означает увеличение другой, а единство диалектическое, в котором уменьшение одной стороны (по сравнению с объективно обусловленным оптимумом) неизбежно влечет за собой и уменьшение, ослабление действительности другой стороны.

Понимание этого составило основу того научного багажа, который позволил в кратчайший срок после XXVII съезда подготовить основные документы радикальной экономической реформы: «Закон о государ-

ственном предприятии (объединении), принятые июньским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС «Основные положения коренной перестройки управления экономикой», а еще через несколько месяцев и Закон о кооперации.

Даже простое сопоставление Закона о предприятии 1987 г. с Положением о предприятии 1965 г. показывает, насколько экономическая мысль времени перестройки превосходит воззрения, господствовавшие двадцатью годами раньше. Одни только совершенно новые понятия, с которыми связаны параграфы, статьи, а то целые разделы Закона, могут составить солидный перечень. К их числу относится прежде всего основополагающее понятие — трудовой коллектив. Далее — самоуправление трудового коллектива, включающее выборность руководителя и право решать основные вопросы развития предприятия, его производства и социальной жизни. Хозрасчетный доход трудового коллектива — с ним связана целая новая философия планирования и экономического стимулирования. Полный хозрасчет, самофинансирование, экономическое соревнование, оптовая торговля средствами производства, нормативный метод планирования, государственный заказ, договорные цены — все это важнейшие экономические категории, отражающие действительно радикальный характер начатой реформы.

Новая конструкция хозяйственного механизма по всем параметрам превосходит прежнюю, образца 1965 г. Как она будет работать? Впрочем, прежде надо ответить на другой вопрос: когда она будет работать? Ведь с началом 1988 г. Закон о предприятии вступил в силу, с этого же времени на большей части промышленных предприятий начали действовать принципы полного хозрасчета. Но еще в конце 1987 г., в пору составления планов предприятий на первый год работы по-новому, все газеты были заполнены сигналами тревоги: указания министерств и ведомств противоречат принципам перестройки, срывают реформу. Под видом государственных заказов, нормативов распределения прибыли на предприятия обрушилась волна ведомственного произвола, при котором не могло быть и речи о хозрасчетной самостоятельности.

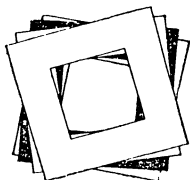
Бюрократическое сопротивление реформе? Атака чиновников, которые цепляются за старое, потому что не умеют работать по-новому? Бывает и так. Но не

всегда же, не везде, не со всеми. Размах нарушений принципов реформы наводит на мысль о более глубоких причинах сбоев. Наиболее дальновидные экономисты — ученые и практики с тревогой заговорили о своеобразном конфликте между пятилеткой и реформой. Двенадцатый пятилетний план, отразивший установку на повышение эффективности производства, на интенсификацию экономического роста и его ускорение, вобравший в себя прогрессивные структурные решения, составлялся тем не менее до начала реформы, до разработки ее документов. Не мог он учитывать и некоторых новых факторов, выявившихся в первые два года пятилетки — таких, как потери от падения мировых цен на нефть и резкое сокращение выручки от продажи водки. Предпринятая в этих условиях попытка выдержать, «выжать» запланированные темпы экономического роста путем обязательных для предприятий государственных заказов подрывала принципы реформы.

Каковы же масштабы возникших трудностей и чем было вызвано их обострение? Чтобы понять это, надо посмотреть, как складывалась структура общественного производства за десятилетия господства системы усеченного хозрасчета.

8.

Мы платим за все

Вспоминаю первую военную зиму, которую провел в Кирове. В городе, переполненном эвакуированными, первым обиталищем нашей семьи стал кусок пола в большой, битком набитой людьми комнате, которая принадлежала писательнице Анне Саксе. Скоро мы с мамой получили собственную жилплощадь: нежилую комнату без печки, что-то вроде кладовки, в деревянном домишке. В этой комнате иней на стене не таял. На ночь я залезал под одеяло не раздеваясь. И вот — великое счастье: настоящая комната, в центре, на улице Ленина. Удобства в этом доме располагались на дворе. За водой мы ходили к колонке за несколько кварталов. Центрального отопления тоже не было. Но в комнате имелась печка, и можно было поддерживать нормальную температуру.

Я учился щепать лучину. В печку мы ставили трехногий таганок, на него чайник, потом разводили под чайником костерок из лучинок. Это была наша кухня. Электроэнергию подавали только поздно ночью на несколько часов — видно, в эти часы ее меньше нужно было заводам, работавшим для фронта.

За прошедшие с тех пор десятилетия у меня не было случая побывать снова в Кирове — в моей памяти он так и остался темным городом, скованным льдом

и снегом. В этом городе я научился щепать лучину, научился использовать ее для отопления и освещения. Сейчас мне это умение ни к чему.

Какая там лучина! Я сию и подсчитываю, сколько в нашей квартире электромоторов. Холодильник, стиральная машина — это есть нынче почти в каждой семье. По статистике, на сотню городских семей приходится в среднем 101 холодильник и 78 стиральных машин. Да и в деревне больше половины семей ими обзавелись. Значит, два мотора. Электродрель, деревообрабатывающий станочек — ну, это на любителя. Хотя в сельском или дачном доме электромоторов такого назначения может найтись и побольше. Да и в городе без дрели в теперешних бетонных стенах дырку не пробить. Зато в комбайне «Омега» на одном моторе полотер, пылесос, кофемолка и миксер. У многих наших соседей каждый из этих предметов на отдельном моторе. Пылесосов, например, на 100 городских семей насчитывается 50. Две трети семей имеют швейные машины, причем в деревне даже больше, чем в городе. И еще много всяких предметов с электромоторами может купить каждый желающий. Один мой знакомый насчитал у себя дома 28 моторов. Не иначе, он учитывал и микромоторчики: электробритвы, детские игрушки. Мы их брать в расчет не будем.

Выходит, 5—10 моторов в современной квартире — обычное дело. А сравнительно недавно — поколенье наших отцов еще помнит — дивом был электромотор даже на заводе. В книге «Люди Сталинградского тракторного» Л. Макарьянц, приехавший на стройку не из деревни, а из Москвы, описывает события 1930 г. В механосборочный цех нового завода привезли первый станок — американский. «Станок имеет несколько скоростей и индивидуальный мотор. Это для нас было также новинкой. До сих пор мы работали на трансмиссиях. Здесь можно было пускать свой станок независимо от других. Наше воображение захватили и две кнопки — красная и черная — для пуска и остановки станка... Это был один из первых станков в сборочном цехе, и его огородили деревянной оградой. В то время уже начались экскурсии на завод. По сборочному цеху ходили целые толпы и экскурсантов и рабочих из цехов, где оборудования еще не было. Около нашей ограды всегда собиралось много народа. На нас смотрели с большим уважением, считали нас очень

умными, хотя станок никаких трудностей не представлял. В публике спрашивали:

— Что они, иностранцы?»

Ныне в миллионах квартир бабушки — одногодки Л. Макарьянца нажимают на кнопки пылесосов, не испытывая при этом ни удивления, ни восторга. Миллионы детей включают моторы игрушечных луноходов и железных дорог, отнюдь не представляя себя иностранцами. Миллионы девушек пользуются стиральной машиной и в глаза не видали стиральной доски. Сотни тысяч юношей умеют управляться с циркулярной пилой и никогда не пилили дрова простой двуручной. При жизни одного поколения быт революционизировался с помощью электричества, как и предсказывал Ленин.

Электромотор, однако, — самый скромный потребитель энергии в нашей квартире. Гораздо больше забирают лампочки — их числом поболее, и они включаются неизмеримо чаще. Затем утюги и другие нагревательные приборы. И наконец, электроплита. Наша «Томь» имеет номинальную мощность 5,8 киловатта — это все равно что 58 стосвечовых лампочек и вполне сравнимо с мощностью промышленного электромотора: около восьми лошадиных сил.

Еще каких-нибудь два десятилетия назад в большинстве семей требовалось умение растопить дровяную плиту или хотя бы разжечь примус: в 1958 г. в стране было всего 2 млн газифицированных квартир, а электроплит почти не знали. Ныне газифицированных квартир 65,1 млн, в них живет большинство населения страны. Тысячелетия властвовал на кухне дровяной очаг, всего за двадцать лет его вытеснила газовая плита — и вот уже ее теснит плита электрическая.

Я выхожу из квартиры — с двенадцатого этажа меня спускает лифт. Кнопка вызова одна, лифтов два, выбор делает автоматика. Иногда она пригоняет мне грузовой лифт, на полтонны. Гудит вверх могучий мотор лифтовой лебедки, спускает меня и поднимает полутонный противовес.

Выхожу из дома и первое, что вижу перед собой, — бетонная коробка насосной станции. Конечно, городским насосным не загнать холодную и горячую воду на шестнадцатый этаж нашего дома — в каждом квартале круглые сутки работают дополнительные насосы. Современные квартиры снабжаются не только

электроэнергией и водой, но и теплом, а многие еще и газом. Наш средний по размерам дом — 128 квартир — пожирает энергию, как небольшое промышленное предприятие.

Многие мои соседи, выйдя из дома, садятся в автомобиль. Привычным жестом включают 50—80 «лошадей», которые мчат по улицам одну-две тонны железа и пластмасс и заодно 70—80 кг живого веса владельца. Большинство, однако, идет на автобус, а пешеходы-любители — пешком до метро. Чего уж проще — поездка в общественном транспорте. Однако в 1940 г. автобусы перевезли в 136 раз меньше людей, чем в 1986-м, троллейбусы — почти в 36 раз меньше, метро — в 12 раз. И даже трамваи (единственный вид пассажирского электрического транспорта, существовавший еще до революции) перевезли в 1986 г. на полтора миллиарда больше людей, чем в 1940-м. Легковые такси в 1986 г. перевезли пассажиров в 68 раз больше, чем в 1940-м.

Но пора, пожалуй, выехать из города. Хотите поездом? У вас будут очень большие шансы увидеть электровоз. Протяженность электрифицированных железных дорог в СССР больше, чем в США, ФРГ, Великобритании, Франции и Италии, вместе взятых. Но и тепловоз, как и теплоход, самолет, автобус, потребляет не что иное, как энергию. Пассажирооборот железнодорожного транспорта в СССР с 1940 г. возрос почти в 4 раза. Морского — в 2,8, речного — в 1,6, воздушного — примерно в 400 раз.

Энергия моторов помогает человеку перемещаться по земле, воде, воздуху и безвоздушному пространству. Еще в начале XX в. Роберт Пири и Руаль Амундсен достигли полюсов при помощи даже не лошадиных сил, а собачьих и своих собственных. В 30-е годы папанинцев доставил к полюсу самолет с поршневыми двигателями мощностью в тысячи лошадиных сил. Ныне атомный ледокол прошел к полюсу напролом, потому что его влекут многие десятки тысяч лошадиных сил. Чтобы вознести человека на околоземную орбиту, стартовая мощность ракеты должна равняться десяткам миллионов лошадиных сил.

Транспорт, как видим, — активно растущий потребитель энергии различных видов. Например, электроэнергии он забирает ныне примерно в 50 раз больше, чем в 1940 г. Однако в электробалансе народного хо-

зайства он не «тянет» и десятой части. Больше половины производимой в стране электроэнергии потребляет промышленность. Тех 35 млрд кВт·ч, которые она израсходовала за весь 1940 г., ныне хватает только на две недели. При этом если сравнить темпы роста производительности труда в промышленности и электровооруженности, то цифры окажутся поразительно близкими.

Но самые впечатляющие перемены происходят в энергетике сельского хозяйства. Впечатляющие не только по масштабам, но и по срокам. Более пяти тысяч лет назад человек уже умел запрягать животных и плавать под парусами. Освоение новых источников энергии вместо прежнего единственного — силы человеческих мускулов — вызвало переворот в развитии производства. С тех пор человек поставил себе на службу энергию ветра и падающей воды, пара, взрыва, электроэнергии и двигатель внутреннего сгорания. Но вплоть до начала XX в. практически не изменялась энерговооруженность тех, кто составлял большинство населения планеты: крестьян. В конце прошлого века Глеб Успенский вынес в заголовок знаменитого своего очерка данные статистики по одному из уездов: «четверть лошади» приходилась там на одну «ревизскую душу». Статистика сообщает, что в 1913—1917 гг. не на «душу», а на одного работника в крестьянских хозяйствах приходилось 0,5 лошадиной силы всех энергетических мощностей. Эти «лошадиные силы» и были в действительности по преимуществу лошадьми да быками; менее 1% энергетических мощностей сельского хозяйства давали механические и электрические двигатели и установки, а более 99% — рабочий скот.

Десяток с небольшим лет после начала индустриализации и коллективизации преобразили энергетiku крестьянского труда больше, чем пять тысяч лет до того. В 1940 г. на одного работника приходилось уже втрое больше, чем до революции, — полторы лошадиные силы, несмотря на то, что поголовье рабочего скота сократилось более чем вдвое — на смену ему пришли машины. «Живая энергетика» составляла уже менее четверти всех мощностей в общем балансе энергии села, а более трех четвертей — тракторные, автомобильные и комбайновые двигатели. Однако на электрические двигатели и электроустановки все еще приходилось всего лишь около 1% этой мощности.

Поэтому в первую очередь преобразился труд в растениеводстве — в животноводстве без электроэнергии мало что можно изменить.

Гораздо более масштабные перемены произошли в последующие годы. В 1986 г. одному «среднему» работнику сельского хозяйства служили уже 32,7 «лошади» — в 60 с лишним раз больше дореволюционного уровня, в 19 раз больше уровня 1940 г., вшестеро больше 1960-го. Рабочий скот в этой цифре «весит» неосвязаемо мало — доли процента.

Тепло и свет в наших домах, быстрота и удобство наших поездок, пища у нас на столе — все это энергия, энергия, энергия. Настоящий взрыв энергопотребления произошел в последние годы. До революции страна производила в год до 2 млрд кВт·ч электроэнергии. Деревня не знала электричества вовсе, в городе оно было в богатых домах. Роскошью была и керосиновая лампа. Миллионы изб освещались лучиной. Последующие полвека с лишним до 1965 г. к прежним 2 млрд прибавили 504 млрд годовой выработки. А последующие двадцать лет — более триллиона. Если взять развитие всего топливно-энергетического комплекса, картина получится схожая. Прогресс почти в любой сфере материальной деятельности человека вызывает резкое увеличение потребления энергии.

По данным специалистов, в начале нашего века потребление энергии в мире удваивалось примерно за 50 лет, в середине века — за 30 лет, а сейчас — за 15—20 лет.

Откуда же ее берется столько?

В середине 20-х годов половина всех строителей электростанций страны работали на Волховстрое. Пущенная в 1926 г. Волховская ГЭС мощностью 58 тыс. кВт была крупнейшей в Европе в то время.

Прошло всего 6 лет, и крупнейшим в Европе стал Днепрогэс. В каждом из десяти нынешних агрегатов Днепрогэса-1 заключено больше мощности, чем во всей Волховской ГЭС. А недавно рядом поднялся и Днепрогэс-2.

Введенные в 50-х годах ГЭС на Волге были уже крупнейшими в мире, мощности некоторых из них переваливали за 2 млн кВт. Потом Братская ГЭС шагнула за 4 млн. Мощность Красноярской — 6, а Саяно-Шушенской — 6,4 млн. Каждый из десяти ее турбоагрегатов примерно равен по мощности всему Днепро-

гэсу-1. Крупнейшие гидростанции теперь считают (и строят) не единицами, а каскадами. Есть Днепровский каскад, Даугавский, Волжско-Камский, Вахшский, Ангаро-Енисейский.

В гидроэнергетическое строительство вкладывается все больше труда, все больше материальных и финансовых ресурсов. Не остаются нетронутыми и ресурсы природные. Верно, энергия рек — источник вечный, но при строительстве ГЭС порой затопляется немало ценных земель. А главное, гидроресурсы ограничены. Придет день — в некоторых странах он уже пришел, — когда новые гидростанции строить будет негде.

Однако энергия, производимая гидроэлектростанциями, составляет менее 3% в топливно-энергетическом балансе страны. Основой его было и будет производство различных видов топлива. Как же с ним обстоят дела?

Наша статистика сообщает о развитии нефтяной промышленности в стране с 1860 г. Первый миллион тонн нефти был добыт за восемнадцать лет — с 1860 по 1877 г. Первые полмиллиарда тонн — за 77 лет, с 1860 по 1936 г. Первый миллиард — за 91 год, с 1860 по 1954 г., не считая четырех военных лет. Второй миллиард тонн мы выкачали за последующие восемь лет, с 1955 по 1962 г. А теперь за пятилетку добываем свыше 3 млрд т нефти и газового конденсата. Ныне за один год недра нашей страны отдают столько же нефти и газового конденсата, сколько ее было добыто за первые 80 лет существования отечественной нефтяной промышленности. Можно сказать и по-другому: мы добываем сейчас значительно больше нефти и газового конденсата, чем добывалось во всем мире в 1950 г.

Природного газа, включая попутный, за 14 лет (1950—1963 гг.) было добыто в СССР 403,5 млрд м³. Значительно больше было получено за один 1980 г. А в 1987 г. наша страна добыла 727 млрд м³ газа.

За 15 лет (1922—1936 гг.) в стране было получено 786 млн т угля, который служил в то время основным источником энергии. Ныне почти столько же добывается за один год, хотя в топливно-энергетическом балансе уголь переместился с первого места на третье, уступая и нефти, и газу.

Крупнейшие потребители угля — тепловые электростанции — мы уже начинаем строить, как и ГЭС, не

единицами, а целыми комплексами. В Экибастузе начато строительство каскада: четырех тепловых электростанций, из которых каждая почти равна по мощности Братской ГЭС. Первая из комплекса станций на канско-ачинских углях — Березовская ГРЭС-1 по мощности равняется крупнейшей из наших гидростанций — Саяно-Шушенской. Вслед за ней поднимутся еще десяток таких же.

В 1913 г. в топливно-энергетическом балансе страны затерялась почти неприметная статья расхода энергоресурсов — экспорт. Из 64,4 млн т (в пересчете на условное топливо) на экспорт ушло всего 1,2 млн. К тому же 8 млн т было в тот год импортировано. Мы были нетто-импортерами энергоресурсов — так это называется на языке экономики. Это значит, что мы их больше покупали, чем продавали другим странам.

И в 1940 г. мы еще были нетто-импортерами, хотя величина и экспорта, и импорта по отношению ко всем ресурсам была исчезающе мала: импорт — чуть больше 1%, экспорт — значительно меньше. Влияние внешней торговли на топливно-энергетический баланс можно было не принимать в расчет.

В 1986 г. картина совсем другая. Топливо-энергетические ресурсы страны возросли против 1940 г. в 9,1 раза. Импорт возрос в 11 раз. А экспорт увеличился в 360 раз. Сегодня на экспорт уходит около 15% наших топливно-энергетических ресурсов, и чистый экспорт, за вычетом импорта, превысил всю сумму ресурсов, потребленных страной в 1940 г. От Сибири до Западной Европы протянулись гигантские трубопроводы, по которым денно и нощно текут нефть и газ: десятки миллионов тонн, десятки миллиардов кубометров.

Значительно возрос экспорт сырой нефти, а также, естественно, газа. Резко увеличился за последние годы экспорт электрической энергии.

Без советского экспорта топлива и энергии невозможно представить сегодня оптимальное развитие народного хозяйства европейских социалистических стран. Но без этого экспорта трудно представить и нормальное развитие советской экономики. Продажа топлива и энергии дает нам большую часть внешнеторговых доходов, что позволяет нашей стране в значительной степени перекрывать стоимость постоянно растущего импорта, включающего оборудование,

материалы, продовольствие, промышленные товары народного потребления. Общая стоимость импорта по таким группам товаров, как текстильное сырье и полуфабрикаты, продовольствие, промышленные товары народного потребления, вместе взятым, намного перекрывается поступлениями от экспорта топлива и энергии. Так что производство энергетических ресурсов обеспечивает нам не только собственно энергию, но и много других ценностей.

Растет добыча угля, нефти, газа. Строятся все новые гидростанции. Создается атомная энергетика. Бешеная пляска цифр: миллионы сменяются миллиардами, те — триллионами. Но есть же всему предел!

Правда, угольных запасов Сибири хватит на тысячи лет, но в европейской части СССР подобных богатств уже нет. Велики у нас и запасы газа, но опять-таки там, в Сибири, притом в северных ее районах. Центр добычи нефти шагнул раньше за Волгу, теперь — за Урал. Во что обходятся такие «шаги»? Подсчитано: если затраты на расширение или поддержание добычи одной тонны нефти в 1965—1972 гг. принять за единицу, то в одиннадцатой пятилетке они выросли почти втрое, в двенадцатой их рост еще больше.

Ныне страна расходует ежегодно сырья, материалов, топлива и электроэнергии примерно на 500 млрд руб. При таких масштабах необходимое освоение новых сырьевых районов требует таких затрат, которые в обозримом будущем не перекрыть развитием техники в одних только добывающих отраслях. Понадобятся встречные усилия: нужно всеми средствами (и средствами научно-технического прогресса прежде всего) добиваться не только расширения производства этих ресурсов, но и максимальной экономии при их потреблении. Решение такой задачи требует нового подхода к хозяйственным проблемам, нового стиля мышления и поведения.

4 ноября 1981 г. «Правда» сообщила: в Женеве закончилось чрезвычайное совещание Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК). Принято решение установить единые цены на нефть, исходя из 34 дол. за баррель (159 л) «аравийской легкой нефти». Это означало, что мировая цена с этого времени должна колебаться (в зависимости от качества нефти и места добычи) примерно на уровне 215 дол. за тонну.

Подобные сообщения мелькали и в прежние годы. Разумеется, на пятой полосе газеты — там, где идет международная информация. Касается ли это работников народного хозяйства нашей страны? В те годы принято было считать: непосредственно не касается, не о наших делах речь. Это было ошибкой, за которую мы дорого платили уже тогда, еще дороже платим сегодня.

Раскроем опять статистический справочник. В 1980 г. выручка нашей страны от продажи нефти, нефтепродуктов и газа превысила 21,7 млрд руб. Это было близко к половине всей экспортной выручки. Для сравнения: на импорт промышленных товаров народного потребления, продовольствия и продовольственного сырья страна затратила в том же году около 16 млрд руб.

Между прочим, в начале 70-х годов за тонну нефти платили около 20 дол. Именно «революция цен» на мировом рынке придала нефти такое значение в мировой торговле.

Выходит, решения совещания, прошедшего в Женеве, прямо касались каждого из нас. Мы не можем быть равнодушны к тому, каковы доходы страны от внешней торговли, какова ее способность оплачивать свои покупки на мировом рынке.

«Революция цен» помогла всем — и странам, покупающим сырье, и продающим его, — лучше понять истинную ценность нефти и всех прочих природных ресурсов. Разумеется, покупатели и продавцы увидели новую ситуацию с разных сторон. Сегодня уже повсеместно задача экономии первичных материальных ресурсов воспринимается как общечеловеческая. Первыми это ощутили страны-потребители. Острота проблемы вынудила в ряде стран пойти на весьма жесткие меры в этом направлении. В большинстве европейских социалистических стран цена бензина высшей марки в пересчете на наши деньги по туристскому обменному курсу приблизилась к одному рублю за литр, а то и больше. Одновременно в ряде социалистических стран повышена плата за электроэнергию, газ, все виды топлива для квартир. Болезненная мера? Да. Но исправно работает дешевый общественный транспорт, отправляются в путь поезда и самолеты, работают заводы.

Между тем в промышленно развитых капиталистических странах вздорожание энергоресурсов привело к

недопроизводству товаров и услуг на 700 млрд дол. только за первые пять лет после начала энергетического кризиса. Это увеличило безработицу на 3 млн человек и сильно повысило стоимость жизни.

Небывалый скачок мировых цен на нефть (вдесятеро за семь лет) и разрушительное действие энергетического кризиса на капиталистическую экономику приковали к себе общее внимание. И как-то в тени остался тот факт, что затраты на добычу сырья (если взять длительный период) растут не в меньшей степени — скорее, в большей. Это признали и буржуазные авторы. Известный французский публицист Жан-Жак Серван-Шрейбер, президент радикальной партии и бывший министр, в своем нашумевшем «Всемирном вызове» рассмотрел движение нефтяных цен с начала века. Оказывается, до скачка 70-х годов мировая цена на нефть практически не менялась более полувека.

Так сложилась нерациональная — с точки зрения долговременных интересов всего человечества — структура мировой энергетики. Если сложить все запасы органического топлива в недрах планеты, окажется, что лишь 17% заключенной в них энергии приходится на нефть и газ, остальное — на уголь. А структура потребления энергии почти прямо обратная: лишь около четверти ее получается из угля.

Кризис возник из-за корыстной установки нефтяных монополий на раздувание импорта нефти по низкой цене. Добавим: по искусственно заниженной цене. Вместо того чтобы всячески стимулировать экономию нефти как самого ценного и сравнительно ограничено распространенного в природе сырья, стимулировался ее усиленный расход. Порой это делалось и в ущерб собственной экономике развитых капиталистических стран — например, в транспортной системе США бензиновый мотор вытеснял другие средства тяги и тогда, когда эти средства были эффективнее. Попутно решалась более общая задача: развитые капиталистические страны, самые богатые в мире, на 2—3 послевоенных десятилетия освободились от необходимости делать весьма значительные затраты на разработку собственных энергетических ресурсов. Были закрыты сотни угольных шахт, заброшены успешные в прошлом работы по получению газа и бензина из углей и сланцев. Выкачивание почти даровой нефти из

чужих недр позволило форсировать развитие «потребительского общества» в горстке богатейших стран. Оно же породило таких монстров капиталистической экономики, как неестественно раздутый парк легковых автомобилей. Одно это дало толчок трем кризисам сразу: кризису городов, экологическому и энергетическому. Особенно наглядно это проявилось в Калифорнии — самом богатом штате самой богатой капиталистической страны. Отравление воздуха выхлопными газами доходит до того, что в Лос-Анджелесе некоторые врачи рекомендуют ходить в противогазах. Общественный транспорт удушен — его просто нет. Поэтому человек без своего автомобиля остается и без работы. Сотни тысяч безработных, безавтомобильных, лишенных настоящего и будущего людей концентрируются в Уоттсе — негритянском гетто Лос-Анджелеса, где бунт отчаяния однажды уже разразился.

Общественный транспорт американских городов пал отнюдь не в честной конкурентной борьбе. Пропагандистская фраза о свободе рынка, о суверенном выборе потребителя предназначена для прикрытия факта, отмеченного Лениным еще в 1916 г.: конкуренция превращена в монополию. Будь там и впрямь свободный выбор для потребителей, общественный и индивидуальный транспорт сосуществовали бы и каждый развивался бы в разумных пределах. Автомобиль дает больше удобств, но он во много раз дороже, скажем, трамвайных поездов, при которых один мотор и один кузов обслуживают не одного пассажира, а сотню. К тому же трамвай бегаёт по путям весь день, а автомобиль больше простаивает в ожидании владельца.

Нет, в честной рыночной борьбе убить общественный транспорт нельзя было. Это произошло иначе. Автопромышленный концерн «Дженерал моторс» скупил более сотни трамвайных систем в 45 городах, включая Нью-Йорк, Балтимор, Филадельфию и Лос-Анджелес. Скупил, чтобы сломать их и заставить всех волей-неволей покупать автомобили. Только в Лос-Анджелесе была разрушена система линий общественного транспорта протяженностью более тысячи миль.

Бум потребления бензина оказался на руку и нефтяным монополиям, и автомобильным. В итоге за три десятилетия были резко уменьшены нефтяные запасы планеты, которые могли бы служить человечеству

гораздо дольше. Развитые капиталистические страны, в которых живет не более десятой части населения Земли, промотали значительную часть этих запасов, к тому же располагавшихся в основном не на их территории. Промотали без расчета, а точнее с расчетом на обогащение немногих.

Корыстная политика монополий продолжалась и в годы кризиса, она лишь модернизирована применительно к новым условиям.

Директор-распорядитель Американского химического общества, а до того заместитель министра торговли США Р. У. Кэрнс утверждал после начала энергетического кризиса, что его можно было предвидеть по крайней мере за три года. Кэрнс считал необходимым создать в США центральный правительственный орган стратегического планирования в области технологии, подобный существующим органам стратегического планирования в области вооружений, обороны, космических исследований. Отсутствие такого органа он назвал одной из главных причин кризиса. Это буржуазный диагноз и буржуазный рецепт лечения. Кэрнс не хотел (или не мог) признать, что дело не в «отсутствии планомерности», а в капиталистическом характере этой планомерности, которого не отменит вмешательство буржуазного правительства.

В самом деле, система разработки и проведения долгосрочной стратегии в основных сферах экономики тех же США существует давно. Были разработаны в свое время прогнозы и рекомендации и в энергетической области, и сейчас нетрудно убедиться, что они неукоснительно выполнялись — существующего аппарата государственно-монополистического регулирования оказалось для этого вполне достаточно. Но именно выполнение таких рекомендаций и привело к энергетическому кризису.

В конце 50-х годов финансируемая за счет фонда Форда корпорация «Ресурсы для будущего» разработала прогноз американской экономики на 1975 г. Отдельный том этой капитальной работы был посвящен энергетике. На основе анализа развития энергетики за сто с лишним лет давались прогноз и рекомендации на пятнадцать лет вперед — до 1975 г. Вот главный вывод авторов: «Исходя из обеспеченности США природными ресурсами, а также учитывая возможный технический прогресс, можно утверждать, что в 1975 г. (или

примерно в это время) США смогут обеспечить свои потребности во всех видах энергии за счет собственных ресурсов (как с точки зрения общих потребностей в энергии, так и с точки зрения потребления отдельных видов энергии). При этом не произойдет сколько-нибудь значительного повышения производственных издержек за исключением тех, которые могут быть вызваны повышением общего уровня цен».

Невозможно было выбрать временной горизонт, более наглядно демонстрирующий провал прогноза: примерно 1975 г. В это самое время на США и на все индустриально развитые капиталистические страны обрушился энергетический кризис, а за ним и небывалый по глубине после 30-х годов циклический кризис, который подвел черту под тридцатилетием относительного благополучия капиталистической экономики, породившим столько иллюзий.

Легче всего улыбнуться, перечитывая задним числом этот и другие подобные прогнозы, на основе которых американские монополии и правительство вырабатывали свою экономическую стратегию на 50—70-е годы. Но гораздо полезнее и интереснее разобраться: почему же ошиблись их авторы?

Попытка обнаружить сколько-нибудь серьезный экономический или технический просчет в прогнозе корпорации «Ресурсы для будущего» приводит к поразительным результатам. Даже сейчас, задним числом, таких ошибок найти нельзя.

В качестве исходной позиции для оценки демографических процессов (с них начинается общий анализ) авторы прогноза взяли на всякий случай заведомо завышенный, как они считали, темп прироста населения США — этот темп дал бы в 1975 г. общую численность населения 233 млн человек. Они оказались правы: фактическая численность населения к тому времени действительно была ниже названного ими предела.

Предполагалось, что среднегодовой прирост валового общественного продукта США составит 4%; это само по себе говорит о большой уверенности авторов прогноза в своей квалификации, поскольку прежде США не знали столь высоких темпов в течение столь длительного времени. Следовательно, простой экстраполяцией прежних темпов такую цифру получить было нельзя; тут требовался солидный анализ перспективных тенденций. Многие выражали сомнение в

реальности такого предположения, но темпы роста американской экономики в 60-х годах действительно заметно возросли по сравнению с предшествующим периодом, и этот прогноз подтвердился с высокой степенью точности.

Специалисты корпорации «Ресурсы для будущего» правильно предвидели и то, что основными источниками энергии в 1975 г. будут нефть, газ и уголь, значение атомных и гидроэлектростанций будет второстепенным. Близким к истине, насколько возможно в столь долгосрочном прогнозе, оказался и расчет потребности на 1975 г. в отдельных видах ресурсов. Наконец, подтвердилось предсказание, что США будут располагать природными запасами, экономическими и техническими возможностями, позволяющими произвести больше и электроэнергии, и нефти, и газа, и угля, чем потребуется стране в 1975 г.

Авторы прогноза писали: «Выбор 1975 г. в качестве даты, на которую дается прогноз (на 15 лет со времени опубликования настоящего труда), отражает мнение авторов о том, что проблемы обеспечения США энергией, которые могут возникнуть в будущем, будут легко разрешимы при помощи соответствующих мер в течение указанных 15 лет. При наличии в США таких потенциальных ресурсов энергии, как нефтяные сланцы и атомная энергия, эти проблемы вряд ли будут серьезными». С другой стороны, они вопрошали: «Разве мы не должны использовать преимущества импорта дешевой нефти?» И страна использовала эти преимущества десятки лет после составления прогноза, как и 10 лет до его составления (США превратились из экспортера нефти в ее импортера в 1947 г.).

Итак, каждая исходная позиция прогноза в отдельности подтвердилась, а общий вывод оказался разительно неверным. Вместо обещанного отсутствия серьезных проблем — сильнейший энергетический кризис, потрясший не только американскую, но и всю капиталистическую экономику. Как это могло произойти?

Капитализм пытается освободиться от своих «вечных» болезней, совершенствуя средства достижения цели, но источник болезней заключен в самой цели капиталистического производства. От нее невозможно отказаться, не отказываясь от капитализма. Причина возникших трудностей не в ошибках исполнителей воли правящего класса США, а в самой стратегии

этого класса. Именно она предопределила и тот решающий выбор, который повел капиталистическую экономику навстречу энергетическому кризису. Авторы прогноза показали задолго до кризиса необходимость выбора между импортом нефти и самообеспечением. Считая возможным (технически) любой вариант, они исходили из того, что выбор определит «политика, проводимая предпринимателями и правительственными организациями». А для этой политики определяющим оказалось то, что импорт нефти в тот момент был выгоднее, чем ее добыча в США. О том, как может сказаться в перспективе возникающая импортная зависимость, никто не заботился. Зависимость стран — экспортеров нефти от американских «предпринимателей и правительственных организаций», вынуждавшая отдавать нефть по искусственно заниженной цене, казалась авторам прогноза вечной.

Однако возникает вопрос: если в конце 50-х годов люди, делающие политику в США, не предвидели попытки стран-экспортеров установить суверенитет над собственной нефтью, предпринятой в 1973 г., то неужели они были так слепы, что не заметили возможности и даже неизбежности такого оборота событий за пять лет, за три года? Конечно, это не исключено, но маловероятно. Ведь были известны факты, которые позволяли предсказать не только скачок цен на нефть, но и всю происшедшую в 70-х годах революцию мировых цен, в корне изменившую их соотношение в пользу продавцов сырьевых и топливных товаров. Главным из этих фактов было неестественное движение ценовых пропорций в предшествующих десятилетиях: сырье становилось все дешевле по отношению к продукции обрабатывающих отраслей. На капиталистическом мировом рынке за 20 лет — с 1950 по 1970 г. — индекс экспортных цен на сырьевые товары упал на 2%, на готовые изделия повысился на 45%. Пропорции обмена одного на другое изменились в 1,5 раза в пользу продавцов машин и другой продукции обрабатывающих отраслей, в убыток продавцам сырья. Между тем давно известно, что сырье в целом дорожает по мере продолжения и расширения добычи, поскольку наиболее эффективные месторождения обрабатываются первыми, потом вовлекаются все более бедные и труднодоступные. Как раз в рассматриваемый период процесс повышения затрат на добычу

сырья ускорился, потому что сам рост масштабов добычи принял скачкообразный характер. Так, оценив происходивший в то время рост добычи минерального сырья, группа экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым предположила, что в «оставшиеся 30 лет XX века мир поглотит его в 3—4 раза больше, чем было потреблено за всю предшествующую историю цивилизации». И если тем не менее реальное движение цен мирового капиталистического рынка в 50—60-х годах столь явно противоречило закономерности относительного удорожания сырья по сравнению с продукцией обрабатывающих отраслей, то лишь потому, что на мировом рынке хозяевами были монополии развитых капиталистических стран — покупатели сырья и продавцы готовой продукции. Чем дольше сохраняли они прибыльные для себя противоестественные пропорции, тем сильнее накапливались в мировой экономике внутренние напряжения, как в земной коре перед землетрясением, тем опаснее становилась сила назревшего взрыва.

Своими руками монополии — и прежде всего американские нефтяные монополии — готовили энергетический кризис. Почему же они не предвидели его? Классовая слепота? Самоуверенность силы? Могло быть и это. Но здесь еще не весь ответ на вопрос. Представим себе, что они обо всем заранее знали: и о революции мировых цен, и об энергетическом кризисе, и о 30 млн безработных в богатейших странах мира. Как бы они действовали в этом случае?

Скорее всего, точно так же. Главное ведь остается в силе: чужое сырье выгоднее своего, арабская нефть дешевле американской. А что эта искусственная дешевизна порождала опасную диспропорцию, которая вылилась в энергетический кризис, не беда. Точнее, беда, но не для нефтяных монополий. Энергетический кризис капиталистического мира отнюдь не был кризисом энергетических монополий. Вздорожала сырая нефть, которую они покупали, тем легче стало монополиям повышать цены на нефтепродукты, которые они продавали. За все заплатил потребитель — неэнергетические отрасли хозяйства и население. Прибыли же нефтяных и других энергетических монополий не только не уменьшились, но и возросли.

Не преувеличиваем ли мы осознанность действий монополий, ведущих к глобальным потрясениям, по-

добным энергетическому кризису? Посмотрим, что писали советчики капитала после энергетического кризиса, когда опыт ошибок уже был всем известен, когда сотни миллионов людей прошли через страдания и потери, вызванные прежними диспропорциями.

Во второй половине 70-х годов была опубликована работа Эдисоновского института электричества «Экономика США в будущем (проблемы роста в национальной и глобальной перспективе)», подготовленная по заказу энергетических корпораций. Она содержит прогнозы на период от 1975 до 2000 г., а в общей форме — и на первые десятилетия XXI в. В списке консультантов, привлеченных к этой работе, значится один из руководителей былого прогноза корпорации «Ресурсы для будущего», в списке литературы — последние исследования фонда Форда. А главное — сам подход к проблемам, направленность исследования говорят: перед нами новая работа из того же ряда, что и рассмотренная выше.

Разумеется, авторы учли современные реалии, и прежде всего энергетический кризис. Они рекомендуют замедленный по сравнению с предыдущим периодом рост производства в США, экономию энергии, сырья и материалов (темпы роста их потребления ниже общих темпов экономического роста), повышение самообеспеченности путем сокращения доли импортных энергоресурсов, а также постройку складов горючего, создание резервных запасов и резервных мощностей, позволяющих в случае надобности выдержать шестимесячное эмбарго на поставки топлива в США.

Изменения материально-технического и технологического характера учтены. Но экономические методы и социально-политические цели не меняются. Представление о целях дают следующие рекомендации: отменить ограничения на рост цен для энергетических корпораций, повысить норму прибыли на их акции, повысить тарифы на электроэнергию. Указывается, что не следует осуществлять затраты на борьбу с бедностью в США и развивающихся странах: экономический рост якобы сам автоматически решит все проблемы такого рода.

Исследователи из Эдисоновского института электричества излагают вполне определенные требования своих заказчиков к государству: оно обязано помогать энергетическим монополиям, кредитовать их, финан-

сировать (разумеется, за счет налогоплательщиков), обеспечивать необходимые внешнеполитические условия.

Напомним: авторы прогноза, составленного в 50-х годах, не ошиблись или мало ошиблись в технико-экономических расчетах. Их заказчиков подвела общественно-политическая линия. Как же поступают авторы прогноза 70-х годов? Они сделали необходимые поправки технико-экономического характера с учетом новой ситуации. А в общественно-политической сфере (внутри страны и в международной политике) предлагают прежний курс. Иное противоречило бы интересам заказчиков. К тому же они убедились, что экономические потрясения последних лет в капиталистическом мире, причинив огромный ущерб народному хозяйству и населению капиталистических и развивающихся стран, отнюдь не причинили ущерба монополиям.

После повышения цен на сырую нефть странами — членами ОПЕК основные покупатели этой нефти — транснациональные нефтяные корпорации — не проиграли, а выиграли. С 1973 по 1980 г. пять основных энергетических корпораций добились среднегодового увеличения прибыли без малого на миллиард долларов, а всего прибыль «семи сестер» в одном только 1980 г. достигла 24 млрд дол.

Сохранили и укрепили свои позиции в отношениях с развивающимися странами не только нефтяные, но и прочие монополии, капиталистические страны в целом. Правда, затраты развитых капиталистических стран на импорт нефти в 1973—1979 гг. возросли до 818 млрд дол., но свои доходы от экспорта промышленных товаров они сумели поднять в тот же период до 828 млрд дол. Кроме того, страны ОПЕК с их односторонней индустриальной структурой не нашли достаточных возможностей для вложения приобретенных капиталов на своей территории и стали чаще вкладывать их в предприятия на территории развитых стран. В 1974—1979 гг. развитые капиталистические страны получили от стран ОПЕК и пустили в оборот 219 млрд дол.

В конечном счете наибольшие потери понесли развивающиеся страны — импортеры нефти, в которых сосредоточена большая часть населения развивающихся стран. Им было нечем защищаться от роста цен

на нефть, с одной стороны, на продукцию обрабатывающей индустрии — с другой. Их задолженность приобрела катастрофические масштабы. В этот момент развитые капиталистические страны предприняли еще один маневр. В течение 70-х годов в общем объеме частных капиталовложений в развивающиеся страны доля прямых инвестиций (строительство предприятий) стала падать, но стремительно возросло использование финансовых средств транснациональных коммерческих банков для предоставления займов и кредитов. В итоге уже в 1979 г. развивающиеся страны выплачивали по процентам со своего внешнего долга сумму, втрое превышающую поступления от прямых инвестиций частного иностранного капитала. Бремя платежей по кредитам и небывало раздутых процентов так велико, что даже некоторые страны — экспортеры нефти, например Мексика, оказались не в состоянии покрывать их выручкой от продажи нефти и надолго увязли в долговой кабале.

После этого развитые капиталистические страны начали перестройку своей экономики, которую с точки зрения общественных интересов следовало бы провести на 20—30 лет раньше. Научно-технический прогресс теперь был направлен не на увеличение расхода нефти и других энергоносителей, а на их экономию. Закупки нефти в мире значительно сократились (в начале 80-х годов этому способствовал и очередной циклический кризис капиталистической мировой экономики). Создав некоторые запасы нефти, монополии-покупатели повели контрнаступление на ОПЕК и добились поворота в движении цен на нефть: они начали снижаться. Соотношение цен на сырьевые товары и продукцию обрабатывающих отраслей на мировом рынке снова стало изменяться в том же направлении, что и в 50—60-х годах, лишь на новом уровне. В середине 80-х годов мировые цены колебались на уровне в 2—3 раза ниже максимума 1981 г. и соответственно в 3—4 раза выше уровня начала 70-х годов.

Операция завершена, можно подвести итоги.

Монополии развитых капиталистических стран, энергетические монополии прежде всего, значительно увеличили свои прибыли и укрепили свои позиции в мировой экономике. Возросла зависимость развивающихся стран от развитых капиталистических государств. В условиях, когда на мировом рынке наряду со стары-

ми факторами (борьба за источники сырья и рынки сбыта) возросло значение финансового и в особенности технологического влияния, развитые капиталистические страны укрепились на этих перспективных позициях и готовы к новому раунду борьбы за сохранение неокOLONиалистского влияния. Если оценивать события с точки зрения интересов монополий, то надо признать, что государственно-монополистическая «планомерность» оказалась достаточно действенной.

Нет нужды доказывать, что ситуация выглядит прямо противоположной с точки зрения интересов подавляющего большинства населения планеты — жителей развивающихся стран. Но она выглядит противоположной и с точки зрения трудящихся самих США, уплативших чрезвычайно высокую цену и за фактически подготовленный монополиями энергетический кризис, и за последующую перестройку экономики, осуществляемую чисто капиталистическими методами. Наконец, происшедшие события обернулись и к невыгоде народного хозяйства США в целом. Первым сигналом стало поражение автомобильной промышленности США — своеобразного символа и средоточия лучших достижений американской промышленности XX в. С началом энергетического кризиса провалились на рынке новые модели всех трех крупнейших американских автомобильных корпораций на 1975 г.: они были слишком велики и неэкономичны. Японский автомобиль стал теснить американские не только во всем мире, но и в самих США; по выпуску автомобилей Япония впервые вышла на первое место в мире. Затем настал черед металлургической промышленности, электронной. Годовой дефицит в торговле США с Японией достиг астрономической суммы — 50 млрд дол. Американские монополии нажились на энергетическом кризисе и его последствиях, а американская экономика проиграла. Она отстала в перестройке с энергоемкой на наукоемкую структуру от своего самого опасного конкурента.

Описанное — далеко не единственный, но лишь самый яркий пример, подтверждающий общий вывод: диспропорции и кризисы современной капиталистической экономики возникают не вследствие неумения планировать — они возникают прежде всего именно вследствие реализации планов монополий, выражаю-

щих их интересы. Проблема, следовательно, не в отсутствии планомерности, а в социальной направленности капиталистической «планомерности».

Однако нас в данном случае капиталистическая «планомерность» интересует не сама по себе — мы анализируем ее лишь для того, чтобы лучше понять природу нашей, социалистической планомерности. Уж она-то могла на фоне их энергетического кризиса показать свои преимущества в полной мере? Увы, полной меры не получилось. Годы энергетического кризиса у них совпали с годами застоя у нас. Для перестройки структуры нашего общественного производства это время оказалось в значительной степени потерянными, хотя и потребности, и возможности перестройки были велики, да и слов на эту тему в 70 — начале 80-х годов произносилось много. Они развернули структурную перестройку, подхлестнутые кризисом, провели ее за счет трудящихся, с огромными социальными издержками. У нас безработицы и банкротов не было. Но не было и столь стремительного обновления структуры общественного производства — с этим мы откровенно отстали. Жизнь еще раз подтвердила, что преимущества социализма в деле планирования реализуются не автоматически, а лишь в результате сознательных целенаправленных действий.

Что помешало нашей экономике в годы застоя отреагировать на многочисленные призывы к экономии, выполнить принимавшиеся постановления и планы? Помешало то, что сохранялась неприкосновенной старая хозяйственная система, ориентированная сверху донизу на максимизацию затрат, а не результатов.

Без малого два с половиной миллиарда кубических метров вскрышных пород извлекается ежегодно в нашей стране при открытой добыче угля, руд и других полезных ископаемых. За этой цифрой — огромные затраты для промышленности, огромный ущерб для природы. Между тем для получения тех же народнохозяйственных результатов отнюдь не нужны такие большие затраты. Так, лишь 2,7% из этих миллиардов кубометров вскрышных пород используется для производства стройматериалов, хотя пригодны для этого почти все породы. И в то же самое время в других местах ведется специальная добыча сырья для стройматериалов. Но вскрышу ведут предприятия одних ведомств, стройматериалы производят другие, и каж-

дое действует по своему плану, в том числе и ненужные затраты покрывает по плану.

Еще в начале 70-х годов профессор Белгородского технологического института В. А. Лепешенко обнаружил расчет, сделанный на примере одного из крупнейших действующих и строящихся предприятий КМА, да и всей черной металлургии: Стойленского горно-обогатительного комбината. Расчет показал: если бы вскрышные работы не рассматривались лишь как помеха на пути к руде, если бы тот же Стойленский комбинат развивался как комплексное многоотраслевое предприятие, то из вскрышных пород, ныне лишь съедающих отвалами черноземные поля, он производил бы стройматериалы, минеральные добавки для сельского хозяйства и много других очень нужных вещей, прибыль от которых покрыла бы все затраты на вскрышу. Руда открылась бы бесплатно!

Цена Стойленскому ГОКу — добрых полмиллиарда рублей. Однако стройматериалы — по другому ведомству. Еще десять лет назад Минчермет предлагал дать часть продукции, которую собирались производить Минстройматериалов. Из даровых по сути вскрышных пород это вышло бы дешевле, чем из специально добываемого сырья. Предлагалось снять с капиталовложений Минстройматериалов почти 900 млн руб., но Минчермету добавить лишь 600 млн — и он даст ту же продукцию. Почти 300 млн чистой экономии! А что вышло? «Ответ с отказом» — так именовался этот вариант в старых письмовниках. Одно министерство отказалось, другое отнюдь не настаивало. Иные ведомства судят почти по Маяковскому: своих отвалов никому не дадим, а чужих отвалов нам не надо. Как будто это все не наше, не всенародное.

Когда я беседовал об этом с председателем научного совета по проблемам КМА академиком М. И. Агошковым, он после резких слов в адрес хозяйственников вдруг сказал:

— Иногда я думаю: будь я сам работником министерства, не поступал ли бы так же, как они поступают? С них требуют выполнения плана по «своей» продукции — они этим и заняты.

Не нужно добывать и столь много руд, сколько мы сейчас добываем. Даже в рудах КМА, которые считаются железными, есть немало и цветных металлов, которые можно извлекать, но они по другому ведомству,

а потому отправляются в отвалы. Нечего и говорить о рудах, которые прямо именуются полиметаллическими — в них намешано всего понемногу, но извлекается далеко не все — предприятия Минцветмета отправляют в отвалы, скажем, железо так же легко, как Минчермет — цветные металлы.

Но и металла нам при культурной работе не потребовалось бы так много, как сейчас производится. В машиностроении и металлообработке в отходы уходит 21% черных металлов, и доля эта не меняется уже более четверти века, несмотря на огромные новые возможности, созданные за это время научно-техническим прогрессом.

Впрочем, счет резервов следовало бы начать еще с металлургических переделов. Если бы в нашей металлургии степень использования непрерывной разливки стали была такой же, как в Японии, то для достигнутого к началу 80-х годов производства проката нам потребовалось бы стали примерно на 25 млн т меньше. Это добрых 15%. А если еще улучшить сортамент и качество проката, чтобы поменьше его расходовать на заводах и стройках. А если не «производить» на заводах 8 млн т стружки в год — еще 5% выплавляемой стали. А если на стройках не зарывать в землю брошенное железо. А если машины делать полегче (да не те же самые, а вообще принципиально новые машины). А если получше беречь машины в эксплуатации. Десятки процентов металла можно экономить на основе уже известных достижений науки и техники — притом отечественной. Ведь и технология непрерывной разливки стали создана в СССР, прочие страны у нас покупали лицензию.

Не требуется нам и так много машин, как сейчас. Со всех сторон только и слышно: не хватает рабочих рук. Особенно не хватает станочников. Но ведь на это и с другой стороны можно посмотреть: если станочников меньше, чем станков, то, стало быть, станков больше, чем станочников. Зачем же их столько производили — для простоя? И тракторов у нас больше, чем трактористов. А на это рабочие руки нашлись — на производство лишних станков и тракторов. И немало рук: масштабы производства ненужного ошеломляют. Уступая Соединенным Штатам по производству зерна в 1,4 раза, мы превосходим их по производству тракторов в 6,4 раза, зерноуборочных комбайнов — в

16 раз! Неисправных комбайнов у нас стоит в колхозах и совхозах столько, что американская промышленность (при ее современном годовом выпуске комбайнов) смогла бы произвести подобное количество лишь за 70 с лишним лет.

Как могло сложиться и существовать такое раздутое производство? Тому есть много причин. Наши комбайны менее производительны, чем лучшие зарубежные, и потому даже при исправной работе их требуется больше. Они менее надежны и долговечны, да и запасных частей не хватает — это вынуждает колхозы и совхозы заказывать технику с запасом. В самих хозяйствах невысока культура использования, хранения, ремонта машин, не везде есть даже простые навесы от дождя, очень мало хороших дорог — в итоге техника быстро выходит из строя. Сказывается и монопольное положение многих производителей техники: плох их товар, но другого нет — вот и берут. И главное, до недавнего времени, при отключенных рычагах хозрасчета, колхозы и совхозы приобретали технику, в сущности, не за свои деньги, а за «ничьи», т. е. государственные: за счет ассигнований бюджета или неограниченно предоставляемого кредита, который часто не возвращался, а долги списывались. Стоило лишь несколько ужесточить предоставление «ничьих» денег, заставить больше приобретать за свои — и при сохранении всех прочих негативных обстоятельств колхозы и совхозы уменьшили заявки на технику на целую треть. А уменьшение на треть производства тракторов и сельхозмашин означает для народного хозяйства высвобождение ежегодно 4,8 млн т угля, 6,77 млрд кВт·ч электроэнергии, 2,4 млн т стали, экономию труда сотен тысяч человек. С падением спроса растут требования к качеству. Покупатели перестали приобретать комбайн «Енисей», который особенно «прославился» низким качеством и техническим уровнем; производивший его Красноярский завод оказался в трудном положении и вынужден был срочно готовить новую модель.

Однако это лишь первые, далеко еще не достаточные шаги по пути оздоровления. Необходимость рассчитывать лишь на заработанный рубль давит только на предприятия, да и то не на все. А министерствам по-прежнему удается тратить деньги без счета, притом такие суммы, которые предприятиям и не снились.

Минтракторосельхозмаш заложил в Елабуге комп-

лекс по производству промышленных тракторов сметной стоимостью 3,8 млрд руб.— а ведь действующие заводы промышленных тракторов в Чебоксарах и Челябинске не имеют достаточного сбыта. Неэффективность первоначального планового решения зафиксирована официально: стройка перепрофилируется на ходу, решено возводить завод микролитражных легковых автомобилей, которых так не хватает на рынке.

Минводхоз СССР расходует ежегодно около 10 млрд руб., главным образом на дорогостоящие водные мелиорации. Мелиораторы сами проектируют, сами строят свои сооружения и притом финансируются за счет государственного бюджета, так что хозяйствам оросительные системы передаются бесплатно — соответственно невелики и требования к их качеству, срокам окупаемости, вообще к целесообразности их сооружения. Бесконтрольному хозяйничанью ведомств-монополистов способствует и еще одна крупнейшая прореха в системе хозрасчетных отношений: бесплатное распоряжение землей, водой и другими природными ресурсами. Бесплатность подвигла на многие разорительные проекты не только Минводхоз, но и другое ведомство, подвергшееся острой общественной критике: Минэнерго и его институт Гидропроект. И здесь под напором общественности приостановлены до более полного изучения либо совсем отменены некоторые стройки — такие, как Даугавпилсская и Катунская ГЭС. Но осталась экономическая почва для разработки и проталкивания проектов, способных обогатить ведомство и разорить общество.

Об экономической среде, в которой процветают подобные отношения, очень точно сказал в свое время Феликс Эдмундович Дзержинский:

«В буржуазном строе для фабрикантов был бич конкуренция и перспектива банкротства. Сейчас конкуренции нет, нет и опасения банкротства, ибо прогореть тут может только само государство».

Мириться дольше с таким расточительством мы больше не можем. Перестройка не обойдет никого — и не только ни одного работника. Многим придется изменить и потребительское поведение. Если мы хотим лучше жить, то нужно стать не только культурными работниками, но и культурными потребителями.

Летом 1980 г. я напечатал в центральной газете статью об экономии энергии. Упомянул там и о повы-

шении розничных цен на бензин в братских странах. И среди десятков откликов получил один, из Киевской области, автор которого писал: «Следует учесть, что СССР экспортирует горючее, в отличие от большинства стран Европы». Это надо было понимать так: нам ли беспокоиться, сколько стоит нефть, ведь мы не должны ее покупать.

Такое рассуждение близоруко втройне. Во-первых, ресурсы полезных ископаемых невоспроизводимы, и если их не беречь, то со временем продавать будет нечего. Во-вторых, по сравнению с 60-ми годами выросли не только цены на продаваемую нефть, но и наши затраты на ее добычу, а с середины 80-х годов дело обернулось особенно невыгодно для СССР как экспортера нефти: затраты на добычу продолжают расти, а мировые цены упали. И наконец, хорошему хозяину не требуется объяснять, что чем дороже товар, тем строже надо его беречь, чтобы побольше сэкономить для продажи.

В Советском Союзе добывается в год свыше 600 млн т нефти и газового конденсата. Одна тонна нефти в 1980 г. стоила на мировом рынке более 200 дол., а сейчас стоит около 70 дол. Нетрудно подсчитать, что лишь 1% добываемой в стране нефти стоит по мировым ценам около полумиллиарда долларов. Такое же количество нефтепродуктов стоит по меньшей мере вдвое дороже. А если учесть еще газ, уголь, торф, урановую руду, гидроэнергию? Миллиарды и миллиарды рублей — цена 1% нашей энергии. Нам есть что беречь.

В производстве привычным и общепризнанным считается требование пускать в ход все резервы — резервы роста продукции. С такой же настойчивостью пора пускать в ход все резервы в потреблении — резервы экономии. Разумеется, речь идет о всяком потреблении — и производственном, и личном. Но для большей наглядности я начну с примеров, известных любому из нас по личному опыту в быту.

...Я пишу эти заметки при свете настольной лампы. Время дневное, но в комнате темновато. Над окном нависает бетонная плита. И справа от окна плита, и слева тоже. Вы догадались — у нас лоджия. Это итальянское слово: лоджия. Под знойным небом Италии людям нужна защита от солнца. И архитекторы придумали для этого лоджию. Я — за лоджию в Туркмении,

Азербайджане и в Крыму. Но в средней полосе не хочется лишаться солнца ради эстетических соображений архитектора.

Читатель может не согласиться: почему же только ради эстетических соображений? Лоджия — это, по существу, дополнительная жилплощадь. Но дело в том, что я точно знаю: мой архитектор, проектируя в нашей квартире лоджию, не заботился о дополнительной жилплощади. Потому что в лоджию он посадил неуклюжую и широкую пожарную лестницу, которая и занимает почти всю эту дополнительную площадь. Я и не против пожарной лестницы, я только не понимаю, зачем ей нужна лоджия.

В нашей квартире есть другая комната. Бетонная плита слева от окна, бетонная плита справа. Тут и лоджии нет. Просто стена одной комнаты почему-то отступила внутрь дома. Кажется, это именуется на языке архитектуры «карманом». Это уж украшение в чистом виде, функционального назначения «карман» полностью лишен.

Сознавая, очевидно, что лоджия с пожарной лестницей не очень удобна (а может быть, опять-таки по эстетическим соображениям), архитектор решил, что в квартире нужен еще один балкон. Посадил бы его в «карман» — все равно у этой комнаты солнце наполовину отнято. Нет, балкон прилеплен к третьей комнате. И там над окном бетонная плита. Только в окно кухни солнце заглядывает без всяких препятствий.

Смешно было бы восставать против того, чтобы архитектор решал эстетические задачи. Мы хотим жить в красивом доме, в красивом городе. Но неужели эстетические решения должны непременно противоречить функциональным? На Руси строили красивые дома и тогда, когда не знали лоджий.

«Карман» породил, помимо затемнения комнаты, еще один эффект: дополнительный наружный угол, т. е. не одну, а две наружные стены в комнате. В двух других комнатах наружные углы predetermineden расположением квартиры — она примыкает к торцевой стене дома. Но хотя бы в одной комнате этого угла могло не быть — он порожден «карманом». Нет, у нас не холодно зимой: проектировщик не сделал ошибки, рассчитывая площадь отопительных батарей. У нас они расставлены щедро. А в осеннее время, когда отопительный сезон еще не начинается и из-за недо-

статка солнца становится холодновато, мы включаем электрокамин. Мы не жалуемся — электроэнергия дешева. Мы платим за киловатт-час в 5 раз меньше, чем, скажем, жители Чехословакии.

И газ у нас дешев. Строго говоря, газ бесплатен. Дело не в том, что 32 копейки с человека в месяц (полторы тысячных части средней зарплаты рабочих и служащих) — плата символическая. Будь вместо того хоть 32 рубля — и это не побуждало бы к бережному расходованию газа. Потому что плата никак не связана с его фактическим расходом. Не знаю, кто и зачем придумал когда-то сэкономить на газовых счетчиках — воистину трудно придумать более оригинальный способ экономии. С тех пор газ многие жгут без счета. Забывают его выключить. В холодные дни пытаются им обогреть квартиру, хотя таким способом можно только отравить воздух продуктами горения, но согреть квартиру нельзя. Однако в противном случае пришлось бы включить электрокамин и платить по счетчику. Соблазн жесть без счета оказывается сильнее всяких разумных соображений. Надо ли доказывать, что мы все, вместе взятые, расплачиваемся за эту «бесплатность»?

Однако вернемся к архитектуре. Из стран с другим климатом заимствованы не только лоджии. Заимствована стеклянная стена в крупных общественных зданиях. Тут уж мало усиленного отопления зимой — требуется еще и охлаждение летом. За стеклянной стеной даже наше северное солнце становится иногда нестерпимым. И вот уже гудят в Москве кондиционеры — дорогостоящее изобретение, без которого вполне можно бы обойтись в этих широтах. Между прочим, они не спасают в таких зданиях. В жаркий летний день на солнечной стороне дома со стеклянной стеной работать невозможно. Ни задернутые шторы, ни открытая на полную мощность подача охлажденного воздуха не в силах побороть изнурительную жару в кабинетах. В те же дни в старых зданиях с толстыми кирпичными стенами без всяких кондиционеров температура сохраняется вполне терпимая.

Конечно, наивно было бы представлять, что корень всех зол — в эстетических увлечениях архитекторов. Здесь сработало другое — ведомственность. Строителям выгодна бетонная панель — и пропадает со стройки кирпич. Отдуваются эксплуатационники: в панель-

ных зданиях расход тепла на отопление втрое больше, чем в кирпичных. Конечно, и бетонной стене можно придать достаточные теплоизоляционные свойства. Но те же ведомственные интересы толкают на то, чтобы делать ее полегче, а потому — потоньше. В процессе строительства мы кое-что экономим. Но при последующей эксплуатации здания теряем гораздо больше. Беда, однако, в том, что экономия и перерасход распределяются по разным ведомствам.

А здания производственного назначения! Разве прежде крестьянин отапливал хлев? Хлев строился с толстой каменной или деревянной стеной, а под крышей (холод ведь больше всего проникает сверху) устраивался сеновал. Возы с сеном по наклонному помосту вкатывались прямо на чердак, а потом сено подавали по мере надобности вниз через люк в потолке. Сейчас говорят, что сено под крышей животноводческого помещения создает опасность пожара. Но ведь этой опасности издревле избегали одним надежным способом — курили в другом месте, не на сеновале.

Почему-то у некоторых проектировщиков современных животноводческих помещений представление об индустриализации сельского хозяйства жестко связалось с бетоном и железом. Да с каким еще бетоном!

В иных районах довольно распространенным типовым проектом индустриального свинарника оказался проект, заимствованный опять-таки из Италии. Ну, конечно, отопление дали солиднее. Первая же зима посуровее средней, 1978/79 г., учинила таким животноводческим комплексам жестокую проверку. Системы отопления не везде справились, скотина в некоторых хозяйствах померзла.

И ведь есть проекты, сочетающие максимальную индустриальность, современность с полным учетом климатических условий большинства районов нашей страны. В колхозе имени Ленина в тульском селе Спасском построен животноводческий комплекс вполне индустриальных масштабов — на тысячу коров. Со вполне индустриальной технологией: все стадо выдаивают четыре оператора, а общие затраты труда на центнер продукции в несколько раз меньше средних по стране. Не перечисляя всех технических решений, ограничимся описанием одного, имеющего прямое отношение к нашей теме. В коровнике не бросают могу-

чую технику на уборку навоза. Животные сами продавливают его копытами через решетчатый пол. Там навоз и остается, под полом. Выгребают его из подвального помещения бульдозером раз в год. Крестьянин издревле знал: перепревающий навоз выделяет тепло. Этим даровым теплом и обогревается коровник в Спасском. Заодно и навоз превращается в полноценное удобрение: его ведь желательно выдержать перед внесением в почву, для чего пришлось бы строить специальное хранилище, будь у коровника иная конструкция. Стоимость строительства комплекса в расчете на одно ското-место в два-три раза меньше, чем по другим проектам. Колхоз не только сам строил, но и сам проектировал. Проектной документацией служили эскизы на тетрадных листках.

Главным оружием создателей этого проекта были здравый смысл, знание векового крестьянского опыта и уважение к нему. Низкий поклон потомкам тульского Левши! Но я не хотел бы толкать читателя к той пошлой мудрости, которая гласит, что мужицкая сметка выше инженерного знания. Я считаю — нет, не выше. Инженерное знание вполне способно постичь и переварить сокровища народного опыта, и дельный инженер умеет добавить к ним многое, что бытовым здравым смыслом не постигается, что дает только наука. И если произведение крестьянского здравого смысла оказывается выше произведений дипломированных профессиональных проектировщиков, это может означать только одно: профессиональные деятели науки и техники еще не всегда помогают крестьянину в полную силу.

В данном случае было именно так. Коровники, подобные спасскому, появились в других местах не потому, что проектные институты поспешили разослать по стране его чертежи, а потому, что из Подмосковья и Сибири, с Украины и Урала ехали в тульское село посланцы колхозов и на новых тетрадных листах рисовали эскизы. Как сообщалось в «Правде», тогдашнее Министерство сельского хозяйства СССР не позаботилось хотя бы узнать, сколько таких ферм построено в стране.

Конечно, лучший проект пробьет себе дорогу. Но разве нам безразлично, когда это будет? Потерянное время — не только потерянный труд, но и безвозвратно потерянные природные богатства: тонны мазута, га-

за, угля, потраченные на отопление помещений, которые можно и не отапливать, на работу электромоторов, без которых можно обойтись.

Но хватит об архитекторах и проектировщиках. Не одни они могут сберегать энергию. Есть еще конструкторы. От них зависит эффективность агрегатов — и производящих энергию, и потребляющих ее.

Агрегаты бывают разные. Есть энергетическая система атомного ледокола, а есть электроплита «Томь» у нас на кухне номинальной мощностью, как уже упоминалось, 5,8 кВт. Можно догадаться, что в атомоход вложено больше конструкторского труда, чем в «Томь», и что труд этот более квалифицированный — просто потому, что энергетические установки атомохода посложнее электроплиты. Это правильно, так и быть должно. Меня интересует другое: уровень требований к качеству, к техническому совершенству энергетической установки. Не сомневаюсь, что при проектировании и строительстве атомохода все лучшее, что знает отечественная и мировая наука и техника, учитывается и используется. Так ли подходят к проектированию кухонной плиты?

Конструкторы могут поднять меня на смех: неужели не ясно, что атомоход важнее? А один знакомый, с которым я поделился своими мыслями, сказал, что разговор об экономии энергии надо вести не на уровне кухонной плиты, потому что это только частный пример. Но речь идет не о том, чтобы менее тщательно конструировать атомоход, а о том, чтобы более тщательно конструировать кухонную плиту. Я попытаюсь доказать, что для народного хозяйства более важно повысить на 1% экономичность кухонных плит, чем на 10% — экономичность атомных ледоколов.

Ледокол, конечно, большой, а плита маленькая. Но атомных ледоколов на свете считанные единицы. А кухонных электроплит только в нашем доме 128 штук. 5,8 кВт помножим на 128 — выходит 742,4 кВт. Больше тысячи лошадиных сил, если посчитать иначе. Рядом есть дома побольше нашего, квартир до трехсот. Домохозяйки нашего квартала могут, не выходя из кухни, включить мощность не меньше той, которую развивал атомоход, круша льды на пути к полюсу.

В Москве уже несколько лет не ставят газовых плит в домах-новостройках и постепенно заменяют их

электрическими в домах, построенных ранее. В ряде крупных городов кухонные электроплиты появились еще раньше, чем в Москве. А со временем они, несомненно, вытеснят газовые плиты повсюду хотя бы потому, что электричеством человечество будет пользоваться вечно, а запасы газа, увы, ограничены, и в наших интересах как можно быстрее прекратить его жечь, сохранив для химической переработки. Кроме того, электрическая плита создает огромные преимущества для строителей: отпадает целая инженерная система, притом самая опасная в случае неисправности,— газовые трубы. И огромное преимущество для всех нас: чистый воздух в квартире.

Итак, электроплита — довольно близкое будущее для всех квартир и настоящее для многих. Квартир в стране более 70 млн. Если только 1 млн плит по 5,8 кВт включить одновременно на полную мощность — Братская ГЭС не потянет такого расхода энергии. Правда, на полную мощность плита работает редко, чаще включаются 3—4 кВт. И работает она около десятой части суток. Но с учетом сказанного выше, в будущем — не столь далеко, кстати,— 70 млн электроплит потребуют постоянной работы на полную мощность 4—6 электростанций, подобных Братской. Однако ни одна ГЭС, как известно, не может работать круглый год на полную мощность. Остановки на ремонт, перепады пиковых нагрузок и другие причины съедают около трети календарного времени работы ее агрегатов. Выходит, на обслуживание электроплит придется выделить до десятка Братских ГЭС. А это значит, что повышение экономичности скромной электроплиты на 1% даст экономию энергии, близкую ко всей выработке довоенного Днепрогэса.

И еще несколько цифр из электробаланса народного хозяйства за 1986 г. Израсходовано электроэнергии: промышленностью — 922 млрд кВт·ч, сельским хозяйством — 152, транспортом — 128, другими отраслями — 230 млрд. «Другие отрасли» — это прежде всего коммунально-бытовое хозяйство. Добавим, что цифра расхода энергии по сельскому хозяйству отражает не только производственное потребление — туда входят еще 23,2 млрд кВт·ч на коммунально-бытовые нужды сельского населения. Если эти 23,2 млрд приплюсовать к 230 «на другие отрасли», то получится цифра, вдвое превосходящая расход на транспорт.

Надеюсь, этого достаточно, чтобы признать значимость экономного расхода энергии в быту. И, в частности, расхода на электроплиты, которые пока остаются самым прожорливым электроприбором.

Глядя на нашу «Томь», я вспоминаю картинки, изображающие первые автомобили. Та же карета, только без лошадей. И «Томь» — та же газовая плита, только на месте газовых горелок у нее электрические нагревательные элементы. Тот же тепловой нагрев, хотя в духовом шкафу можно применить токи сверхвысокой частоты, которые поджарят мясо в несколько раз быстрее, израсходовав вдвое меньше энергии. Ни малейших попыток автоматизации, для которой электричество гораздо удобнее, чем газ. Нет автоматического регулирования температуры — значит, неизбежный всегда перегрев. Нет и автоматического регулирования времени работы — значит, опять-таки перегрев. Нет даже термометра, показывающего температуру в духовом шкафу, чтобы ее хоть вручную регулировать, — значит, еще и еще раз перегрев.

Может быть, я чего-то невозможного при современной технике требую? Оставим то обстоятельство, что создатели нашей плиты никак не учли давно известный зарубежный опыт — факт, немыслимый в отраслях техники, признаваемых солидными и значимыми. В конце концов, у них и такое могло быть соображение: для воспроизведения зарубежных моделей завод может не получить материалов, узлов и т. п. Но автоматический регулятор температуры ставится на миллионы электроутогов, выпускаемых отечественной промышленностью. Автоматический регулятор времени работы — на миллионы стиральных машин. Термометры ставились еще на старые добрые газовые плиты. И наконец, электропечь «Электроника» отечественного производства на токах сверхвысокой частоты с полной автоматизацией режима появляется в магазинах электротоваров. Ее раскупают, несмотря на то, что она отнюдь не заменяет обычную плиту, а может лишь дополнять ее, и, купив новую плиту, нельзя выбросить старую. Дополнение ценою чуть не 300 руб. раскупают — не заставит ли это задуматься и конструкторов, и плаников?

Нет, тут не одним процентом пахнет. Несколько процентов можно сэкономить в масштабе страны на одних только электроплитах, одновременно сделав их

гораздо более удобными для потребителей. Представьте себе, что вы имеете возможность перед уходом на службу поместить в духовой шкаф курицу и включить автоматику, по команде которой перед вашим приходом на обед плита включится, поджарит курицу и выключится. Подобная техника существует, в ней нет ничего особенно сложного для современной промышленности. Притом, думается, хорошо оснастить и снабдить один или даже несколько электротехнических заводов, чтобы производили порядочные плиты, гораздо дешевле, чем строить лишнюю Братскую ГЭС для снабжения энергией неэффективных плит.

В современной экономике нет второстепенных отраслей, где позволительна кустарщина, небрежность, куда можно давать второсортную технику. Эффективность и качество — закон для всех. На такие мысли наводит анализ проблем энергетики.

Выше приведен лишь один наглядный пример возможностей экономии, которая зависит от конструкторов, от машиностроителей. Можно рассказать о тысячах других возможностей — и успешно используемых, и используемых плохо.

В ежегодниках Госкомстата сообщается, как о большом успехе, если удастся за год снизить на 1% удельный расход топлива на электростанциях. И это действительно большой успех уже потому, что 1% в масштабах нашей страны — это миллионы тонн условного топлива. И еще потому, что показатель этот при нынешнем высоком уровне использования топлива улучшить даже на 1% энергетикам очень и очень нелегко. Однако ученые и конструкторы, создающие принципиально новые установки — и не только для атомной энергетики, но и для традиционных видов топлива, — способны улучшить этот показатель разом на десятки процентов. Но и это — не самый большой резерв.

Разные отрасли промышленности по-разному потребляют энергию — это обстоятельство не требует объяснений. Добыча сырья из земных недр и производство материалов — металлов, химических продуктов и других — требуют больших затрат энергии в расчете на единицу стоимости произведенного продукта. А в машиностроении, других отраслях обрабатывающей промышленности эти затраты меньше. В свою очередь, машиностроительная продукция может быть

сравнительно металлоемкой — например, железнодорожные вагоны, суда, строительные и дорожные машины, металлургическое оборудование. Может быть трудоемкой. А еще может быть наукоемкой. Это неуклюжее слово — «наукоемкая» — порождение последних лет. Оно обозначает изделия, стоимость которых лишь в малой степени складывается из затрат энергии, материалов и неквалифицированного труда. Главная ее составляющая — затраты труда самого квалифицированного, труда ученых и конструкторов. Это малосерийные сложные приборы и аппараты, аккумулирующие новейшие достижения науки. Это электронно-вычислительные машины, лазеры, уникальные металлообрабатывающие станки высокой точности, крупные турбины и генераторы для электростанций, различные приборы.

Конечно, страна таких масштабов, как наша, не может по своему выбору резко изменить структуру всего народного хозяйства, настроиться на что-то одно, особо выгодное при продаже на внешнем рынке, а прочего не выпускать. При наших масштабах структура должна быть комплексной, с расчетом на удовлетворение основных потребностей за счет собственного производства. Мы будем и впредь сами обеспечивать себя рудой и сталью, цементом и удобрениями, углем и нефтью, хотя все это и требует больших затрат энергии. Но структура нашей внешней торговли в большей степени зависит от сознательного выбора. А это уже немало: стоимость нашего экспорта близка к десяти процентам национального дохода, и соотношение это неуклонно растет. Вывозя ежегодно различных товаров на десятки миллиардов рублей, мы не можем быть безразличны к тому, каких затрат требует производство того, что мы назначаем на вывоз.

Вот что сообщает о структуре нашего экспорта статистический справочник за 1986 г. Топливо и электроэнергия — 47,9%. Руды и концентраты, металлы — 8,4%. Химические продукты, удобрения, каучук — 3,5%. Значит, более половины того, что мы продаем другим странам, составляют собственно энергоресурсы и энергоемкая продукция. Между прочим, в 1965 г. доля этих трех товарных групп была лишь несколько больше 40%. А группа «машины, оборудование и транспортные средства» в нашем экспорте 1986 г. «всего» 15%. В 1965 г. — 20%.

А какие машины мы по большей части продаем?

Один из самых видных экспортеров, об успехах которого на мировом рынке часто пишут газеты,— Минский тракторный завод. Другой не менее успешный экспортер — Волжский автозавод. Хорошо это или плохо?

Для ВАЗа хорошо. Это его успех, это признание его марки — честь ему и хвала.

Для машиностроения в целом не очень хорошо. Во-первых, доля МТЗ и ВАЗа так велика потому, что тысячи и тысячи больших и малых заводов не дают на экспорт товаров. Во-вторых, это не самое привлекательное для нас направление экспорта — продавать автомобили и тракторы. Эта продукция металлоемкая и трудоемкая, но не наукоемкая.

Для развития самого выгодного — наукоемкого экспорта, дающего наибольшую экономию энергии, наша страна имеет в принципе уникальные возможности, в этом смысле лишь США могут с нами сравниться. Поскольку ни одна страна в мире, кроме США, не имеет научно-технического потенциала, сопоставимого с нашим: по численности научных работников, по стоимости используемых ими основных фондов. Полтора миллиона научных работников насчитывалось в СССР к концу 1986 г. Около 30 млрд руб. расходуется на науку ежегодно. При таких затратах стоит серьезно думать об отдаче.

Разумеется, главное предназначение науки — обеспечивать, так сказать, «внутренние нужды», в том числе успешное развитие отечественной техники и производства. Успехи нашей науки в этом деле известны. Но безо всякого ущерба для работы на свою промышленность, сельское хозяйство и прочее наш научно-технический потенциал мог бы увеличить и свою экспортную отдачу.

Как это сделать?

Здесь самое время ответить на мысль, которая, возможно, уже возникла у читателей: а к чему это автор ударился в такие высокие материи? «Уходя, гасите свет» — это касается всех и каждому доступно. Быстрее освоить выпуск машины, экономящей энергию,— это касается многих и от многих зависит. Но энергоемкость структуры нашего экспорта — об этом пусть болит голова у Госплана, не так ли?

Не так.

Ведомство само по себе здесь ничего не изменит. Одной команды «сверху» здесь мало — нужны усилия тысяч и миллионов — ученых, инженеров, рабочих. Сбывать продукцию за рубежом, — значит, выдерживать конкуренцию лучших мировых изделий. Качество товара — это первое требование. Ясно, что оно зависит от каждого, кто участвует в процессе производства. Второе требование — правильная организация производства, сбыта, обслуживания.

Несколько лет назад мне случилось побывать на небольшом (по сравнению с советскими масштабами) машиностроительном заводе в чехословацком городе Тршебич. Завод этот производит трикотажные автоматы. И почти всю продукцию отправляет на экспорт. Сравнительно молодой завод, ему было тогда 25 лет, успешно конкурировал с английской фирмой, насчитывавшей 140-летнюю историю, даже в самой Англии — его продукцию покупали и там. Я узнал, что экспортная выручка за один трикотажный автомат равна выручке за три-четыре легковых автомобиля «Шкода». По габаритам станок уступает легковому автомобилю, по массе металла вряд ли его превосходит. И металл недорогой, цветного всего несколько килограммов. Покупатели платят не за металл, а за квалифицированный труд.

Одна деталь удивила сразу: в виде сувенира гостям вручили по паре носков. Машиностроительный завод — почему они дарят носки? Потом нас повели по заводу. Цехи как цехи, я видел у нас десятки заводов, куда более впечатляющих по размерам корпусов, по совершенству применяемой техники. Мы приближались к выходу из механосборочного цеха. Все было ясно, обычная технологическая цепочка пройдена, вот за этой дверью должен быть цех упаковки продукции.

За этой дверью открылся обширный зал, в котором стояли готовые автоматы и работали, вязали носки. «Что это?» — спрашиваем. — «Как что? — удивляются нашему вопросу хозяева. — Наладка. Не у потребителя же налаживать — туда должна прибыть машина в безупречном состоянии».

Резонно. Ну, стало быть, упаковка в следующем цехе.

В следующем цехе стояли автоматы, вязали носки. А это что же? Это контроль, отвечали хозяева. Видите, карточка на каждом станке, она заполняется цифр-

рами. Каждый станок должен, прежде чем покинуть родной завод, отработать несколько смен в проектном режиме, показать проектную производительность, проектный расход сырья и энергии. Только после этого будет упаковка. И с каждым станком поедет к потребителю шеф-монтажник, который присмотрит за монтажом на месте и сдаст машину «на ходу». Маленький этот завод — 2 тыс. занятых — числил в тот день в заграничных командировках полсотни человек. Тогда я стал догадываться, как делается квалифицированный экспорт.

Нет, конечно, не каждый может что-нибудь полезное сделать именно для экспорта. Но сегодня уже каждый знает, насколько это важно для всех нас. Падение мировых цен на нефть вызвало потери в нашей экспортной выручке, которые советская внешняя торговля не смогла возместить расширением продажи других, более эффективных товаров, прежде всего машин и оборудования. Нет у нас пока для продажи достаточного количества конкурентоспособных машин. Чтобы не влезать в долги, пришлось экономить, сократить импорт. Как сообщил в речи на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев, только в 1987 г. наш рынок из-за этого недосчитался товаров на 9 млрд руб. — это мы все ощутили. Но ведь конкурентоспособная продукция не появится ни по щучьему велению, ни по самому строгому приказу начальства. Тысячи, миллионы людей должны значительно лучше работать, чтобы появилось много такой продукции. На всех должно распространиться соответствующее воспитание, у всех должны выработаться соответствующие привычки.

В сочинениях Феликса Эдмундовича Дзержинского среди больших речей, докладов, статей есть короткие записки товарищам, подчиненным. Он писал их обычно ночами, когда работал в своем кабинете в ВЧК или ВСНХ: приходила важная мысль, а связаться с нужными людьми было невозможно. Не о содержании этих записок собираюсь я говорить, но не могу удержаться — одну приведу. Это записка Г. М. Кржижановскому.

«Глеб Максимилианович!

У меня большое желание — чтобы Госплан дал необходимую технику для Рабочей Демократии, понимая ее как творческую активность масс. Я эту технику понимаю так:

1) Дать по каждой отрасли народного хозяйства, по каждому синдикату, тресту, заводу, по каждой отрасли управления государством, по просвещению и т. д. схему калькуляции и анализа бесхозяйственности, расточительности, плохой организации производства и труда и т. д. для того, чтобы массы требовали от ответственных руководителей по этим схемам докладов и отчетов, и с тем чтобы наша пресса по этим схемам давала бы анализ — критики, а не восхваления.

И другая мера:

2) Реальное обеспечение поддержки и поощрения рабочих у станка — изобретателей.

Разрешите мне поговорить с Вами на эту тему».

Коротенькая записка дает богатую пищу и для размышлений о понимании Рабочей Демократии, и для установления того, как мыслил Феликс Эдмундович борьбу с бесхозяйственностью и расточительством, за экономию и бережливость — во всяком случае, не как дело одних только специалистов и руководителей разных рангов.

Однако, повторяю, не содержание этих записок заставило меня вспомнить о них здесь. По воспоминаниям тех, кто знал Дзержинского, на свои знаменитые «записочки», которые каждое утро расходились по кабинетам ВСНХ, он жалел тратить целые листы: отрезал неизрасходованные концы листа от неэкономно написанных деловых бумаг, которые брал с собой для ночной работы.

Позднее я узнал, что такая привычка — использовать кусочки листа — была у Александра Трифоновича Твардовского. Надо полагать, ни председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, ни великий советский поэт не были ограничены в снабжении бумагой. Личной причины для такой экономии ни у того, ни у другого не было. Была впитанная с детства и укрепленная опытом жизни привычка людей высокой культуры ценить человеческий труд в любых его проявлениях.

Как-то я опубликовал в одной из центральных газет серию статей об экономии ресурсов, энергии. Откликов получил очень много. В письме читателя В. Теплицкого из Самарканда суть дела излагается с максимальной наглядностью:

«Топливо купи, привези, сложи и сохрани его, вынеси да вывези мусор, трубу прочисть да печку исправ-

ляй — тут поневоле будешь экономить и выбирать из шлака несгоревшее топливо. И печку не перекалишь, и керосинку вовремя погасишь, чтоб лишний раз за керосином не бегать».

Во времена дровяных печей и керосинок проблема воспитания бережливости, по крайней мере в домашнем обиходе, не возникала: жизнь воспитывала сама.

А в современном доме?

«Открыл кран — вода, открыл другой — горячая вода, повернул диск — газ, нажал кнопку — свет... Обилие энергии, использование ее на каждом шагу, к сожалению, выработало у многих расточительное отношение к бесценным и, что очень важно, невозполнимым дарам природы» — это отрывок из письма инженера П. Сафронова из Брянска.

Цена пшеничной булки у нас исчисляется копейками — в этом выражена забота государства о людях. Но при этом мы не каждому потребителю умеем объяснить, что подлинная ценность хлеба не копеечная, — и булку можно увидеть брошенной в грязь. Газ, вода, тепло отпускаются без счетчиков — многие делают вывод, что все это можно расходовать без счета. Что-то здесь не так. Само представление о социалистическом потреблении, о социалистическом образе жизни не вяжется с таким отношением к дарам природы и плодам человеческого труда.

Письмо М. Здзярской из поселка Эгвекино Магаданской области:

«Для многих слово «бережливость» ближе к ругательному стоит. Вот можете ли вы представить себе современного молодого человека, который похвалил бы товарища этим словом — он-де бережливый? И в мыслях такого вообразить невозможно. «Жмот» — вот будет его характеристика. А ведь все, все в человеке воспитывается с детства. Беречь игрушки, уметь рассчитать свой бюджет, стипендию, беречь вещи снову — ну где, кто этому учит?»

Конечно, автор письма не во всем права. Бережливости, уважению к чужому труду учат и во многих семьях, и в школах. Несколько лет назад Терновский хлебозавод Кривого Рога по заказу вечерней школы № 27 испек несколько буханок хлеба по рецепту блокадного Ленинграда. В школе черные тяжелые бруски из отрубей и жмыха порезали на кусочки по дневной норме ленинградца времен блокады. С этого начался

урок о хлебе, на котором перед учащимися выступила ленинградка, пережившая блокаду.

Надо полагать, никто из бывших на том уроке не забудет его. Можно верить, что для большинства достаточно такого урока, чтобы никогда потом не поднялась рука бросить кусок хлеба. Но будет ли этого достаточно для всех?

Вспоминаю картинку из жизни поселка Лиелупе, что в Юрмале. У реки с криками выются чайки. Не над рекой, не над недалёким морем, а у реки, перед окнами пансионата. На балконах стоят отдыхающие и бросают птицам кусочки хлеба — те их ловят на лету. Вот такое развлечение. Чайкам не нужна подкормка в летнюю пору, когда ничего не стоит добыть рыбу и в море, и в реке. Чайки не очень ловки в этой забаве, часто промахиваются, и хлеб летит на землю, где они его никогда не подбирают. А может быть, просто лень гнаться за далеко пролетающим куском — они знают, что сейчас же будет брошен следующий.

Психолог П. Ельчанинов однажды поговорил за один день с 27 пожилыми женщинами, кормившими в парке голубей. 24 из них не на уроках узнали о голоде — сами пережили его когда-то. Но сейчас хлеб стоит копейки...

Урок, проведенный в Кривом Роге, — правильный урок. Только надо, чтобы он не остался единственным в своем роде. Везде, дома и в школе — с детства — культура потребления должна воспитываться ежедневно.

Сейчас много говорят и пишут о необходимости выработки социалистической модели потребления. Она давно существует и достаточно хорошо известна. Зная, что во многих городах капиталистического мира за одну поездку в метро надо заплатить полдоллара, а кое-где и целый доллар, мы можем сказать, что неизменный в течение десятилетий пятак за вход в московское метро — это признак социалистической модели потребления. Дешевые квартиры, детские сады и ясли, бесплатное здравоохранение и образование, открытые для всех стадионы и дворцы культуры — все это социалистическая модель потребления, как и помощь семьям, имеющим детей, и бесплатные школьные учебники, и многое, многое другое. Это социалистическая модель потребления, проводимая через плановое хозяйство. Но есть еще — и постоянно развива-

ется, особенно быстро в последние десятилетия — личное потребление. Его социалистический характер проявляется не так ясно, не так повсеместно. И это становится серьезной проблемой — тем серьезнее, чем выше уровень личного потребления.

Не может быть и речи о том, чтобы ограничить его рост. Речь лишь о том, чтобы оно было по всему своему облику достойно людей труда.

Нет таких производительных сил, которые могли бы успешно удовлетворить потребности всех, если потребление бесплановое и расточительное. Американский писатель Артур Хейли наглядно показал в романе «Перегрузка», к каким катастрофическим последствиям может привести игнорирование насущных потребностей общественного производства и потребления. Писательский вымысел опирался на реальные факты капиталистической действительности — достаточно вспомнить знаменитое нью-йоркское «затемнение» 1977 г., когда на сутки с лишним остался без электроэнергии и был полностью парализован богатейший город богатейшей капиталистической страны.

Сама сущность капиталистического общества, в котором господствует частный интерес, не позволяет ему построить рациональную систему потребления. Социализму это под силу.

Однако мы уже имели достаточно возможностей убедиться, что уговоры или нотации — не самое действенное средство воспитания. Когда печеный хлеб стоит дешевле отрубей или комбикорма, который к тому же невозможно купить, когда в результате скармливание печеного хлеба скоту становится экономически выгодным — это тоже воспитание, хотя и не совсем то, какое нам нужно. Впрочем, дело не только в воспитании.

Первый год радикальной экономической реформы ознаменовался принятием нескольких крупных плановых решений, на первый взгляд разнородных, но на самом деле имеющих важные общие черты.

1 сентября 1988 г. Политбюро ЦК КПСС рассмотрело предложения Совета Министров СССР по коренному улучшению экономической обстановки в районе Аральского моря. Строительство крупных массивов орошаемых земель приостанавливается, основные усилия строителей переключаются на реконструкцию оросительных и коллекторно-дренажных систем, вводятся

лимиты использования воды на орошение и хозяйственные нужды. Несколько ранее пересмотрено решение о строительстве гигантского комплекса по производству тракторов в Елабуге. Напомним: речь идет о крупнейшем проекте, который в первоначальном (тракторном) варианте должен был обойтись в 3,8 млрд руб. Приостановлено строительство третьего энергоблока Игналинской АЭС в Литве. Сооружение этого блока с реактором «чернобыльского» типа, но в полтора раза мощнее, три года велось «в порядке исключения» без проекта. Отклонен проект разработки фосфоритов в Эстонии, суливший больше потерь (экономических и экологических), чем приобретений. Несколько ранее решено отказаться от начатого строительства Даугавпилсской ГЭС, которая обещала весьма скромный прирост производства электроэнергии при больших потерях ценных земель в Латвии, РСФСР и Белоруссии.

Что общего между этими событиями, касающимися разных районов страны, разных отраслей экономики? Во всех названных случаях имеет место исправление ошибок, уходящих своими корнями в застойные десятилетия, а в случае с Аралом — и в более давние времена. Во всех случаях нынешние разумные решения приняты по требованию общественности, являются непосредственным результатом гласности и демократизации нашей жизни.

Есть в упомянутых решениях и еще один аспект, который требует особого разговора: экономический. Он важен не только потому, что исправление ошибок в проектах и планах обходится недешево (так, в третий блок Игналинской АЭС уже вложено более четверти миллиарда рублей). И не только потому, что еще много проектов истроек, в том числе и более крупных, вызывают тревогу и возражения общественности. (В их числе проект обширной программы гидроэнергетического строительства, планы развития атомной энергетики, строительство каналов Волга — Чограй, Волга — Дон, Дунай — Днепр.) Напрашивается и более широкий вывод: речь идет не просто об уточнении отдельных решений в рамках принятой экономической стратегии. Мы стоим на пороге освоения новой стратегии. Общий смысл ее известен, отражен в решениях XXVII съезда партии: это стратегия интенсификации. Но еще далеко не все отраслевые специалисты поняли,

что за словом «интенсификация» стоит не просто перераспределение инвестиций — за ним стоит новая философия экономики, которую надо научиться воплощать в конкретных планах и проектах.

Сколько раз общественность поучали: дескать, судить о проектах энергетики, мелиорации, химизации и т. п. могут только специалисты. Имелись в виду специалисты этих самых отраслей. Не всегда за этим стоит технократическое чванство, иногда — искреннее непонимание того, что целью всякого созидания служит человек, и только человек, а потому с тем же правом, только еще раньше, должны высказывать свое суждение специалисты (тоже специалисты!), изучающие не вещь, а человека: медики и генетики, социологи и психологи, философы, экономисты и юристы. На экономистах лежит особая обязанность: выбор вариантов развития с учетом суждений всех прочих специалистов.

Пора осмыслить опыт прошлых десятилетий, когда грандиозные программы разрабатывали до деталей, «забывая» порою поставить главный вопрос: нужна ли сама программа? Пожалуй, судьба Арала в этом отношении особенно характерна. Дело, собственно, не в самом море или, во всяком случае, не только в нем. Гибель Арала — своеобразный символ, наиболее яркое проявление экологических и социальных бед громадного региона, страдающего также от засоления и отравления ядохимикатами почв и вод, затопления земель солеными водами, отставания социальной инфраструктуры, диспропорций между демографическим и экономическим развитием. За всем этим стоят известные негативные процессы в социально-политической сфере, но беда региона имеет и свой технико-экономический знаменатель: это монокультура хлопка.

Вся стратегия развития региона, распределение немалых капиталовложений подчинялись не повышению благосостояния жителей, не оптимальному использованию его трудового и природного потенциала, а максимизации производства хлопка. Существовало и благовидное оправдание этого: обеспечение «хлопковой независимости» страны — вот что ставили себе в заслугу организаторы такого развития. Многие и сейчас считают, что этот аргумент снимает все возражения. Причиной тому — многолетнее вдалбливание стереотипов специфического мышления, в результате ко-

торого даже экономисты разучились ставить простой и обязательный перед всяким хозяйственным решением вопрос: сколько это будет стоить?

Чем заплатили мы и чем еще будем платить за монокультуру хлопка? Ясно, что ущерб, нанесенный здоровью людей и природе, не может быть оправдан никаким экономическим результатом. Но был ли в данном случае позитивный экономический результат? Ведь погоня за тоннами хлопка оплачена не только отравлением вод и земель — она оплачена и рублями, капиталовложениями. Оплачена без расчета вариантов. Никто не сопоставил, что обойдется дешевле: расширять ли хлопковые поля в Средней Азии или, к примеру, отстроить «неперспективные» деревни и сохранить уже имевшиеся поля в Нечерноземье. Может быть, половины денег, вложенных в «хлопковую независимость», хватило бы, чтобы избежать сложившейся в те же годы пшеничной, кукурузной, мясо-молочной зависимости? Да и грозила ли нам «хлопковая зависимость» при меньшем производстве хлопка, если вспомнить, как плохо еще мы его используем, как много можем сэкономить? А кто считал: стоила ли произведенных затрат «рисовая независимость», достигнутая тяжким трудом и немалыми жертвами Кубани? Не меньше подобных примеров и в промышленности — вспомним хотя бы драматическую историю борьбы вокруг Байкальского целлюлозного завода, изначальное основание строительства которого оказалось ложным. Ведь авторы проекта шумели о неотложной нужде в сверхпрочном корде для авиационных шин, а оказалось, что корд лучше и дешевле делать из другого материала.

Мы вспоминаем об этих неудачах не для того, чтобы заклеить старые ошибки и призвать не делать новых. Простой призыв такого рода не даст результатов. Новые ошибки неизбежны, если не изменить самого подхода к стратегическому планированию. Рассмотрим на одном примере, о чем идет речь. Я держу в руках брошюру под названием «Основные положения Энергетической программы СССР на длительную перспективу», изданную на исходе застойных лет, в 1984 г. Загадочный документ — и не только потому, что на титульном листе нет ни автора, ни организации, несущей ответ за брошюру. Из текста не понять, когда и кем разработана программа, принята ли

она, а если да, то опять же — когда и кем. Все в тумане, а между тем в безапелляционной утвердительной форме — как о действиях predetermined, не имеющих альтернативы, — преподносятся решения, которые обойдутся уже не в миллиарды, а, пожалуй, в триллионы. Правда, брошюра так и не сообщает конечного итога — сколько же энергии предполагается производить в итоге реализации программы, на которую авторы потребовали расходовать в течение двадцати лет 20—22% капиталовложений в народное хозяйство. Но косвенную информацию брошюра содержит: удельную энергоёмкость национального дохода предлагалось сократить на 12—17%.

Меньше, чем на 1% в год. Выходит, предполагалось в основном сохранить до конца столетия существующую структуру народного хозяйства. Ту структуру, при которой мы производим в два с лишним раза больше стали, чем США, но меньше машин и оборудования. В 16 раз больше зерноуборочных комбайнов, вшестеро больше тракторов, в полтора раза больше минеральных удобрений, но меньше зерна. Добываем больше всех в мире нефти и пережигаем больше всех горючего на плохих дорогах, в неэкономичных автомобилях или просто из-за того, что производим слишком мало грузовиков на 0,5—1 тонну и слишком много шеститонных, в которых и возим малые грузы. Много других подобных примеров может привести каждый читатель из собственного опыта, вспомнив хотя бы о том, что в квартирах мы расходует без счетчиков и газ, и воду.

Возможно возражение: брошюра четырехлетней давности утратила силу, Энергетическая программа застойного времени перерабатывается. Это верно. Но изменен ли подход к ее разработке? Что касается отношения к гласности — ответ очевиден: не изменилось ничего. Энергетики и не подумали задать всему обществу вопрос, затрагивающий лично каждого: предпочитаем ли мы платить за наращивание производства энергии (платить и деньгами, и разорением природы) или направить усилия на ее сбережение. Более того, гидроэнергетики и специалисты по атомной энергии встречают в штыки любые попытки общественности поставить подспальные вопросы. По-прежнему специалисты отдельных отраслей присваивают себе право заявлять: стране потребуется в перспективе столько-

то энергии, воды, металла. А у страны спросили? Между тем даже в некоторых капиталистических странах, где средства производства не являются общественной собственностью, открыто и дотошно обсуждаются варианты, альтернативы развития. Это обсуждение нередко становится предметом политической борьбы.

Особенно досадно сознавать, что мы утрачиваем собственный опыт, повторяем ошибки, о которых десятилетия назад знали, что это ошибки. Знали еще на заре социалистического строительства. Вспомним хотя бы уже упоминавшуюся историю приказа № 1042, который издал Троцкий в 1920 г. К сожалению, и в более поздние годы поиски «универсальных спасительниц» возобновились, приняв законченную форму во второй половине 40-х годов, когда вождь лично решил, что нужно столько-то нефти, угля и стали, а кибернетика и генетика не нужны.

Ныне разработка и проекта нового пятилетнего плана и более долгосрочных концепций происходит в новых, гораздо более благоприятных условиях. Было бы непростительно не использовать их для того, чтобы поднять стратегическое планирование нашей экономики на качественно новый уровень. Что нужно для этого? Изменить подход к составлению планов, прекратить погоню за «универсальными спасительницами».

Прочитав такую рекомендацию, опытный плановик может улыбнуться снисходительно: подумаешь, открытие! Любой студент-экономист способен объяснить все прописи про комплексность, сбалансированность, пропорциональность и прочее. Но почему же в практике солидных хозяйственных органов до сих пор не удавалось выполнить требования, о которых знает любой экономист? Сегодня, когда мы доросли до понимания необходимости соединять экономическую реформу с политической, можно довольно уверенно ответить и на этот вопрос. Устарел механизм разработки стратегических планов и концепций. Над ними довлеет монополизм, выраженный не столько в структуре и экономическом положении предприятий, сколько в структуре и интересах ведомств, научных и проектных институтов. Не в том беда, что, скажем, Минводхоз доказывает необходимость наращивать переброску воды, а Гидропроект отстаивает проекты новых разо-

рительных водохранилищ. Беда в том, что некому предложить иные варианты, что монополистическим проектам и интересам не противостоят иные проекты, иные интересы.

За годы перестройки печать не раз обращалась к этой проблеме. Опираясь на выступления солидных авторов, на письма читателей, можно сделать некоторые выводы о том, что можно и нужно сделать для преодоления монополизма. Во-первых, нужно лишать ведомства и ведомственные институты монопольного положения. Конкурирующие организации, конкурс проектов, выбор лучших — это должно стать нормой. Во-вторых, на стадии долгосрочного планирования и проектирования необходимо прогнозировать не только производственно-технические, но и рыночные условия реализации предлагаемых вариантов развития. Цена будущих решений не может определяться на глазок, на основе произвольных предположений. И в-третьих, экономические решения, касающиеся всего общества, должны и обсуждаться всем обществом.

Решения по Аралу, Елабуге, Игналинской АЭС отражают заметную перестройку в работе Совета Министров СССР. Поворот к гласности, стремление быстро и деловито отвечать на запросы общественности подтверждается и новизной обстановки, в которой правительство обсуждало в последнее время некоторые законопроекты. Все это отрадно, но все это лишь подтверждает, что мы пока в самом начале пути к умелому использованию гласности в интересах всего общества.

Гласность — это не только удовольствие наблюдать, как власти реагируют на обращения граждан. Гласность — это также работа и ответственность самих граждан — и тех, кто пишет, и тех, кто читает. К примеру, справедливое требование граждан отказаться от сооружения очередного водохранилища, разорительного для природы и бюджета, — это требование приобретает полную убедительность тогда, когда сопровождается общей готовностью тех же граждан не давать зря вытекать воде из крана. Ведь альтернативность мышления нужна не только проектировщикам. Нельзя же всерьез надеяться решить экологические и экономические проблемы на пути отказа от всякого индустриального вмешательства в природу. Вопреки утверждениям некоторых представителей ведомств,

критика несостоятельных проектов не направлена вообще против мелиорации, гидростроительства, химии, энергетики и т. п. Она направлена против нерациональных решений, против неразумного выбора направлений затрат. Но общество должно точно знать, каковы реальные альтернативы, сколько стоят иные варианты решения. Должно знать и о том, какие обязательства и ограничения накладывает на нас выбор иного варианта, как должно будет в этом случае измениться поведение каждого из нас — и производительное, и потребительское поведение.

Читатель может заметить, что в прочитанной главе почти ничего не говорится об экологических проблемах, хотя уже стало привычным, что огромные индустриальные проекты, подобные упоминавшимся здесь, обычно подвергаются наиболее резкой критике общественности ввиду ущерба, причиняемого природе. Это умолчание отнюдь не говорит о моем несогласии с основными направлениями критики, с которой выступают наши «зеленые». К их выступлениям я мог бы добавить и свои личные впечатления. У меня на глазах возделывавшиеся столетиями драгоценные пойменные земли у берегов Даугавы в районе Огре поглотило тинистое мелководье водохранилища Рижской ГЭС, строители которой «сэкономили» несколько километров дамбы, не пожалев землю — она ведь «ничего не стоит». Впрочем, нужность самой ГЭС не была толком доказана. С ужасом смотрел я и на «лунный» ландшафт отвалов близ горнорудных карьеров КМА, пожирающих черноземные поля, хотя можно их, напротив, расширять, засыпая вскрышной породой овраги.

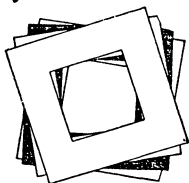
Защитники природы, бесспорно, правы в главном. Но их критика не достигнет цели до тех пор, пока они будут принимать на веру главный аргумент своих противников: будто интересы экологии противоречат интересам экономики. Такое противоречие может встречаться лишь как частный случай. Если же спорить не о частностях, а о стратегии развития в целом — избрать ли нам стратегию, сберегающую природу, либо разрушающую ее, — станет ясно, что интересы разумной экономики и экологии совпадают. Это я и старался показать, обращая внимание на бесперспективность экономики расточительства.

...У Марка Твена в «Принце и нищем» есть заме-

чательный эпизод. Неожиданно получив небывалую власть, Том Кенти использовал большую государственную печать Англии для того, чтобы колоть орехи. Что ж, и орехи колоть нужно, однако государственная печать годится для большего. Небывалые в нашей жизни возможности гласности уже не раз были использованы для общественно важных дел. Благоприятное влияние гласности на современную жизнь неоспоримо. Но оно пока ниже тех возможностей, которыми располагает печать как инструмент самопознания общества. Преппирательство о том, так или эдак выступал где-то когда-то о чем-то тот или иной публицист, порой занимает на газетной полосе гораздо больше места, чем обсуждение целей многомиллиардных затрат, многолетнего труда миллионов людей. А главное — обсуждение такого общественно значимого вопроса может произойти или не произойти столь же случайно, как и спор о пустяках. Поэтому распространенное нынче и даже модное требование повышать культуру дискуссий не должно сводиться к призыву избегать непарламентских выражений. Главное в этом случае — содержание дискуссии, забота о том, чтобы общественно значимые решения не могли приниматься без учета общественного мнения.

9.

Цена
равно-
весия

Цифра из газеты: на приобретение покупок население Советского Союза тратит 65 млрд человеко-часов в год. Это не считая потерь времени на поиски нужного товара. Ясно, что на оформление самой покупки уходит не так уж много времени, главное — стояние в очередях. Если пересчитать на годовой фонд рабочего времени, получается, что 35 млн человек у нас постоянно «работают» в очередях. С чем сопоставить затраты трудовых ресурсов на эту «отрасль» народного хозяйства? Заглянем в справочник. Наука и научное обслуживание — 4,5 млн человек. Не потянет. Строительство — 11,6, транспорт — 10,8, сельское хозяйство — 12,0 млн. Даже все три отрасли вместе не занимают столько людей, как очереди. Промышленность — только она сопоставима: 38 млн. Из них рабочих — 31,3 млн.

Такая вот сложилась пропорция: 31 млн стоит у станка, 35 млн — в очереди. Одной этой потери достаточно, чтобы объявить очереди всенародную войну. Однако из-за очередей и неразрывно связанных с ними товарных дефицитов мы теряем гораздо больше. Часть потребностей не удастся удовлетворить вообще, даже с очередью, — эта потеря ощущается людьми еще острее, чем излишняя потеря времени на покупку. Ведь есть немало потребностей совершенно

неотложных, будь то лекарство или квартира, обувь или учебник. При достигнутом у нас уровне жизни многие люди остро воспринимают и невозможность удовлетворить потребности непервостепенные или даже мнимые — в этот разряд в разное время попадали автомобили и дубленки, телевизоры и мебельные «стенки», книги и джинсы, модные диски и ковры — таким потребностям нет предела.

Из дефицитности, как бабочка из куколки, неотвратимо вылезает спекулянт и взяточник. Цена, которую он способен заломить, не знает предела, и немало людей идет на преступление, чтобы добыть деньги для приобретения желанной вещи у спекулянта. Ну а сам спекулянт вместе с торговыми и иными деятелями, поставляющими ему товар, — это носители капиталистических отношений в их самой откровенной и примитивной форме, и к ним в полной мере относится рассуждение, цитированное еще К. Марксом, о том, что нет такого преступления, на которое не пойдут они ради скольких-то процентов прибыли. «Дела» последних лет — узбекские, ростовские, мосглавторговские и иные — вновь напомнили нам об этом.

Эти «дела» показали и другое: для сохранения власти над «дефицитом» (а иногда и для создания дефицитности при достаточности товара) спекулянты и взяточники нуждаются в аппарате насилия, а потому нередко стремятся купить работников государственного и даже партийного аппарата, делясь с ними доходами и переводя их в один разряд с собою.

Партией взят курс на очищение от этой нечисти. Но ясно, что надо уничтожить и почву, на которой она расцвела, экономическую почву. Вспомним серию репортажей в «Известиях», показавших, что трезвому клиенту по-прежнему опасно настаивать на защите своих прав в московских ресторанах, поскольку ресторанные дельцы связаны с коррумпированными работниками милиции. И это было уже по сле трегубовского дела!

На все эти «дела» можно и нужно взглянуть не только с узкоправовой или экономической стороны, но и с социально-политической. Раз не всякий товар можно купить за деньги, значит, законное распределение по заработанным деньгам разрушается. Это подрывает и саму оплату по труду. Теряет смысл общепринятое понятие реального дохода. Ведь этот доход ста-

тика исчисляет, сопоставляя номинальные доходы с официально установленными ценами «потребительской корзины» основных товаров и услуг. Реальный доход как статистическая величина перестает совпадать с доходом, реальным в житейском, практическом смысле: тем доходом, который можно реализовать. Поскольку реальны в конечном счете нужные нам вещи, а не дензнаки, подлинное распределение доходов при дефицитности складывается не по зарплате, а по доступу к вещам, следовательно, не по труду. Здесь уже начинается подрыв главного принципа социалистического производства, подрыв социалистических производственных отношений. Спекулянты, взяточники и казнокрады, вполне справедливо осужденные по статьям Уголовного кодекса, в смысле социально-экономическом являются еще и носителями отношений эксплуатации, в смысле политическом — носителями контрреволюции. Именно так определял их подобных Ленин. Воевать с ними нужно всеми средствами, и самое главное — отнять у них экономическую почву.

Для этого недостаточно обладать честностью, смелостью, решительностью, настойчивостью. Кроме этих совершенно необходимых качеств требуется еще понимание экономических и социальных процессов, механизма их взаимосвязей.

Знаем ли мы, что такое дефицит? Как и почему возникает очередь? Случай не такой уж редкий в общественной жизни: то, что, кажется, известно всем, с чем повседневно сталкивается каждый из нас, скрыто толщей предрассудков массового сознания, и эта толща искажает реальные явления и их взаимосвязи. Бывает, менее всего известно то, что известно всем.

Старшие поколения родились и выросли с карточками: гражданская война, первая и начало второй пятилеток, Отечественная война и два с половиной года после нее. Тогда сложилось в массовом сознании и отвердело представление о товарном дефиците как о нехватке абсолютной: предметов первой необходимости, вплоть до хлеба, было не только меньше платежеспособного спроса, но и меньше физиологической потребности. В войну потеря карточек могла означать голодную смерть. Дефицитной в абсолютном смысле была и вся последующая цепочка воспроизводственных связей: предметов потребления не хватало пото-

му, что не хватало средств производства для их выпуска. Видя сегодня на поверхности явлений как будто бы то же самое — отсутствие искомого товара на прилавке, — мы редко задумываемся над тем, что дефицит черной икры или даже хороших цветных телевизоров — нечто иное, чем отсутствие галош и школьных тетрадей. Как и в прошлом, сознание выстраивает от привычного явления жизни к его первопричинам примерно такую логическую цепь: одна из главных наших неприятностей — очередь, причина очереди — дефицит товаров, причина дефицита — недостаточное производство, причина недостаточного производства — ограниченность социально-экономическими, а то и политическими обстоятельствами. При таком рассуждении дефицит и очередь если и не оправдываются, то признаются объективно обусловленными самой нашей жизнью.

И хотя все больше фактов вступает в противоречие с этой некогда верной схемой, она сохраняется и поныне, причем не только на бытовом уровне, — на нее в большой степени опирается хозяйственная практика, от нее не вполне отказалась и экономическая теория.

Попытаюсь показать, во-первых, что очередь во многих случаях не связана с дефицитом и, если вдруг все дефициты будут преодолены, но существующие экономические отношения сохранятся, очередь не исчезнет из нашей жизни; во-вторых, что дефицитность сегодня мало связана с недостаточным производством: некоторые дефициты могут быть преодолены без расширения производства, а иные, напротив, нельзя преодолеть никаким реально мыслимым расширением производства — нужны и другие меры...

— Зачем же пан купил масло в другом магазине, ведь оно есть у нас?

Все ясно. Пока я укладывал в портфель только что купленную корзиночку клубники, продавщица заметила там бутылку подсолнечного масла. Зеленую лавку я миную каждый день по дороге домой, мы знакомы уже года два, и только поэтому продавщица позволила себе мягко попенять на мое непостоянство — как своему клиенту. Да, неудобно, но я же не знал, что так получится. Мой путь с работы — от центра праж-

ского района Дейвице к его окраине — пролегает сначала мимо большого магазина самообслуживания, где выбор простой, но самый универсальный. Туда я захожу непременно, потому что там можно сделать покупку быстрее всего. В зеленую я сегодня не собирался заходить, потому и взял масло в «самообслуге» (так это именуется по-чешски). Да вот соблазнился увиденными на витрине ягодами и забежал. Специализированные магазины — хлебный, мясной, рыбный, зеленой, молочный — выстроились на протяжении двух кварталов, примыкающих к «самообслуге». В этих магазинчиках на каждую покупку расходуется чуть больше времени, потому что самообслуживания нет. Но зато здесь мной займутся, могу выбрать кусок по вкусу и любого размера. В рыбной, скажем, лавке могу взять карпа целиком — его при мне выловят живого из садка. Могу попросить тушку — это обойдется подороже. Могу взять одно филе — это еще дороже, зато дома останется только бросить его на сковородку. А могу купить карпьи головы — цена их почти символическая, на сковородку бросать нечего, но отменная уха получится почти задаром.

В специализированные я захожу не каждый день. Но, пробегая мимо, бросаю взгляд на витрины. Они здесь не для украшения, а для информации, и я, не заходя в магазин, знаю, что сегодня в мясном и что в зеленом.

А возле самого дома в тихом пражском переулке, где довелось мне некоторое время жить, — последний магазин на ежедневном пути. Я стараюсь все покупки сделать до него, потому что в пиковое время, после работы, здесь я рискую простоять минут пятнадцать в очереди. Сюда больше ходят пенсионеры и домохозяйки из окрестных домов. Я захожу в него разве что по субботам, а если в рабочий день, то рано утром, до завтрака, если вдруг обнаружу, что накануне забыл что-то купить. Здесь ни специализации, ни самообслуживания, и я поначалу не понимал, почему здесь не выстраивается длинная очередь. Потом понял: дело не в одном этом магазинчике, а во всей совокупности торговых заведений района, в их размещении и распределении функций между ними. Большие «самообслужуги» — ближе к центру района, где станция метро, пересечение трамвайных и автобусных путей. На лучах главных магистралей — специализированные мага-

зины. А в глубине кварталов, в тихих переулках — магазинчики, подобные тому, что возле нашего дома. «Самообслуга» в центре принимает на себя главный поток покупателей, едущих с работы, и выпускает успокоенными ручейками: у кого сделаны главные покупки на сегодня, у кого — все. В итоге за повседневным товаром не приходится ходить специально, его легко купить между делом, попутно.

Магазинчик возле дома открывается в шесть часов утра. Но уже в пять там движение: перед открытием непременно привозят свежее молоко и хлеб. Часам к одиннадцати молока здесь, пожалуй, уже не возьмешь: маленький магазин не рискует заказывать много. Молоко, не распроданное сегодня, завтра можно будет отпускать только с уценкой. Так что если вы припозднились, идите чуть дальше, в молочную лавку. После обеда молока и там может не быть — тогда идите до большой «самообслуги». Она держит молоко весь день и уж обязательно — вечером, когда люди идут с работы.

Многое нравилось мне в чехословацкой торговле — и продуманное размещение магазинов, и специализация, удобная для покупателей, а не для торгового ведомства, и богатый выбор товаров. Но чаще всего вспоминаю продавщицу из зеленой лавки, которая сожалела, что я сделал покупку не у нее. Пражский продавец ждет покупателя, хочет видеть его у себя, хочет обслужить — вот чему я не уставал удивляться. Все прочее — и внимательность, и терпение даже при капризах покупателя, и высокая квалификация — лишь следствия этого главного обстоятельства. Покупатель нужен продавцу, а не наоборот. В Праге (впрочем, и в Будапеште, и в Берлине, и в Белграде) приезшему при незнании языка труднее всего заходить в маленькие магазины, где оказываешься один на один с продавцом. Не умея объясниться, хочешь сначала высмотреть нужный товар, чтобы потом ткнуть в него пальцем, но тамошний продавец не дает осмотреться. Вскакивает, как заведенный, летит навстречу покупателю — он к вашим услугам, говорите, что вам угодно.

Но вот:

— Что это сегодня покупателей так много? И когда им конец будет?

Эту реплику я услышал тоже в магазине возле дома. Только не в Праге, а у нас в Москве. Если сделать

замечание милой девушке, сидящей за кассой универсама, она удивится и даже обидится. Разве она вам нагрубилa? Она вам вообще ни слова не сказала. Ее громкие слова были обращены к подруге у соседней кассы, и она ни секунды не задумывалась о том, что их слышит вся очередь — десятки людей разных возрастов и положения. Она их искренне не замечает. Так она приучена, такая у нее привычная ориентация.

Не одна эта продавщица, вся торговая система выработала стойкую исходную позицию — спиной к покупателю.

На юго-западе Москвы — там, где от Севастопольского проспекта отходит Болотниковская улица, — несколько лет назад вырос универсам «Диета». Это строение невозможно описать без превосходных степеней: не магазин — завод, во всей Праге подобного гиганта не найти. Я шагами мерил: добрая треть гектара под основным зданием да еще второй этаж, еще технический корпус, набитый оборудованием, хозяйственный двор, подъездные пути. Тринадцать касс только в основном зале самообслуживания, еще три рабочих места в зале овощных товаров, не менее шести — в залах второго этажа да там же — просторное кафе. Подарок покупателю — так это именуется в иных парадных реляциях.

А мне, покупателю, досадно. Еще со школы помню, что социалистическое государство по самой своей природе не делает подарков трудящимся. Не может делать, потому что наше государство — это мы и есть. Оно, государство, само никаких материальных благ не производит, оно только более или менее рационально распоряжается тем, что производят трудящиеся. В данном случае огромные деньги, вложенные в этот торговый дредноут, по сути, выброшены на ветер. Спросили бы покупателей — они наверняка распорядились бы этими деньгами лучше.

В Москве ведь в целом не хватает торговых площадей — это тоже один из дефицитов. Чтобы устранить его быстрее, надо разумно использовать имеющиеся площади и деньги на постройку новых. Большие магазины самообслуживания — самые дорогие постройки — окупаются лишь там, где можно использовать их огромную пропускную способность, прежде всего у станций метро. Но в этом, например, районе у всех

окрестных станций — «Профсоюзная», «Новые Черемушки», «Калужская», «Нахимовская» — покупателей встречают небольшие или средние магазины без самообслуживания, а кое-где и вовсе никаких магазинов нет. А грандиозная «Диета» поставлена в глубине жилых кварталов, на максимальном удалении от всех этих станций метро. Покупки между делом, по пути домой с работы, здесь исключаются. Двигаясь от метро, покупатель зайдет в первый магазин на пути к дому и не рискнет отложить покупку до последнего, даже очень удобного: а вдруг там не окажется нужного товара?

Из имеющихся касс в главном зале новой «Диеты» обычно действуют три. Ради такого результата можно было построить магазин вчетверо меньше, а то и вовсе ничего не строить: в двухстах шагах, на Севастопольском проспекте, давно стоит магазин самообслуживания поскромнее, там обычно работают две кассы, хотя есть и третья; а в Праге в магазине такой площади наверняка разместили бы все шесть.

Равнодушие к использованию торговых площадей — самый наглядный обвинительный акт экономическому механизму торговли. Два года был закрыт на ремонт универмаг на улице Гарибальди. Два года был закрыт «Колобок» — некогда прекрасный фирменный магазин объединения «Молоко» на Профсоюзной улице с кафе-молочной на втором этаже. Закрыт якобы на ремонт, но когда бы я ни проходил мимо — не видно было внутри ни души. А после «ремонта» на месте торгового зала, где можно было купить молочные продукты, обнаружилось кафе-мороженое. Неторопливые ремонты — тайна торговой сети. Ведь каждый день тысячи людей несут в магазин свои деньги. Значит, день простоя — потеря тысячных доходов для торговли. Но вот магазин закрыт не день, не месяц — год, другой. Может быть, он не нужен? Но тогда зачем строят еще и еще? Может быть, больше нечего строить?

А неподалеку, на Нахимовском проспекте, снова загадка. В большом магазине хозтоваров один зал из двух закрыт уже несколько лет просто так. Закрыт, и все. «Ничего не поделаешь, — объясняет мне всезнающий знакомый, — некому торговать, не хватает людей». Но нашлись же люди, чтобы построить, скажем, полупустую «Диету». Не один, не два — десятки людей с

зарплатой повыше, чем у продавца. И еще сотни людей снабжали их материалами, механизмами.

«Нечем торговать, нет товаров», — толкует другой всезнающий. Куда же они подевались, ведь года три назад полны были оба зала? Засуха пала на хозтовары посреди нашего индустриального города? Впрочем, в магазинах сантехники, стройматериалов и сейчас не протолкнуться. Товаров там не избыток, но еще острее не хватает торговых площадей. А здесь эта самая площадь пустует. Зато торжествует специализация. Сантехникой торгуют на всю Москву четыре магазина. По расчету на количество обслуживаемых жителей (даже не считая миллионов приезжих) это все равно, что четыре магазина на всю Болгарию или два на всю Норвегию... Сантехника и прочие хозтовары принадлежат одному торговому ведомству. Почему в одних густо, а в других пусто — еще одна загадка.

На что же ориентированы планирование и организация торговли? На то, чтобы преодолеть, смягчить объективные нехватки, или на то, чтобы усугублять их? На то, чтобы лучше использовать имеющиеся немалые ресурсы, или на то, чтобы требовать все больше у государства, не заботясь об отдаче?

О часах работы магазинов и говорить нечего. Продо­вольственные открываются в девять, в лучшем случае — в восемь. А ведь было время, когда молочные открывались в семь и можно было забежать туда до работы. А обеденные перерывы! Это не только не используемые в самый горячий час площади, но издер­ганные нервы покупателей и продавцов. При желании вполне можно устроить скользящий график для обе­денного времени продавцов, и не закрывать весь ма­газин. Но нет желания...

Шандора Дэмиана мне удалось увидеть за несколько месяцев до того, как он покинул свою торговую «империю». Осенью 1986 г. он стал директором одного из только что созданных в Венгрии коммерческих банков, а мы встретились весной, когда он еще был генеральным директором кооперативного объединения «Шкалакооп». Лет за десять до того две сотни кооперативов — в основном потребительских, а также производственных — сложились и создали паевое торговое объединение «Шкалакооп». Оно построило универсам в столице — один из крупнейших и, на мой взгляд, лучший в Будапеште. Сейчас объединение имеет около

семи десятков универмагов по всей стране, в Будапеште построило второй универмаг, создало систему магазинов модных товаров «Ш-модель», а в те дни, когда мы встретились с Дэмьяном, завершало покупку прогоревшей столичной фирмы, торгующей овощами, и одновременно вело нашумевшую в прессе «помидорную войну», — импортировав партию тепличных помидоров, сбивало цены на них, вздутые зимой перекупщиками.

— Вы что думаете, у капиталистов не бывает перебоев в торговле? — напористо говорил Дэмьян. — Бывают. Но они устраняют дефицит за месяц-другой, а у нас, в социалистическом плановом хозяйстве, для этого требуется год.

«Год? Ну и оптимист», — подумал я. Наверное, сомнение отразилось на моем лице, но Дэмьян истолковал мою реакцию превратно и принялся горячо убеждать во вредности дефицита. Что ж, ему, видевшему прилавки многих советских магазинов, легко было составить самое нелестное представление об уровне экономического мышления в нашей стране. Скоро я заметил, что он пересказывает основные тезисы «Экономики дефицита» — книги академика Яноша Корнаи о закономерностях нехозрасчетного варианта социалистического хозяйственного механизма, написанной в 1970 г., переведенной на многие языки, но в Советском Союзе тогда еще не изданной. Что было делать? Пришлось сказать, что я совершенно согласен с высказанными мыслями и что они вполне соответствуют тому, что писал профессор В. В. Новожилов в статье «Недостаток товаров», опубликованной в Советском Союзе впервые в 1926 г.

Дэмьян выхватил ручку:

— Как вы сказали? Новожилов? Найду.

После этого стали обсуждать торговую ситуацию. Дэмьян был встревожен: в ассортименте универмагов «Шкалы» сейчас «всего» 79 тысяч товарных позиций. В лучшие времена, в 70-е годы, бывало 113 тысяч. Сказывается ограниченность импорта, вызванная внешней задолженностью страны. И снова загорячился:

— Почему у вас такая неповоротливость? Приезжаю в Кишинев, иду в универмаг — затоварены холодильниками, а у нас их как раз не хватает. Мы же затоварены кожей, дубленками. Предлагаю директору универмага обмен — я могу, он не может.

Мне нечего сказать. Приоритет советской экономической науки в разработке теории вопроса я еще могу отстаивать, но как быть с практикой? Как быть с укоренившейся у нас незыблемой уверенностью в том, что торговля не виновата, если нет товара? Виновата: надо уметь искать. Например, тысячи видов промышленных отходов, выбрасываемых на свалку или отправляемых в утиль,— на самом деле нужные людям товары. Тысячи других изделий промышленность может без особых трудностей произвести, но не получает заявок торговли.

Впрочем, сами-то торговые работники прекрасно знают, что их ссылка на недостатки производства— всего лишь отговорка. Сколько бывает случаев, когда производство предлагает товар, нужный покупателю, а торговля его не берет. Вспомним хотя бы сообщения «Известий» о том, как московская торговля отказывалась принимать отборную морковь у подмосковных колхозов, а в магазинах хорошей моркови не было, на рынках запрашивали втридорога.

В недавно ушедшие времена иному читателю, пожалуй, нелегко было разобраться в причинах прохладного к нему отношения промышленности и торговли. Добрую четверть века наша публицистика пыталась выполнять непосильную для нее задачу: конструировать рациональный хозяйственный механизм.

Обстановка гласности в корне изменила ситуацию, а июньский (1987 г.) Пленум ЦК, приняв основные документы реформы, снял саму проблему. Публицистика возвращается к своему прямому делу: показывать обществу картину его собственной жизни, будить общественную мысль, ставить новые вопросы, разъяснять найденные наукой решения. Благодаря этому мы можем не возвращаться здесь ко многим спорам, занимавшим публицистов-экономистов долгие годы. Нет больше вопроса о приемлемости товарно-денежных отношений при социализме, послужившего в свое время поводом для стольких политических ярлыков. Не надо доказывать необходимость коллективного подряда, из-за приверженности которому в 70-е годы умер в тюрьме казахстанский новатор Худенко. Нет больше спора о необходимости в колхозах подсобных промыслов— тех самых, из-за которых многие талантливые председатели колхозов лишались должностей, партбилетов, а порой и свободы. Признана законами инди-

видуальная и кооперативная трудовая деятельность, за которую, бывало, и ратовать не удавалось: не печатали.

Конкретно-экономические споры отходят на задний план нашей публицистики. Зато социально-политические становятся, как никогда, актуальными. Именно с этой, социально-политической точки зрения хочется подвести итог и принятым в последние годы экономическим решениям. Самое главное, на мой взгляд, заключается в том, что из производственных отношений решено устранить фигуру, которой еще Чернышевский дал замечательное по точности наименование: сторонний ценовщик.

Десятилетия были отданы безнадежным попыткам вдохнуть жизнь в систему, рассчитанную на то, что плановик «сверху» запланирует, учетчик «сбоку» строго проверит, а сам труженик (и тот, который производит, и тот, который покупает произведенное) останется лишь старательным исполнителем, не проявляющим инициативы и свободным от собственных интересов. Сколько чернил изведено в одной только борьбе за «самые лучшие» показатели плана, «спускаемого» предприятию «сторонним ценовщиком»!

Экспериментально доказанная непригодность новоизбранных показателей не смущала сторонников такого подхода — изобретались сверхновые. Вынужденная замена научного исследования публицистическим наряду с положительной стороной — демократизмом — имела и отрицательную: неизбежное проникновение дилетантизма. Не того счастливого дилетантизма, который присущ людям разносторонних способностей, свободным от устаревших знаний, — нет, унылого дилетантизма людей, может быть, и обладающих дипломами о специальном образовании и учеными степенями, но не умеющих понять реальный механизм экономической и социальной жизни. Точнее, не желающих его понимать, потому что понимание требовало бы отказа и от научных догм, на которых построены тома прежних трудов, и от некоторых жизненных удобств. Это не дилетантизм незнания, а дилетантизм нежелания знать, подменяющий подлинные механизмы упрощенными схемами.

Один из любимых приемов ученых дилетантов такого рода — изобразить хозяйственную жизнь чем-то якобы примитивно простым, поддающимся управле-

нию прямому, как поворот руля в шлюпке: повернул направо — поехало направо. Так родилась и знаменитая концепция «натурального» планирования: «сторонний ценовщик» решил, что нужна такая-то вещь, — предпишем предприятию выпускать вещь, и никаких стоимостных показателей. О непригодности этой концепции написано много, в том числе и в этой книге, — повторяться не стоит. Время от времени оживает еще и другая идея: создавать план предприятия в «трудовых единицах», непосредственно измерять трудовые затраты. Опять главный вопрос: кто и за чем планирует — подменяется придаточным: как планировать. И снова игнорируется реальный спыт.

Ведь было и есть планирование, по своей сущности очень близкое к «трудовому». Когда, скажем, вертолетчикам дают план по налету часов: чем больше висел в воздухе, тем лучше, а сколько работы выполнил — не имеет значения. Такое же «планирование» выгоняет на улицу поливальные машины в дождливые дни. А для снегоуборочных придуман усовершенствованный вариант: максимальный километраж пробега при минимальном расходе горючего. Такой результат можно получить лишь в одном режиме: катаясь по чистым тротуарам.

Здесь вполне очевидно сходство с принципами «трудового планирования»: планируются, стимулируются и учитываются не результаты труда, а его затраты. Эта самая тяжелая и опасная ошибка экономистов — смешение затрат и результатов — распространена гораздо шире, чем принято думать. В таком направлении работает не только ведомственное мышление экономистов коммунального хозяйства. На том же принципе строится и планирование громадных отраслей производственной сферы. Не случайно, например, подвергается в последние годы такой дружной общественной критике Минводхоз, и не случайно работники этого ведомства столь ожесточенно сопротивляются переменам и защищают наиболее расточительные проекты. То, что для общества — затраты, для этих ведомств — результат, и чем больше средств получили они и израсходовали, тем больше им ведомственного почета и вознаграждения. В этой системе экономических координат не кажется странным поощрять за количество израсходованной воды, а не за полученный

урожай, за размеры каналов для переброски вод, а не за экономию воды и т. п.

- В действиях Минводхоза слишком очевидно проглядывают интересы ведомства, десятилетиями привыкшего работать так, а не иначе и справедливо опасующегося, что делать работу эффективную и общественно полезную будет труднее, а иным работникам и вовсе не по плечу. Значит ли это, что, одолев сопротивление ведомств (до чего еще ох как далеко!), общество решит свои экономические проблемы? Нет, задачи наши в перестройке гораздо сложнее. Переделывать и преодолевать потребуется и каждому из нас — самого себя.

XXVII съезд партии дал новое направление поискам. На основе его решений июньский Пленум выработал каркас системы, в которой решения будет принимать трудовой коллектив, а качество исполнения контролировать потребитель. Сохранится и плановик, ведущий централизованное планирование, но работа его изменится в корне. Это будет уже не «сторонний ценовщик», а, скажем так, совокупный хозяин общественного богатства, отстаивающий наши общие интересы перед нашими же частными.

От выработки и принятия основных положений такой системы к ее воплощению — долгий путь. На этом пути немало задач, объективно трудных по самой своей сущности — например, построение системы действительно полного хозрасчета. Есть задачи, еще не вполне ясные, требующие поисков научных и практических, например, надежное материальное обеспечение в условиях оптовой торговли. Есть задачи, решение которых вызывает сопротивление определенных категорий работников, например сокращение численности аппарата хозяйственного управления и изменение его функций. Все это вопросы, о которых много написано и еще немало нужно будет писать. Мы их минуем. Здесь хочу коснуться более болезненного — того, о чем пока не хотят и слышать многие честные люди, может быть, даже большинство.

Существуют ли действительно необходимые «неудобные решения»? Обозначим хотя бы пунктиром звенья логической цепи, ведущей к ним.

Итак, предприятия должны теперь не «сверху» получать планы по объему и номенклатуре продукции, а сами их составлять. Предполагается, что при этом

экономические нормативы побудят их не бегать от работы, а искать ее: чем больше продукции или услуг продаст коллектив, тем больше его хозрасчетный доход, тем выше материальное благополучие каждого. А контролером качества и количества продукции, ее соответствия цене станет сам потребитель. Плохую или чрезмерно дорогую он не возьмет, ненужную не оплатит — вот и весь контроль, «сторонний ценощик» не нужен.

По общей схеме это выглядит неплохо. Но все ли слагаемые схемы наличествуют в реальной жизни? Предполагается, например, бюрократический контроль за качеством, ассортиментом, ценой продукции заменить контролем со стороны потребителя. Но для этого потребителю нужна реальная власть — не административная власть чиновника, а экономическая власть покупателя, который может отдать свои деньги за товар, а может и не отдать. Нужна ситуация, которую экономисты именуют «рынком потребителя». А у нас сейчас ситуация, как правило, обратная: командует поставщик. Командует не по законному праву, а по экономической реальности: у потребителя нет выбора. Не нравится вам, к примеру, ростсельмашевский комбайн? Ну и будьте здоровы, можете жать серпом, другого комбайна наш рынок не предлагает. «Ростсельмаш» — фактический монополист.

Монополизм отравляет и губит самые благие начинания. Помню замечательное рождение ВАЗа два десятилетия назад. Как прекрасно все было задумано, как счастливо начиналось! Специалисты признали его лучшим автозаводом в Европе. По высокой производительности труда, по низкой себестоимости, по техническому уровню и качеству автомобиля завод не знал в стране конкурентов. Не знает и сейчас — в этом несчастье и его, и автолюбителей. Правда, немалая доля машин идет на экспорт, в том числе и на капиталистический рынок, а там конкуренция вполне реальная. Это заставляет вазовских конструкторов вертеться, создавать новые модели, обеспечивающие позиции на том рынке. Но внутри-то страны бояться некого. Это сказывается и на качестве изготовления машины, и, главное, на уровне сервиса, который компрометирует прославленный завод ежедневно и ежедневно во всех уголках Отечества.

С таким зверем, как монополизм, не справиться од-

ним решением и каким-то одним видом оружия — нужно преследовать его всегда, везде и всеми средствами. Самое трудное препятствие в этой борьбе — дефицитность. Дефицит обеспечивает монопольную позицию всем поставщикам, даже если одну и ту же продукцию поставляют многие предприятия. Когда товара не хватает, потребитель закрывает глаза и на низкое качество, и на безумную цену, и на нарушения условий поставки, лишь бы получить необходимое.

Ну-ка посмотрим, как теперь выглядит наша логическая цепь. Чтобы обеспечить достаток товаров, надо активизировать производство. Чтобы активизировать производство, надо изменить систему планирования и стимулирования, вместо планов «сверху» применить заказ потребителя. Чтобы заказ потребителя был действенным, надо уничтожить монополию производителя. Чтобы уничтожить монополию производителя, надо уничтожить дефицит. Круг замкнулся: чтобы уничтожить дефицит, надо уничтожить дефицит. Порочный круг — бегать по нему бесполезно, его надо рвать.

Экономисты кое-что знают о том, как рвать этот круг в сфере обращения товаров производственного назначения. Доказано, что здесь реальных дефицитов не так много, как кажется. В большинстве случаев беда наша — не слишком маленькое производство, а слишком большой спрос. Искусственно завышенный спрос. Не хватает и той продукции, которой производим больше всех в мире, — металла, нефти, цемента, удобрений, древесины и т. п. Не хватает, потому что расточительно используем, а расточительство идет от того, что многие покупатели платят, в сущности, не своими деньгами, а полученными от государства без серьезного экономического контроля. На миллиарды рублей продукции не хватает — и на сотни миллиардов лишней лежит на складах. Нужны финансовые меры, снимающие неоправданный спрос, — и многих искусственных дефицитов не станет.

Так обстоит дело с товарами производственного назначения. А с потребительскими? И здесь дефицит можно устранить двумя основными средствами: расширением производства и сокращением спроса. Но выбор способов сокращения спроса здесь гораздо меньше. Один из них — повышать цены. Долгое время

наша наука и пропаганда утверждали, что можно обойтись одним средством преодоления дефицита: расширением производства. Стабильность розничных цен объявлялась неотъемлемым преимуществом социализма. Крепко держатся следующие стереотипы: во-первых, все дефициты можно преодолеть, расширяя производство; во-вторых, повышение розничных цен в любом случае противоречит интересам покупателей, в особенности низкооплачиваемых. На самом деле то и другое неверно. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим для примера самый длительный и наиболее детально описанный из товарных дефицитов нашего времени: книжный.

Все-таки в удивительное время мы живем. События грандиозных масштабов проходят почти незамеченными широкой публикой. Надо бы всем остановиться, разинув рот, онеметь от удивления — а тут в лучшем случае газетная информация в несколько строк, не всеми замеченная. Вот, например, про «Гойю» не было, кажется, даже информации. «Гойя» Фейхтвангера в «макулатурном» издании вышел тиражом 3 млн экземпляров. Три миллиона человек отдали по 2 р. 90 коп. за скромно выпущенное издание (газетная бумага, картонная обложка) старого переводного романа — одной из многих книг одного из многих заслуживающих внимания писателей — хорошего писателя, но не Шекспира же в конце концов. Отдали, совершенно не задумываясь об этих самых 2 руб. 90 коп. Для них гораздо важнее было, что пришлось добывать и тащить 20 кг макулатуры, стоять с ней в очереди, и хорошо еще, что талон достался — другим не хватило.

Между прочим, в мои студенческие годы, в начале 50-х, нынешние 2 руб. 90 коп. составляли ровно 10% месячной стипендии первокурсника Московского университета, иначе говоря, пропитание на три дня. Некоторые мои однокурсники жили на эти 29 руб. в месяц. Лично я в те годы о такой трате даже ради уважаемого мной Фейхтвангера крепко бы задумался. А «макулатурных» изданий тогда не было. Не требовалось. Книга не была дефицитом. То есть отдельные дефицитные издания существовали. Западных авторов издавали маловато, некоторых советских знать не хотели. Но книга как таковая в торговле имелась. Купить русскую классику не было проблемой. Сегодняш-

нему молодому книголюбу, пожалуй, трудно поверить, но у меня есть вещественные доказательства. Стоят на полке купленные в те времена по номинальной цене — есть пометки букинистических магазинов — гослитовский 6-томник Пушкина 1949—1950 гг., «огоньковский» 11-томный Тургенев 1949 г., 12-томный Чехов 1950-го, Щедрин — 1951-го. Все это можно было купить без очереди и без спекулянтов, со средними студенческими возможностями — финансовыми и организационными. Стало быть, рынок был насыщен этими книгами. «Огоньковский» Лев Толстой 1948 г. по 75 коп. за том тиражом 75 тыс. экземпляров удовлетворил публику. А через тридцать лет сенсационная юбилейная подписка на 1 млн экземпляров 22-томника прошла, как всякая современная подписка: словно корова языком слизнула тираж общей ценой около 45 млн руб.

Какой же ураган пронесся над книжным рынком? Что уничтожило книжную торговлю (потому что это ведь не торговля уже, если почти ничего из того, что хотелось бы, что нужно, купить нельзя)?

Почти все ответы на этот вопрос нельзя читать без улыбки. Кто-то нашел причину в гражданах, скупающих книги для украшения интерьера. Но такие были и в XIX в., а дефициту Книги нет еще и тридцати лет. И главное, разве существование таких покупателей может объяснить чудовищный обвал спроса? Другие видят причину в спекулянтах, скупающих книги для перепродажи. Но ведь сначала возникает дефицит — потом появляется спекулянт. Он, конечно, усугубляет дефицитность, но первопричина не в нем. Третьи корят читателей за нежелание будто бы пользоваться библиотеками. Но как ими пользоваться, если при сложившихся масштабах дефицита библиотечное дело дезорганизовано так же, как книжная торговля? На иную книгу или журнал и в библиотеке немислимая очередь, а кроме того, «дефицит» из библиотеки крадут практически безнаказанно, потому что замена «утерянной» книги другой, менее дефицитной, или даже уплата библиотеке пятикратной стоимости вполне окупается для вора, который продаст ее за десятикратную цену.

Нет, истинные причины проще и грандиознее. Период разрушения книжной торговли (в основном в 60—70-е годы) включал несколько важных событий.

Во-первых, переход на всеобщее среднее образование. Как сообщала статистика, за 1966—1977 гг. среднее образование получили 45 млн человек — больше, чем за все предыдущие годы Советской власти. Ясно, что более грамотные люди больше читают. Во-вторых, после 1957 г. развернулось массовое жилищное строительство, и постепенно отдельная квартира превратилась из редчайшего исключения в преобладающую норму. Теперь есть куда поставить собственную книгу. И наконец, теперь есть на что ее купить.

Поинтересуемся: как изменился платежеспособный спрос? Вот данные статистики. Средняя месячная зарплата рабочих и служащих составляла в 1940 г. около 33 руб., в 1950-м — 64, в 1960-м — 80, в 1970-м — 122, в 1987-м — 200 руб. Выходит, с 1950 г. (когда Книга в обычной продаже еще была) по сегодня средняя денежная зарплата возросла примерно втрое. Население страны увеличилось немногим более чем в 1,5 раза. А производство бумаги — в 5 раз. Годовой тираж книг, если считать по количеству экземпляров, увеличен более чем в 2,5 раза, а по объему (в печатных листах-оттисках) — почти в 3,5 раза. Тираж журналов возрос более чем в 18 раз (в экземплярах) или почти в 23 раза (в печатных листах-оттисках). Если еще учесть, что цены на книжную продукцию возросли, как минимум, вдвое, то и приведенные цифры надо удвоить, чтобы представить, во сколько раз больше этого товара (по общей стоимости) поглощает теперь рынок. Ясно, что в расчете на рубль зарплаты книг и журналов стало не меньше (по стоимости), а больше, чем тридцать — сорок лет назад. Конечно, есть за что критиковать бумажную и полиграфическую промышленность, они могли бы и быстрее увеличивать производство. Но эта критика не объясняет нашей загадки: меньше было книг — хватало, больше стало — не хватает.

Кстати: а сколько именно не хватает? Попыток хотя бы приблизительного счета в публикациях о книжном дефиците не видно. Ведь нужно знать — 5% не хватает до полного удовлетворения спроса или 50. Или 99? Можно ли это подсчитать? И как считать? Спрашиваю знакомого: предположим, в торговле имеется какого-то товара на 95% по отношению к спросу, т. е. до насыщения рынка не хватает 5%. В скольких магазинах из каждой сотни этот товар исчезнет с полок? Отвечает

не задумываясь: в пяти магазинах исчезнет, в девяноста пяти останется. Говорю: не спеши, подумай, представь себе реально хотя бы собственное поведение после того, как ты обнаружишь отсутствие товара хоть в одном магазине. Подумал и говорит: во всех ста исчезнет.

Правильно: почуяв неустойчивость снабжения, покупатель начинает хватать товар про запас везде, где только встретит его, да и не всякий продавец поспешит выставить на прилавок то, что перешло в разряд дефицита. Будь нехватка хоть 5%, хоть 50 — товар исчезнет с полок повсюду, разве что случайно попадешь к моменту привоза. Значит, рассчитать размеры дефицита по частоте встречи с товаром невозможно. С точки зрения покупателя — а он судит по внешнему виду прилавка, — дефицит любого масштаба выглядит как абсолютное отсутствие товара. Не понимая, что сам своим естественным поведением создал эту абсолютность, покупатель обычно уверен в том, что товар именно полностью исчез. И начинает сочинять самые фантастические объяснения этой внезапной катастрофы (вроде сказки о том, что зубную пасту выпили). Когда ему приводят данные статистики, показывающие, что товара стало не меньше, а больше, он, конечно, подозревает статистику во лжи, ибо не может не верить своим глазам: товар был — товара нет. Однако экономические процессы не всегда видны вооруженным глазом. На «простой» взгляд ведь и Солнце вращается вокруг Земли.

Между тем методы оценки емкости рынка, хотя бы приближительной, существуют. А что касается рынка книжного, то в последние годы промышленность и торговля предприняли несколько героических попыток нащупать дно образовавшейся бездны спроса. И вот пришла и дала ответ на многие вопросы самая большая книготорговая сенсация — безлимитная подписка на трехтомник Пушкина. Настоящий экономический эксперимент в отличие от многих зряшных, когда «выясняют» то, что и так очевидно. Здесь узнавали действительно неведомое: как глубок океан спроса? Наконец лот достиг дна: 10 млн 700 тыс. экземпляров. Цена всего тиража — под сотню миллионов рублей. Мой гослитовский 6-томник Пушкина 1949—1950 гг. (весь 200-тысячный тираж) стоил 1,8 млн. Вот теперь мы можем подсчитать (поделив 100 млн на 1,8 млн),

во сколько раз возрос платежеспособный спрос на Пушкина. Выходит, примерно в 55 раз — это после ряда многотомных изданий, вышедших за последние десятилетия солидными тиражами.

Постоим минуту в немом изумлении перед этой цифрой: в 55 раз! А потом подумаем, что она означает. Вывод очевиден: нет такого мыслимого увеличения производства (бумаги и книг), которое перекрыло бы подобный рост спроса. Даже превратив в бумагу все леса планеты, мы ее в 55 раз больше не получим. Значит, привычная логика (не хватает — произведем больше) в данном случае уже не работает. Можно произвести больше вдвое, впятеро, но не в 55 раз. Производство тут не догонит спрос никогда.

А теперь вернемся к поставленному раньше вопросу: почему прежде, когда на каждый рубль нашей зарплаты книг приходилось меньше, их хватало, а сейчас, когда стало больше, не хватает? Значит, население в целом готово более значительную долю этого рубля отдать за книги, отказавшись от других товаров. Иначе говоря, по мере роста доходов не только увеличивается объем наших покупок, но и меняется их структура. Причем изменение структуры может гораздо сильнее, чем общий рост доходов, сдвинуть спрос на отдельные товары. Повторим цифры из уже приведенных: средняя зарплата с 1950 г. возросла втрое, спрос на книги — в десятки раз. Именно в этот период, особенно в 50—60-х годах, наше потребление пережило революционные изменения, последствия которых далеко еще не осознаны.

В 1950 г., напомним, средняя зарплата рабочих и служащих составляла 64 руб. в месяц. В расчете на члена семьи это означало не более 40 руб. Это в среднем — в десятках миллионов семей было по 30 руб. и меньше. Заметим, что существующая структура розничных цен на товары первой необходимости тогда уже в основном сложилась. Нынешняя квартирная плата была введена в конце 20-х годов, цена хлеба была установлена в 1947 г., не менялись с тех пор государственные цены на сахар, крупы и прочую бакалею, на картофель. Самым существенным изменением было повышение цен на мясо и молочные продукты в начале 60-х годов, но при доходах ниже 40 руб. в месяц на человека, пожалуй, мясо не входило в ежедневный рацион.

При таких доходах имели жизненное значение и копейки, уплачиваемые за хлеб, картошку и крупу, а уж сладкое было роскошью. Тем, кто того времени не знает по молодости или не помнит по слабости памяти, стоит перечитать распутинские «Уроки французского» — там картина точная. Распутинский герой, добыв лишнюю копейку, расходовал ее на увеличение потребления тех же самых товаров: хлеба, картошки, молока. Его образованной благодетельнице пришлось поучиться у него точности знания структуры народного потребления: с макаронами и гематогеном она дала явную промашку.

Нынешнего потребителя (более 100 руб. в месяц в среднем на человека во многих семьях), напротив, мало беспокоит цена хлеба и картошки. Хоть озолоти — он не увеличит потребление этих продуктов. Если при низких доходах рост спроса идет в неизменной структуре, то для высоких доходов характерна, напротив, резкая подвижность структуры спроса.

Представим себе трех потребителей — с доходами 25, 50 и 100 руб. в месяц. Пусть каждый из них стал получать на 5 руб. больше, чем прежде. Первый обратит прибавку на увеличение потребления все тех же простейших товаров, которых он потребляет еще недостаточно: хлеба, картофеля, дешевой одежды. Второй уже насытился простейшими товарами и свою пятерку обратит, скажем, на рост потребления мяса и на покупку книг. Предположим, он раньше покупал мяса на 3 руб. в месяц — теперь купит на 6 руб., а книг не покупал вовсе — теперь купит на 2 руб. Третий уже и мяса, и книг покупает для себя достаточно — он копит на автомобиль и всякий лишний рубль кладет на сберкнижку.

Как же эти три дополнительные пятерки изменяют спрос на отдельные товары? Первая, означающая для своего владельца увеличение доходов на 20%, увеличит спрос на потребляемые им товары на те же 20%. Вторая (прирост доходов только на 10%) увеличит спрос своего владельца на один товар (мясо) на 100%, а прирост его спроса на другой товар (книги) математически можно выразить как бесконечный (по сравнению с нулем любая сумма больше в бесконечное число раз). У третьего прирост доходов (всего на 5%) будет полностью обращен на прирост спроса, обозначаемый бесконечностью, т. е. спроса на новые для него товары.

Вот и ответ на нашу загадку. При неподвижной структуре спроса потребность во всех товарах увеличивается равномерно, в соответствии с ростом средних реальных доходов. Такое увеличение спроса может быть покрыто увеличением производства практически в любой отрасли. Но при структурных сдвигах спрос на отдельные товары может меняться так резко, что не всякое производство успеет за ним. Тогда для сохранения рыночного равновесия необходимо менять структуру цен. В частности, цены на книги давно уже следовало бы поднять так, чтобы уравновесить спрос и предложение при тех тиражах, которые возможны сегодня. Но такое решение, очевидное и осуществимое в любой день, большинство покупателей встречает в штыки. Основной аргумент — пострадают низкооплачиваемые. На высказанные в 1986 г. суждения академика Т. И. Заславской о необходимости повысить цены на ряд товаров одна читательница ответила в письме крайне рассерженно: Заславской легко говорить, у академиков денег полно, а как быть простым людям?

Но сдержим эмоции, обратимся к фактам. Что касается академиков, то как раз их «Академкнига» кое-как обеспечивает. Вряд ли кто-нибудь оспорит целесообразность такой привилегии для ученых — можно только пожалеть, что она доступна лишь немногим научным работникам. Стало быть, если предложение Т. И. Заславской осуществится, лично она как раз проиграет материально и, в частности, станет платить дорого за книги, которые сейчас может покупать дешево. Ну а низкооплачиваемые покупатели, если уж очень нужно, свободно приобретут книгу, которую сейчас могут достать разве что у спекулянта.

В 20-е годы большинство советских людей надо было учить грамоте, приучать к книге. А средний уровень доходов был столь низким, что и дешевую книгу покупали немногие. Тогда социальная оправданность низкой цены на книги была очевидна. А какова ее социальная функция сейчас?

Лет двадцать назад была объявлена подписка на уникальное издание — 200-томную Библиотеку всемирной литературы. Общая цена — около 412 руб. за комплект. Вскоре после завершения издания изменились правила у букинистов, они смогли и на подпис-

ные издания последних лет устанавливать реальную цену, и в магазинах появились комплекты БВЛ ценою по 3500 руб.— такова была цена равновесия в тот момент. Можно было открыто, на законных основаниях продать Библиотеку по цене, в 8,5 раза большей, чем за нее уплачено, и даже за вычетом комиссионных получить легальный нетрудовой доход свыше 2500 руб.

Нет, конечно, подписчики БВЛ не к этому стремились и в большинстве своем продавать Библиотеку не стали. Поэтому точнее будет сказать так: по сравнению со сложившейся ценой равновесия каждый из 300 тыс. подписчиков сэкономил более 3 тыс. руб. Без каких-либо обсуждений и решений на политическом уровне простым рабочим решением о назначении подписной цены покупателям БВЛ был подарен государством без малого 1 млрд руб. За одно только это издание, а ведь ежегодно выходят десятки других подписных изданий на подобных же условиях. Можно было бы только порадоваться за подписчиков БВЛ, если бы у общества не было иных забот, кроме обеспечения экономии денег для данной группы книголюбов. Увы, забот еще много, и потому приходится выбирать первостепенные. Легко сообразить, что среди людей, решившихся на 200-томную покупку, крайне мало низкооплачиваемых. Отказавшись от продажи БВЛ по цене равновесия, государство отказалось от дохода в сотни миллионов рублей ради того, чтобы несомненно обеспеченные люди потратили меньше денег на покупку, удовлетворяющую далеко не первостепенную жизненную потребность. Прошу не ловить меня на слове. Беспрепятственный доступ к чтению безусловно входит в число первостепенных потребностей современного человека, а потому нам необходимо гораздо лучше, чем сейчас, поставленное библиотечное дело. Можно отнести к первостепенным потребностям желание иметь дома несколько десятков наиболее читаемых книг и, конечно, детские книги и учебники. Но стремление иметь дома обширную библиотеку, многотомные собрания, книги по искусству и т. п.— благородная страсть, не относящаяся к потребностям первостепенным, за нее можно платить обществу полную цену. Заниженные цены на художественную литературу (за исключением детской и учебной) давно утратили первоначальную социальную

функцию, они не служат интересам необеспеченных и стремящихся к овладению грамотой, как было когда-то.

Пример книготорговый не самый важный в жизни, но самый наглядный. Он нужен нам, чтобы убедиться в двух фактах: во-первых, не всегда можно решить проблему дефицита без повышения цен; во-вторых, не всегда низкие цены служат интересам низкооплачиваемых. А теперь попробуем подойти с аналогичной меркой к ценам на продовольствие и квартирной плате. Попробуем отвлечься от давних представлений, диктуемых нашими добрыми намерениями, и понять реальные процессы.

Начнем с квартплаты. Большинство семей в стране имеют отдельные квартиры или индивидуальные дома. Обладатели государственных квартир при этом вносят почти символическую квартплату, не покрывающую затраты не только на строительство домов, но даже на их эксплуатацию: чем больше жилья строится, тем больше дотации государства на содержание уже построенного. Миллиарды рублей теряет на этом государственный бюджет. Откуда они берутся? Оттуда же, откуда и все прочие ресурсы: из плодов нашего общего труда. Общего и тех, у кого государственные квартиры, и тех, кто вынужден пока снимать комнату или жить в общежитии. Стало быть, люди, не имеющие квартиры, своим трудом участвуют в создании ресурсов, необходимых для того, чтобы те, кто квартиру имеет, платили дешевле, чем она стоит. Нет надобности пояснять, что не имеют квартиры обычно не самые обеспеченные семьи. Первоначальная социальная функция низкой квартплаты за шестьдесят лет действия изменилась, превратилась в свою противоположность, в явную несправедливость. Конечно, главная проблема в том, что жилья вообще еще недостает, что надо строить побольше. Но и справедливо распределять имеющееся — тоже немаловажное дело. Да и на строительство жилья было бы больше средств при справедливой квартплате.

Нечто подобное произошло и с ценами на продовольствие, особенно на мясо. Двадцать с лишним лет назад, когда мяса производилось около 40 кг на душу населения в год, его было в торговле достаточно, даже случались трудности сбыта. Сейчас производит-

ся более 60 кг на душу, но в большинстве районов страны нет мяса в свободной продаже по государственной цене. Конечно, надо производить больше. Но мы уже убедились, что это задача на годы. Почему же надо откладывать справедливое распределение? Государство расходует десятки миллиардов рублей в год на дотации к ценам на мясо. Кому достается больше выгод от этих громадных сумм? Тем, у кого есть возможность покупать мясо по государственной цене. Обследования семейных бюджетов показывают, что низкооплачиваемые в среднем покупают мясо по более высокой цене, чем высокооплачиваемые.

Капиталистические монополии обычно стремятся продавать свою продукцию по цене выше цены равновесия спроса и предложения. Снижение такой цены реально расширяет потребление. До какого же предела? До тех пор, пока не сравняются спрос и предложение. При цене равновесия весь наличный товар будет распродан. Дальнейшее удешевление уже не расширит потребления, ведь от снижения цен товаров не станет больше. Цена ниже равновесной только дезорганизует рынок, так как дефицитные товары будут распределяться, по меткому выражению В. В. Новожилова, «в порядке общей свалки».

В 1926 г. была впервые опубликована статья «Недостаток товаров», в которой Новожилов употребил приведенные выше слова. До чего же прочно забыты с тех пор высказанные в ней мысли, в то время известные любому экономисту! И прежде всего центральная мысль: недостаток товаров есть лишь иное выражение избытка денег. Это недостаток (коль скоро речь идет именно о товарах) не по сравнению с физиологическими или иными потребностями — пусть даже не мнимыми, а подлинными потребностями. Это недостаток по сравнению с платежеспособным спросом — и только с ним. Казалось, так легко усваивалось из школьной арифметики: если x меньше y , то, стало быть, y больше x . Равенство можно получить изменением любой из сторон уравнения, а не только одной. Конечно, главный путь к равновесию — производить больше товаров. Но одно это не дает равновесия, если совсем забыть о ценах.

Однако сегодня этого не понимают даже многие экономисты. В сотнях статей о реформе цен аргументация («за» или «против» любого решения — безраз-

лично) может включать ссылки на бремя государственных дотаций, на уровень производственных затрат, на величину зарплаты или пенсии покупателей, на цены в Швеции, на социальные, идеологические, политические, моральные категории — на что угодно, кроме категории, имеющей наиболее близкое отношение к делу, коль скоро речь идет о ценах. Эта категория — равновесие спроса и предложения. Она, конечно, не единственная и, может быть, даже не самая главная в разговоре о ценах, но уж несомненно самая забытая, чаще всего игнорируемая, хуже всего изученная. Именно поэтому данная глава посвящена прежде всего ее разъяснению.

Ход дискуссии показывает отсутствие самых элементарных представлений о механизме равновесия. Даже в статье солидного специалиста по ценам можно вычитать, что, к примеру, в случае повышения государственных цен на мясо до уровня цены равновесия спроса и предложения еще более возрастут цены колхозного рынка. И никто не задается вопросом, чего ради покупатель заплатит дороже на рынке за товар, которого вдоволь в магазине по более низкой цене.

Тысячи людей, бывавших в разных заморских странах, с большим энтузиазмом рассказывают, как замечательно устроена торговля в этих странах. Но стоит упомянуть, что эта торговля основана на равновесных ценах, что иную цену в тех странах не считают ценой, — собеседник преображается. Он приводит тысячи теоретических доводов, доказывающих, что так нравящееся ему в иных землях равновесие у нас создать невозможно. Остается только недоумевать, почему же этот механизм действует на практике в подавляющем большинстве стран — как капиталистических, так и социалистических.

В последние годы почти все социалистические страны отказались от поддержания неизменной структуры и стабильного уровня розничных цен и тарифов. Наша партия тоже ставит задачу провести изменение структуры цен, притом так, чтобы общий уровень жизни людей не снизился. Это возможно лишь в одном случае: если повышение цен компенсируется повышением доходов трудящихся. В ряде стран накоплен немалый опыт компенсированного повышения цен. Речь не о той ненадежной компенсации, при которой повы-

шаются цены на одни товары и понижаются на другие. Речь о прямом повышении зарплаты, пенсий, стипендий, выплат на детей в связи с повышением цен. Так, при первом обширном централизованном повышении цен в конце 70-х годов в Венгрии общая стоимость приобретаемых населением товаров возросла в годовом исчислении на 9%, а доходы населения были повышены в связи с этим на 6%. Компенсация была, таким образом, неполной. Но повышены были прежде всего заработки низкооплачиваемых, а также среднеоплачиваемых граждан, выплаты на детей и малые пенсии. В итоге проиграли в основном высокооплачиваемые и бездетные, а низкооплачиваемые и многодетные выиграли даже больше, чем потеряли.

К сожалению, в той же Венгрии приходилось позднее проводить повышение цен и без компенсации — так сложилась экономическая обстановка. Но нам важно установить, что компенсированное повышение вообще возможно. Люди не склонны верить этому, поскольку не видят тут экономического смысла для государства. Но смысл есть. Повышение цен может способствовать нормализации рынка и при полной компенсации. Ведь она будет полной только для всех потребителей, вместе взятых, но не для каждого в отдельности. Все получают в этом случае равную сумму компенсации, рассчитанную на среднюю норму потребления, но ведь не у всех она на самом деле средняя. Кто потреблял больше, тот полной компенсации не получит. Не будет, разумеется, компенсирован и рост затрат на расточительное потребление. Скажем, если повысить цены на хлеб, дав всем равную прибавку к зарплате, то не получит полной компенсации тот, кто выбрасывает хлеб на помойку или скармливает скоту.

Казалось бы, целесообразность и очевидность предлагаемого пересмотра структуры цен ясна. Однако письма в редакции газет и журналов показывают обратное: большинство против. Почему? Мне кажется, главная причина в том, что ложную догму (о стабильности цен как преимуществе социализма и средстве защиты интересов трудящихся во всех случаях) вдалбливали людям в головы десятки лет весьма настойчиво, а о реальных экономических и социальных процессах начали рассказывать совсем недавно, и притом так вяло и неумело, что рассказы эти скорее вызыва-

ют новые недоумения, чем разрешают старые. Грамотные выступления журналистов на эту тему встречаются редко. Но иные экономисты запутывают вопрос еще успешнее, чем журналисты.

Один доктор экономических наук в большой центральной газете писал: «В печати высказываются различные подходы к решению проблемы розничных цен и ослабления дефицитной ситуации. Но бесспорно общее мнение о том, что нынешняя «затратная» система ценообразования в сфере производства должна быть в корне изменена. Многие экономисты резонно считают, что в ходе перестройки ценообразующей основой должны стать не индивидуальные расходы того или иного производителя, а общественно необходимые затраты. Иначе говоря, усредненные затраты предприятий, выпускающих конкретный товар». Тройная путаница в одном абзаце. Во-первых, система ценообразования в сфере производства во многом отличается от системы установления розничных цен, так что предлагаемый «ответ вообще» не имеет отношения к вопросу о ценах потребительского рынка. Во-вторых, общественно необходимые затраты — это отнюдь не усредненные фактические затраты. И в-третьих, модный выпад против «затратной» системы вызывает лишь недоумение, когда тут же в качестве основы цены предлагаются опять-таки затраты и весь «прогресс» экономической мысли сводится к отрицанию затрат индивидуальных, которые и раньше в теории никто не признавал основой цен. Автор не решился додумать до конца: если основа ценообразования не затратная, то, стало быть, рыночная. Общественно необходимые затраты не имеют отношения ни к каким фактическим затратам — ни к индивидуальным, ни к средним, ни к высоким, ни к низким. Это признанная обществом в лице покупателя предельно приемлемая норма, выявляемая рынком: вот по этой цене пойдет, а если выше — ваш товар не нужен.

А как же наше привычно негативное отношение к рыночной стихии? Оно справедливо до тех пор, пока мы отвергаем стихийность, а не сам рынок. Выявление воли общества через рынок — дело не столь простое, как взвешивание товара на электронных весах. Рынок — сложный социальный организм, и выявление общественно необходимых затрат на нем подвержено

многим искажающим влияниям. Очистить цену от этих влияний — задача планового регулирования рынка. Но сам план не должен превращаться в источник новых деформаций, а это сплошь и рядом случается.

Мы отвыкли воспринимать цену как неотъемлемую объективную характеристику товара и о самой нужности или ненужности товара стремимся судить в отрыве от цены. Спросите, к примеру, у прохожего: «Курага нужна?» Девять из десяти закричат: «Где дают?» Ответьте: «На Черемушкинском рынке, по десять рублей». — «А-а, по десять. Нет, не нужна». Оказывается, товар нужен не вообще, а по цене, приемлемой лишь до определенной границы. Мы все реже ощущаем эту границу недоступности в нормальной форме цены, чаще она предстает в виде очереди или отсутствия товара. Это мышление из бытовой сферы переместилось в плановую. Или наоборот? Так или иначе, плановики тоже забывают спросить, почем товар. Не потому ли сплошь и рядом возникают фантастические проекты, реальные лишь в одном: в истреблении народного достояния. Деятельность мелиораторов, о которой здесь упоминалось, — лишь вопиющий, но далеко не единственный пример такого рода. Сейчас Минводхоз критикуют за низкое качество оросительных систем: не дают должного прироста урожайности. А если бы они не обманули, дали обещанное — стоило ли приобретать их услуги за такую цену? Известен пример: для увеличения сбора зерна на 1 млн т за счет орошения Минводхоз требует 2 млрд руб. За счет оптимального насыщения почвы органическими удобрениями можно получить тот же результат по цене, в 40 раз меньшей. Кто же избрал наибольшую цену? Неизвестно. Покупателя нет. Минводхоз получил «ничьи» деньги, т. е. наши общие. Не было акта «общественного учета», каковым, по Ленину, является акт купли-продажи. Когда покупатель согласился отдать из своего кармана некую сумму за данный товар — это и есть общественный учет, это и есть признание общественной необходимости затрат производителя. Какие они там на самом деле — это его, производителя, забота. Не уложился в эти затраты — значит, не нужен его товар. В самом деле, будь услуги Минводхоза даже вполне доброкачественные — нужны ли они нам за 10 млрд руб. в год? За две с небольшим пятилетки — 100 млрд одному этому ведомству! Да за такие деньги можно

было настроить дорог в несчастном нашем Нечерноземье, построить по дворцу каждой крестьянской семье в «неперспективных» деревнях и сделать их перспективными, дать вволю удобрений и не только возродить земледелие в этой зоне гарантированного увлажнения, но и собирать... ну пусть не по 50—70 ц с га, как в Англии да Голландии. Пусть под 30, как в Эстонии, и то было бы чуть не вдвое выше среднего по стране.

Да всякий ли экономист и публицист, с жаром рассуждающий ныне о цене, задумался для начала: а что такое цена? Судя по дружной критике ими Госкомитета цен, совсем не задумывались. Они явно уверены, что цена — это то, что Госкомцен пишет в прейскуранте. И всего-то, выходит, делов — уговорить его писать что-нибудь поприятнее. Если же понять, что цена — это сумма, за которую товар можно реально купить всегда и везде, то придется признать, что Госкомцен в состоянии повлиять на нее немногим более, чем Гидрометслужба на погоду (хотя в самом Госкомцене это не всегда понимали). Цена зависит прежде всего от того, как мы все работаем и как нашей работой руководят Госплан, Минфин, Госснаб и прочие центральные ведомства.

Конечно, нечего и думать объяснить людям реальные процессы при засекречивании многих фактов повседневной жизни. Попробуйте найти в сотнях страниц статистического ежегодника: чему равен наш с вами, читатель, прожиточный минимум? Секрет. О чем говорят регулярно проводимые обследования семейных бюджетов? Неизвестно. Сколько зерна импортирует наша страна и по какой цене? Некоторые сведения об этом появились впервые лишь в статистическом справочнике «Народное хозяйство СССР за 70 лет». (Заметим кстати, что Госкомстат СССР последнее время расширяет объем публикуемых сведений.) Сколько нефти мы продали, чтобы окупить импорт зерна? По какой цене? Сколько потратили на добычу этой нефти? Какова бюджетная эффективность этих продаж и покупок? Каковы экономические перспективы обмена наших невозпроизводимых природных запасов на зерно? Как упала наша валютная выручка из-за падения мировых цен на нефть? Все это только сейчас постепенно перестает быть секретом. Так почему же я, рядовой гражданин, должен поверить в необходимость

вполне реального повышения цен из-за неведомых мне проблем?

Чтобы объяснить людям серьезные вещи, надо научиться всерьез с ними разговаривать. В частности, от решиться от привычки обещать завтра же золотые горы и голубое небо. Люди прекрасно видят недостатки предлагаемых решений, и бесполезно отрицать эти недостатки. Убедить можно только одним: сказать правду о нынешнем положении дел. Показать, что издержки, которые возможны в новой системе, гораздо меньше тех, которые мы сейчас терпим. Не может быть скачка от нетерпимого положения к идеальному, и не нужно обещать это. Но возможен переход от нетерпимого положения к лучшему, с терпимыми и преодолимыми недостатками. Если печать научится так разговаривать с людьми, это будет шаг к ее реальной перестройке.

Есть и еще одна причина, по которой читателям трудно понять пропагандистов в данном случае. Десятки лет пропаганда злоупотребляла изречениями типа: «государство заботится», «государство предоставляет», «государство дает» и т. д. Люди поверили и привыкли требовать от государства: заботься, предоставь, давай. Между тем суровая правда заключается в том, что наше государство — это мы. Только трудящиеся могут что-либо дать государству своим трудом, государство же само по себе ничего не производит и ничего давать не может. И те же, к примеру, десятки миллиардов рублей ежегодной дотации, позволяющей сохранять низкие цены на продовольствие, — это никакой не подарок государства трудящимся, никакое не приобретение для них. Это просто один из возможных способов получения ими своих доходов — в данном случае нерациональный (по-русски говоря, глупый) способ. Вопрос не о том, получать нам или не получать эти деньги. Вопрос — получать ли через дотации к ценам или через прибавку к зарплате и пенсии. Второе — справедливее.

Можно привести и другие примеры догм, от которых пора отказаться, которые мешают нам жить. Это очень болезненное дело — отказ от стереотипов мышления. Вроде хирургической операции. Но нужное, неизбежное дело.

Не хотелось бы, однако, создавать впечатление, будто вся беда в неумелой пропаганде. Будь она три-

жды смелой и умелой — проблемы наши станут яснее, но не станут легче. Пропаганда еще не все умеет объяснить — это верно. Но и мы не все хотим понимать, что нам объясняют. Есть колючие, неудобные истины, и перестройка требует взглянуть им в глаза. Много пишут сейчас об отказе от привилегий, но редко вспоминают, что привилегиями (то есть правом пользоваться благами не по труду) обладают почти все. Льготы в снабжении товарами, в приобретении путевок, в медицинском обеспечении, в получении квартир — все это привилегии, далеко не всем доступные. Но возможность приобретать многие товары по цене ниже себестоимости, возможность сохранять рабочее место, толком не работая, право рассчитывать на жизненный успех, не утруждая себя серьезной учебой и освоением квалификации, — все это тоже привилегии, и они распространены очень широко. Привилегии распределяются крайне неравномерно. Но хоть маленькая привилегия есть почти у каждого, и свою привилегию каждый хочет сохранить. А это невозможно, если мы хотим существенно улучшить нашу жизнь. Надо вспомнить старый лозунг: привилегированным классом у нас могут быть только дети (как раз это последние десятилетия не всегда получалось). Кто может трудиться, тот должен получать все блага по труду.

Поскольку опыт показывает, какую острую реакцию вызывают любое обсуждение проблемы цен и любые предложения на сей счет, очевидно, нелишним будет одно пояснение. Приведенные выше примеры тех или иных ценовых несуразностей не надо понимать как конкретное предложение именно в данном вопросе перерешить все наоборот. Конкретные предложения могут быть разными, они зависят от того, каким будет общий замысел реформы ценообразования и какой будет рыночная ситуация к моменту ее проведения. Здесь же ставилась задача выработать не конкретные предложения, а общее понимание: почему и для чего нам понадобилась реформа ценового хозяйства. Пока на сей счет сохраняется немалая путаница в умах. Даже правильные предложения нередко подкрепляются ошибочными аргументами и в итоге вызывают законное общее несогласие. Очень много пишется, например, о необходимости освободить государственный бюджет от бремени дотаций к ценам на продовольствие и различным тарифам. Именно

этот аргумент вызывает законное недоверие людей к замыслу реформы: ясно, что если пытаться с ее помощью поправить государственный бюджет, то невозможно выполнить обещание не причинять ущерба бюджету семейному. Ничуть не лучше и ссылки на необходимость приблизить цены к затратам — какой же тогда может быть разговор о противозатратном механизме? Целью настоящей главы было попытаться показать, что главной задачей реформы ценообразования и системы цен должно быть возвращение утраченной ныне важнейшей функции цен: поддержания рыночного равновесия. Конечно, цены — не единственный рычаг равновесия, одним лишь изменением цен его не удержать. Но и без изменения цен равновесия не получится. Между тем сегодня нет ничего более разрушительного и для народного хозяйства, и для семейных бюджетов, и для общественной морали, чем рыночное неравновесие. Тем опаснее и нетерпимее такое положение, когда сама категория равновесия не только мало знакома широкой публике, но почти не упоминается и специалистами даже в дискуссии о ценообразовании.

События первой половины двенадцатой пятилетки внесли в эту борьбу мнений новый и весьма существенный мотив. Вот некоторые факты из доклада министра финансов СССР Б. И. Гостева на сессии Верховного Совета СССР 27 октября 1988 г.

Из-за потери доходов, связанной с резким падением мировых цен на нефть, государственный бюджет недополучил с начала пятилетки почти 40 млрд руб. Потери налога с оборота из-за сокращения продажи водки — более 36 млрд руб. Вынужденные крайне острым положением в социальной сфере дополнительные (сверх пятилетнего плана) ассигнования на ее развитие — более 18 млрд. Расходы на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии — 8 млрд.

Это еще не весь перечень ударов, обрушенных на наш бюджет за два-три года последствиями прошлой бесхозяйственности. Болячки экстенсивного развития застойного времени вылезли наружу с началом перестройки и произвели эффект, подобный тому, какой бывает в медицине: стертые черты болезни стали явными. В государственном бюджете разверзлись бреши, которые нельзя было больше маскировать. Министр финансов назвал своими именами ряд явлений,

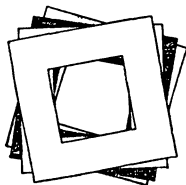
которые раньше считались в нашей стране невозможными: дефицит государственного бюджета, необоснованная эмиссия, инфляция.

Тогда стало заметнее то, что наш рынок болен не одной, а двумя болезнями. Он страдает от неравновесия двоякого рода: структурного и общего. Все, что сказано выше в данной главе о возможностях повышения цен с компенсацией, относится к неравновесию структурному, и только к нему. На общее неравновесие меры такого рода не влияют — тут нужно другое лекарство. Между тем в результате происшедших в наших финансах осложнений именно общее неравновесие вышло на передний план и стало определять в целом картину на рынке.

Что же, предлагавшиеся прежде меры по перестройке структуры цен стали ненужными? Некоторые экономисты высказывали и такую мысль. Все же, думается, верно иное. Эти меры по-прежнему остаются необходимыми. Но они стали в сложившейся ситуации не главными для достижения равновесия. И несомненно, они стали недостаточными. Восстановление равновесия остается насущной задачей, более того, оно стало делом гораздо более острой необходимости. Но и более трудным, чем несколько лет назад. Ясно стало, что если в сложившейся теперь обстановке провести только изменение структуры цен, не меняя в финансовом хозяйстве ничего другого, — рыночное равновесие не улучшится сколько-нибудь заметно. Главное лекарство, которое стало необходимым и на которое указала XIX Всесоюзная партконференция, — финансовое оздоровление, а конкретнее — ликвидация дефицита государственного бюджета. Но о способах такого оздоровления — в следующей главе.

10.

Больше социализма

Перестройка всей жизни нашего общества, начатая после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, побудила по-новому оценить все основные явления общественной жизни, все ценности, преимущества и противоречия социализма. Само содержание самых коренных и привычных понятий требует нового осмысления. «Больше социализма» — так ставит задачу партия. Этот призыв получил поддержку всего народа, воспринявшего его как важнейшую идею, отвечающую коренным интересам трудящихся. В то же время с точки зрения традиционных догматических представлений такой лозунг вызывает немало вопросов.

Ведь уровень социалистического развития долгие годы оценивался многими обществоведами главным образом по охвату народного хозяйства формами общественной (желательно, прежде всего, государственной) собственности. И статистические справочники уже три-четыре десятилетия показывают такую степень обобществления, что, кажется, больше социализма просто не может быть. В производстве национального дохода, промышленной, сельскохозяйственной продукции, в строительстве, транспорте и связи, торговле и общественном питании доля государственного и кооперативного секторов равна 100%. Это об-

стоятельство принято было считать наиболее важным для дела социализма по меньшей мере с 1933 г., когда Сталин, докладывая об итогах первой пятилетки, сообщил о перевыполнении рубежей плана по проценту коллективизации и ни слова не сказал о развитии сельскохозяйственного производства, которое в те же самые годы не возросло, а сохратилось. Тем самым был полностью отброшен выдвинутый Лениным в 1918 г. критерий обобществления на деле, отброшено ленинское требование увязки акта национализации с реальным овладением производством.

Сталинский подход оказался необычайно живучим. Даже через три десятилетия после XX съезда КПСС некоторые философы и политэкономы связывали коммунистическую перспективу лишь с огосударствлением последней из сохранявшихся (да и то скорее по форме) кооперативных форм производства — колхозной. С таких позиций практика перестройки вызывает даже недоумение: социализма становится вроде бы не только не больше, но даже меньше. Законом допущено развитие индивидуальной трудовой деятельности, множатся формы производственной кооперации, появились арендные отношения предприятий с трудящимися. В народном хозяйстве шире используются товарно-денежные отношения, внимательнее учитываются требования и законы действия рынка. Права и обязанности в области планирования все больше передаются от центральных государственных органов к предприятиям. Возрастает дифференциация оплаты по труду. Намечаемая реформа цен и ценообразования ставит под сомнение принцип стабильности цен, долгое время целиком ассоциировавшийся с социальной политикой социализма. Закон о государственном предприятии (объединении) предусматривает возможность банкротства и ликвидации хронически нерентабельных предприятий.

Так что же дает основания утверждать, что социализма становится больше? Не правы ли те, кто утверждает обратное?

Читатель, очевидно, уже нашел немало материала для ответа на эти вопросы в предыдущих главах — там, где шла речь об историческом опыте социализма в нашей стране, о развитии ленинских воззрений на социализм. Прочитывая Маркса, Энгельса, Ленина, можно убедиться, что многие укоренившиеся при Ста-

лине представления о том, что обязательно при социализме, были навязаны искусственно. Вспомним, как мало обязательных требований к производству, которое можно считать социалистическим, предъявлял Ленин при обсуждении проекта первой Программы партии. Он считал социалистической планомерную организацию общественного производительного процесса за счет всего общества для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества¹. Для принципиального научного и политического определения — только это и ничего более. Все прочие требования, которые позднее в разные годы выдвигались или снимались, — функция времени, уровня общественного (в особенности — культурного и экономического) развития, реальных условий. Все прочие требования могут меняться и развиваться. Могут и должны.

Но развитие это, конечно, нельзя определять произвольно. Для выработки его направлений существует строгая научная, методологическая основа — та, которой пользовался Ленин. Применительно к анализу путей развития концепции социалистического производства центральный пункт этой методологии — ленинское разграничение реального и формального обобществления, о котором рассказано в четвертой главе нашей книги. В центре — ленинская постановка вопроса: является ли данное социалистическое производство обобществленным на деле, в реальных отношениях людей, или только по юридической форме?

Если взглянуть с такой, научной, точки зрения, то реальный уровень обобществления производства, достигнутый у нас до начала перестройки, окажется не таким высоким, как это изображалось и в пропаганде, и во многих научных трудах. И ясно становится, насколько обоснованна утвердившаяся ныне установка нашей партии на дальнейшее развитие социализма, а не на развернутое строительство коммунизма, как провозглашалось некоторое время назад. И не только в практическом строительстве — в самом познании сущностных черт социализма применительно к современным условиям многое еще предстоит сделать.

Да, индивидуальное производство было практически полностью вытеснено из нашей хозяйственной

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

жизни в прошлые десятилетия. Это можно было бы считать доказательством 100%-ного обобществления отраслей народного хозяйства, если бы на основе государственных или кооперативных форм удовлетворялись все потребности. Но в том-то и беда, что в торговле и общественном питании, промышленном и сельскохозяйственном производстве, в строительстве, транспорте, а особенно — в сфере услуг сложились устойчивые области неудовлетворенного спроса. 100%-ный охват социалистическими формами достигался не реальным обобществлением всего производства, а отсечением тех его участков, где обобществление пока по тем или иным объективным причинам невозможно. Но люди не смиряются с неудовлетворенным спросом на первостепенные жизненные услуги или товары. То, что нельзя получить законно, приобретается незаконно. При нелегальном индивидуальном производстве сохраняется в неприкосновенности статистическое благополучие, но все прочие стороны дела проигрывают по сравнению с открытым и узаконенным удовлетворением потребностей общества и его членов в тех формах, какие практически возможны. Нелегальная форма во всех отношениях менее выгодна и для государства, и для клиента, а во многих случаях — и для самого производителя услуг или товаров. Индивидуальное производство, загнанное в подполье, несомненно, означает меньшую степень реального обобществления, чем признанное и контролируемое государством открыто.

Однако перестройка индивидуального производства, при всей ее важности, — не главная сфера, где нам требуется больше социализма. Основные задачи перестройки решаются на государственных и кооперативных социалистических предприятиях. Как понимать указанный лозунг перестройки применительно к этим предприятиям? Вполне очевидно, что он актуален там, где требуется устранить деформации, возникшие в застойное время. Например, реальное функционирование Папского агропромышленного объединения в Узбекистане во главе с Одиловым, хоть оно и числится по государственному социалистическому сектору, не вяжется с нашими представлениями не только о социализме, но даже и о капитализме — оно скорее ближе к практике раннего феодализма. Могут возразить, что то был крайний случай. Резонно. Хотя, с дру-

гой стороны, не такой уж редкий для того времени случай, если иметь в виду не внешние формы выражения власти Одилова вроде подземной тюрьмы, а самую сущность экономических отношений, выражавшуюся в частнособственническом по сути дела присвоении руководителем предприятия или государственного и даже партийного органа части национального дохода, созданного в государственном и колхозно-кооперативном секторе. О масштабе подобного присвоения говорят и миллиардные суммы награбленного, и должностной уровень расхитителей, в число которых входили, например, бывший руководитель партийной организации Узбекистана, бывший министр внутренних дел СССР и тысячи ответственных руководителей рангом пониже, в том числе и из правоохранительных, партийных, советских, хозяйственных органов. Если смотреть в глаза этим фактам контрреволюционного по сути перерождения части кадров, то нельзя не отнестись внимательно к концепции Л. Карпинского, видящего в этом «частную собственность, вставшую на дыбы», попытку частнособственной реализации самой функции управления.

Но и здесь еще — не самый сложный из вопросов, на которые предстоит найти ответ. Очищение и демократизация нашего общества если и не решают все проблемы, связанные с подобными извращениями, то, несомненно, резко снижают остроту таких проблем. Верно, марксисты и раньше знали, что государственная собственность — не обязательно социалистическая. Они и раньше знали, что надо еще посмотреть, кому принадлежит само государство-собственник. При постановке этого вопроса, кстати, становится особенно очевидной глубочайшая обоснованность центрального лозунга перестройки, по сути дела, поставившего знак равенства между демократией и социализмом. Утверждения одной лишь политической демократии было бы недостаточно с точки зрения трудящихся в буржуазном государстве, оставляющем средства производства в руках эксплуататоров. В государстве же, где юридическое обобществление средств производства уже состоялось, остается гарантировать надежное «обобществление» самого государства. И хотя задача эта чрезвычайно трудна, в принципиальном плане ее необходимость достаточно выяснена, известны и крупные практические шаги, на-

меченные XIX Всесоюзной партконференцией для перестройки политической системы социализма. Но самая сложная, глубинная проблема дальнейшего качественного развития социализма не исчерпывается и этим.

Представим себе обычное, среднее предприятие, где никто не ворует и все честно работают, в старой, нехозрасчетной системе. Реализуются ли здесь в полной мере преимущества и цели социалистического способа производства? Каков механизм этой реализации? Прежде чем отвечать на эти вопросы, проследим — кратко, пунктиром, ход развития марксистской мысли по этому вопросу после Октября.

«Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь... Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя...»¹ Это — Ленин спустя два месяца после Октября, статья «Как организовать соревнование?», которую автор публиковать не стал — она впервые напечатана после его смерти. Основное преимущество социализма уже определено, но путь его реализации еще не ясен.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен, во-первых, увлечь всю массу трудящихся и эксплуатируемых для свержения буржуазии и подавления ее сопротивления, во-вторых, повести за собой всю массу «на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда...»

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы»². Это — Ленин в 1919 г., в самый разгар «военного коммунизма», статья «Великий почин». Механизм все еще не ясен, но указание на длительный, упорный и трудный героизм массовой и будничной работы говорит о напряженном размышлении над вопросами, которые мало кого посещали в ту пору, когда мировой революции ждали со дня на день и с нею связывали решения всех проблем.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 196.

² Там же, т. 39, с. 17—18.

«Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму...»¹ Это — Ленин в 1921 г., в первые месяцы новой экономической политики, статья «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции». Здесь уже определен механизм — пусть не в деталях, пусть лишь общий принцип, но вполне ясный и по сей день работоспособный: на хозяйственном расчете.

Так родилась главная идея: между личным интересом и всеобщим государственным интересом работника социалистического общества очень трудно установить прямую связь, необходимо еще посредствующее звено, и это звено — коллективный интерес, заинтересованность работника в результатах деятельности предприятия, живущего на хозрасчете, т. е. обязанного покрывать свои затраты выручкой от продажи своей продукции. Чувство хозяина страны, постижимое как политическая истина, конкретизируется в чувстве хозяина предприятия, осязаемым в повседневной жизненной реальности, в том числе и в прямой зависимости материальных условий жизни от результатов труда данного работника и всего коллектива. Детальная разработка механизма реализации этой общей идеи заняла всю первую половину 20-х годов, о ней рассказано в начальных главах книги. Здесь полезно только напомнить, что особенно важным и трудным достижением в построении этого механизма было отыскание инструментов связи коллективного интереса с общегосударственным — как прямой связи (через план), так и обратной (через рынок). Среди этих инструментов одним из главных был синдикат, точнее — система синдикатов, добровольных паевых объединений предприятий, связывавших их с рынком. Построение этой системы под руководством Ф. Э. Дзержинского было в основном завершено к 1926 г.

Но уже в следующем году прозвучали слова, которые означали, по существу, шаг назад в понимании сути проблемы, возврат к уровню понимания 1919-го,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 151.

если не 1917 г. На встрече со Сталиным 9 сентября 1927 г. члены американской рабочей делегации спросили, чем заменяется в СССР такой стимул развития производства, каким в капиталистическом обществе служит надежда извлечения прибыли? Сталин ответил: да, извлечение прибыли не является ни целью, ни двигателем нашей социалистической промышленности. Ее двигателем служит, оказывается, то обстоятельство, что фабрики и заводы принадлежат всему народу, что ими управляют «представители рабочего класса». Сознание того, что рабочие работают на свое собственное государство — вот двигательная сила промышленности. Сталин пояснил, на чем держится это сознание: большинство директоров составляют рабочие, назначаемые Высшим Советом Народного Хозяйства по соглашению с профсоюзами, на предприятиях имеются заводские комитеты и производственные совещания. Другим двигателем является, по Сталину, то, что доходы от промышленности идут не на обогащение отдельных лиц, а на дальнейшее расширение промышленности, на улучшение материального и культурного положения рабочего класса. И третье, что он отметил — факт национализации промышленности облегчает плановое ведение хозяйства.

В этом рассуждении поражает не только странное фактическое противоречие: ведь еще не был отменен нэп, законодательно утвердивший извлечение прибыли в качестве цели деятельности предприятия, а Сталин уже заявляет, что это — не цель и не двигатель промышленности. Бросается в глаза и другое: о хозрасчете как главной связке между стимулами личными и общественными, о чем говорил Ленин в 1921 г., у Сталина в 1927-м — ни слова. Ни слова об интересах предприятия, его коллектива. От государства в целом — напрямую без передаточных звеньев к отдельному работнику исключительно через осознание им своей общей со всем народом заинтересованности в развитии социалистического хозяйства. Такое толкование «чувства хозяина», его зарождения и укрепления на деле полностью исключало реальную хозяйскую роль конкретного рабочего на конкретном предприятии. Оно исключало и общественную проверку эффективности действий тех, кого Сталин назвал представителями рабочего класса: руководителей предприятий, а тем более — вышестоящих органов, Забвение хозрасчет-

ных стимулов и связей неизбежно отключало и такой незаменимый механизм обратной связи в экономике, как рыночная проверка нужности, доброкачественности товара и обоснованности его цены. Сталин по сути дела отступил к уровню мышления времен «военного коммунизма», хотя и не признался в этом. Этот шаг назад имел далеко идущие последствия. Хотя на практике приходилось то и дело прибегать к рычагам материального стимулирования, идеологически оно всегда находилось под подозрением, что не могло не вести к постоянным ограничениям и деформациям и в практике. Сталинский подход был непреложным законом для политэкономов, получал «научное» обоснование, а неизбежные отклонения от него в практике объяснялись следствиями всего лишь недостаточной зрелости коммунистических отношений, подлежащими возможно более быстрому изживанию. На деле же успешно изживались лишь «предприимчивость, соревнование, смелый почин», в которых видел силу социализма Ленин.

Первой крупной попыткой отступить от сталинских взглядов в этом вопросе были решения о хозяйственной реформе, принятые на пленумах ЦК КПСС в 1965 г. Но именно сопоставление с теми решениями показывает, насколько дальше шагнула нынешняя радикальная реформа в практическом укреплении чувства хозяина, в обеспечении каждому труженику реального положения хозяина производства. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС знаменовал собой несомненный прогресс в том отношении, что отметил значение хозрасчетных стимулов и несколько расширил хозрасчетные права предприятий. Созданные на основе его решений экономические фонды предприятий (фонд развития, фонд материального поощрения, фонд социально-культурных мероприятий) должны были в большей или меньшей степени зависеть от результатов деятельности коллектива. Вместе с тем, как показано в предыдущих главах, прогресс этот был ограниченным, прежде всего потому, что не менялось главное в экономических отношениях: из них не устранялась фигура, которую Чернышевский столь метко назвал «сторонним ценовщиком». По-прежнему некто вне предприятия определял план его деятельности, оценивал успешность выполнения этого плана и в зависимости от этой оценки выплачивал

вознаграждение. Усовершенствования шли главным образом по линии более точного составления плана, более точной оценки (более совершенных показателей) его выполнения, но не по линии коренного изменения отношений основных действующих лиц, каковыми являются предприятие-производитель, предприятие-покупатель, отдельный трудящийся, государственные органы и общество в целом. Эти решения могли быть полезны лишь как первый шаг на пути реформы. Но второго шага не последовало — напротив, даже принятые решения не выполнялись, постепенно были выхолощены или прямо отменены. Здесь сказалась коренная слабость попытки реформы 60-х годов: она не сопровождалась реформой политической системы, демократизацией, развитием гласности. То, что должно было стать делом всего общества, осталось в руках бюрократической системы.

Нынешние решения (документ июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, Закон о государственном предприятии, Закон о кооперации) создали правовую основу для изменений не косметических, а коренных, радикальных. В жизнь входят новые понятия — либо вообще не существовавшие еще недавно, либо известные лишь в теории, но не применявшиеся на практике, порой даже объявлявшиеся несовместимыми с социализмом: хозрасчетный доход трудового коллектива, самоуправление трудового коллектива, экономический норматив длительного действия и хозяйственный договор как основа плана предприятия, экономическое соревнование, договорная цена. Ставится задача повысить роль потребителя (иначе говоря — рынка) в хозяйственных связях.

Из всего названного для нашей темы особенно важна одна категория: хозрасчетный доход трудового коллектива. В нем суммируется плата за все полезные эффекты, произведенные коллективом в интересах общества; из него вычитаются все затраты и платежи за любой ущерб, причиненный коллективом другим предприятиям, природе, общественным интересам. От размеров хозрасчетного дохода решающим образом зависят доходы работников предприятия. С другой стороны, сам хозрасчетный доход зависит от их усилий. Это и есть та система экономических отношений, которая делает работника предприятия (а не стороннего ценовщика) подлинным хозяином. Чувство

хозяина, столь часто поминавшееся всуе, обретает плоть, наполняется реальным содержанием. Основное (по Ленину) преимущество социализма — работа на себя — из пропагандистской фразы превращается в реальность. Точнее — превратится, если названные решения будут выполнены. Именно это — как они выполняются — стало теперь главным вопросом. Именно это было первым из двух вопросов повестки дня XIX Всесоюзной партийной конференции.

Принятая конференцией резолюция по этому вопросу констатирует, что оздоровление экономики началось, но процессы перестройки идут противоречиво, сложно, трудно. Хотя налицо позитивные тенденции и есть первые результаты, коренного перелома в экономическом, социальном и культурном развитии не произошло. В различных звеньях общества, включая трудовые коллективы, не изменилось как следует само отношение к труду, к делу. Есть в резолюции и такие слова: «В целях преодоления бюрократических методов управления, характерных для административно-командной системы, конференция решительно поддерживает курс на преобразование функций и стиля работы министерств и других центральных ведомств, ликвидацию излишних звеньев и передачу их прав на места, существенное сокращение аппарата и повышение квалификации занятых в нем кадров»¹. Эти оценки опираются не только на анализ, содержащийся в докладе М. С. Горбачева на конференции. Они отразили широкую общественную дискуссию, происходившую на протяжении нескольких месяцев перед конференцией. Некоторые мысли и факты, высказанные в ходе этой дискуссии, заслуживают более подробного рассказа.

Участники дискуссии отталкивались от некоторых общепризнанных оценок и выводов, подкрепляемых сотнями публикаций в печати за последние месяцы, а главное — собственными впечатлениями, жизненным опытом миллионов людей. Один из таких выводов — и очень важный — заключается в том, что народное хозяйство работает напряженнее, в целом лучше, чем три года назад, многие недостатки прежнего хозяйствования постепенно начинают исправляться, но на

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988, с. 109.

повседневной жизни это мало сказывается, жизнь не изменилась сколько-нибудь заметно к лучшему. Об этом говорилось и с трибуны партконференции. Так, нижнетагильский металлург В. А. Ярин привел слова рабочих: «Где перестройка? Например, в магазинах как было с продуктами плохо, так и осталось. Да еще на сахар талоны ввели. Мяса не было и нет. Промышленные товары вообще куда-то провалились». Другой важный вывод связан с наметившимся разрывом в осуществлении перестройки на предприятиях и в вышестоящих звеньях управления. С 1 января 1988 г., когда стал вступать в силу Закон о государственном предприятии, начался широкий переход на систему полного хозрасчета,— с этого времени предприятия все более подвергаются давлению экономических рычагов и изменяют свое поведение к лучшему. Они экономят оборотные средства, сокращая чрезмерные запасы материальных ценностей. Расчетливее расходуют и капиталовложения, то и дело отказываются от излишнихстроек, от ненужного оборудования — раньше подобных фактов почти не встречалось. Причина перемен к лучшему понятна: деньги теперь расходуются не за счет государства, не «ничьи», а свои, из хозрасчетного дохода трудового коллектива. Выбросить эти деньги без пользы — все равно что вынуть их из собственного кармана. А вот в поведении министерств и ведомств подобных отрядных перемен не заметно. Они по-прежнему без счета и расчета тратят общественные средства как ничьи. На этом этаже реформа еще не проявляет себя сколько-нибудь заметно. И такой разрыв все сильнее мешает предприятиям.

Причины первого из отмеченных явлений объяснимы. Сейчас стало ясно, что экономическое положение нашей страны, сложившееся в годы застоя, было хуже, чем представлялось в начале перестройки. Только сейчас мы начинаем понимать, насколько сильно был подорван запас прочности нашей экономики в годы, когда для экстенсивного роста уже не было возможностей, но он вопреки объективным требованиям и здравому смыслу продолжался. Делалось это и за счет проедания будущего, за счет растраты природных богатств страны, и за счет привлечения таких «ресурсов», использование которых подрывает само физическое и нравственное здоровье народа — прежде всего все возрастающих доходов от продажи вод-

ки. За последние три года использование водочных доходов государственного бюджета резко сокращено. Подломилась и другая шаткая опора экономики застойного времени: упали мировые цены на нефть, которая служит важнейшим источником нашей экспортной выручки. Пришлось экономить валюту, в том числе и путем сокращения импорта товаров народного потребления. Вот так и вышло, что промышленность и сельское хозяйство производят товаров больше, чем три года назад, но сумма необеспеченных товарами денег на рынке не уменьшилась, а возросла. Следовательно, возрос и товарный дефицит, ухудшилось положение в торговле. Бьют тревогу специалисты по конъюнктуре внутреннего рынка: стали чаще и резче волны ажиотажного спроса, когда покупатели приобретают товары не потому, что они нужны, а потому, что утрачено доверие к надежности торговли, к обеспеченности денег товарами. Признаком усиления ненадежности покупатели в ряде случаев сочли (и, пожалуй, логично) введение талонов на сахар, после чего в ряде мест начали хватать ящиками и другие, отнюдь не дефицитные товары, включая соль, мыло и спички. Тревожный сигнал.

Все это — дополнительные трудности, которые нельзя было предвидеть заранее и которые поэтому не учтены в пятилетнем плане, в решении XXVII съезда партии. Логично появление предложений в печати о том, чтобы найти и дополнительные, сверх предусмотренных пятилетним планом, источники экономического роста. В пользу пересмотра пятилетнего плана выдвигался и другой аргумент: план разрабатывался до реформы, он не рассчитан на новую экономическую ситуацию, на перестройку. Некоторые известные экономисты утверждают, что нам вообще не нужно предусмотренное пятилетним планом ускорение роста объемных показателей экономического развития. Исходя из тезиса о том, что главной задачей является рационализация структуры общественного производства, а перестройка структуры препятствует количественному росту, они высказываются в пользу замедления темпов роста — и чем скорее, тем лучше.

Первым эту мысль высказал В. И. Селюнин. Его решительно поддержали Н. П. Шмелев и некоторые другие авторы. А Л. И. Абалкин сказал с трибуны XIX Всесоюзной партийной конференции: «Начать следует

хотя бы с того, что при разработке двенадцатого пятилетнего плана была принята концепция одновременного обеспечения количественного роста и качественных преобразований. С точки зрения науки эти задачи несовместимы. Если у кого-то еще оставались сомнения определенное время, то прошедшая половина пятилетки подтверждает правильность этого вывода. Надо было выбирать: или количество, или качество. С учетом наших традиций и опыта очевидно, чему было отдано предпочтение».

Вероятно, в суждениях этого ряда можно найти односторонность, чрезмерную категоричность. Например, задачи количественного роста и качественных преобразований противоречат друг другу, совместить их трудно, но нельзя утверждать, что совместить их совсем невозможно. Достаточно напомнить, что в ходе реформы в Китае эти задачи удалось совместить, и причины этого понятны. Реформа — сложный процесс, в котором сливаются разные силы. Перестройка структуры производства временно замедляет рост объемов продукции, но включаются и стимулы, которые ускоряют этот рост. Точнее — могут быть включены. Впрочем, не беда, если бы и в самом деле количественный рост у нас замедлился из-за качественной перестройки. К сожалению, есть основания опасаться, что положение хуже: количественного роста в необходимой степени не получается именно потому, что качественная, структурная перестройка не происходит либо происходит слишком медленно, а без нее реальный количественный рост невозможен, поскольку все резервы роста в старой структуре исчерпаны.

Между тем необходимые нам структурные изменения должны быть весьма значительными. Ведь вплоть до времени нынешней перестройки сохранялась с небольшими поправками та структурная модель экономики, которая была заложена десятки лет назад. Эта модель, нацеленная на преимущественное развитие так называемых базовых отраслей промышленности, была эффективной в годы довоенных пятилеток, когда страна должна была еще пройти путь первоначального вооружения труда машинами. Это не оправдывает грубых ошибок в реализации принятой стратегии в годы первой пятилетки, когда произвольный пересмотр показателей пятилетнего плана в сторону ускорения сопровождался свертыванием хозрасчетных отноше-

ний. Но сама стратегия индустриализации была в целом верной, тогда действительно было нужно больше металла, угля, нефти, электроэнергии. Это нужно было и для развития народного хозяйства, и для укрепления обороны страны. Но после войны обстановка была другой. Были уже выполнены задачи первоначальной индустриализации, одержана победа в войне. Жизнь требовала преимущественного развития производств, получивших ныне наименование отраслей высоких технологий, наукоемких отраслей, а также укрепления сельского хозяйства, отдавшего немало людских и материальных ресурсов делу индустриализации и обороны страны. Но Сталин в предвыборной речи 9 февраля 1946 г. воспроизвел те же задачи, какие ставились в 1928 г.: еще больше чугуна, стали, угля, нефти — и только. Это была ошибка уже не в методах реализации стратегии, а в выборе самой стратегии экономического роста.

В послесталинский период, правда, не раз ставилась задача изменить направления структурного развития. В планы записывалась установка на ускоренное развитие производства предметов потребления, на укрепление сельского хозяйства, на ускорение научно-технического прогресса и, соответственно, на приоритетное развитие отраслей, определяющих этот прогресс. Эти установки никогда не удавалось полностью реализовать, а некоторые из них, например на ускоренный рост производства предметов потребления, срывались целиком с удивительным постоянством. Пока было достаточно свободных рабочих рук, которые можно было получать из деревни, пока существовали дешевые доступные природные ресурсы, такое неэффективное развитие можно было продолжать. Но в конце концов материалоемкое производство ради производства достигло таких масштабов, что дальнейшее развитие при сложившейся структуре стало просто невозможным.

Между тем устаревшая структура народного хозяйства демонстрирует завидную устойчивость и не поддается плановым указаниям о перестройке. Причина этого — старый экономический и административный механизм управления производством, который упорно воспроизводит сложившуюся структуру вопреки общественным интересам. Этот механизм реализует групповые (чаще всего ведомственные), а не об-

щественные интересы. Характернейшая особенность этого механизма — отключение каналов обратной связи, по которым осуществлялось бы воздействие рынка на производителя продукции, происходил бы контроль рынка и за достоверностью принимаемых планов, и за их выполнением. Обратная связь помогла бы быстрее понять, например, что вопрос о том, сколько комбайнов нужно стране, неотделим от вопроса о том, какие это будут комбайны, как их будут снабжать запчастями, ремонтировать, хранить. Следовательно, мы не можем определить, что и как планировать, пока не решим, кто планирует и в каких экономических условиях. Колхоз на свои кровные закажет одно, министерство на государственные, т. е. «ничьи», — совсем другое.

Длительная традиция отгораживания производителя от рыночного контроля имела еще одно печальное последствие: как предприятия, так и плановые органы перестали считаться с реальной ценой тех или иных производственных достижений. «Сделать любой ценой» — это возводилось в добродетель. Натурально-вещественный результат хозяйственной деятельности становился самодовлеющим, а если он не оправдывал произведенных затрат, то это обнаруживалось обычно с большим опозданием. Экономическая наука и хозяйственная практика долгое время фактически игнорировали применявшуюся Лениным характеристику акта купли-продажи как общественного учета в качественном и в количественном отношении. Весьма выразительна характеристика, которую Ленин дал последствиям появления этого учета для сельского хозяйства России. Вот характерная выдержка из «Развития капитализма в России»: «До капитализма земледелие было в России господским делом, барской затеей для одних, обязанностью, тяглом — для других, поэтому оно и не могло вестись иначе, как по вековой рутине, необходимо обуславливая полную оторванность земледельца от всего того, что делалось на свете за пределами его деревни. Отработочная система — этот живой остаток старины в современном хозяйстве — наглядно подтверждает такую характеристику. Капитализм впервые порвал с сословностью землевладения, превратив землю в товар. Продукт земледельца поступил в продажу, стал подвергаться общественному учету сначала на местном, затем на

национальном, наконец на международном рынке, и таким образом прежняя оторванность одичалого земледельца от всего остального мира была сломана окончательно. Земледельцу волей-неволей, под угрозой разорения, пришлось считаться со всей совокупностью общественных отношений и в его стране и в других странах, связанных всемирным рынком»¹.

При таком понимании прогрессивной роли рыночного общественного учета Ленин, конечно, не мог мыслить построение социалистических производственных отношений как шаг от капиталистического рынка назад, к «оторванности одичалого земледельца от всего остального мира». Он искал пути движения вперед, позволявшего сохранять в интересах социализма высшие достижения экономической культуры капитализма. В первые месяцы после Октября и даже в первые годы, до 1921-го, эти пути были понятны лишь в самых общих чертах. В октябре 1921 г. Ленин писал, вспоминая 1918 г.: «Мы знали, видели, говорили: нужен «урок» у «немца», организованность, дисциплина, повышение производительности труда.

Чего не знали? Общественно-экономическая почва этой работы? На почве рынка, торговли или против этой почвы?»² Но даже тогда, в 1918-м, Ленин отвечал рабочим делегациям, приходившим с тресбованиями конфискации предприятий: «Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком?»³ Значит, уже тогда, за три с лишним года до признания необходимости торговли, товарно-денежных отношений, Ленин ставил в один ряд такие понятия, как умение взять производство в свои руки, учет и связь с рынком. Тем более очевидна взаимозависимость этих понятий с высоты семидесятилетнего опыта социалистического строительства. Отвергая «рыночный социализм», мы не собираемся игнорировать социалистический рынок. Мы не признаем рыночные критерии господствующими, определяющими цели социалистического производства. Но попытки отрицать их как средство, как инструмент

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 310.

² Там же, т. 44, с. 470—471.

³ Там же, т. 36, с. 258.

общественного учета и контроля обошлись и обходятся нашему обществу непомерно дорого. И если в сфере простого воспроизводства этот недостаток может быть постепенно изжит по мере развития отношений полного хозрасчета, договорных связей и оптовой торговли средствами производства, то в сфере расширенного воспроизводства, в сфере капиталовложений нужны еще специальные крупные решения, которые обеспечили бы и здесь возможность реального общественного учета. Пока что в этой сфере обычай не считаться с затратами приводит к неэффективному расходованию миллиардов и десятков миллиардов рублей. Пока живет этот обычай, на практике превращаются в свою противоположность самые благие начинания.

Нет, например, никаких сомнений, что нам нужен, и очень нужен, рывок в развитии машиностроения. Вполне логичным представляется решение дать в связи с этим повышенные капиталовложения для отрасли. Но в сочетании со старым механизмом планирования этот пункт плана становится самоцелью. Для определенных звеньев государственного аппарата, наделенных немалой властью, задача сводится к этому: затратить такие-то суммы. И тратят. Потрясающий факт сообщил в «Огоньке» директор Изановского станкостроительного объединения В. Кабаидзе: ему для расширения производства не нужны дополнительные площади, а министерство навязывает 100 млн руб. и велит строить новый корпус. Гораздо меньшие по объему целесообразные затраты, прежде всего на новое оборудование для действующих корпусов, директор осуществить не может, а огромные бросовые — пожалуйте.

Еще замечательнее эффект строек Минводхоза. Они давно стали притчей во языцех из-за огромного ущерба, наносимого природе и памятникам культуры, но еще не оценены по достоинству с точки зрения экономической. Принятый у нас нормативный срок окупаемости капиталовложений, отнюдь не жесткий, а скорее вольготный, составляет восемь лет. Фактический срок окупаемости капиталовложений Минводхоза в одиннадцатой пятилетке, по оценкам самого ведомства, превысил 25 лет — этого уже вполне достаточно, чтобы немедленно отказаться от подобных работ. Но, по оценкам независимых от ведомства

ученых, реальный срок окупаемости его затрат превысил 100 лет — величина, можно сказать, иррациональная, по сути равнозначная признанию, что эти затраты не окупятся никогда. А многие объекты срошения имеют отрицательную «рентабельность»: это затраты ради «производства» убытков. От такого орошения плодородие земель не возрастает, а уменьшается либо уничтожается полностью. Это всенародное бедствие — но не стихийное, а плановое бедствие — может существовать лишь по одной причине: оплата субъектов орошения идет за счет государства. Будь оно за счет колхозов и совхозов, за счет их хозрасчетного дохода — ни копейки не получил бы Минводхоз на большинство своих проектов.

Вот почему, когда мы, например, вполне правильную мысль об ускоренном увеличении производства предметов потребления пытаемся реализовать через существующий механизм планирования (выделить на эти цели столько-то миллиардов рублей ассигнований, разверстать по соответствующим министерствам, затем по предприятиям и стройкам), у нас не выходит ничего, кроме новых бросовых затрат, только в других отраслях. Прошло время, когда нехозрасчетный механизм планирования действовал неэффективно. Сейчас он вообще не действует, т. е. не ведет к поставленной цели.

Нехозрасчетные по своей природе звенья вроде министерств, главков, бывших ВПО или новейших ГПО, не создающие никаких ресурсов, не должны и распоряжаться ресурсами. Коли станкостроение заработало в свои фонды 100 млн руб., приходящихся на долю Ивановского объединения, — они и должны быть в руках коллектива объединения во главе с В. Кабаидзе. Именно здесь сосредоточены и наибольшие знания относительно целесообразного использования средств и, главное, наибольшая заинтересованность в нем. Не поможет делу и попытка установить материальную ответственность министерства перед предприятием за ущерб, причиненный ошибочными либо неправомерными действиями министерства. Ведь министерство своего хозрасчетного дохода иметь не может — оно в состоянии расплачиваться лишь деньгами, отнятыми у тех же предприятий путем централизованных отчислений. Но оно само же и устанавливает нормы этих отчислений, и жалоб на произвол в этом

деле сколько угодно. И если министерству придется из такого централизованного фонда расплачиваться с потерпевшими в результате очередного бюрократического головотяпства предприятиями — его не убудет. А предприятие успокоится, перестанет жаловаться — ведь пострадавшим останется только государство. И министерство надежно укроется под защитой централизованных фондов.

Заметим, что сами по себе централизованные фонды для групп предприятий нужны. Ведь остается вопрос о целесообразной централизации: как быть, когда нужно объединить средства для сооружения крупного объекта в интересах многих предприятий — будь то отрасли, региона или объединенных каким-то иным общим интересом. Но ведь о создании для такого случая акционерных обществ умели договариваться капиталисты еще в прошлом веке — у нас же, на базе социалистической собственности, добровольное объединение ресурсов можно организовать гораздо проще. В первых главах книги рассказано о подобном опыте и в 20-е годы, и в наши дни, а также в других социалистических странах.

Бывает необходимым и финансирование строек за счет государственного бюджета. Но сфера, где оно необходимо и полезно, во много раз меньше той, которая сейчас им охвачена. Такими централизованными в общегосударственном масштабе ресурсами мог бы распорядиться Госплан. В связи с этим пора уже сказать и о том, что с переходом на новую хозяйственную систему большая часть управленческих функций должна переходить от министерств и других органов управления к предприятиям. Зачем же нам тогда столько министерств в промышленности и строительстве? Большая часть из них не нужна, и упразднение их как раз и может стать самым простым и надежным способом избавления от производства ненужного. Ну а те функции совместной деятельности, которые нужны и в новых условиях, можно возложить на создаваемые предприятиями на паях договорные (и добровольные!) фирмы, оказывающие платные услуги по упразднению. Сфера управления должна все больше превращаться в сферу услуг.

Сегодня все это — уже не только предложения научных работников или публицистов. Громко и настойчиво прозвучали эти идеи с трибуны XIX Всесоюзной

партконференции, в речах делегатов — руководителей предприятий. В. П. Кабаидзе: «Если честно говорить, мне министерство не нужно. Мы вполне без него можем обойтись. Корм мы теперь добываем сами, валюту добываем сами. Что нам может дать министр? Да ничего! Но это не значит, что не нужны координирующие центры. Нужны. Но они должны работать, кормиться от нас, а не от бюджета. Вот будет министр «мышей ловить» — будем кормить, не будет — не надо». Несмотря на просторечную форму, определенная концепция управления изложена здесь со строго научной точностью, за исключением разве что одного слова: «министерство». Такой орган будет уже не министерством — это именно то, что в 20-е годы именовалось синдикатом. Но ведь В. Кабаидзе и сказал, что министерства не нужны. На следующий день к этой теме обратился генеральный директор производственного бройлерного объединения «Ставропольское» В. И. Постников: «Вчера товарищ Кабаидзе сказал, что если переходить на хозрасчет, а он перешел, то их объединению министерство не нужно. Звучит это, конечно, вызывающе и непривычно. Но я поддерживаю эту идею». И дальше: «В настоящее время создана ассоциация, куда входят комбинаты «Кубань», «Раменское» и наше объединение. Мы считаем, что эти предприятия будут решать все вопросы гораздо легче, чем каждое из них в отдельности. Мы будем приглашать в нашу ассоциацию и другие предприятия».

И, наконец, нельзя не привести слова председателя колхоза «Ленинская искра» Ядринского района Чувашской АССР А. П. Айдака. Рассказав о фактах вопиющей бесхозяйственности в мелиоративном строительстве, он предложил: «Чтобы впредь для подобного не было условий — а при самофинансировании это и необходимо, — целесообразно впредь прекратить бюджетное финансирование мелиоративного строительства. Это станет преградой затратному принципу мелиорации. Мелиоративные работы впредь должны производиться только по договорам с хозяйствами на их деньги в соответствии со схемой внутрихозяйственного землеустройства. При этом, думается, выделяемые Минводхозу СССР деньги следует передать районным организациям агропрома. Там безошибочно определят, куда их употребить, чтобы была лучшая отдача, — на строительство дорог, социаль-

быт или на мелиорацию. А передвижные механизированные колонны и проектные организации Минводхоза СССР должны быть переведены на подряд без целевого финансирования их деятельности». Оратор не счел нужным уточнять, но ясно и так: в предложенной им весьма рациональной схеме отношений само министерство оказывается ненужным.

Итак, мы бегло проследили, как меняются с началом реформы экономические отношения трудового коллектива с другими коллективами, с покупателями продукции предприятия (рынком), с государственными органами (министерствами и др.). К этому следует добавить широко известные из печати изменения в самих низовых ячейках — бригаде, звене — в связи с распространением бригадного, семейного подряда, арендных отношений. Здесь человек-исполнитель, человек-творец и человек-управляющий соединяются в одном лице, что особенно важно в сельском хозяйстве, где разумное соединение технологии с силами природы просто невозможно без творчества, без хозяйского отношения, на основе лишь наемнического исполнительства. Наконец, приняты решения и о глубокой перестройке работы Советов, их экономической, социальной, политической роли. Человек социалистического общества получает возможность вернуть себе положение не формального, а реального хозяина на своем рабочем месте, на своем предприятии, в своем селе или городе, в своей стране. Он начинает преодолевать отчуждение от собственности и продукта труда, отчуждение от гласности и от власти. Разве успех всего этого не будет означать — больше социализма? И наоборот — неуспех перестройки разве не означал бы непоправимый ущерб делу социализма?

Уже первые шаги в преодолении отчуждения дают порой удивительные результаты. На поставленный крупнейшими экономистами и публицистами вопрос о самых сложных проблемах пятилетки едва ли не самый глубокий ответ дал на XIX Всесоюзной партконференции делегат из рабочих, газовщик Орско-Халиловского металлургического комбината В. Ю. Нижельский. Вот его слова: «Мы прослушали выступления большого числа ораторов. Министр здравоохранения сказал, например, что нужны средства. Представители науки тоже говорили, что нужны средства. А решить сразу все проблемы мы не можем. Может

быть, есть смысл поджаться, сконцентрировать усилия на какой-то одной программе. И у нас предложение: сконцентрировать эти усилия именно на решении Продовольственной программы с тем, чтобы в ближайшее время народ увидел реальную отдачу. **Горбачев М. С.** Правильно, Вадим Юрьевич.

Есть в этой речи ключевое слово: «поджаться». Оно включает в себе ответ и на ту проблему, которую поставил другой рабочий делегат, В. Ярин, чьи слова приведены выше. И для успешного противостояния дополнительным трудностям, с которыми столкнулась пятилетка, и для быстрого улучшения положения на потребительском рынке, о котором с тревогой говорил В. Ярин, нужно одно: поджаться, сократить нерациональные расходы. Можно и нужно воздействовать на рыночное равновесие не с одной, а с двух сторон: не только наращивать производство товаров и услуг, но и уменьшить количество необеспеченных денег, поступающих на рынок. Речь не о том, чтобы снизить уровень доходов населения — у трудовых людей избытка денег нет. Речь о том, чтобы сократить неэффективные или чрезмерные расходы ведомств, примеры которых приводились выше. Сегодня это стало вопросом жизненной важности для судеб перестройки.

Засилье ведомственного затратного подхода привело к тому, что наше государство живет не по средствам. Долгое время это маскировалось нехитрыми приемами, преувеличивавшими реальные доходы государственного бюджета. В Тезисах ЦК КПСС и в докладе на конференции сказано правда: доходы эти меньше, чем изображалось, и у нас существует дефицит государственного бюджета. На нижнем этаже хозяйственной пирамиды, на предприятиях, по мере введения полного хозрасчета коллективы начинают лучше считать деньги, которые они тратят. Но министерства хозрасчету неподвластны по своей природе, для них расходующиеся деньги остаются по-прежнему ничьими, если говорить о реальных интересах. Отсюда бесчисленное количество проектов, полезных для ведомств, но неэффективных с точки зрения общества. А ведь строители неэффективных объектов несут в магазины свои честно заработанные рубли и хотят приобрести товары, но откуда же взяться товарам, если сооружаемые объекты их не дадут?

В первой из принятых конференцией резолюций можно прочитать: «Ускорить... осуществление программы финансового оздоровления народного хозяйства, включая наведение порядка в бюджете, финансово-кредитной системе, деятельности банков»¹. Финансовое оздоровление, наведение порядка в бюджете — это и значит «поджаться» всем, кто тратит деньги без должного счета.

Первые же месяцы после XIX партконференции подтвердили жизненную важность и неотложность этой задачи. В октябре 1988 г. сессия Верховного Совета СССР, утверждавшая, как обычно, народнохозяйственный план и государственный бюджет на предстоящий год, ознаменовалась невеселой сенсацией: министр финансов сообщил о дефиците государственного бюджета, предложил конкретные цифры. Правда, не все смогли сразу оценить значение этого события: ведь до того о наличии дефицита никогда не сообщалось, мы привыкли связывать это явление лишь с капиталистической экономикой и о влиянии его на нашу жизнь ничего толком не знаем. Вряд ли, например, кому-нибудь из покупателей, обнаруживших исчезновение с прилавков то одного, то другого товара, приходило в голову связывать это с малопонятными словами «дефицит государственного бюджета».

Между тем связь тут есть, и самая прямая. Достаточно поставить вопрос: а как же финансируется дефицит? Если государство не все расходы в состоянии покрыть своими доходами — откуда берется недостающая часть? Сравнительно недавно, когда мировые цены на нефть росли, покрыть дефицит помогали доходы от нашей внешней торговли, которая держится в значительной степени на продаже нефти и газа. Но сейчас эти цены упали. Теоретически можно взять в долг у других стран, но использовать этот источник в больших размерах опасно: он не решает долговременные проблемы, а, напротив, порождает их. Через несколько лет приходит время возвращать кредит, и надо иметь уверенность, что у нас найдется чем платить. Пока состояние нашей промышленности и внешней торговли не дает никаких оснований для такой уверенности. Понятно, со временем экономическая

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня — 1 июля 1988 года, с. 112.

реформа улучшит положение дел, но разве может кто-нибудь сказать, в каком году это произойдет и на сколько именно долларов увеличится наша экспортная выручка? А ведь получение внешнего займа означает вполне конкретное обязательство: в каком году какую сумму выплатить. Возникновение неуправляемой задолженности — грозная опасность, трясина, затягивающая на десятилетия и обескровливающая страну.

Остается один источник финансирования дефицита: внутренние займы в той или иной форме. Государство берет займы у Госбанка, который до некоторой степени может использовать накопления населения, хранящиеся в сберкассах, а также внутренние выигрышные займы и другие источники. Но для покрытия дефицита такого масштаба, какой возник в последние годы, этого недостаточно. Приходится прибегать к самому нежелательному средству, и об этом также сообщил министр финансов на сессии Верховного Совета. Это средство — необоснованная эмиссия, выпуск в обращение денежных знаков, не обеспеченных товарной массой. Вот почему товары исчезают с прилавков: их стало не абсолютно, а относительно меньше. Абсолютные объемы производства товаров растут, но гораздо быстрее растет количество денег, выброшенных на рынок.

При значительном неравновесии (а масштабы дефицита в 1988—1989 гг. предопределили именно значительное неравновесие) размах инфляции становится таким, что в разряд дефицитных переходят практически все товары. Спрос больше не ограничивается естественным способом — границами платежеспособности населения. Неуверенность покупателей в надежности снабжения все чаще порождает вспышки ажиотажного спроса, когда «берут» не то, что необходимо, а то, что «дают», поскольку утрачивается уверенность в том, что завтра этот товар будет так же доступен. По оценкам специалистов, при возникновении подобной паники скачки спроса по сравнению с нормальным уровнем бывают четырехкратными и более, и трудно, оказывается, в короткий срок найти товарные запасы, чтобы успокоить рынок. А потом, после перенасыщения, может возникнуть затоваривание, и невозможно предвидеть, какой следующий товар будет выбит с прилавков очередной волной искусственного спроса,

порожденного недоверием к торговле. Известно, например, что в некоторых городах, когда ввели талоны на сахар, люди кинулись раскупать соль. Это хуже, чем дефицит отдельных товаров, с которым мы раньше имели дело. Это — разрушение рынка в целом, у него свои причины.

Такое состояние рынка, конечно, не может быть терпимо. Необходимо не просто преодолеть дефицитность бюджета, но преодолеть ее быстро и решительно. Это возможно лишь в одном случае: если не только увеличивать доходы бюджета, но и сокращать расходы. Было ли это сделано, когда дефицитность бюджета стала явной? Нет, даже наоборот: расходы государственных ведомств росли необычайно быстро. В то время как в соответствии с решениями об оздоровлении финансов были заморожены некоторые стройки, ведомства начали вдвое больше новых. Стало очевидно, что и в этой сфере правильные новые решения пришли в противоречие со старым механизмом их реализации. Экономическая реформа, постепенно переводящая предприятия на полный хозрасчет, заставляет трудовые коллективы беречь средства хозрасчетного дохода как свои кровные, от которых зависит личное благосостояние каждого и вместе с тем благополучие коллектива в целом и развитие предприятия. Но министерства и ведомства в ином положении. Расходуемые по их решениям централизованные средства государственного бюджета по-прежнему воспринимаются на практике как «ничьи». Преодолеть это можно только одним способом: резко изменить соотношение затрат, осуществляемых по решениям министерств и по решениям трудовых коллективов, в пользу последних. Ну а те проекты общенародного значения, которые все-таки необходимо осуществлять за счет ресурсов всего общества, они должны подлежать и обсуждению и контролю всего общества. Механизм их одобрения должен включать всенародное обсуждение и утверждение представительными органами, а не исполнительным аппаратом. Стало быть, речь идет не просто о внесении поправок в текущие планы — назрело принципиальное политическое решение, требующее перемен в функционировании аппарата власти. Выходит, и в этой сфере требуются изменения такого масштаба, что они также затрагивают привычные представления о самом облике социалистическо-

го строя, в том числе социалистического государства.

Вспомним: еще в сентябре 1917 г. Ленин писал, что «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»¹. Революционная практика с необычайной быстротой двинула вперед развитие марксистских взглядов на социализм по сравнению с дооктябрьскими теоретическими представлениями. Но именно в этом вопросе — о государстве-монополии — преодоление прежних умозрений оказалось наиболее долгим делом. Эту мысль Ленин развивал и в первые месяцы после Октября, разъясняя, что германская крупнокапиталистическая техника и планомерная организация есть «половинка» социализма, воплощение его экономических, производственных, общественно-хозяйственных условий, которое составило бы полный социализм при наличии политических условий, т. е. пролетарского государства. И переход к нэпу в 1921 г. поначалу не поколебал этого взгляда. Лишь после двух лет нэповской практики, приобретя опыт развития на здоровой экономической основе, Ленин пришел к выводу, что соединение социалистических начал с хозрасчетными, товарно-денежными, рыночными отношениями означает более глубокое преобразование и самых коренных представлений о характере создаваемого общественного строя. И тогда, уже в самых последних статьях, успел сказать, что социализм есть общество цивилизованных кооператоров, добавив к этому замечательные по глубине и смелости слова: «...и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»².

Эта мысль должна была положить начало огромной работе по формированию и детализации новой «точки зрения на социализм». Ленину не было уже дано времени на эту работу. Его непосредственные преемники уклонились от нее, а Сталин сделал все для того, чтобы слова эти были забыты, внедряя вместо них представление о громадном механизме с людьми-винтиками, общественными организациями в роли приводных ремней, партией-штабом и вождем на вершине. Сегодня, после десятилетий проб и ошибок, мы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.

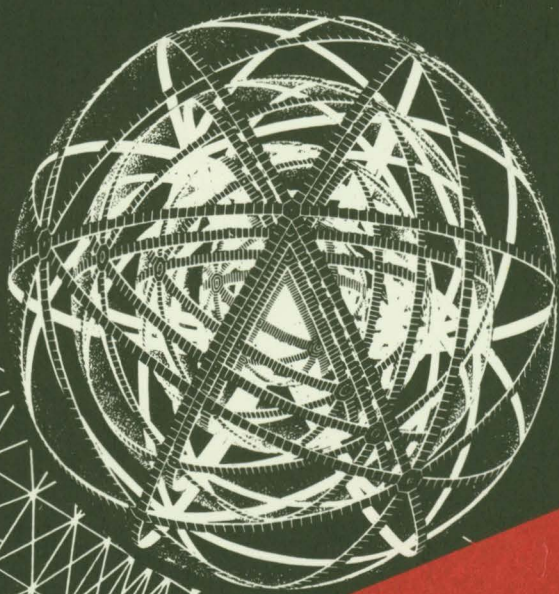
² Там же, т. 45, с. 376.

видим, что Ленин сумел в кратчайший исторический срок извлечь из накопленного революцией опыта единственно правильный вывод. Государственная монополия не решает всех вопросов, даже если государство пролетарское. Политическая система социализма должна характеризоваться более богатым демократическим содержанием.

XIX партконференция дополнила ранее принятые решения об экономической реформе решениями о реформе политической системы, сущность которых можно выразить одним лозунгом: «больше демократии, больше социализма». Завершен важный этап научной работы партии, созданы лучшие условия для ведущейся практической работы. Перестройка сделала уже очень много, но гораздо больше еще предстоит сделать, а значит, детальный и полный анализ опыта перестройки еще предстоит. Но один вывод можно уже сделать с полной уверенностью: как бы ни было трудно порой расставаться с иными окаменевшими представлениями и привычками, происходящие в стране перемены не означают ни малейшего отхода от подлинных, научных принципов социализма. Они на деле означают больше социализма.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
1. Поклонимся и поучимся	22
2. Нет исключения без правила	49
3. Обобществить на деле	91
4. Два типа централизма	134
5. «Перевернул проблему»	167
6. Проблема темпов	212
7. План и хозрасчет	262
8. Мы платим за все	302
9. Цена равновесия	353
10. Больше социализма	388

1. Поклонимся
и
поучимся
2. Нет исключения
без правила
3. Обобществить
на деле
4. Два типа
централизма
5. «Перевернул
проблему»
6. Проблема
темпов
7. План
и
хозрасчет
8. Мы
платим
за все
9. Цена
равно-
весья
10. Больше
социализма

Выйти
из
квадрата